институт истории

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

4(94) журнал выходит четыре раза в год

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Редакционная коллегия и редакция «Вестника древней истории» с глубокой скорбью извещают о тяжкой утрате — смерти главного редактора журнала академика

ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА С Т Р У В Е,

скончавшегося 15 сентября 1965 г.
после тяжелой, продолжительной болезни,
и выражают сердечное соболезнование
его семье и близким

Академик Н. И. Конрад ПОЛИБИЙ И СЫМА ЦЯНЬ

УШЕСТВУЕТ область науки, именуемая философией истории. Под этим названием фигурируют, однако, довольно различные вещи. Предметом философии истории может быть историческое знание как ковое — его природа, его границы, его формы; философия истории в этом гучае, собственно, — теория познания в приложении к истории. К филоэфии истории может быть отнесено изучение общих законов исторической пзни, раскрываемых в судьбах человечества; тут философия истории в щности — общая теория исторического процесса. Задачу философии стории могут видеть в выяснении вопроса о смысле истории: есть ли в т какой-либо смысл вообще, а если есть, то в чем он заключается; да и ю именно понимать под «смыслом», когда дело идет об истории? Филофией истории могут быть, наконец, названы размышления о пользе истоин: откладывается ли исторический опыт, пережитый человечеством, его последующих судьбах; влияет ли он на историческую деятельность одей; вообще научает ли он кого-нибудь чему-нибудь?

Существует большая литература, относящаяся к философии истории — том или ином ее понимании. Но в ней явственно различают две разноцности: есть произведения, написанные философами — представитевии каких-либо систем, прилагающих свои концепции к материалу истои, и есть сочинения, созданные историками, изучающими конкретный
торический материал и на его основе вырабатывающими свое понимание
торического процесса. Для первых характерно наличие определенной
пософской презумпции, определяющей всю их философско-историчеую концепцию; для вторых характерен эмпиризм — следование изуемому материалу и определяемость выводов этим изучением.

И тот, и другой вид философско-исторических сочинений встречается чти во все времена культурной жизни человечества — с той поры как обще появились историческая наука и философия. Наиболее древними этих сочинений являются два: «Всеобщая история» грека Полибия и стория» китайца С Цяня. Они — почти современники: время жизни рвого, старшего — 220 (203?) — 122 (120?) гг. до н. э.; второго, младго — 145—86 гг. до н. э. 1.

Конечно, и Полибий, и Сыма Цянь — не философы истории; они — эсто историки. И как историки они думали о том, чтобы как можно чше выяснить, что, когда и как происходило, и поведать об этом своим ременникам и потомкам. Но оба они не только собиратели сведений о шлом, но и мыслители, желающие не только узнать исторический ход

[🖟] Даты жизни Сыма Цяня указаны по Ван Го-вэю.

событий, но и понять его; а на основе этого — как-то предвидеть и будущее. Поэтому в трудах обоих древних историков присутствует и философско-историческая концепция. Ее особенность в том, что она выработалась у них на почве изученного ими исторического материала; ее ценность в том, что она как выражение исторических взглядов наиболее просвещенных людей своей эпохи сама по себе представляет замечательный материал для историка; ее значение в том, что это — первые вообще в истории науки попытки осмыслить исторический процесс. Поскольку же оба историка принадлежат к одному и тому же этапу исторической жизни человечества, который мы связываем с рабовладельческой формацией, постольку изучение их философско-исторических концепций дает дополнительный материал для освещения этой формации.

1

Концепция Полибия хорошо известна: она весьма ясно изложена в его «Всеобщей истории».

Изучив историю своего народа — эллинов, Полибий подметил наличие в ней трех форм государственной власти. Он назвал их царством (βασιλεία), аристократией и демократией. Различаются они по признаку количественному — в скольких руках эта власть находится: если у одного, это — царство (единовластие); если у нескольких, это — аристократия (власть немногих); если у многих, принципиально — у всех, это демократия (народовластие). Впрочем, как отмечает Полибий, это совсем: не его открытие: «Большинство писателей, — пишет он, — различают три формы государственного устройства, из коих одна именуется царством. другая — аристократией, третья — демократией» (VI, 3). Но тут же. видимо, внося нечто свое в это общее знание, он добавляет: «Не всякое единовластие может быть иазвано без оговорок царством, но только такое, в котором управляемые уступают власть по доброй воле и в котором властвуют не столько страх или сила, сколько рассудок. Аристократией надлежит признавать не каждое правление меньшинства, но только такое, при котором правящими людьми бывают справедливейшие и рассудительнейшие по выбору. Подобно этому нельзя называть демократией государство, в котором вся народная масса имеет власть делать все, что бы она ни пожелала и ни вздумала» (VI, 4). Это значит, что характеристику трех форм государственной власти Полибий строит не на одном количественном признаке: он вводит в нее признак качественный: царство — только тогда, когда власть добровольно отдается народом достойнейшему; аристократия — только тогда, когда власть отдается народом лучшим; демократия — отнюдь не власть всех и каждого; это — власть народа, как организованного целого, жизни и интересам которого подчинены жизнь и интересы каждого члена этого целого. Словом, царство, аристократия и демократия у Полибия — категории безусловно положительные: это — то хорошее в области государственного устройства, что люди сумели создать.

Но есть у Полибия и другие термины: монархия, олигархия и охлократия. Это также обозначения форм власти и также — по признаку количественному и качественному: монархия — власть, осуществляемая одним, но не достойнейшим, действующим по доверенности народа, а узурпатором, действующим по собственному произволу; олигархия — власть немногих, но не лучших, избранных народом, а кучки захватчи-

² Цитаты из «Всеобщей истории» Полибия приведены в переводе Ф. Г. Мищенка (см. Полибий, Всеобщая история в сорока книгах, пер. с греч. Ф. Г. Мищенка, т. II, М., 1895).

ков, преследующих свои личные цели; охлократия — власть народа, но не как организованного целого, а как стихийно действующей массы, толпы. Таким образом, трем положительным формам власти Полибий противопоставил формально-аналогичные, но отрицательные.

Но оказывается, — и это особенно замечательно у Полибия, — что отрицательные формы власти связаны с положительными; связаны, как Полибий говорит, по закону природы: каждая положительная форма переходит в отрицательную — монархия есть перерождение царства, извращенная форма последнего, олигархия — то же по отношению к аристократии, охлократия — к демократии. И — что еще важнее — такое же отношение проявляется не только внутри каждой пары формально однородных видов власти, но и между формально разнородными видами «Когда царское управление переходит в соответствующую ему по природе извращен. ную форму, т. е. в тиранию, тогда в свою очередь на развалинах этой последней вырастает аристократия. Когда затем и аристократия выродится по закону природы (т. е. по общему закону вещей. — Н. К.) в олигархию и разгневанный народ выместит обиды правителей (т. е. нанесенные правителями. — Н. К.), тогда нарождается демократия. Необузданность народной массы и пренебрежение к законам порождает с течением времени охлократию» (VI, 4). «Демократия разрушается и в свою очередь переходит в беззаконие и господство силы... Толпа, привыкнувшая кормиться чужим и в получении средств к жизни рассчитывать на чужое состояние, вожди отважного честолюбца, а сама вследствие выбирает себе в бедности устраняется от должностей. Тогда водворяется господство силы, а собравшаяся вокруг вождя толпа совершает убийства, изгнания, переделы земли, пока не одичает совершенно и снова не обретет себе властителя и самодержца» (VI, 9). «Таков круговорот государственного общежития, таков порядок природы, согласно которому формы правления меняются, переходят друг в друга и снова возвращаются», — заканчивает Полибий (VI, 9).

это? — Законченная конпеппия исторического круговорота? На такую мысль наталкивает сам Полибий своими словами о круговороте (ἀναχύχλησις) человеческих судеб (VI, 9, 10). Так понимают и многие авторы работ, излагающих философско-исторические теории. Некоторые из них видят в Полибии не только представителя теории круговорота, но даже ее основоположника. Так полагает, например, К. Ловит — один из новейших авторов, пишущих по этим вопросам; он считает, что Полибий своими рассуждениями хотел сказать, что «история протекает как круговорот политических перемен» 3. Такого же мнения придерживается и современный восточный адепт теории цикличности истории Ян Син-тин 4. Однако это была бы действительно концепция круговорота, если бы Полибий не усмотрел в истории — в области форм государственной власти ничего, кроме царства, аристократии и демократии и их противоположностей — монархии, олигархии и охлократии. Но он показал наличие и еще одной формы, которую он усмотрел в государственном устройстве Римской республики его времени. Следует помнить, что Полибий жил, когда в Риме в полной силе были еще старые республиканские институты консулы, сенат и комиции, и именно этим он объясняет тот взлет римского могущества, свидетелем которого было его поколение. Он сам непосредственно наблюдал победоносную борьбу Рима с Македонией; присутствовал в войсках Сципиона Эмилиана при взятии Карфагена; видел разрушенный Коринф и многое-многое другое того же рода. «Каким

³ Karl L ö w i t h, Weitgeschichte und Heilsgeschehen, Stuttgart, 1953, стр. 16—17; «Die Geschichte verlauft als Kreislauf von politischen Umlaufen».

⁴ 楊杳庭. 歷史週期法則論. 東京. 弘文堂. 1961, crp. 125-126.

образом и силою каких учреждений римляне в течение неполных 53-х лет покорили почти всю обитаемую землю и подчинили ее своему безраздельному владычеству; раньше не было, ведь, ничего подобного?» (VI, 1),— задает он себе вопрос. И отвечает: «В государстве римлян были все три власти, поименованные мною выше, причем все было распределено между отдельными властями и при помощи их устроено столь равномерно и правильно, что никто даже из туземцев не мог бы решить: аристократическое ли было все управление в совокупности, или демократическое, или монархическое» (VI, 11). В глазах Полибия в консульской власти был воплощен принцип царства, во власти сената — принцип аристократии, в комициях — демократии. Причем эти три органа власти, как считает Полибий, взаимно ограничивали друг друга. Именно такое равновесие всех видов власти и создало то преимущество, которое дало возможность Риму подчинить себе чуть ли не весь обитаемый мир — ойкумену древних эллинов (VI, 15—18).

Таким образом, оказывается, что существовала и еще одна форма власти, так сказать,— синтетическая, в которой на основе взаимного ограничения и контроля действовали принципы царства, аристократии и демократии. Следовательно, круговорот этих трех форм отнюдь не обязателен во всех случаях. Но, видимо, круговорот вообще все же в глазах Полибия существует, если только понимать круговорот в аспекте общего закона бытия— «силы природы», как он говорит: «Все существующее подвержено перемене и порче: в том убеждает нас непреоборимая сила природы...».

Эти слова Полибия проливают свет на существо его исторической кондепции. Смена политических форм для него, конечно, несомненный факт, но в этом факте он видит действие не какого-то особого закона, присущего только истории, а общего закона всякого бытия. На исторической концепции Полибия, видимо, отразилось его мировоззрение, а что такой тип мировоззрения эллинам был свойствен, свидетельствует учение Пифагора с его идеей противоположностей вообще и перехода одной противоположности в другую, в частности. Только у Полибия эта идея представлена в чисто человеческом плане, а не в том всеобщем, универсально физическом, в каком она дана у пифагорейцев. У них переход одной противоположности в другую есть результат взаимодействия двух противоположных начал, заложенных в самой природе вещей, — начала положительного и отрицательного; у Полибия же смена одной политической системы другой, ей противоположной, вызывается «порчей» первой, т. е. чем-то характерным именно для человеческих представлений. Вдобавок в общую формулу смены видов бытия Полибий вносит еще одну черту, которая, видимо, составляет в его глазах специфику таких смен, когда они происходят в человеческом обществе: «Всякая форма правления,— пишет он,— может идти к упадку двояким путем, так как порча или проникает в нее извне или зарождается в ней самой. Первая не подчиняется каким-либо неизменным правилам, тогда как для второй существует норядок от природы» (VI, 57). Другими словами, в истории, по мнению Полибия, действуют два различных фактора: случайность и закономерность. Смена форм государственной власти вообще для Полибия — закономерность; и то, что эта смена в целом протекает по принципу перехода противоположностей одна в другую для него, по-видимому, -- конкретное содержание этой закономерности, обусловленное принадлежностью и человеческой жизни к общей жизни всего сущего, в которой действует «сила природы» — общий закон смены противоположностей. Но для исторического процесса характерно, однако, действие не только закономерности, но и случайности. Именно так, как мне представляется, и следует понимать философско-историческую концепцию круговорота в том виде, в каком она дана у Полибия. Следует понимать ее диалектически, а отнюдь не формально натуралистически, как представляли себе круговорот бытия некоторые позднейшие пифагорейцы или их толкователи, вроде Эвдема: «Если верить пифагорейцам,— говорил он своим ученикам,— то я когда-нибудь с этой же палочкой в руках буду опять так же беседовать с вами, точно так же, как теперь, сидящими передо мной, и так же повторится все остальное» ⁵. Предполагать, что Полибий мог как-нибудь в этом роде представлять себе круговорот истории было бы, как мне кажется, ошибкой. Круговорот пстории не повторение одних и тех же политических форм, а диалектическое возобновление их в процессе исторического развития; диалектическое, т. е. каждый раз с новым содержанием.

2

В «Истории» Сыма Цяня есть одно замечательное место. В главе о Гао-цзу, основателе Ханьской империи, он говорит об основном принципе правления этого императора — том принципе, на котором, по мнению китайского историка, утвердилась вообще вся власть Ханьского дома. Но перед тем, как сформулировать этот принцип, Сыма Цянь делает обзор принципов правления предшествующих владетельных домов, правивших в Китае до Хань; он говорит о принципах правления трех, в его представлении сменявших друг друга, древних царств — Ся, Инь и Чжоу. Каждый из этих принципов он определяет одним словом: в Ся это был принцип чжун (法), в Инь—цзин (故), в Чжоу—вэнь (文).

Слова эти хорошо известны каждому, соприкасавшемуся с историей общественной мысли в Китае. В ней они — термины и притом из числа важнейших. Несомненными терминами они являются и у Сыма Цяня. Ключ к их пониманию следует искать в той сфере идей, к которой эти тер-

мины принадлежат.

Как мы знаем из всей истории философии в Китае, термины эти сложились в том направлении философской мысли, которая связана с именем и учением Конфуция. Время Сыма Цяня (II—I вв. до н. э.) — эпоха образования исторически первой системы этого учения. Факт этот соединен с именем Дун Чжун-шу, старшего современника великого китайского историка. Дун Чжун-шу сделал первое и главное для создания системы: установил ее канон — письменные памятники, в которых, как он считал, были заложены основы той мировоззренческой системы, разрабатывать и насаждать которую он стремился. Из всего древнего наследия своей письменности он отобрал четыре сочинения — Ши, Шу, Ли и Йо, добавив к ним пятое, возникшее позднее и считавшееся произведением самого Конфуция — Чуньцю, летопись царства Лу. Эти пять произведений были объявлены изин'ами — «основами», т. е. книгами канона. Так образовалось — в своем первом по времени составе — конфуцианское «Пятикнижие», — У-изин, сам же Дун Чжун-шу стал «у-цзин боши» — «доктором Пятикнижия». Это было в 136 г. до н. э., когда Сыма Цяню было только 9 лет. Следовательно, когда он вошел в зрелый возраст, конфуцианская доктрина существовала уже в оформленном виде.

5 Цитаты по кн. Теодор Гомперц, Греческие мыслители, пер. Е. Герцих и Д. Жуковского, СПб., 1911, стр. 121.
6 Как будет видно из дальнейшего, автор предлагает свои переводы всех этих тер-

⁶ Как будет видно из дальнейшего, автор предлагает свои переводы всех этих терминов, не совпадающие с традиционными, а также — и это особенно в данном случае важно — иное понимание их, как и понимание всей концепции Сыма Цяня. О традиционном (и совершенно недостаточном, как полагает автор) понимании этих терминов см. новейшие работы: Ssu-ma Ch'ien, Grand Historian of China, by Burton Watson, N. Y., 1958, Columbia University Press, стр. 12—13, 26; 小竹文夫, 小竹武夫: 史記現代-語譯. 太記. стр. 234.

В составе «Пятикнижия» мы не находим того сочинения, наличие которого в этом случае казалось бы естественным: не находим Луньюя, а именно в нем ближайшим образом и излагается учение, соединяемое с именем Конфуция.

Как к этому отнестись? Объяснять отсутствие Луньюя в составе «Пятикнижия» тем, что он не был тогда известен, нельзя. Сведения о культуре и просвещении в Китае во времена Ханьской империи, которыми мы располагаем, удостоверяют, что Луньюй был тогда известен, что существовали даже различные списки этого произведения. Дело, по-видимому, заключается в том отношении к нему, которое тогда установилось, во всяком случае у людей, подобных Дун Чжун-шу: для них Луньюй был не источником конфуцианства как определенной доктрины, а разъяснителем ее. В этом отношении Дун Чжун-шу следовал тому, что сказал о себе, о своей деятельности сам Конфуций: что он ничего не изобретает, а только передает, передает же он то, что создано еще в древности; и передает потому, что преклоняется перед этой древностью, верит в нее (Луньюй, VII, 1). Как мы знаем, Луньюй и позднее не включался в состав «Пятикнижия», даже в Сунскую эпоху, когда он был особенно высоко вознесен. Даже для сунцев он был не цзин'ом, а только шу — «книгой». Правда, книгой с большой буквы, каких в глазах сунцев было всего четыре: Луньюй, Мэн-цзы, Чжун юн и Да сюэ. Из них две последние были извлечением из Ли-цзи, т. е. одной из книг древнего канона, извлечением, получившим у сунских философов значение совершенно самостоятельных произведений; книга же Мэн-цзы принадлежала уже не к древности — той, перед которой преклонялся Конфуций, а к средней поре китайской античности, т. е. к той большой эпохе, к которой принадлежал и Конфуций, эпохе, в исторической литературе Китая обозначаемой наименованием Чуньцю-Чжаньго (VIII—III вв. до н. э.). По своему содержанию эта книга могла встать рядом с Луньюем, так как в ней не устанавливались какие-то новые идеи, во всяком случае в глазах сунцев, а, как и в Луньюе, разъяснялась и развивалась та доктрина, которая создалась в древности. Именно о таком принципиальном отличии и говорят разные в китайском языке обозначения «Пятикнижия» и «Четверокнижия»— У-изин («Пять .Цзинов») и Сы-шу («Четыре Книги»).

Все это, однако, никак не может быть истолковано как показатель недостаточно высокой оценки самого Конфуция. Наоборот, именно о самой высокой оценке его личности и учения говорят два знаменательных факта. Первый — то, что Чуньцю, т. е. сочинение, считающееся принадлежащим самому Конфуцию, было включено в состав «Пятикнижия», т. е. поставлено в ряд с теми памятниками древности, которые были наивысшим авторитетом для самого Конфуция. Второй — то, что остальные части «Пятикнижия» были составлены из тех произведений древности, на которые указал не кто иной, как Конфуций. В Луньюе прямо и точно сказано: «то, о чем Учитель постоянно говорил, были Ши, Шу и Ли» (Луньюй, VII, 17). Рядом же с Ши, «Песнями», и Ли, «Законами», он в другом месте поставил Йо, «Музыку»: «на "Песнях" поднимаются, на "Законах" утверждаются, на "Музыке" завершаются» (VIII, 8).

Все это и позволяет подойти к определению того, как следует понимать термины чжун, цзин и вэнь, которыми Сыма Цянь обозначил принципы правления древних царств, через раскрытие того значения, которое эти слова получили в конфуцианстве и притом ближайшим образом в Луньюе: в нем о чжун, цзин и вэнь говорится много, причем как об очень важных категориях.

О том, насколько важное место в учении Конфуция занимает то, что бозначено словами чжун и вэнь, говорит то место в Луньюе, где чжун и

вэнь поставлены в ряду «четырех предметов», которым учил Конфуций: вэнь (文), син (行), чжун(忠) п синь (信) (VII, 24).

Что такое вэнь в системе Луньюя? Это — то, что противопоставляется таким категориям, как cяo — сыновнее служение родителям, как ∂u \perp долг младшего брата по отношению к старшему, как $a \ddot{u} - \pi$ юбовь ко всем, т. е. к людям вообще (I. 6). Вэнь, однако, противопоставляется этим категориям не как нечто, несовместимое с ними, а как нечто иное по своей природе: сыновний долг, братская обязанность, любовь к людям в концепции Луньюя — свойства человеческой природы, т. е. нечто, заложенное в ней. При этом природа мыслится не физическая, а общественная. В Луньюе устанавливаются и сферы, в которых проявляется эта общественная природа человека: она проявляется в его отношении к родителям, братьям, т. е. к семье и ко всем людям вообще. Именно в такой любви ко всем, как говорится в рассматриваемом отрывке Луньюя, ближе всего и проявляется то начало, которое составляет суть общественной природы человека: начало жэнь — «человечности». Недаром сам знак, которым передается это слово, состоит из символов двух соединенных вместе людей. И на прямой вопрос, что значит жэнь, «человечность», человеческое начало в человеке, Конфуций ответил: «любовь к людям» (XII, 21).

Вэнь — категория другого порядка. Человечность, любовь к другому свойства самой человеческой натуры, но вэнь — нечто приобретаемое. Поэтому вэнь даже — вэньсюэ, т. е. особая сфера деятельности человека как существа общественного. В Луньюе перечислены области такой деятельности: говоря о своих учениках, Конфуций замечает, что одни из них (он их, конечно, называет) лучше всего проявляют себя в нравственном поведении ($\partial \sigma cuh$), другие — в ораторском искусстве (яньюй), третьи в политических делах (чжэнши), четвертые — в «науке о вэнь» (вэньсюэ) (ХІ, 2). Оставляя пока в стороне вопрос о содержании этого понятия, мы на основании указанного отрывка можем с определенностью сказать, что 69Нь относится к тому, что существует в организованном человеческом обществе, т. е. в той сфере, которая выходит за пределы проявления прирожденных свойств человеческой натуры, в сфере, созданной человеком. Естественные свойства человеческой природы в Луньюе обозначаются словом чжи (質), и в одном месте Луньюя это чжи прямо противопоставляется тому, что обозначается словом вэнь. Оба эти начала могут даже вступать в конфликт друг с другом: одно может возобладать над другим. Но что же тогда получается? Если чжи, т. е. естественные свойства человеческой натуры, возобладают в человеке над вэнь, получится е — дикость, дикарство. Столь же нехорошо, если вэнь возобладает над чжи: тогда получится то, что Луньюй обозначает словом ши в таком контексте, получающем смысл того, что мы назвали бы «ученостью», употребляя это понятие в отрицательном плане - как чисто формальное знание.

Что же в таком случае то, что не является принадлежностью самой человеческой природы, а чему человек научается, что он приобретает в организованном обществе? Я позволил бы себе предложить наше слово «культура». Одни природные свойства человека, если они господствуют в нем над всем прочим, действительно, с точки зрения организованного общества, приводят к дикости; но если приобретенная человеком культура подавляет (в тексте сказано образно: «побеждает») его естественные свойства, получается лишенная жизненного значения образованность, «ученость».

В пользу такого понимания слова вэнь говорит и одно крайне знаменательное указание Луньюя: вэнь, т. е. в предлагаемом толковании «культура», является категорией исторической; о ней можно говорить только с эпохи Чжоу (III, 14) и никак не раньше — ни в эпоху Инь, ни во времена

Ся. Чжоу же для Конфуция — именно то время, когда появилась культура. Основатель Чжоуского царства носит имя Вэнь-ван, т. е. представлен не то как носитель вэнь, не то как даже олицетворение этого начала. О том же, что конкретно несло с собой это начало, мы узнаем из Чжоу ли, «Чжоуского Законника»— собрания правил и норм общественной и государственной жизни этого царства. Установление этих правил и норм считается делом младшего сына Вэнь-вана — Чжоу-гуна, после смерти своего старшего брата управлявшего царством Чжоу от имени сына последнего — Чэн-вана. Нам хорошо известны вполне обоснованные сомнения в подлинности данных, приведенных в этом памятнике, сомнений как в их историчности в целом, так и в допустимости приурочивания их ко временам Чжоуского царства, если кое-что историческое в этих данных и есть. В данном случае, однако, важно то, что в Луньюй вэнь ассоциируется с Чжоу, и героем Чжоу для Конфуция был именно Чжоу-гун. В Луньюе даже приводится восклицание Конфуция: «Ужасно! Как я опустился! Уже давно я не вижу во сне Чжоу-гуна» (VII, 5). С именем же Чжоу-гуна связаны в представлении Конфуция все установления Чжоуского царства, делающие его упорядоченным, организованным, т. е. культурным обществом. Вот это новое, что началось именно с Чжоу, Конфуций и назвал вэнь. Поэтому наше слово «культура», как обозначение того, что создается человеческим обществом на этапе выхода его из состояния первобытности, и может быть подходящим для передачи китайского вэнь, как оно употреблено в Луньюе.

Следует заметить, однако, что вэнь, культура, отнюдь не сводится к ли, «правилам» или «законам», как можно подумать по Чжоу ли. Вэнь и ли — категории одного порядка в смысле своей принадлежности к жизни организованного человеческого общества, но они различны по своим функциям в этом обществе. Это со всей ясностью показано в Луньюе в известных словах Янь Юаня. Говоря о том, как искусно его учитель руководит людьми, этот любимый ученик мудреца отметил: «расширяет он меня при помощи вэнь, сдерживает меня при помощи ли» (IX, 10). В этой формуле выражена мысль, что культура «расширяет» человека, т. е. обогащает его большим внутренним содержанием; законы же, т. е. то, что регулирует жизнь и действия человека в организованном обществе, держат его в определенных рамках.

Но из того, что вэнь, «культура», и ли, «законы», различны по своим общественным функциям, нельзя делать вывод, что они как бы противостоят друг другу. В другом месте Луньюя в уста уже самого Конфуция вложены слова: «если цзюньцзы широко изучает вэнь и сдерживает себя с помощью ли, они у него не противостоят друг другу» (VI, 25). Цзюньцзы, как известно, в Луньюе — обозначение человека как носителя самых высоких моральных и интеллектуальных качеств. Поэтому у такого человека расширение его духовного мира культурою естественно проходит в рамках «законности», т. е. общезначимых устоев жизни организованного общества.

Для полного понимания существа того, что Конфуций обозначил словом вэнь, важно учесть еще одно примечательное место Луньюя. В нем приведен разговор между Цзи Цзы-чэном и Цзы-гуном. Второй — один из выдающихся учеников Конфуция, первый — важный сановник Вэйского царства. Он будто бы возмущался пристрастием людей своего времени к культуре. Говоря об этом с Цзы-гуном, он с негодованием воскликнул: «Цзюньцзы — весь в своей естественной природе! Чего же ему еще обращаться к культуре?». Цзы-гун на это заметил: «Я жалею, что Вы заговорили о цзюньцзы... За сказанным и на четверке коней не угонишься! Культура есть то же, что и естественная природа человека; естественная

природа — то же, что и культура. Кожа тигра или леопарда — такая же, как и кожа собаки или овцы» (XII, 8). Сравнение в этом тексте разъясняет мысль Цзы-гуна: шкуры у тигра или леопарда, конечно, другие, чем у собаки или овцы, но кожа у них, как таковая, т. е. без покрова из шерсти, — одинаковая. Этим Цзы-гун хотел сказать, что у изюньцзы, т. е. настоящего человека, данное ему его человеческой природой и приобретенное им в жизни общества не противостоят друг другу, а превращаются в одинаковую принадлежность его личности. Поэтому-то в приведенном выше отрывке Конфуций противопоставил эти оба начала тогда, когда нарушена их гармония, когда какое-нибудь одно начало «побеждает» другое. При победе в человеке его естественной, т. е. как бы стихийной, природы он впадает в дикость, при победе же в нем культуры — в формальную, т. е. нежизненную, ученость. Так бывает, но в идеале — у изюньцзы — этого быть не может.

Таким образом, основой, на которой была, по мнению Сыма Цяня, построена власть в одном из трех древних царств, была «культура», культурное начало в человеке.

Чжун — другая из трех, перечисленных Сыма Цянем основ правления, так же, как и вэнь, приводится в списке тех четырех предметов, которым Конфуций учил своих учеников. Что же значит чжун в Луньюе?

Одно — несомненно: чжун — такое свойство человека, которое проявляется в отношениях его с другими. В уста Цзэн-цзы, одного из самых выдающихся учеников Конфуция, вложены такие слова: «Я трижды на день проверяю себя: в своих заботах о ком-либо был ли я чжун? В своем общении с друзьями был ли я синь?» (I, 4). Что значат слова чжун и синь в этом контексте?

В европейских языках бывают случаи, когда лучший свет на значение слова, во всяком случае — первоначальное, проливает его внутренняя форма, открываемая его этимологией. На внутреннюю форму китайского слова своеобразно указывает «внутренняя форма» его письменного знака, раскрывающаяся в его графике. Внутренняя форма знака, обозначающего слово чжуи, представляет соединение символов «середина» и «сердце». Следовательно, чжуи означает что-то, идущее из самого сердца. Не это ли значение заложено в русском слове «прямодушие»? Смысл слова синь, если обратиться к нему также через «внутреннюю форму» его письменного знака, основан на соединении двух понятий: «слова» (речи) и «человека». Дело идет, следовательно, о том, что должно быть признаком слова, когда оно обращено к другому. Учитывая различные случаи употребления этого слова, думаю, что смысл его по-русски следует передавать словом «правдивость».

Если подставить эти русские слова в приведенный выше перевод, слова Цзэн-цзы будут звучать так: «Я трижды на день проверяю себя: в своих заботах о ком-либо был ли я прямодушен? В своем обращении с друзьями был ли я правдив?». Иными словами, не исходила ли забота о людях из чего-либо другого, а не от сердца, только от сердца; не примешивалось ли в то, что я говорю друзьям, что-либо фальшивое, лживое?

Уяснить себе значение чжун в этом отрывке помогает, как видно из приведенного текста, сопоставление этого понятия с другим, выраженным в данном случае словом синь. Не менее выразительно сопоставление его и с другим понятием, обозначаемым словом шу (如). Оно дается в известном отрывке Луньюя, считающемся одним из важнейших для характеристики центральной идеи всей доктрины Конфуция. В нем сообщается, как Конфуций, обращаясь к Цзэн-цзы, т. е. к тому своему ученику, который, как это представлено в Луньюе, сумел наиболее глубоко проникнуть в мысли своего учителя, сказал: «Шэн! Путь мой — в одном. И этим одним

я пронизываю все». Реакция Цзэн-цзы на эти слова была очень своеобразна: он сказал только одно слово: «Да!», т. е. как бы «понимаю». Но другие ученики ничего не поняли и, как только учитель вышел, тут же пристали к Цзэн-цзы: «О чем это он тут сказал?». Цзэн-цзы ответил им так: «Путь Учителя это — чжун и шу и только». «Внутренняя форма» письменного знака чжун, как указано выше,— «середина сердца»; «внутренняя форма» знака шу — «подобие сердца». Понятие, выраженное словом шу, следовательно, означает что-то вроде «чувство подобия»: чувствовать то же, что чувствует другой. Если чжун передать по-русски словом «прямодушие», то не будет ли китайскому слову шу соответствовать русское «отзывчивость»? «Путь Учителя это — прямодушие и отзывчивость и только!», — сказал Цзэн-цзы. И если понимать, что «Путь» этот, как свидетельствует все содержание Луньюя, есть жэнь, «любовь к людям», то не становится ли ясным, что Цзэн-цзы, поняв своего учителя по одному его слову, раскрыл, в чем в первую очередь и состоит эта любовь к людям?

Таким образом, чжун, прямодушие,— не простое наименование какого-то свойства человека, а обозначение качественное, оценочное и притом в самом положительном смысле: это свойство входит в состав высшего, чем по Конфуцию обладает человек: в состав жэнь, любви к людям. В ответ на вопрос одного из своих собеседников «Что значит обладать жэнь?», Конфуций ответил: «Если ты, сидя на месте, сохраняешь выдержку; делая какое-либо дело, бываешь предан ему; общаясь с людьми, относишься к ним со всем прямодушием, можешь отправляться хоть к самим варварам,— и там ты будешь нужен!» (XIII, 19).

Луньюй говорит о прямодушии в разных случаях. Так, например, оно проявляется в отношении родителей к детям: «Любя сына, можешь ли ты не заставлять его трудиться? Относясь к нему со всем прямодушием, можешь ли не поучать его?» (XIV, 8). Прямодушие проявляется в отношении слуги к государю. Дин-гун, правитель царства Лу, как-то спросил Конфуция: «Как государь должен пользоваться службой своих слуг? Как слуги должны служить своему государю?», Конфуций на это ответил: «Государь, пользуясь службой своих слуг, должен делать это по закону; слуга, служа своему государю, должен делать это со всем прямодушием» (III, 19). Прямодушие проявляется не только в отношениях с людьми, по-своему оно проявляется и по отношению к делу. Цзы-чжан, один из учеников Конфуция, говоря об одном важном сановнике, который три раза призывался на службу и три раза отстранялся, недоуменно заметил: «Когда его призывали на службу, он не выражал радости; когда его отстраняли, он не выражал недовольства... И каждый раз со всей тщательностью передавал все дела». Цзы-чжан не мог понять такое поведение. Конфуций разъяснил ему одним словом: «Это объясняется его прямодушием» (V, 8), т. е. не осложенным никакой посторонней мыслыю, никаким посторонним чувством отношением к делу. О прямодушии, как о том, что характеризует должное отношение к своему делу, говорится и в словах Конфуция Цзы-чжану в ответ на вопрос последнего, как следует заниматься делами правления: «когда сидишь в покое, не впадай в леность; когда действуешь, будь прямодушен!» (XII, 14). Прямодушие может проявляться и в отношении к своим словам. Очень выразительно сказано об этом в том месте Луньюя, где перечисляются «девять дум» изюньизы, т. е. человека высоких достоинств: «Он думает о том, чтобы видеть — ясно, слышать — с пониманием; чтобы выражение лица было приветливое, чтобы манеры были благопристойные; чтобы в словах было прямодушие; чтобы в делах было уважение к ним; чтобы при сомнениях — спрашивать, при гневе — помышлять о беде, при получении чего-либо — помышлять о должном» (XVI, 10).

Весь этот разнообразный материал, могущий быть привлеченным для выяснения значения слова *чжун*, позволяет, как мне кажется, понять его как русское «прямодушие» в смысле не осложненного ничем, идущего от самого сердца отношения ко всему — и к людям, и к делу. В связи с этим *чжун* может принимать те же оттенки смысла, которые в разных контекстах может принимать и русское «прямодушие». В словарях русского языка слово «прямодушный» толкуется и как искренний, прямой, откровенный, и как чистосердечный; слово «прямодушие» понимается прежде всего как отсутствие лицемерия, чистосердечность. Подобные оттенки и надлежит иметь в виду, употребляя русское слово «прямодушие» как перевод китайского *чжун*.

Таким образом основой, на которой, по мнению Сыма Цяня, была построена власть в другом из трех древних царств, было «прямодушие» как свойство человеческой природы.

Основа, на которой была, как считает Сыма Цянь, построена власть в третьем царстве, обозначена им словом *цзин*. Для выяснения его значения

обратимся, как и в обоих предыдущих случаях, к Луньюю.

В очень ясном смысле это слово употреблено в тех местах Луньюя, где говорится об отношении к родителям. На вопрос одного из участников, в чем состоит сяо, служение родителям, Конфуций ответил так: «В наше время служением родителям называют заботу о них. Но о собаках и лошадях также заботятся. Если родителей при этом не чтить (цзин), то чем же забота о них будет отличаться от заботы о собаках и лошадях?» (II,7). Передача китайского слова цзин в этом случае русским словом «чтить», напрашивается сама по себе. Такой перевод оказывается удобным и для другого отрывка, где говорится также об отношении к родителям. Для понимания этого отрывка необходимо учитывать, что в служение родителям по Луньюю входит также и «увещевание» их, т. е. призыв к родителям не поступать так, как они поступают, если сын видит, что эти поступки заслуживают порицания. Только нужно понимать границы таких увещаний: «Если, служа родителям, несколько раз обратишься к ним с увещанием и видишь, что они не слушают твоих увещаний, чти (цзин) их и не противься. Трудись для них и не питай к ним злобы!» (IV, 18).

То же слово изин употреблено и для обозначения отношения человека к «богам и демонам». Русское слово «чтить» здесь так же уместно, как и при переводе изин как отношения к родителям. Как-то раз Конфуция спросили: «Что такое знание (чжи)?». И он ответил так: «Делать должное по отношению к людям, чтить богов и демонов и держать их в отдалении 7. Это и есть знание» (VI, 20). Столь же естественно русское «чтить» и для обозначения отношения народа к правителю. Это легко усматривается из того отрывка, в котором Конфуций перечисляет четыре «пути» изюньизы, т. е. человека высоких достоинств: «В своем отношении к себе он выдержан; в своем служении правителю он почтителен (цзин); в своей заботе о людях он милосерден; в своем обращении с людьми он придерживается должного» (V, 15). О том же говорится и в другом отрывке, где приводится разговор Конфуция с Фань-чи: «Фань-чи попросил научить его возделывать хлеба. Учитель на это сказал: это лучше меня сделает старый земледелец. Тогда Фань-чи попросил научить его разводить овощи. Учитель на это сказал: это лучше меня сделает огородник. Фань-чи вышел, и Конфуций сказал: Малый человек этот Фань-чи! Если правитель придерживается законов (ли), народ не смеет не чтить его. Если правитель придерживается должного, народ не смеет не подчиняться ему. Если

⁷ Слова «держать в отдалении» следует понимать как выражение почтения, как мысль о том, что человек не может как-то приближать божества к себе.

правитель придерживается правды, народ не смеет не относиться к нему с добрым чувством. А если будет так, люди со всех сторон придут к нему, неся на спине своих малых ребят. Чего же тут думать о возделывании хлебов?» (XIII, 4).

Пригодность перевода *цзин* русским «чтить» (почитать) удостоверяется и еще одним случаем употребления этого слова в Луньюе, где оно прилагается к законам (ли). «Быть правителем и не быть великодушным, создавать законы и не чтить (цзин) их, присутствовать на похоронах и не скорбеть — на что же мне тогда в нем смотреть?»,— сказал однажды Конфуций (III, 26).

Таким образом, становятся ясными те три основы правления, о которых говорит Сыма Цянь. В царстве Ся в правлении опирались на чжун, на присущее человеческой природе прямодушие; в царстве Инь — на цзин, на заложенный в человеке инстинкт почитания; в царстве Чжоу — на вэнь, на культуру как элемент человеческой личности и общественной жизни. Такими были три опоры государственной власти, которые усмотрел в истории китайского народа его первый историк.

3

Как показала история, на этих трех атрибутах человеческой природы можно было построить систему управления людьми, режим государственной власти. Но та же история свидетельствует, как выходит по Сыма Цяню, что режим этот в каждом случае в конце концов терпел крах и сменялся другим. А это было одновременно крахом и самой власти, создавшей такой режим: она уступала место другой. Так, власть, представленную царством Ся, сменила власть царства Инь, последнюю — власть царства Чжоу, после падения которого установился новый порядок — режим империи Хань. Почему же все это произошло?

По концепции Сыма Цяня такая смена вызывалась тем, что в каждой системе власти был заложен свой «вред», как он пишет, который в конечном счете и приводит ее к краху. Вред, заложенный в принципе опоры на прямодушие, т. е. на ничем не осложненную натуру человека, проявляется в том, что такая натура, предоставленная себе самой, приводит к тому, что Сыма Цянь обозначил словом е (野).

Слово это, так же как и чжун, встречается в Луньюе, и выше оно было уже приведено. С полной ясностью своего смысла оно встречается в том отрывке, где говорится, что происходит, когда в человеке над еэнь, культурой, получает преобладание чжи, естественные свойства его природы, так сказать ее «материя»: человек становится дикарем. Именно о таком значении говорит само слово е: оно значит «поле», но поле необработанное, т. е. дикое. Таким образом, власть, думающая управлять людьми, опираясь на одно прямодушие, создает условия, обрекающие людей на дикарство.

В парстве Инь это поняли и выбрали другую опору. Было учтено наличие в человеческой природе особого инстинкта, проявляющегося ближайшим образом в отношении человека к своим родителям, — инстинкта почитания, и сделана попытка построить власть именно на этой основе. Инстинкт почитания, обращенный на родителей, может быть обращен и на правителей, на самую власть, на закон (ли). Выше были приведены отрывки из Луньюя, говорящие именно об этих объектах почитания. Оказалось, однако, что и эта опора имеет свой «вред»: она привела к тому, что Сыма Цянь определил словом гуй (鬼). Гуй — демон, как элемент сложного слова гуйшэнь (鬼神), буквально — демоны и боги, т. е. божества.

Существует довольно устойчивая традиция передачи этого гуй в данном тексте Сыма Цяня на других языках словами со смыслом русского «суеверие». Так передано слово гуй и в указанных двух новейших работах, посвященных Сыма Цяню—американской и японской (см. прим. 6). Однако согласиться с таким переводом нельзя: он основан на неверном, как мне кажется, понимании китайской мысли.

Что такое «суеверие»? Вера во что-то либо несуществующее, либо незначительное. «Суеверие» всегда противопоставляется «истинной вере» вере в подлинно могучие силы. Приписать такие же представления китайцам времен Сыма Цяня, во всяком случае для объяснения значения слова гуй, нельзя. «Демоны» (гуй) в его представлении стоят рядом с «богами» (шэнь). Это видно даже из приведенного отрывка из Луньюя: когда Конфуция спросили, как он относится к богам и демонам, он ответил: «Я их чту, но держу их от себя в отдалении». Как было пояснено выше, эти слова выражают самое благоговейное отношение к богам и демонам, т. е. не только к «богам» $(m \ni h \mapsto h)$, но и «демонам» $(ey\ddot{u})$. Это значит, что определять почитание «богов» как «веру», а почитание «демонов» как «суеверие» нельзя: и то, и другое — вера. Но деление божеств на два разряда шэнь и гуй, помимо всего прочего, отражает представление о божествах светлых, добрых и темных, злых. Шэнь — светлые духи, гуй — темные. Вера в первых есть культ светлых божеств, вера во вторых — культ темных; культ бога, сказали бы мы, в первом случае, культ дьявола, — во втором.

Сыма Цянь словом *гуй* определил вред, который получается, когда государственная власть опирается на инстинкт почитания, присущий человеческой природе. Если захотеть передать это слово буквально, надо бы сказать: тогда получается «дьявольщина».

Но как понять эту «дьявольщину», когда ее находят в политической сфере, в сфере последствий определенного режима государственной власти? Помочь нам в этом может, как мне кажется, Чжэн Сюань (127—201 гг. н. э.), другой замечательный мыслитель китайской древности, живший, правда, почти на два века позже Сыма Цяня, но по своему миросозерцанию принадлежавший к той же линии создавшегося тогда конфуцианства. Он сказал: «слишком много воздавать власти — то же, что служить демонам и богам». Служение божествам мы называем культом. Следовательно, чрезмерное почитание государственной власти, по Чжэн Сюаню, есть культ.

Эта фраза Чжэн Сюаня обычно вставляется в текст данного места «Истории» Сыма Цяня в виде примечания к нему. Это свидетельствует о том, что издатели «Истории» понимали сложность этой столь лапидарно выраженной мысли Сыма Цяня. И поскольку у Сыма Цяня не оба названия объектов культа, т. е. не оба слова шэнь и гуй, а только одно — гуй, постольку ясно, что речь идет о культе этих темных божеств, т. е. именно о «дьявольщине». Именно «дьявольщина» и воцарилась в стране в результате установления в ней всепоглощающего культа власти.

Следствием такого положения и было то, что Иньское царство пало, и на его месте образовалось царство Чжоу. И утвердилось оно именно потому, что основатели этого царства в качестве опоры власти взяли нечто другое, новое — *вэнь*.

Выше для передачи этого слова на русском языке было предложено слово «культура». Было также объяснено, какой смысл вкладывается в Луньюе в это понятие: это все то, что возникает в человеческом обществе, живущем не стихийным бытом, управляемым свойствами и инстинктами человеческой природы, а бытом организованным, регулируемым законами (ли), созданными самим обществом. «Культура» существует для того, чтобы «расширять», как сказано в Луньюе, человека, т. е. обогащать

человеческую личность. «Законы» (ли) существуют для того, чтобы «сдерживать», как сказано в Луньюе, человека, т. е. держать его в определенных рамках, установленных жизнью и деятельностью общества, членом

которого он является.

Небезынтересно указать на первоначальное значение слова вэнь. Строго говоря, это слово значит «узор». Им обозначается всякий узор или рисунок, нанесенный на что-либо простое, чистое, голое. Понятие «культура» в этом свете является дериватом понятия «узор», образовавшимся на почве представления о культуре, как о чем-то, что так сказать «нарисовано» на чистой человеческой природе, что ее украшает. А такие «узоры» создаются жизнью и деятельностью человека в организованном обществе. Другим дериватом является понятие «письменный знак», а отсюда — «письменность» вообще, потом — «произведение письменности», т. е. «литература» в исконном смысле этого слова. Поэтому в Луньюе в орбиту еэнь входят и известные тогда произведения: в нем упоминается IIIu, т. е. то, что впоследствии стало Ши-цзин, «Книгой Песен», Шу, т. е. Шу-цзин, «Книгой Истории», Йо, т. е. Йо-цзин, «Книгой Музыки», Ли-цзи, «Законами» частями будущего «Пятикнижия». Из этого вытекает, что понятие «культура», когда оно выражено словом вэнь, относится к культуре духовной. В «Ханьской Истории», первой из так называемых «династийных историй» Китая, есть раздел «Ивэнь чжи»— «Описание (чжи) культуры материальной (u) и духовной (вэнь)» 8.

На культуре — в таком понимании — и построили свою власть правители Чжоу. Принцип культуры стал даже как бы символом этого царства: слово вэнь стало именем его основателя. Он — Вэнь-ван, «Царь Вэнь».

Оказалось, однако, что и в культуре таится свой «вред», что опора только на это начало также приводит к фатальным результатам: в царстве Чжоу она привела к тому, что Сыма Цянь назвал ши — фальшивостью, чем-то показным, ненастоящим.

Следует вспомнить, что сказано о вреде, приносимом в известных случаях культурой, в Луньюе. В приведенном выше отрывке говорится: когда в человеке над культурой одерживают верх свойства его натуры, это приводит к дикости; когда же, наоборот, культура подавляет естественные свойства его натуры, это приводит к «учености», понимаемой тут в чисто формальном, т. е. отрицательном смысле. Если сопоставить это место Луньюя с рассматриваемым текстом Сыма Цяня, получается, что вред от односторонней опоры на культуру состоит в том, что культура как бы нарушает первоначальную непосредственность человеческой природы, заглушает в ней простоту, искренность, чистосердечие.

И вот тут Сыма Цянь заявляет: «Для того чтобы спасти человека от такой фальшивости, нет ничего лучшего, чем обратиться к "прямодушию "», т. е. к естественным, чистым свойствам человеческой природы. Так и поступил, как считает Сыма Цянь, основатель Ханьской империи, приняв-

ший страну из рук развалившегося Чжоуского царства.

Правда, это произошло не сразу: был некий промежуток между Чжоу и Хань — краткий период власти дома Цинь. При водарении этого дома уже был ясен вред, нанесенный односторонней ориентацией на культурное начало, но Циньские правители ничего не исправили, как выражается Сыма Цянь, а задумали справиться с вредом, который получился, спосо-

⁸ Позволяем себе предложить такое понимание наименования упомянутого отдела династийных историй. «И» — слово, обозначающее понятие «мастерства», «искусства», т. е. той деятельности человека, продукцией которой является нечто материальное; вэнь — слово, обозначающее то, что относится к просвещению, осуществляемому средствами письменности, т. е. ко всем видам литературы.

бом жестоких репрессий. Понятие «способа» (метода, средств), выражено у Сыма Цяня словом ϕa (\gtrsim). Переводить его по-русски можно нашим словом «закон», но только в смысле «закон государственный», т. е. способ или орудие, которым осуществляется управление государством. В таком смысле слово ϕa прямо противоположно слову nu, которое также значит «закон», но не как орудие управления, а как общественная норма, регулирующая жизнь организованного общества и этим обществом вырабатываемая. Циньский «эпизод» показал, что ϕa — государственные законы или методы управления — тогда свелись к репрессиям, да еще — жестоким, как специально отметил Сыма Цянь. «Разве это не была ошибка?!», — тут же восклицает он. Эта ошибка очень скоро и привела дом Цинь к гибели. Правители Ханьского дома, сменившего у власти дом Цинь, поэтому прекратили репрессии и для исправления вреда от односторонней опоры на культуру обратились опять к uxyyyy — к прямодушию, т. е. к uxyyyy простой человеческой натуре.

Во всем этом рассуждении Сыма Цяня есть одна подробность, заслуживающая особого внимания. Говоря о гибельных последствиях каждого из трех, открытых им в истории принципов власти, он указывает, что эти последствия проявляются у сяожень, «людей малых». Именно они, эти «малые люди», впадают в «дикость» в первом случае; отдаются «культу демонов» — во втором; превращают культуру в нечто «фальшивое», «показное» — в третьем. Кто же эти «сяожень»?

Тут мы сталкиваемся с одним из существеннейших в то время положений учения о человеке: о делении людей на изюньизы и сяожэнь. Как было указано выше, словом изюньизы в Луньюе обозначаются люди высокого морального и интеллектуального уровня, словом сложэнь — люди прямо обратных свойств. Иначе говоря, Конфуций стоял здесь на тех же позициях, на которых на другом конце мира, но в той же древности стоял Цицерон как представитель идей Спипионовского кружка, как известно, воспринявшего в себя эллинскую мудрость: в обществе есть избранное меньшинство и есть масса; принадлежащие к первому в своей деятельности руководствуются высокими моральными принципами, принадлежащие ко второй — своими инстинктами 9. Эти две категории древние китайцы обозначили словами «цзюньцзы» и «сяожэнь». Избранные — цзюнь*цзы*, «господа»; масса — *сяожэнь*, «люди малые», «людишки». Передача изюньизы русским словом «господа» допустима, так как «избранные», конечно, те, кто управляет; «люди малые» же — те, кем управляют, народная масса. Таким образом, вред, получающийся при опоре власти на какойнибудь единый принцип, сказывается именно на массе, а не на избранных. Понимают же, что произошло, избранные, изюньизы. И они делают то, что нужно: обрушиваются не на последствия, к которым привела власть, а на причину этих последствий: на самый режим этой власти. В результате этот режим устраняется и заменяется другим.

Необходимость действовать именно так поняли и правители Инь, и правители Чжоу, а потом и правители Хань. Не поняли этого только правители Цинь: они обрушились на народ и особенно на изюньuзы, этих мудрых мужей, интеллигенцию своего времени, понимавших, что так дальше править нельзя, и говоривших об этом: их просто закапывали живыми в землю, а их писания сжигали. Исключение было сделано только для тех, кто придерживался принципа вышеупомянутых ϕ a, государственных законов, поставленных над u, законами общества, законами морали. На народ был наложен ряд тяжких повинностей, которые и довели его до

 $^{^9}$ См. об этом Ф. Зелинский, Соперники христианства (Из жизни идей), т. III. СПб., 1907, стр. 209—213.

² Вестник древней истории, № 4

полного изнурения. Это и привело циньский режим к падению: циньский дом продержался всего 15 лет. Восстание смело его, и его место занял дом Хань, представители которого приняли другой принцип власти.

Итак, основатели империи Хань снова избрали принцип «прямодушия». Что это означает? Снова вернулись к тому, с чего все началось? Чжэн Сюань так и считает: «Снова вернулись к началу», — написал он. И эти его слова также обычно вносятся в текст «Истории» Сыма Цяня как примечание к словам последнего: «Для того чтобы спасти людей от фальшивости, нет ничего лучшего, чем обратиться к прямодушию». Но обращаться за разъяснением к Чжэн Сюаню и не требуется: вполне ясно говорит и сам историк. Как бы резюмируя изложенное, он пишет: «Путь трех царств оказался подобным круговороту: он кончился и снова начался». Властители Хань пришли к тому, с чего все началось. Таким образом, перед нами, как и у Полибия, ясно выраженная теория круговорота. Сыма Цянь, как и его греческий собрат, даже употребилименно это самое слово «круговорот» — сюньхуань (循環).

Как отнестись к этой теории? Сыма Цянь, как мне кажется, сам дает

указание, как его надлежит понимать.

Сказав о том, что Ханьские правители обратились к принципу «прямодушия» для того, чтобы «спасти», как он выразился, людей от вреда, причиненного политикой Чжоу, и от бед, вызванных политикой Цинь, Сыма Цянь завершает свое изложение такими словами: «Так они не дали людям пребывать в инертности и обрели *тяньтин*» (天統).

Что такое *тяньтун*? В толковых словарях это слово поясняется как «преемственность на троне», т. е. законное наследование престола, причем обычно для оправдания такого толкования приводится именно это место текста «Истории» Сыма Цяня. Мне кажется, что это, видимо, вполне правильное толкование следует понять несколько глубже. Буквально *тяньтун* значит «небесная преемственность», т. е. понятие законности в такой преемственности выражено через понятие «неба» как символа высшего закона. Поэтому в понятие *тяньтун* вложено больше, чем простое наследование в силу исторической преемственности; в него вложен смысл обоснованности принятия власти как бы высшим законом правопорядка. Именно так и представил Сыма Цянь переход власти в государстве в руки Ханьского дома: это было возвращением к законному правопорядку ¹⁰.

Что же сделали правители Хань для того, чтобы по-настоящему, не так, как правители павшего Циньского дома, исправить вред, нанесенный односторонней опорой на культуру, вред, выразившийся в превращении культуры в нечто показное, не затрагивающее существа, а этим самым — во внесении фальшивости в саму человеческую натуру? Опять вернулись к тому, что противоположно фальшивости — к чжун, прямодушию. А это означало возвращение к принципу, принятому в свое время правителями царства Ся. «Путь трех царств кончился и снова начался», — сказал Сыма Цянь. Не значит ли это, что мяньтун — общий правопорядок и есть круговорот?

Хорошо известно, что в эпоху Ханьской империи — в ее раннюю пору, в частности, во время Сыма Цяня, было в ходу так называемое учение о «пяти стихиях». У син (五行) пять стихий это — металл, дерево, земля, вода, огонь; то же, что «четыре элемента» у древних эллинов, четыре или пять элементов у древних индийцев. Коротко говоря, это — древняя

¹⁰ Указанное значение слова тяньтун не следует смешивать с другим, относящимся к календарному исчислению в древнейшем Китае: сменявшие друг друга древние «династни» начинали летосчисление с момента своего утверждения во власти. Календарная эра царства Ся получила наименование «жэньтун» (人統), эра царства Инь — «дитун» (孙統), эра Чжоу — тяньтун (天統).

форма представления о первоэлементах материальной природы. В китайском варианте эти первоэлементы не статичны, а динамичны, не изолированы друг от друга, а взаимно связаны, причем связаны диалектически: один переходит в другой. Представление о таком переходе выражено в образе «победы» одного над другим: металл побеждает дерево, дерево — землю, земля — воду, вода — огонь, огонь — металл, металл — дерево и т.д., т. е. процесс опять повторяется. Таким образом жизнь природы — круговорот. Но жизнь природы и есть «небесная преемственность», миропорядок. Следовательно, мяньтун и есть круговорот.

Следы учения о «пяти стихиях» мы встречаем в глубокой древности: о «пяти стихиях» упоминается в Шу-цзине и притом в важнейшей части этого памятника — в Хун фань — «Уложении» Юя. В этом документе была сделана попытка представить в точных категориях весь миропорядок бытия и общественной жизни. Свое развитие это учение получило у Цзоу Яня во второй половине IV — первой половине III в. до н. э. Цзоу Янь был младшим современником Мэн-цзы и одним из знаменитой плеяды ученых мыслителей, одно время образовавшейся в г. Цзи, столице царства Ци. Именно ему принадлежит концепция преодоления одного элемента другим. В этой концепции образно выражена мысль об угасании и возрастании, как о существе всего процесса материального бытия. Цзоу Янь, однако, этим не ограничился: он распространил этот закон и на человеческую жизнь, на историю. В его представлении каждая стихия обладает своим особым свойством (дэ, 德) и эти свойства заложены и в формах общественного строя. Иначе говоря, каждый строй есть как бы воплощение в жизни общества свойств соответствующей «стихии». Поскольку же деятельность «пяти стихий», т. е. общий процесс бытия, осуществляется в их круговороте, постольку, следовательно, и историческая жизнь проходит также в форме круговорота.

Существовала и другая формула круговорота пяти стихий, по которой одна стихия не «преодолевает» другую, а «порождает» ее. Так, дерево порождает огонь, огонь — землю, земля — металл, металл — воду, вода— дерево, дерево — огонь и т. д. Принадлежит эта концепция Цзоу Ши, другому представителю этой доктрины.

Как было сказано выше, учение о «пяти стихиях» особенную популярность получило в Ханьскую эпоху. Оно было известно и Сыма Цяню. Более того, именно ему мы и обязаны знанием доктрины и Цзоу Яня и Цзоу Ши. В «Истории Хань» (Хань шу) в упомянутом выше разделе «Ивэнь-чжи» сообщается о двух сочинениях этого Цзоу Яня, но сами сочинения до нас не дошли, и то, что мы знаем об их содержании, заимствовано из того, что сказал о нем Сыма Цянь. Сведения о Цзоу Яне и Цзоу Ши даны у него в двух «Жизнеописаниях» — Мэн-цзы и Сюнь цзы.

Но Сыма Цянь не только знал об этом учении; он и разделял его, по крайней мере в части понимания процесса бытия, а в нем — процесса исторической жизни как круговорота. В пяти исторических режимах, возникших и исчезнувших, сменивших друг друга, отразились «свойства» пяти стихий. Цзоу Янь говорит о пяти больших этапах, пройденных страною до Хань: периоды Сюй, Ся, Инь, Чжоу и Цинь. В режиме каждого этапа он находит присутствие «свойства» какой-либо из пяти стихий: в режиме Сюй — земли, Ся — дерева, Инь — металла, Чжоу — огня, Цинь — воды. На этом цикл закончился и начался новый — с Хань, в режиме которой снова воплотилось «свойство» земли. Таким образом и с этой стороны появление Ханьской империи есть «возвращение к началу». Так, еще с большей силой звучат для нас слова Сыма Цяня: «кончилось и снова началось». И с полной конкретностью предстают его слова о том, что Ханьская империя «обрела Тяньтун», т. е. вошла в общий правопорядок. Из этого

же следует, что концепция исторического круговорота у Сыма Цяня представляет перенесение в область исторической жизни доктрины круговорота как общего закона бытия.

Но выше было отмечено, что в резюме Сыма Цяня входит еще одно положение: ханьские правители своими действиями не только ввели историческую жизнь своей страны в общий процесс миропорядка, но и вывели при этом людей из «инертности».

И здесь мне приходится разойтись с обычным пониманием переводчиками этого места «Истории». Как можно увидеть хотя бы из указанных двух новейших работ, то, что я предложил тут понимать, как «вывели людей из инертности», толкуется иначе: слово изюань понимается как «утомляться», из чего следует, что ши бу изюань означает «дали возможность (людям) не утомляться», т. е. сняли с народа изнурительные повинности, наложенные на него правителями Цинь.

Такое толкование кажется мне не столько неверным, сколько недостаточным и поверхностным. Говоря о «вреде», нанесенном людям какимилибо действиями власти, Сыма Цянь всегда имел в виду не что-либо преходящее, а нечто существенное, не какое-нибудь временное состояние человека, а то, что произошло с его натурой. Впадение в «дикость», в «культ демонов», в «фальшивость» означает известное перерождение самой природы человека. Поэтому и в данном случае речь должна была бы идти о том, что сделали с человеком тяжелые повинности, наложенные на него властью.

Значение «утомляться» в физическом смысле — лишь один аспект значения глагола *цзюань*; в его значение входит понятие утомление и духовного, впадение в апатию, в душевную инертность.

Остановиться и на этом, как мне кажется, также невозможно. Надо учесть, что режим Циньской власти — лишь кратковременный эпизод, не характерный для «большого» движения истории. «Большое» же движение истории вело страну от режима Чжоу к режиму Хань. Главная задача, стоявшая перед правителями Хань, состояла в том, чтобы ликвидировать «вред», нанесенный народу режимом Чжоу. Как было показано выше, вред этот понимался как внесение в природу человека «фальшивости», под чем понималась утрата отношения к культуре, к ее установлениям как к чемуто жизненно важному, коренящемуся в самой природе человека; превращение этой культуры в нечто внешнее, показное. И именно это и привело к тому, что живое творческое начало в человеке ослабело, развилась душевная «леность» (а «леность» — также один из асцектов значения изюань), духовная инертность. Поэтому главное, что должны были сделать новые правители, это — ши бу цзюань — «заставить (людей) не быть инертными», вызвать в них импульс творчества, духовную активность. Сыма Цянь считает, что это было достигнуто.

Но что это означало? Полное возвращение к тому, что когда-то было? Повторение того, что когда-то было в царстве Ся? Мне кажется, что нет. Возвращение к чему-либо еще не есть повторение его. Ханьские правители вернулись к политике Ся, но не к тому, что было в эпоху этого древнего царства. Ханьский режим призвал к действию духовные силы человека для того, чтобы продвинуть жизнь народа вперед. Вернулись к методу, но не факту.

О том, что именно так поняли появление ханьской власти определенные круги китайского общества того времени, свидетельствует деятельность Цзя И — представителя первого ханьского поколения: начала правления Гао-цзу, основателя империи,— 206 г. до н. э.; Цзя И родился в 200 г., умер в 168 г. Сыма Цянь, родившийся в 145 г. и умерший в 86 г., принадлежал уже ко второму поколению. Поэтому судить о том, как было

встречено, разумеется, в среде уцелевших *цзюньцзы* установление ханьского режима, можно именно по Цзя И. Им были сформулированы основные положения политики новой власти. Сделано это в его известном трактате Го Цинь лунь «Об ошибке Цинь».

Вполне естественно, что Цзя И прежде всего заговорил об этом: сначала нужно было установить, почему пала власть Циньского дома. Исходя из этого, можно было определить, что же нужно теперь делать. Ошибку Циньских правителей Цзя И видел в том, что у них «человеческое и должное не осуществлялось»; что они не поняли, что «захватить — одно, а сохранить — другое».

Не буду здесь вдаваться в объяснение этих исключительно важных для китайской общественной мысли положений. Скажу лишь коротко, что «человеческое» — это — \mathcal{H} эть, о чем так много говорится в Луньюе, т. е. человеческое начало в человеке, понимаемое как «любовь к людям»; «должное» это — u, тот принцип, который Мэн-цзы поставил рядом с \mathcal{H} эть: «должное» у него — то, что полагается делать, а полагается делать то, что вытекает из существа вещей, из самой природы явлений. Слова же, что «захватывать — одно, а сохранять — другое» употребляются тогда, когда нужно сказать, что поддерживать достигнутое насилием нельзя.

Указать на эти ошибки Циньской политики было еще мало; мало было сказать и что нужно восстановить: в данном случае — человеческие отношения между людьми и соблюдение должного в действиях. Нужно было сказать и как этого добиться. И тут Цзя И предложил опереться в политике на два начала: ли — «законы» в указанном выше понимании этой концепции, и йо, «музыку». «Законы» поведут жизнь общества по руслу естественных для жизни общества, им же созданных норм; «музыка» будет формировать психическую природу человека, создавать гармоничность чувств и эмоций.

Конечно, это в какой-то степени возвращение к принципу чжун, «прямодушию», т. е. к культивированию в человеке естественных свойств его природы. Но это не означало стихийности в проявлении этих свойств: они вводились в рамки общественных норм и подвергались умиротворяющему воздействию музыки. Тем самым «возвращение к началу», т. е. к принципу чжун, отнюдь не означало повторение точно того же, что было когда-то; движение по новому кругу пошло на тех же основаниях, но уже не с тем же содержанием. Пифагорейцы создали концепцию круговорота вещей, но не понимали ее так элементарно-натуралистически, как Эвдем, нарисовавший своим ученикам упомянутую выше картину. Полибий увидел в историческом процессе круговорот форм политической власти, но понял этот круговорот не формально, а реально. Видимо, близко к этому было понимание круговорота истории и у Сыма Цяня.

4

Итак, перед нами два историка, два великих историка древности. Один воссоздал историю своего народа — эллинов и вместе с нею — и тех, кому его родина подчинилась, — историю римлян. Другой изложил историю своего народа — китайцев.

Но Полибий и Сыма Цянь — не только историки-повествователи; они историки-мыслители. Они не только рассказали о содержании исторического процесса, но и постарались осмыслить его ход. И это было в исторической науке осмысление, основанное на конкретном материале.

Полибий и Сыма Цянь принадлежат двум различным мирам: первый— греко-римскому кругу земель, второй — китайскому. Но разными эти миры тогда были только географически и этнографически; с точки

зрения же истории они были очень близки друг к другу: они проходили один и тот же этап человеческой истории. Даже — больше: одну и ту же ступень этого этапа. Этап этот — эпоха рабовладельческого общества; ступень — последняя пора истории этого общества: время Империй. Полибий жил, когда в его части мира рождалась великая империя — Римская. Сыма Цянь жил, когда в его части мира утверждалась великая империя, сначала — Циньская, затем — Ханьская.

Аналогия исторического процесса на этих двух концах мира того времени — в высшей степени знаменательна: она открывает действительные закономерности в истории рабовладельческого общества; разумеется не в конкретных подробностях, а в больших линиях. Образование Империи на Западе означало конец прежних политических образований-того, чем в истории эллинов был nonuc, в истории римлян — civitas. К Империи подвел кризис их структуры как политической, так — что особенно важно — и экономической. Попытки преодоления политической и экономической ограниченности полиса, без чего дальнейшее развитие происходить не могло, начались еще до Империи: возникали объединения отдельных полисов под гегемонией какого-либо одного из них; затем появились союзы, как, например, Этолийский и Ахейский в Греции; федерации, как, например, Римско-италийская в Италии. Однако свое решение этот вопрос нашел в образовании большой державы, в которую и вошли все прежние политические образования — республики, царства, самоуправляющиеся города; в своей хозяйственной и политической жизни они стали связанными друг с другом. Политически единая власть в этой державе долго не устанавливалась; она утвердилась только в І в. до н. э., когда над всем этим кругом земель простерлась Imperium Romanum; но это не препятствовало экономической и культурной диффузии частей этого круга.

Образование Империи на Востоке также означало конец прежних политических образований — того, чем в истории Китая были го — царства, бывшие также государствами-городами различных размеров. К Империи подвел кризис структуры такого города-государства, бывшего не только политическим, но и экономическим целым. Знаком такого кризиса и вместе с тем попыткой преодоления его было образование союзов с гегемонией (ба) какого-либо одного из этих царств, но решающее значение в этом процессе имело соединение всех этих городов-государств в одном целом — Империи. Остатки прежних царств остались и в этой Империи, но их экономическая замкнутость и политическая самостоятельность ослабели.

Рабовладельческое общество в своей истории прошло через три этапа. Первый — эпоха, когда в условиях еще родоплеменных общин стали возникать рабовладельческие отношения; окончание этой эпохи у греков конец так называемого «Гомеровского периода» греческой истории; у римлян — время Сервия Туллия; у китайцев — так называемый «Переход Чжоу на Восток», т. е. возникновение на территории страны ряда самостоятельных государств-городов - го, царств, как мы их тут называем. Второй этан — эноха, когда nonuc, civitas, го достигли высокого расцвета, когда рабовладельческие отношения стали играть уже важную роль в хозяйственной жизни; это классическая пора истории рабовладельческого общества, время подъема общественной жизни и культуры. Третий и последний этап — эпоха Империй. Это пора максимального развития рабовладельчества и вместе с тем кризиса рабовладельческого хозяйства и его краха. Следует помнить, что распад системы рабовладельческого общества произошел еще в эпоху Империй; что новая полоса истории человечества — Средневековье — началась в них, в этих Империях.

Полибий и Сыма Цянь жили в начальный момент этих Империй — в ту пору, когда они уверенно набирали силу. Это значит, что оба историка были современниками восходящей линии общественного развития. И это время наложило свой отпечаток на их настроения: они приветствовали то, что на их глазах воздвигалось.

Хорошо известно, как Полибий относился к установлению римской власти над своим кругом земель. «Владычество македонян в Европе обнимало пространство от побережья Адриатики до реки Истра, что составляет весьма небольшую долю этой страны. Впоследствии, сокрушивши мощь персов, они приобрели и власть над Азией. Как ни далеко простиралась их власть и как ни была она общирна, все же македоняне не коснулись большей части известного тогда мира. Ибо они и не помышляли никогда о покорении Сицилии, Сардинии и Ливии, а о народах Западной Европы, собственно говоря, не имели и понятия. Между тем римляне покорили своей власти почти весь известный мир, а не какие-либо части его, и подняли свое могущество на такую высоту, какая немыслима была для предков и не будет превзойдена потомками» (I, 2),— так написал Полибий в самом начале своей «Всеобщей Истории», а написал так потому, что усмотрел в этом факте нечто большее, чем простое возвышение одного какого-то народа: он увидел в нем движение самой истории. «Особенность нашей истории и достойная удивления черта нашего времени состоят в следующем: почти все события мира судьба направила насильственно в одну сторону и подчинила их одной и той же цели»,— написал он. «Судьба никогда еще по настоящее время не совершала ничего подобного давала такого свидетельства своей мощи» (I, 4).

Да, образование Империи было для Полибия делом не римлян, а «судьбы», т. е. законов самой истории, проявлением исторической закономерности. И он принял эту закономерность. Более того: он сам старался способствовать ее осуществлению. Известно, какую роль сыграл Полибий в «умиротворении Греции», убеждая своих соотечественников принять власть Рима.

Сыма Цянь находился в иных условиях: та империя, которая, если и не народилась непосредственно на его глазах, то во всяком случае в его время укреплялась, была не чужой для него: Ханьская империя была создана его же народом. Поэтому он не только принял ее, но и вознес; вознес тем, что показал закономерность ее образования. Эту мысль он выразил в своих знаменательных словах о том, что Ханьская империя «обрела Тяньтун» — «Небесную преемственность», т. е. стала выразителем правопорядка, на языке Полибия — судьбы.

Таким образом, оба историка действовали в одну и ту же историческую эпоху, оба приветствовали тот исторический поворот, который в их странах и на их глазах происходил, и оба отразили какую-то сторону общественных настроений своего времени — настроений, как можно думать, тех кругов интеллигенции, которые нашли себе место в новой обстановке, приняли ее, но в то же время постарались понять, что произошло, и на основе такого понимания оправдать свое отношение к последнему. Для этого же им понадобилось осмыслить ход истории, выяснить, как и почему история подвела к тому, что тогда установилось. Поэтому они стали не только историками, показавшими своим современникам, какой путь прошли их народы перед тем, как дойти до нынешнего состояния, но и историками-философами.

Оба они осмыслили процесс исторической жизни как круговорот. И это можно понять. Появление Империи они представили как историческую неизбежность. Это могло быть лучшим средством убедить сомневающихся, воодушевить убежденных. Неизбежность в глазах историка —

проявление исторической закономерности, а в каком образе нагляднее всего можно представить эту закономерность, как не в образе круговорота?

Но необходимо обратить внимание на то, к чему у обоих историков отнесена концепция круговорота. Мне кажется, Полибий и Сыма Цянь говорят об одном — о в л а с т и. Их философия не есть философия истории в точном смысле этого слова, а ф и л о с о ф и я п о л и т и ч е с к о й в л а с т и. Лучше сказать, впрочем, иначе: философия истории, раскрытая через философию власти.

Разве могло быть тогда иначе? Мы привыкли говорить об «империях» Римской, Ханьской, вкладывая в эти слова смысл нашего понятия государства. Но разве Римская империя была государством таким же, каким являются государства эпохи наций? Разве она была похожа даже на то, что считалось государством в эпоху народностей? То, что мы называем «Римской империей», был Orbis romanus, «римский круг земель», т. е. территории, на которые простиралась Ітрегіцт, власть Рима. Таким же «кругом земель» была и Ханьская империя. Государство как некая единая экономически, социально и политически структура — порождение эпохи наций. В Римской же империи, как было упомянуто выше, были и городареспублики, и монархии, и даже племенные союзы. В Ханьской империи при наличии $xyau\partial u$, императоров, были вauu, цари, были вожди, управлявшие своими племенными объединениями. Но над всем этим господствовала одна власть — Imperium. Поэтому нет ничего неожиданного в том, что для Полибия и Сыма Цяня категория власти воплотила в себе весь исторический процесс.

Однако каждый из них подходит к власти с разной стороны: Полибий — с точки зрения того, кем эта власть представлена — одним лицом, группой или массой; Сыма Цянь — с точки зрения того, каков принцип этой власти. Греческого историка интересует, сколько человек правят и что из этого получается; китайского — на что в людях опираются те, кто ими, людьми, управляет. Поэтому оба историка как бы взаимно дополняют друг

друга.

И вот, оказывается, что судьба, как сказал бы Полибий, тяньтун, как выразился бы Сыма Цянь, историческая закономерность, как сказали бы мы, привели сначала к появлению монархической власти, затем аристократической, наконец — демократической. Каждая из этих трех форм власти в определенный момент способствует общественному прогрессу; следовательно, необходима и законна. Но значение их — не абсолютно; в природе каждой из них заложено ее отрицание: монархия переходит в тиранию, аристократия - в олигархию, демократия в охлократию. Такой переход - также проявление закономерности; закономерности уже общей, выраженной в диалектическом процессе бытия. Но Полибий не мог остановиться на этом: это означало бы признать неизбежность конца и той Империи, которую он прославлял, в появлении которой он даже видел руку самой судьбы. Поэтому он допустил выход из очерченного им круга: обращение к синтезу описанных им форм власти. Этим самым в его концепцию включается идея о возможности создания из элементов уже известных форм власти каких-то новых ее форм. Вероятно, и в них проявляется та же закономерность возникновения и исчезновения; действие общего закона движения противоположностей сохраняется; круговорот власти будет продолжаться, но в новых ее формах, на новой основе, как сказали бы мы.

Сыма Цяня не интересовало, сколько человек и кто представляет власть. Исторический опыт его народа в той мере, в какой он узнал его, не показал ему примеров трех властей в том законченно оформленном виде, в каком их увидел в истории своего народа Полибий. Поэтому для Сыма

Цяня на первый план выступил другой вопрос: на чем была построена власть в сменявших друг друга царствах, почему именно на ней власть в данном царстве установилась и что привело эту власть к гибели. К решению этого вопроса он подошел очень своеобразно. Власть в его представлении — управление людьми. Коль скоро так, первое, что должен знать правитель, — знать природу человека со всеми ее свойствами. Зная это, можно выбрать ту сторону этой природы, опираясь на которую или призвав к действию которую, можно управлять людьми. Сыма Цянь увидел, что наиболее важными с точки зрения управления людьми являются такие свойства человеческой натуры, как прямодущие — чистая и в этой чистоте благая непосредственность как инстинкт почитания, как действующее в человеке к ультурное начало — стремление к творчеству. История, как ее представил Сыма Цянь, показала, что можно, опираясь на эти свойства человеческой природы, управлять людьми и двигать вперед общественную жизнь. Но она же, история, показала, что каждое из этих свойств несет в себе свой «вред», как он выразился, подвергается «порче», как сказал бы Полибий. Поэтому в конечном счете эти принципы правления приводят к кризису: к дикости, т. е. к интеллектуальной и моральной первобытности — в первом случае, слепому культу власти — во втором, к приверженности к внешнему, показному — в третьем. Поэтому история и отменяла последовательно каждый из этих принципов, заменяя его другим.

Интересно отметить, что Сыма Цянь увидел еще один принцип власти: «закон жестоких кар», как он его назвал, т. е. принцип устрашения жестокими репрессиями; иначе говоря, управление людьми с использованием присущего человеку чувства страха. На этой основе и захотели построить свою власть правители Циньского дома. К этому следует добавить, что режим этой власти состоял не в одних «наказаниях», но и «наградах». Эти два средства воздействия на управляемых всегда были связаны друг с другом, и в литературе китайской древности система управления посредством устрашения и приманивания хорошо освещена.

И вот, как представил Сыма Цянь, власть, построенная на устрашении, оказалась не признана историей. Это было «ошибкой», заявил он. Так же думал и Цзя И. Действительно, режим Циньской империи продержался всего 15 лет — с 221 то 206 г. до н. э. История в своем круговороте как бы выбросила его из круга исторически законного. С воцарением Ханьского дома все вернулось, как сказал Сыма Цянь, к началу. Начался новый круг.

Но и у Сыма Цяня это не было все же простым повторением уже бывшего когда-то. Как он сказал, правители Империи не дали людям пребывать в состоянии духовной инертности, т. е. привели в действие творческие силы; а это означало, что опора снова на «прямодушие» человеческой натуры должна была создать в исторической жизни что-то новое.

Таким образом, как мне представляется, оба великих историка древности свои концепции исторических перемен политической власти, а через них и общего хода исторического развития, построили на образе круговорота, это — вне всякого сомнения, но не как простого повторения уже бывшего когда-то, а повторения с другим содержанием. Вот это и дала потомству — в сфере понимания исторической жизни — древность.

И. Ш. Шифман

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПАЛЕСТИНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ І тыс. до н. э.

ПРОС о характере земельных отношений в Палестине первой половины I тыс. до н. э. уже неоднократно ставился в научной литературе. Существует немало исследований, посвященных либо этой проблеме в целом, либо какому-то ее аспекту, либо затрагивающих ее в общем очерке социально-экономической истории иудейско-израильского общества (а именно к нему относится основной материал, имеющийся в нашем распоряжении). При этом одни ученые видели в Иудее и Израиле феодальное общество 1, тогда как другие постулировали, основываясь, правда, на сравнительно ограниченном материале, существование в древней Палестине общин частных собственников на землю 2. Однако наличие феодализма в интересующем нас обществе доказывается обычно анализом ряда надстроечных явлений, что методически недопустимо ³, тогда как второй тезис, в целом несомненно соответствующий действительности, все же нуждается в некоторых уточнениях.

В связи с тем, что до сих пор не обнаружено деловых документов из Палестины, которые датировались бы временем до середины I тыс. до н. э.4, основным источником по интересующему нас вопросу остается Биб-

¹ Н. М. Никольский, Феодальные отношения в древнем Израиле, ТБГУ, 1, 1922, стр. 94-115. В дальнейшем Н. М. Никольский предложил рассматривать

I, 1922, стр. 94—115. В дальнейшем Н. М. Никольский предложил рассматривать социальный строй иудейско-израильского общества как «полупатриархально-полуфеодальный» (Н. М. Никольский, Некоторые основные проблемы общей и религиозной истории Израиля и Иуды, в кн. А. Ранович. Очерк истории древнееврейской религии, М., 1937, стр. L сл. Ср. также Е. Маг m or s tein, The Origins of the Agricultural Feudalism in the Holy Land, PEQ, 1953, стр. 111—117).

2 F. Buhl, Die socialen Verhältnisse der Israeliten, B., 1899, стр. 55; М. L urje, Studien zur Geschichte der wirtschaftlichen und sozialen Verhältnisse im Israelitisch-Judischen Reiche (BZAW, 45), Giessen, 1927, стр. 3—5; Ранович, Очерк..., стр. 152—153; И. Д. Амусин, «Народ земли», ВДИ, 1955, № 2, стр. 14—36; Е. На и s ler, Sklaven und Personen minderen Rechts im Alten Testament, Köln, 1956, стр. 35—39. Отмечалось в литературе и существование общинной и частной собственности на землю (К. Н. Неп геу, Land Тепиге in the Old Теstament, PEQ, 1954, стр. 5—15), однако их соотношение в изложении К. Хенри осталось пеясным.

3 Критику концепции Н. М. Никольского см. Н. М. Постовская, Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе, М., 1960, стр. 66—68.

ние древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе, М., 1960, стр. 66-68.

⁴ Единственным исключением пока остается текст на остраконе из Мецад Ха-шавяху: J. N a v e h, A Hebrew Letter from the Seventh Century B. C., IEJ, 3, 1960, стр. 129—139; см. подробно И. Д. А м у с и н, М. Л. Г е л ь ц е р, Надпись из «Мецад Хашавяху» (Жалоба жнеца VII века до н. э.), ВДИ, 1963, № 3, стр. 118—125, где указана предшествующая литература вопроса, а также И. Ш. И и ф м а н, Новые данные к характеристике социальной структуры Иудейского государства, ЭВ, 16, 1963, crp. 21-28.

лия. Ее нарративные тексты содержат ряд эпизодов, характеризующих земельные отношения как в иудейско-израильском, так и в «ханаанейском» обществах. Библейские законы отражают те правовые нормы, которые действовали в иудейско-израильском обществе и, возможно, за его пределами ⁵. Они регулировали, в частности, и земельные отношения ⁶. В то же время нельзя не учитывать и того, что библейская нарративная традиция иллюстрирует в целом ряде случаев положение, которое израильтяне застали в Палестине к моменту израильского завоевания. Мы увидим далее, что нормы, существовавшие в иудейско-израильском обществе, обнаруживают, по крайней мере в теории, значительно более архаичные черты, чем хронологически им предшествующие «ханаанейские» ⁷.

Одним из ценнейших источников по истории земельных отношений в доизраильской Палестине является известный рассказ о покупке Авраамом участка земли для устройства погребения его жены Сарры (Gen., 23, 3—20). Ввиду важности этого текста мы позволим себе привести его целиком. «И встал Авраам от умершей своей,— читаем мы,— и говорил хеттам (ʾāl běnē ḥēt) следующее: "Пришелец и поселенец (gēr wětő šāb) я у вас; дайте мне собственность для погребения ('ăhuzzat qäbär), и я похороню умершую свою от себя". И ответили хетты Аврааму, говоря ему: "Выслушай нас, ${
m roc}$ подин; князь божий (${
m ne}$ ś ${
m i}^{\circ}$ ${
m ja}$ ${
m loh}$ ${
m im}$), ты среди нас; в том, которое ты выберешь из гробниц наших, похорони умершую свою ". И встал Авраам и поклонился народу страны той (le amha aras), хеттам. И сказал он им. говоря: "Если вы согласны похоронить умершую мою от меня, выслушайте меня и походатайствуйте за меня $(\bar{u}p)$ ige \bar{u} 0 перед Эфроном, сыном Цохара. И пусть он даст мне пещеру Махпела, которая принадлежит ему, которая на краю поля его, за полное серебро ⁸, и пусть он даст ее мне среди вас как собственность для погребения (lā'āḥuzzat qābar)". А Эфрон сидел среди хеттов. И ответил Эфрон-хетт Аврааму в присутствии хеттов, всех приходящих к воротам города, говоря: "Нет, господин мой, выслушай меня. Это поле я отдаю тебе, и пещеру, которая в нем,— тебе отдаю я ее, перед глазами сынов народа моего отдаю я ее тебе. Похорони умершую свою". И поклонился Авраам народу страны той. И сказал он Эфрону в присутствии народа страны той, говоря: "Итак, если ты согласен, выслушай меня: я дам серебро за поле (käsäp haśśāda); возьми у меня, и я похороню умершую свою там". И ответил Эфрон Аврааму, сказав ему: "Господин мой, выслушай меня. Земля (стоит) четыреста сиклей серебра. Для меня и для тебя что это? И умершую свою похорони". И услышал Авраам Эфрона, и отвесил Авраам Эфрону серебро, о котором он говорил, в присутствии хеттов, - четыреста сиклей серебра, находящегося в обра-

⁵ В литературе неоднократно отмечалась близость социального строя израильско-иудейского и, например, угаритского общества (I. M e n d e l s o h n, Samuel's Denunciation of Kingship in the Light of the Accadian Documents from Ugarit, BASOR, 143, 1956, стр. 17—22). Этот факт, естественно, предполагает и близость законов. Примечательна близость формулировок библейских законов к запретительным формулам финикийских надписей (St. G e v i r t z, West-Semitic Courses and the Problem of the Origins of Hebrew Law, VT, XI, 1961, 1, стр. 137—158; ср. A. A l t, Kleine Schriften zur Geschichte des Volkes Israel, I, Münch., 1959, стр. 278—332).

⁶ Попытки увидеть в библейских законах, регулировавших земельные отношения, поздние конституционные проекты, представляются слабо обоснованными (H. Schmidt, Das Bodenrecht im Verfassungsentwurf des Esra, Halle, 1932). В источниках во всяком случае отсутствуют указания, которые бы этим законам противоре-

⁷ Сводку интересных данных о культуре «ханаанеян», доизрапльского населения Палестины, более высокой по сравнению с культурой израильских завоевателей, см. М. S y s t r, mb'ywt hsprwt hmqr'yt, tl 'byb, tšt"'z, стр. 128—132.

8 Ср. угаритскую формулу «за полную цену» (ina šimti gamirti — PRU, III, 16.174).

щении у торговцев ('ōbēr laśśōhēr). И стало поле Эфрона, которое в Махпеле, которое перед Мамре, поле и пещера, которая на нем, и все деревья, которые в поле, которые во всех пределах его вокруг, принадлежать Аврааму, как купленное (lěmiqnā) в присутствии хеттов, всех приходящих к воротам города его. И после этого похоронил Авраам Сарру, жену свою, в пещере на поле Махпела перед Мамре. И было сделано (wayyāqom) хеттами поле и пещера, которая на нем, принадлежащим Аврааму как собственность погребения ('āḥuzzat qābār)»⁹.

Аналогичную ситуацию мы находим и в предании об Иакове (Gen., 33, 19—20): «И купил (Иаков) участок поля (hälqat haśśādā), где он расположил шатер свой, из руки сынов Хамора, отца Шехема, за сто кесита. И воздвигнул он там жертвенник, и назвал его — бог, бог Израиля». Об этом последнем событии имеется указание и в книге Иисуса Навина (24, 32): «А кости Иосифа, которые принесли израильтяне из Египта, они похоронили в Шехеме на участке поля (běhālqat haśśādā), который купил Иаков у сынов Хамора, отца Шехема, за сто кесита».

Отвлекаясь от очевидной тенденции обоих рассказов, которые должны были подтвердить права израильтян на завоеванную ими вемлю, рассмотрим существо их. Предание об Аврааме подробно, как можно было видеть, изображает процедуру покупки земли, что позволяет сделать существенно важные выводы о юридическом статусе продаваемой земли 9, тогда как краткое известие о покупке земли Иаковом представляет собой простую констатацию факта, не отличающуюся какой-либо детализацией. Поэтому остается открытым вопрос о том, совпадала ли процедура продажи земли, принятая в Хевроне, с такой же процедурой в Шехеме, хотя это и весьма вероятно.

Одной из важнейших проблем, встающих при исследовании этих преданий, является проблема датировки. Обычно так называемый «век Авраама» отождествляют со Среднебронзовым I периодом (XXI—XIX вв. до н. э.)10. Однако дело обстоит значительно сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. Так как нашим источником является фольклорное повествование, вопрос о датировке имеет два аспекта,— во-первых, когда сложилось предание, и, во-вторых, так как во время устного бытования легенды она могла подвергаться различным изменениям, законы и нормы какого времени нашли в ней отражение? Окончательное решение всех этих проблем в настоящее время не представляется возможным. Думается, однако, что наиболее близким к истине будет следующее предположение: в легенде об Аврааме нашли отражение порядки, существовавшие в ханаанейских обществах к тому времени, когда израильские племена вошли в соприкосновение с ними, иными словами, во второй половине II тыс. до н.э.

⁹ Подробные исследования этой легенды см. М. R. Lehman, Abraham's purchase of Machpelah and Hittite Law, BASOR, 129, 1953, стр. 15—18; Амусин, «Народ земли», стр. 20—22. Мы, однако, не можем согласиться с утверждением М. Лемана, что в основе сделки между Эфроном и Авраамом лежат нормы хеттского права и что Эфрон уступает свое поле Аврааму целиком, чтобы в соответствии с хеттскими законами избавиться от выполнения повинностей, падающих на данную землю. В тексте предания об Аврааме повинности, связанные с землей, не упоминаются, поэтому построение М. Лемана представляется нам слишком натянутым. Обращает, однако, на себя внимание стилистическая близость некоторых отрывков нашего текста с отдельными клаузулами соответствующих угаритских документов (ср., например PRU, 16.154; RŠ, 8213), где земля, служащая объектом сделки, также называется только по имени владельца, без указания границ и также только в общих чертах указывается, что на ней находится. По-видимому, автору повествования об Аврааме были знакомы деловые документы, формуляр которых был близок или совпадал с угаритским, что, по-видимому, отражает соответственно близость правовых норм, действовавших в Палестине и в Угарите.

10 N. G l u e c k, Rivers in the Desert, N. Y., 1959, стр. 68 слл.

Косвенное подтверждение этого предположения можно видеть в том, что, как говорилось выше, в предании об Аврааме имеются определенные черты сходства с формуляром угаритских документов о купле-продаже земли. К тому же, как свидетельствуют многочисленные этнографические параллели, подобные предания до их записи на протяжении длительного времени передавались устно от поколения к поколению в неизменном виде.

В то же время немаловажным представляется и другой вопрос: не был ли своеобразным статус продаваемых земель? Не связан ли факт продажи земли с тем обстоятельством, что в одном случае на проданной земле устроено было погребение, а в другом — воздвигнут алтарь Йахве? На эти вопросы приходится ответить отрицательно: эти действия были совершены покупателями после того, как земля была уже продана. Для Эфрона, сына Цохара, продаваемый им участок не служил местом погребения; сыновья Хамора никакого алтаря на продаваемом ими участке не воздвигли. Более того, если бы там был алтарь до продажи земли, вряд ли сам этот акт оказался бы возможным. Земля, послужившая объектом сделки, ничем в правовом отношении не отличается от других участков земли, находившихся в данной округе — в разбираемом тексте никакой оговорки об исключительности статуса этой земли нет.

Все обстоятельства покупки показывают, что в обоих случаях продается и покупается земля, находящаяся в частном владении. Прежде всего, мы имеем прямые указания на то, что продаваемый участок принадлежит продавцу (например, $\dot{s}\bar{a}\underline{d}\bar{e}h\bar{u}$ — «его поле»). Кроме того, Авраам и Иаков заключают сделки с частными лицами, непосредственно с продавцами. Даже само обращение к гражданской общине о разрешении купить землю не свидетельствует о необходимости ее санкции на куплю-продажу земли вообще, поскольку речь идет об исключительном случае продажи земли негражданину.

Очень важно также следующее: покупается точно определенный, фиксированный участок земли (ср.: «и пусть он даст мне пещеру Махпела»). Это значит, что ни участок, купленный Авраамом, ни участок, купленный Иаковом, не подлежали после покупки каким-либо переделам или заменам. Сказанное ясно уже из того, как покупатели использовали эти участки.

Все эти данные исключают, по нашему мнению, какие-либо аналогии в процедуре продажи земли, нашедшей отражение в легенде об Аврааме, с процедурой, предусмотренной среднеассирийским правом ¹¹. В среднеассирийском обществе продавался не конкретный участок, как это наблюдается в рассматриваемом тексте, но право на получение участка земли в общине; при этом последняя могла заменить проданный участок земли другим, равноценным ¹². Скорее можно было бы отметить близость к старовавилонскому обществу, где законы давали возможность любому лицу, если только оно владеет землей не условно (за службу), свободно продавать, менять, сдавать в аренду любую недвижимость, а также передавать недвижимость по наследству (ЗВАХ, І, стр. 267). Как известно, здесь какое-либо согласие общины или царя для совершения сделки не требовалось (там же). Аналогия со среднеассирийским правом тем более неправомерна, что легенда об Аврааме не содержит каких-либо указаний на то, что община Хеврона может потребовать замены проданного участка.

Все сказанное позволяет сделать следующие выводы: в тот период истории Палестины, условия которого нашли отражение в легенде об Аврааме, там существовало частное землевладение.

¹¹ Ср., однако, Амусин, «Народ земли», стр. 21. ¹² ЗВАХ, II, стр. 230; РЗОА, стр. 45—46.

Для изучения характера земельных отношений важное значение имеет вопрос о компетенции общины, который выясняется из той же легенды. Переговоры Авраама о покупке земельного участка прошли несколько этапов. Первый этап — это переговоры с общиной как целым, в ходе которых Авраам просит предоставить ему участок земли для устройства погребения и получает на это принципиальное согласие. Просьба Авраама мотивируется тем, что, как пришелец (gēr) и поселенец (tōšāh), он не имеет в пределах данной общины собственности на землю. Практически Авраам испрашивает и получает право приобрести участок земли, что соответствует праву үйс ёүхтногс, предоставляющемуся в отдельных случаях греческими полисами метекам. Источник не дает оснований предполагать. что одновременно Авраам стал гражданином Хеврона, полноправным членом данной общины. Речь шла только о приобретении земли, что далеко не равнозначно, поскольку правоспособность полноправного гражданина этим не ограничивалась: гражданин пользовался правом участвовать в политической жизни своей общины, ее культах и т. д. Источник, как и вся легенда об Аврааме, не содержит сведений о приобретении или осуществлении этим лицом гражданских прав в Хевроне.

Далее народное собрание остается только свидетелем сделки. Однако это обстоятельство играет существенно важную роль, поскольку, засвидетельствовав переход земли от одного лица к другому, община тем самым санкционирует этот акт.

Второй этап интересующей нас процедуры составляют непосредственные переговоры между Авраамом и Эфроном, сыном Цохара, их диалог, в ходе которого выявляется стоимость земли и совершается самый акт куплипродажи. Земля продается за четыреста сиклей серебра. В результате этой сделки земля становится «купленной», ее правовой статус определяется термином miqnā. В дальнейшем, на третьем этапе переговоров «хетты» присваивают ей новый правовой статус - аписка 13. Характерно, что статус mignā в предании рассматривается как естественный результат сделки, возникающий без прямого вмешательства общины. Следует заметить, что ни Септуагинта, ни Вульгата этого оттенка при переводе рассматриваемого текста не передали. Оба термина mignā и 'ариzzā переданы здесь соответственно словами ×τήσις и possessiones. Однако уже Таргум Онкелос передает miqnā через zěbīnōhi и 'ăhuzzā через 'ahsanat (ср. также в Пеmurte: 'ezděbēhū и yurtānā), что позволяет с достаточной достоверностью определить различие между обоими титулами собственности. Однако для доизраильского периода нет данных, которые позволили бы охарактеризовать конкретное содержание этого различия.

Изложенное позволяет более или менее четко определить сферу компетенции всех участников данной операции. Община предоставляет негражданину право на покупку земли в своих владениях. Она же устанавливает правовой статус купленной земли. Таким образом община не отказывается от осуществления над купленной землей своей публично-правовой власти и после совершения сделки. Непосредственно в совершении сделки община не участвует и на характер ее не влияет.

¹³ Ср. трактовку И. Д. Амусина (Амусин, «Народ земли», стр. 21), который полагает, что «хетты» утвердили переход поля и пещеры в собственность Авраама. Однако в соответствующем отрывке источника речь идет, по нашему мнению, именно об изменении правового статуса земли, уже перешедшей до этого к Аврааму. Утверждение перехода в собственность должно было, очевидно, произойти до этого акта. С нашей точки зрения «все приходящие к воротам города», т. е. народное собрание Хеврона (ср. Е. А. S ре i s e r, «Coming» and «Going» at the City Gate, BASOR, 144, 1956, стр. 20—23), утверждают сделку, во-первых, давая на нее предварительное разрешение и, во-вторых, присутствуя при ней в качестве свидетелей.

Впрочем, приходится иметь в виду, что в данном случае зафиксирована продажа земли нечлену гражданского коллектива. Как происходила продажа земли внутри общины, какою была в этом случае юридическая процедура, мы не осведомлены.

Близкая ситуация, хотя и более позднего времени, нашла отражение и в рассказах о покупке Давидом в Иерусалиме участка земли, предназначенного для постройки храма Йахве. В нашем распоряжении имеются две версии этого предания — во II книге Самуила (24, 18—25) и в I книге Хроник (21, 18—26). Рассмотрим оба эти рассказа. Во II книге Самуила говорится: «И пришел Гад к Давиду в день тот, и сказал ему: "Поднимись, воздвигни для Йахве алтарь на гумне Аравны, йевуссита". И поднялся Давид, как сказал Гад, ибо приказал Йахве. И взглянул Аравна, и увидел царя и рабов его, идущих к нему, и вышел Аравна, и поклонился царю лицом до земли. И сказал Аравна: "Почему пришел господин мой царь к рабу своему? "И сказал Давид: "Чтобы купить у тебя гумно для того, чтобы построить жертвенник для Йахве. И пусть гремит труба над народом". И сказал Аравна Давиду: "Пусть возьмет и пусть вознесет господин мой царь то, что ему понравится; смотри, вот вол для всесожжения, и сохи, и упряжь вола на дрова". Все дал Аравна (царь) царю. И сказал Аравна царю: "Йахве, бог твой, желал тебя". И сказал царь Аравне: "Нет, ибо покупая, куплю я у тебя за цену, и не вознесу для Йахве, бога моего, всесожжения даром". И купил Давид гумно и вола за серебро пятьдесят сиклей. И построил там Давид жертвенник для Йахве, и вознес всесожжения и мирные жертвы...». В І книге Хроник это предание изложено следующим образом: «И ангел Йахве сказал Гаду, чтобы он сказал Давиду, что пусть поднимется Давид, дабы воздвигнуть жертвенник для Йахве на гумне Орнана, йевуссита. И поднялся Давид по слову Гада, который говорил от имени Йахве. И повернулся Орнан, и увидел царя (в тексте hammālě'āk, несомненно, ошибка переписчика) и четырех сыновей его с ним, а Орнан молотил пшеницу. И вошел Давид к Орнану, и поднял глаза Орнан, и увидел Давида, и вышел из гумна, и поклонился Давиду лицом до земли. И сказал Давид Орнану: "Дай мне место гумна, и я построю на нем жертвенник для Йахве, за серебро полное дай его мне. И пусть гремит труба над народом". И сказал Орнан Давиду: "Возьми себе, и пусть делает господин мой царь то, что ему угодно. Смотри, даю я вола для всесожжения, и сохи на дрова, и пшеницу для жертвы минха, — все дал я". И сказал царь Давид Орнану: "Нет, ибо покупая, куплю я за полное серебро, ибо не принесу в жертву то, что принадлежит тебе, для Йахве, и не вознесу всесожжения даром". И дал Давид Орнану за место это золото по весу шестьсот сиклей. И построил там Давид жертвенник для Йахве, и вознес всесожжения и жертвы возмещения, и воззвал к Йахве, и ответил он ему огнем с небес на жертвенник всесожжения».

Как видим, оба текста не совпадают между собой в ряде деталей: различны имена продавцов, в книге Самуила нет указания на то, что продавец, когда царь явился к нему, работал на гумне, равно как и на то, что продавец предоставил пшеницу для жертвы «минха». Наконец, наиболее существенным представляется различие в цене гумна: по варианту книги Самуила — 50 сиклей серебра, по варианту книги Хроник — 600 сиклей золота. Последняя цена в сравнении с материалами из Угарита представляется преувеличенной; она показывает, что вариант книги Хроник сложился тогда, когда передатчики предания уже потеряли представление о реальной стоимости земли, бывшей объектом сделки.

Интересно, что в обоих вариантах рассказа община йевусситов даже не упоминается. Это может объясняться двумя обстоятельствами: либо санкция общины была в данной ситуации не обязательной, либо она подразу-

мевалась сама собой. Для решения этого вопроса необходимо уточнить обстановку, в которой совершается сделка: описываемые действия относятся к тому времени, когда Давид уже захватил Иерусалим и стал его полновластным хозяином. То обстоятельство, что он тем не менее вынужден покупать у Аравны/Орнана землю, показывает, что юридических прав на нее. прав собственности. Давид в результате завоевания не получил. Сделка между царем и Аравной оформляется как сделка между двумя равноправными контрагентами. Так как для Давида было очень важно соблюсти все формальности (самый факт покупки свидетельствует об этом) и так как он не был членом общины йевусситов, следует признать, по аналогии с преданием об Аврааме, наиболее правдоподобным, что сделка не могла быть совершена без санкции общины йевусситов, но, поскольку ее получение само собой подразумевалось, рассказчик не счел нужным о ней упомянуть. Возможно, однако, что именно на это намекают слова: «пусть гремит труба над народом». Но в этом случае приходится предполагать, что завоевание Давидом Иерусалима не привело к ликвидации городской общины йевусситов. Согласно Jud., I, 21 «живут йевусситы с вениамитянинами в Иерусалиме до сего дня». Эта фраза вряд ли свидетельствует о том, что йевусситы в израильском обществе имели статус «тошавов»; в таком случае сделка между Давидом и Аравной была бы невозможной, равно как было бы невозможным представление об Аравне как о собственнике или полноправном владельце земли. Речь в данном случае идет только о том, что община йевусситов продолжала существовать в Иерусалиме и после того, как израильтяне вторглись в Палестину и даже проникли на территорию этого города. При такой ситуации продажа земли Давиду должна была оформляться как сделка с нечленом общины.

Интересно, что на возможность отчуждения земли указывают и угаритские документы об обмене и купле-продаже земли ¹⁴. Однако здесь, как и в предании об Аврааме, о чем уже говорилось выше, не указываются границы отчуждаемого участка, который называется только по имени владельца. По нашему мнению, это не может свидетельствовать о том, что внутри общины в Угарите отсутствовало закрепление точно определенного участка земли за определенным лицом 15. То обстоятельство, что имя владельца оказывается достаточным указанием, о каком именно участке идет речь, при отсутствии каких-либо указаний на право общины заменить проданный участок другим, показывает, что в Угарите уже сложилось представление об этих участках как о частных владениях, т. е. отчуждавшихся вне зависимости от санкций общины. Такой порядок, однако, предполагал, что размеры и границы участка должны оставаться неизменными на протяжении достаточно длительного времени.

Иудейско-израильское завоевание Палестины одним из своих последствий имело возникновение несколько более архаичных отношений собственности.

Вся страна как нечто целое рассматривалась как объект, предназначенный для всего этого племенного союза. В связи с тем, что согласно легенде именно Йахве привел израильтян на территорию Палестины и отдал ее им (в этом — характерная черта образа Йахве как племенного бога, предводителя племенного союза в походе против врагов 16), она рассматривается как собственность божества. Сказанное не означает, что мы

¹⁴ PRU, III, 16.343; 16.277; 15.123; 16.152 и RŠ, 8213; PRU, III, 15. 139; 16.139; 16.131; 16.154; 15.163; 16.353; 16.246; 16.147; 16.156. М. Л. Гельцер, Некоторые вопросы аграрных отношений в Угарите, ВДИ, 1960, № 2, стр. 87—89.

15 М. Л. Гельцер, Сельская община и прочие виды землевладения в древнем Угарите, ВДИ, 1963, № 1, стр. 48.

¹⁶ Ср. С. А. Токарев, Ранние формы религии, М., 1964, стр. 368—374.

имеем дело с пережитком общинной собственности на землю. Скорее здесь перед нами попытка обосновать представление о том, что Палестина является законным владением, законной добычей иудейско-израильского племенного союза, ссылкой на волеизъявление Йахве ¹⁷. Подобные указания мы встречаем неоднократно. Так, в Gen., 17, 8 читаем: «... и я дам тебе и потомкам твоим после тебя страну, в которой ты поселился ('äräs megurakā), всю страну Ханаан в собственность вечную (lā'ăhuzzat 'ōlām), и я буду вам богом». В другом месте (Gen., 48, 4) говорится: «Й дам я страну эту потомству твоему после тебя в собственность вечную (lā'ăhuzzat 'olam)». Еще один случай (Dt., 5, 28): «...в стране, которую даю я вам, чтобы овладеть ею». Аналогичные мотивы имеются и в пророческой литературе (ср., например, Jer., 7, 7: «...в стране, которую дал я предкам вашим от века и до века»), а также в псалмах (44, 4; 105, 11). С предельной ясностью, однако, концепция Йахве — верховного собственника земли выражена в книге Левит (25, 23): «Ибо мне принадлежит эта страна (kī lī hā'āräş) 18, ибо пришельцы (gērīm) и поселенцы (tōšābim) вы у меня». Эта копцепция, как увидим, служит здесь обоснованием ряда юридических норм, регулировавших земельные отношения. Впрочем, так как израильтянам ряд территорий Палестины захватить не удалось (к таким областям относятся, в частности, Гезер и ряд районов северной Палестины — ср. Jud., I, 29—32), а в других случаях ханаанейское население в течение длительного времени продолжало существовать и под властью израильтян (Китрон, Нахалал, Бет-Шемеш, Бет-Анат, Айалон, Шааль-Таанах, Дор, Мегиддо, Гибеон — Jud., I, 27 и 30—35), можно полагать что и после вторжения израильтян на территории Палестины продолжали сохраняться и доизраильские правовые отношения, продолжали существовать области, в которых действовало ханаанейское право. в том числе и земельное, наряду с правом, формировавшимся в это время в израильском обществе.

Если говорить о чисто израильских правовых нормах, регулировавших земельные отношения, то они, сколько мы можем судить, отражали более архаичный, нежели ханаанейское право, уклад, характеризующийся господством родовой собственности на землю. Теоретически по данным традиции эта собственность возникла в результате раздела завоеванной Палестины между родами и племенами, о котором подробно рассказывается в книгах Иисуса Навина и Судей. В том виде, в каком этот акт изображен в первом из названных произведений, он представляет собой, несомненно, позднейшую реконструкцию. Для нас, однако, важно

¹⁷ В связи с этим кажется затруднительным принять точку зрения, согласно которой в данном случае перед нами скорее метафорическая, нежели адекватная формула (R. N o r t h, Sociology of the Biblical Jubilee, Roma, 1954, стр. 158—160). В равной степени представляется слабо обоснованной точка зрения Э. Нейфельда, подагающего, что концепция о Йахве как верховном собственнике земли возникла в вреческих кругах (E. N e u f e l d, Socio-economic Background of Yöbel and Semitta, RSO, XXXIII, 1958, стр. 66; ср. также S c h m i d t, Bodenrecht, стр. 10). Возможно, слако, что эта концепция была воспринята жрецами Иерусалимского храма и использывана в их политических интересах. В свете сказанного вряд ли также может быть планята теория о несовместимости концепций божьей и частной собственности на земле (H e n r e y, Land Tenure, стр. 5—15).

нача перия и несовительности поливения объева и частной соотвенности на земтые (Не и ге у, Land Tenure, стр. 5—15).

18 Аналогичная формула, согласно которой вся земля, в том числе и Иудея, привышежит Йахве (унwh 'lhy kl h'rs hry yhwd lw l'lhy yršlm), имеется и в одной из довитенных йахвистических надписей (J. N a v e h, Old Hebrew Inscriptions in a Burial Cave, fEJ, 1963, 2, стр. 74—92), и которую издатель датирует царствованием Хизы и временем похода Синахериба. Однако здесь представление о том, что данная трина — Иудея — принадлежит Йахве, выводится из того, что вся земля рассматывается как его владение. Очевидно, такая точка зрения возникла в результате телеформации образа Йахве.

З ∃элшк дравней истории, № 4

заметить, что получающие надел получают не участки, которые могут быть в дальнейшем переделены, но наследственные владения 19. Именно поэтому наряду с термином gorāl «жребий», которым могли быть обозначены племенные наделы (Jud., 1, 3), участки земли, полученные в результате таких разделов, называются в Библии năhălā «наследие» (Jehos.,24,28; Jud., 2, 6; ср. 9; I Reg., 21, 3). В особенности показательна следующая фраза, рисующая положение левитов, лишенных земельной собственности «нет у него доли (häläq) и наследия (nāḥālā) среди вас» (Dt. 12,12). Наряду с этим для обозначения родовой земельной собственности обычно применяется термин 'ahuzzā. В особенности характерно его употребление в тексте книги Левит (27, 22-24), где он противопоставлен другому термину, обозначающему купленную землю (śědē mignātō). Правда, в одном случае термин 'ăhuzzā применен к рабам-чужеземцам (Lev., 25, 45), которые в противоположность рабам-единоплеменникам рассматриваются как неотчуждаемая собственность их владельца. Термин miqnā (вариант miqnā) встречается в Библии 82 раза и обычно обозначает либо собственность, которая может служить объектом купли-продажи (от исходного qānā «покупать»), либо, более конкретно, скот. В этом отношении интересную параллель данному термину представляет латинское ресиз, означавшее, как известно, не только скот, но и имущество вообще ²⁰. Однако здесь наблюдается взаимно противоположная эволюция терминов: в еврейском языке от абстрактного к конкретному, тогда как в латинском — от конкретного к абстрактному. Здесь нашли отражение, видимо, существенно различные представления: для израильтянина в период, когда складывалась терминология, скот был важнейшим видом отчуждаемой собственности, тогда как для латинянина в аналогичное время скот был важнейшим видом имущества вообще. Характерно, что в переводах Септуагинты и Вульгаты эти термины не различаются.

По-видимому, некоторое соответствие этим двум типам собственности обнаруживается в среднеассирийском обществе, где также различались купленные земли (ši 'āmātu) и наследственные (zittu). Однако в отличие от порядков, существовавших в древнем Израиле и Иудее, здесь купленная земля могла с течением времени превращаться в наследственную; в свою очередь наследственная земля могла стать объектом продажи, причем продажа земель обоих типов не имела своеобразных юридических последствий (РЗОА, стр. 47).

Родовые земли в принципе не должны были выходить за пределы рода. Библейские законы (Num., 27, 8—11) знают только наследование внутри рода. В этом отрывке сказано: «И сынам Израиля скажи, говоря: "Человек, если умре́т, а сына нет у него, то передайте наследие его (naḥālatō) дочери его. А если нет у него дочери, то отдайте наследие его братьям его. А если нет у него братьев, то отдайте наследие его братьям отца его. А если нет братьев у отца его, то отдайте наследие его родственнику его (lišī'ērō), ближайшему к нему из рода его (mimmišpahtō), и он унаследует (yāraš) ero. И будет это сынам Израиля как закон (lěhuqqat mišpat), как приказал Йахве Моисею"». Дочь-наследница, как и эпиклера греческого права, должна была, как показывает прецедент с дочерьми Целафхада (устанавливаемая ad hoc правовая норма), выходить замуж только в пределах своего рода: «за того, кто понравится им, пусть они выходят

79), однако указаний на этот счет в источниках нет.

20 Л. А. Ельпицкий, Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—
III вв. до н. э., М., 1964, стр. 26.

¹⁹ Cp. Häusler, Sklaven, стр. 35. Теоретически, несомненно, могло существовать представление об исконном равенстве первоначальных наделов (М. Sulzberger, The Polity of the Ancient Hebrews, JQR, N. S., III, 1912—1913, стр. 78—

замуж, только в роде отца их (lěmišpaḥat maṭtē ʾāḇīhēm) пусть они выходят замуж» (Num., 36, 6). Очень интересна мотивировка этого закона: «Пусть не переходит наследие (nāḥālā) у сынов Израиля от рода к роду (mimmaṭtā ʾāl maṭtā), ибо каждый за наследие рода отцов его (běnāḥālat maṭtē ʾāḇōṭāw) пусть держатся сыны Израиля» (Num.,36,7). И далее (Num., 36,8): «чтобы унаследовали сыны Израиля каждый наследие отцов своих (naḥālaṭ ʾāḇōṭāw)» 21 . Традиция сохранила упоминание об одном случае такого брака (I Chr., 23, 22): «Умер Элеазар, и не было у него сыновей, только дочери, и взяли их за себя сыновья Киша, братья их», т. е. представители того же рода. Здесь же, очевидно, один из истоков левирата (Dt., 25, 5—10). Когда Калев выдавал свою дочь Ахсу замуж за своего же младшего брата Отниэля и дал ей при этом в приданое землю и источники вод (Jud., I, 13—15), принцип неотчуждаемости земли за пределы рода при этом не был нарушен. Практически имело место только перераспределение земли внутри рода.

На прямую связь левирата с проблемой сохранения земли в роде указывает и отрывок из книги Руфь (4, 5): «чтобы восстановить имя умершего над наследием его». Неотчуждаемость земель 'аhuzzā за пределы рода в израильско-иудейском обществе существенно отличала их правовой статус от того, что мы наблюдали в ханаанейских обществах Палестины, где, как показывает предание об Аврааме, земли 'аhuzza могли служить объектом торговых сделок ²². С принципом неотчуждаемости родовой земли за пределы рода связано также и то обстоятельство, что во всех известных нам случаях покупки земли частными лицами (в книге Иеремии и в книге Руфи) оба контрагента — родственники. Более того, права, вытекающие из родственных отношений, отмечаются как обоснование права на покупку участка земли: «Вот, Ханамэль, сын Шаллума, твоего дяди, придет к тебе, чтобы сказать: купи себе поле, которое в Анатоте, ибо тебе принадлежит право выкупа (mišpat hagge ulla), чтобы купить» (Jer., 32, 7). И далее (Jer., 32, 8): «Йбо тебе принадлежит право наследования (mišpat hayyěruššā) и тебе принадлежит право выкупа (haggě'ullā)». Из этих оговорок очевидно, что лица, не располагавшие ни правом наследования, ни правом выкупа, т. е. не бывшие членами рода, не имели права и покупать данную землю ²³.

²¹ Ср. об этом Ранович, Очерк, стр. 94—95.

²² М. Лурье (Lurje, Studien, стр. 5—6) видел в неотчуждаемости родовой земли пережиток коллективной собственности на землю. По мысли Р. Норта (North, Sociology, стр. 172) концепция «божьей земли» служила идеологическим обоснованием собственности, которая была сделана частной «до такой степени, что стала неотчуждаемой». По его мнению, однако, носителем божественной собственности является не личность, а «индивидуальная семья». С нашей точки зрения, неотчуждаемость земли, принадлежавшей роду или большой семье, вытекала из того, что первоначально земля считалась коллективной собственностью всей общины и соответственно не могла служить объектом купли-продажи для данного рода или большой семьи. Ею могла распоряжаться только община как целое. После прекращения переделов земли принции неотчуждаемости сохранился, изменив теперь свое содержание и способствуя экономической стабильности рода. В литературе широко распространена точка зрения, согласно которой пережитком коллективной собственности на землю были законы о субботнем годе, когда земля находилась под парами и, как полагают, происходили переделы земли (Neufeld, Socio-есопотіс Background, стр. 69—72). Однако в законах о субботнем годе (Ех., 23, 10—11) переделы земли не упоминаются. Как пережиток коллективной собственности здесь следует, вероятно, рассматривать только разрешение беднякам, т. е. лицам, по тем или иным причинам утратившим свой земельный надел, пользоваться плодами, выросшими в течение субботнего года.

²³ Подробно о gĕ'ullā см. N o r t h, Sociology, стр. 36; N e u f e l d, Socio-economic Background, стр. 74—77. Ф. Буль (B u h l, Die socialen Verhältnisse, стр. 56—60) видел в этом обычае пережиток общинного землевладения. Скорее прав, однако,

Значительный интерес в связи со сказанным представляет рассказ о попытке израильского царя Ахава овладеть виноградником изреелитянина Навота, занимающий одно из центральных мест в повествовании I книги Парей (21, 1—15): «И было после этих событий, виноградник был у Навота изреелитянина, который находился в Изрееле, рядом с дворцом Ахава, царя Самарии. И говорил Ахав Навоту, сказав: "дай мне виноградник твой, и он будет мне огородом (gan yārāq), ибо он рядом с домом моим. И я дам тебе за него виноградник лучший от себя, или, если тебе понравится, я дам тебе серебро— цену эту (käsäp měhīr zä)". И сказал Навот Ахаву: "Упаси меня Иахве от того, чтобы отдать наследие предков моих (naḥālat ʾābōtay) тебе". И пришел Ахав в дом свой, огорченный и разгневанный из-за речи, которую говорил ему Навот изреелитянин, а он сказал: "не дам я тебе наследие предков моих (naḥălat ʾābōtay)". И лег он (Ахав.— И. Ш.) на ложе свое, и отвернул лицо свое, и не ел хлеба. И пришла к нему Изевел, жена его, и говорила ему: "Что это душа твоя огорчена и ты не ешь хлеба?". И говорил он ей: "Ибо говорил я Навоту изреелитянину, и сказал ему: отдай мне виноградник твой за серебро, или, если ты хочешь, я отдам тебе виноградник вместо него. И он сказал: не отдам я тебе виноградник свой". И сказала ему Изевел, жена его: "Ты теперь осуществляешь царскую власть над Изреелем; встань, ешь хлеб и ублаготворяй сердце свое, — я отдам тебе виноградник Навота изреелитянина". И она написала письмо от имени Ахава, и запечатала печатью его, и послала письма эти старейшинам (hazzěqēnīm) и свободным (hāḥōrīm), которые в городе его, живущим с Навотом. И написала она в письмах этих следующее: "Провозгласите пост, и посадите Навота во главе народа. И посадите двух мужей негодных против него, и они будут обличать его, говоря: ты проклинал бога и царя, и выведут его, и побьют его камнями, и он умрет". И сделали мужи города его ('anšē 'īrō), и старейшины (hazzěqěním) и свободные (hahōrím), которые живут в городе его, так, как посылала с ним Изевел, так, как написано в письмах, которые она послала им. Провозгласили они пост и посадили Навота во главе народа. И пришли два мужа негодных, и обличали его мужи негодные, Навота, при народе, говоря: "Проклинал Навот бога и царя". И вывели его за пределы города, и побили его камнями, и он умер. И послали к Изевел, чтобы сказать: "Побит камнями Навот и умер". И было, когда услышала Изевел, что побит камнями Навот и умер, и сказала Изевел Ахаву: "Встань, завладей (rēš) виноградником Навота, изреелитянина, который он отказался отдать тебе за серебро, ибо нет Навота в живых, ибо он умер". И встал Ахав, чтобы пойти в виноградник Навота, изреелитянина, чтобы завладеть им (lerištō)». В дальнейшем действия Ахава характеризуются как «зло в глазах Йахве» (I Reg., 21, 20); они связываются с его служением «идолам» (gillūlīm) и следованием примеру «аморейцев, которых изгнал Йахве от лица сынов Израиля» (I Reg., 21, 26). Наконец, в повествовании о гибели династии Омридов, к которой принадлежал Ахав (II Reg., 9, 26), падение этой династии рассматривается как возмездие за кровь Навота и кровь сыновей его (děmē bānāw). Таким образом, имеются основания утверждать, что вместе с Навотом были казнены и его сыновья.

Следует заметить, что саму по себе попытку Ахава приобрести наследственную землю Навота наш источник не считает преступлением, хотя, как мы видим, возможность утратить «наследие» и кажется изреелитянину ве-

 $[\]vartheta$. Нейфельд, полагающий, что gě'ullā— ius redemptionis— восходит к внутриплеменной и внутриродовой солидарности, связанной с обязанностью членов данного племени или рода поддерживать их стабильность.

личайшим бедствием ²⁴. Легенда инкриминирует Ахаву гибель Навота, уничтоженного в результате подстроенного судебного процесса с участием лжесвидетелей и захват земли, оказавшейся таким образом выморочной.

Ахав предлагает Навоту на выбор дилемму — либо продать ему виноградник, либо обменять этот виноградник на другой, более ценный. Уже из этого предложения очевидно, что какими-либо владельческими правами на землю Навота Ахав не располагал и, следовательно, о какойлибо верховной собственности царя в иудейско-израильском обществе говорить нельзя. Правда, в ином случае (II Reg., 8, 3—6) рассказывается об обращении к царю с просьбой о возвращении дома и земельного участка. Царь отдает приказ, удовлетворяющий эту просьбу, но он делает это не в порядке осуществления своих собственнических прав на данную землю, но в порядке осуществления своей публично-правовой власти, как высшая судебная инстанция, компетенции которой подлежало, в частности, рассмотрение вопросов, связанных с земельной собственностью.

Особенность сделки, которую Ахав предложил Навоту, заключается в том, что оба контрагента в отличие от случаев, рассмотренных выше, не были родственниками. Соответственно Ахав не располагал ни правом наследования, ни правом выкупа, т. е. сделка не предполагала, как можно было бы ожидать, существования права покупателя на продаваемую землю. При этих условиях, если бы сделка состоялась в полном соответствии с нормами иудейско-израильского права, должны были бы вступить в силу законы об Юбилейном годе, т. е. сделка, как мы увидим далее, должна была бы носить временный характер. Между тем из всего поведения Навота очевидно, что предложение Ахава предусматривало окончательное отчуждение участка земли. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело с попыткой распространить на израильское общество те правовые отношения, которые существовали в ханаанейском, соответственно — финикийском обществе. Сопротивление, которое оказал Навот Ахаву, говорит, очевидно, о том, что попытки уничтожить различие между двумя типами земельной собственности — купленной и родовой — наталкивались на противодействие землевладельцев, справедливо опасавшихся утраты родами их экономической стабильности.

Принципиальная неотчуждаемость родовой земли нашла свое наиболее законченное выражение в законах о Юбилейном годе. Вопрос о социальных корнях и значении Юбилея, а также о степени действенности этого закона весьма подробно рассматривался в специальной литературе ²⁵. Нужно заметить, что в нашем распоряжении нет данных, которые бы противоречили тезису действенности закона о Юбилее ²⁶. В пророчестве Иезе-

²⁴ М. Нот указывал в связи с этим, что отказ Навота был вызван боязнью лишиться вместе с землей и гражданских прав (М. N o t h, Das Krongut der israelitischen Könige, ZDPV, 50, 1927, стр. 211. Ср. также В u h l, Die socialen Verhältnisse, стр. 45; S. W. В а г о п, A Social and Religious History of the Jews, I, N. Y., 1958, стр. 68). Нот, однако, допускает, на наш взгляд, некоторую модернизацию, полагая, что Ахав приобрел виноградник Навота в порядке конфискации имущества казненного преступника.

²⁵ Укажем здесь North, Sociology; Neufeld, Socio-economic Background,

стр. 53—124, где учтена и вся предшествующая литература.

26 Н. М. Никольский видел в юбилейной торе, относящейся к земельной собственности, утопический проект, находившийся, по его мнению, в противоречии с развитием сделок о купле-продаже земли (Н. М. Н и к о л ь с к и й, Происхождение Юбилейного года, ИАН Оон, VII сер., 1931, № 9, стр. 1060—1061; о в же, Некоторые основные проблемы, стр. LVII и LXX). Аналогичную точку зрения высказал и М. Х. Сегал (М. Н. S e g a l, The Composition of the Pentateuch, «Scripta Hierosolymitana», VIII, 1961, стр. 68—114). Г. Шмидг (S с h m i d t, Bodenrecht, стр. 12) рассматривал законы об Юбилее как попытку жреческих кругов послепленного

киила (7, 13), когда речь идет о бедствиях, предстоящих Израилю, говорится: «продавший к проданному не возвратится». Нам представляется несомненным, что в данном случае речь идет о прекращении при чрезвычайных обстоятельствах проведения Юбилеев. Видимо, до катастрофы, о которой говорит Иезекиил, Юбилей представлял собой реальность, исчезновение которой казалось большим несчастьем для общества. Судя по дошедшему до нас описанию, Юбилей (Lev., 25, 8—13) представлял собой возвращение родовой собственности ('àhuzzā), так или иначе отчужденной за пределы рода, ее законному владельцу. Не случайно самый термин yōbēl в Септуагинте передается греческим ἄφεσις (Lev., 25, 33). Этот акт производился раз в пятьдесят лет. Характерны предписания, связанные с продажей земли (Lev., 25, 14—16): «Если вы будете продавать продажное (mimkār) ближнему своему или покупать у ближнего своего, не притесняйте друг друга. По числу лет после Юбилея покупай у ближнего своего, по числу лет урожая (šĕnē tĕbū'ōt) пусть он продает тебе. Если много лет, увеличь цену его (mignātō), а если мало лет, уменьши цену его, ибо число урожаев продает он тебе». И далее (Lev., 25, 23-28): «А земля не будет продаваться безвозвратно (lism $\bar{t}\bar{u}t$) 27 , ибо мне принадлежит земля, ибо пришельцы и поселенцы вы у меня. И относительно любой земли собственности вашей ('äräs 'ahuzzatěkäm),— выкуп (gě'ullā) давайте за эту землю. Если обеднеет брат твой и продаст от наследственной собственности своей (mē'āḥuzzātō), то придет выкупающий его (gō' ēl), близкий к нему, и выкупит проданное (mimkar) брата своего. А человек, у которого не будет выкупающего (go'ēl), и разбогатеет он (wehiśśīgā yā $d\bar{o}$), и найдет он, сколько нужно, для выкупа своего, и он рассчитает годы продажи своей, и вернет оставшееся человеку, которому он продал, и вернется к наследственной собственности своей. А если не найдет рука его, чтобы возвратить ему, то будет проданное его в руке купившего у него до года Юбилея, и выйдет в Юбилей, и он вернется к наследственному владению своему». То обстоятельство, что сородич в данном случае выступает в качестве лица, выкупающего землю, свидетельствует, на наш взгляд, о том, что речь идет о продаже земли за пределы рода. При этом ничего не говорится в этом случае о судьбе выкупленной земли, которая могла, видимо, и не возвращаться к первоначальному владельцу. Обязанность выкупающего, как кажется, заключалась только в том, чтобы вернуть землю роду. Если же продавший землю выкупает ее сам или если она возвращается к нему при проведении Юбилея, то и в пределах рода она возвращается ее прежнему владельцу 28.

Вероятно, справедлива точка зрения, согласно которой законы о Юбилее представляют собой частичное отступление от древнего принципа полной неотчуждаемости родовой земли 29. Материалы, собранные Дж. Леви, показывают, что мы имеем дело в данном случае с рецепцией правовой нормы, возникшей в Сирии задолго до создания там иудейско-израильского общества ³⁰. Однако закон считал возможным лишь временное

периода ограничить возможности концентрации земли. Ср. также N o t h, Das Krongut, crp. 212.

27 Cp. Hogg, The Meaning of lsmtt in Lev. 25, 23-30, AJSLL, 42, 1926, crp.

^{208-210.}

²⁸ Cp. B u h l, Die socialen Verhältnisse, crp. 112. 29 Sulzberger, The Polity, стр. 75—76. Illeффер (H. D. Schaeffer, Hebrew Tribal Economy and Jubilee, Lpz, 1923) видит в Юбилее компромисс между системой групповой собственности и позднейшим институтом частной собственности. С этой точки зрения прав Нейфельд (Neufeld, Socio-economic Background, стр. 65), который отмечает, что закон о Юбилее представляет собой «смесь очень древних

идей и новых правил». 30. Lewy, The Biblical Institution of Deror in the Light of Accadian Documents, «Eretz-Israel», V. 1958, стр. 21—31. Следует при этом заметить, что источники не да-

отчуждение родовой земли — либо с условием последующего выкупа (ср. греческое πρᾶσις ἐπὶ λύσει), либо с условием последующего безвозмездного возвращения собственнику ³¹. Полное и окончательное отчуждение оказывается возможным только внутри рода — при переходе земли от одного сородича к другому. В связи с этим представляется наиболее правдоподобным, что концентрация земли, о которой мы узнаем из публипистических выступлений пророков (Jes., 5, 8; Mich., 2, 2), происходила внутри родов, в руках родовой аристократии ³². В своих внешних сношениях род продолжал выступать как коллективный собственник земли, которая не могла быть отчуждена безвозвратно, но одновременно внутри рода складывалась частная собственность на землю, правда, ограниченная его Возникновение внутриродовой частной собственности на землю имело, очевидно, своим следствием прекращение переделов земли и поэтому в нашем источнике нет о последних никаких упоминаний — речь идет лишь о разделе земли при завоевании 33. В том месте из пророчества Михея (2, 4-5), которое многие считают свидетельством существования переделов, если рассматривать весь контекст в целом, также идет речь лишь о том, что земля, некогда принадлежавшая Израилю, у него отобрана и не будет ему возвращена: «В тот день произнесут о вас притчу и оплачут, говоря: "Совершенно разорены мы; долю (hēläq) народа моего он (Йахве. — И. Ш.) отобрал. Как возвратит мне поля наши тот, кто поделил их? "Поэтому не будет у тебя бросающего вервь по жребию (běgōrāl) в собрании Йахве». Представляется несомненным, что в данном случае речь идет не о прекращении переделов земли. Положение, о котором пророчествует Михей, мыслится следующим: земля, некогда принадлежащая Израилю, у него отобрана и не будет ему возвращена, поэтому она не сможет быть заново поделена между израильтянами. Упоминание в данном тексте «собрания Йахве» показывает, что пророк имеет в виду традицию о разделе Ханаана между членами Израильского племенного союза, как она отражена в книге Иисуса Навина 34.

Как полагают, в пользу тезиса о существовании в израильско-иудейском обществе переделов земли свидетельствует отрывок из книги Иеремии (37, 12) 35, где повествуется об уходе Иеремии из Иерусалима, осажденного войсками Навуходоносора II. Цель его ухода сформулирована следующим образом: laḥāliq miššām bětōk hāʿām. То или иное понимание

был закономерным этапом на пути перехода от коллективной собственности к настной. 31 Э. Нейфельд (N e u f e l d, Socio-economic Background, стр. 64) видел здесь своеобразную форму узуфрукта. Р. Норт (N o r t h, Sociology, стр. 174), вероятно, прав, когда он полагает, что закон о Юбилее не охватывал все виды собственности, существовавшие в иудейско-израильском обществе. Действительно, здесь речь идет только об эйниха.

ют оснований предполагать, будто в какой-то период истории иудейско-израильского общества имело место забвение обычаев, связанных с Юбилеем, а затем их возрождение в условиях острой политической борьбы (N e u f e l d, Socio-economic Background, стр. 117—118). Представляется более вероятным, что и в этом обществе Юбилей был закономерным этапом на пути перехода от коллективной собственности к частной.

³² P. Hopt (N o r t h, Sociology, стр. 39) отмечает, что концентрация земли приводила к созданию «земельной монополии», что в свою очередь имело следствием возникновение «монополистического угнетения» населения. В этой характеристике нельзя не отметить грубой модернизации. К тому же вопрос о том, как происходила концентрация земли, какова внутренняя механика этого процесса, Р. Норт не рассматривал.

ривал.

33 Jeh., 17, 14—17; 13, 15 сл.; Num., 33, 54; 26, 52—56; Jes., 34, 14; Am., 7, 17.

34 В и h l, Die socialen Verhältnisse, стр. 58; L и г j e, Studien, стр. 5. Существование переделов земли предполагают Р. Норт (N о г t h, Sociology, стр. 164—165), Г. Шмидт (S с h m i d t, Bodenrecht, стр. 17—18), Н. М. Никольский (Н и к о л ьск и й, Некоторые основные проблемы, стр. LIV), А. Ранович (Р а н о в и ч, Очерк истории, стр. 88).

35 В и h l, Die socialen Verhältnisse, стр. 58.

данного очень трудного отрывка зависит от истолкования слова lahăliq, имеющего довольно необычную огласовку. Оно представляет собой, несомненю, инфинитную форму глагола hlq; предполагают, что в данном случае перед нами каузативная порода Hipʻil со значением an der Verlosung teilnehmen или eine Erbschaft im Empfang nehmen ³⁶. Такое понимание подтверждается рядом аналогичных форм в других библейских текстах (ср. Jes., 23, 11: lašmīd из lěhašmīd «уничтожить»; Ат. 8,4: lašbīt из lěhašbīt «погубить», Ps., 26,7: lašmīā из lěhašmīā «возгласить», букв. «заставить услышать») ³⁷.

Большинство древних переводчиков Библии видели в интересующем нас слове производную от слова hlq «делить». В Вульгате мы читаем: ut... divideret ibi possessionem in conspectu civium. Таргум Ионатана дает следующий текст: «для раздела наследия ('ahsantā), которое было у него там, среди народа». Примерно такой же смысл дает и Пешитта: «чтобы разделить там долю (měnātā) среди народа». Как видим, все эти переводы исходят из презумиции, согласно которой Иеремия предполагал разделить принадлежавшее ему имущество. Таким образом, даже в этом случае источник ничего не говорит о переделах земли. Однако при подобном понимании библейского lhlq в масоретском тексте обнаруживается отсутствие логической связи между отдельными словами, составляющими фразу. Ее перевод был бы в этом случае: «чтобы разделить о т т у д а среди народа». Как мы видели, цитированные выше переводы обходят эту трудность, заменяя еврейское «оттуда» (miššām) на «там» (латинское ibi, арамейское и сирийское tammān). Единственный перевод, в котором это еврейское слово сохранено, — Септуагинта. Она, однако, дает несколько неожиданную трактовку lhlq (Jer., 44, 11): τοῦ ἀγοράσαι ἐκεῖθεν ἐν μέσψ той λαοй «чтобы появляться оттуда среди народа». Этот перевод предполагает, что, удалившись из Иерусалима, Иеремия время от времени будет появляться среди народа в наиболее людных местах (ἀγοράσαι), очевидно, для того, чтобы обращаться со своей проповедью. По-видимому, оконча гельное решение вопроса о значении в интересующем нас контексте слова hlq до обнаружения новых материалов невозможно. Однако представляется бесспорным одно: текст ничего не говорит о переделах земли, как бы слово hlq ни понимать. И было бы странным, если бы дело обстояло иначе. Трудно себе представить, чтобы во время осады Иерусалима, когда Иудейское царство находилось на грани гибели, а нормальная жизнь в стране была нарушена, могли бы проводиться переделы земли, даже если бы они практиковались. Странным кажется и тот факт, что Иеремия, когда его обвиняют в попытке перебежать к врагу, даже не думает сослаться на необходимость личного участия в столь важном общинном мероприятии.

Выше упоминалось о том, что наряду с земельной собственностью, обозначавшейся термином 'àḥuzzā, существовал и другой вид собственности на землю — купленная земля (śĕdē miqnātō — Lev., 27, 22—24). Особенность этих земель заключалась, очевидно, в том, что на них не распространялись законы, действовавшие применительно к 'àḥuzzā. Иными словами, они не представляли собой собственности рода, оставаясь в собственности полностью частной; на них не распространялось и действие закона об Юбилее. Интересно в этой связи предание о покупке израильским царем Омри земли некоего Шемера (І Reg., 16, 24): «И купил он гору Шомрон у Шемера за два таланта серебра, и застроил он гору, и наз-

³⁶ Gesenius-Buhl, s. v. hlq, II. 37 К. Брокельман видел здесь вслед за Бартом форму основной породы Qal (K. Brockelmann, Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen, I, 1907, стр. 338).

вал имя города, который построил, по имени Шемера, хозяина горы (аdoni hāhār) Шомрон (Самария)». В Библии, помимо данного текста, имя собственное Шемер (ката) встречается еще три раза: в родословиях Левитов (I Chr., 6, 31), Иссахара (I Chr., 7, 34) и Вениамина (I Chr., 8, 12). Таким образом, есть основания полагать, что Шемер, у которого Омри купил гору, был израильтянином. Из контекста ясно, что земля, о которой идет речь, продана им царю навечно; на нее, следовательно, принцип неотчуждаемости, провозглашаемый законом об Юбилее, не распространялся.

Весьма сложным кажется вопрос о том, в каком соотношении находились представления об указанных двух типах собственности на землю с представлениями о земле, находящейся в распоряжении определенного гражданского коллектива. Теоретически, как известно, мы можем столкнуться с двумя случаями. Земли могут находиться в коллективной собственности граждан (например, пастбища, выгоны и т. п.), и в этом случае мы имеем дело с коллективным собственником земли. Земли могут находиться и в частной собственности, и в этом случае перед нами — коллектив собственников. Весь приведенный выше материал показывает, что в Палестине конца II — первой половины I тыс. до н. э. существовал преимущественно второй случай. Гражданский коллектив осуществлял не право собственности на землю, но публично-правовую власть. Как показывает изложение в четвертой главе книги Руфь (4, 3-8), купляпродажа земли внутри рода производилась с санкции совета старейшин органа власти данного гражданского коллектива. Однако в данном случае мы сталкиваемся, по-видимому, с некоторой архаизацией. Уже рассказ о винограднике Навота, процитированный выше, показывает, что органы власти Изреели в собственно земельные операции не вмешивались. В рассказе о том, как Иеремия покупал землю, отсутствуют какие-либо упоминания об органах власти, которые должны были бы санкционировать сделку. Она фиксируется письменно (составляются два документа: запечатанный и открытый) в присутствии свидетелей и «всех иудеев, сидящих во дворе стражи». Здесь перед нами, несомненно, лица, находившиеся вместе с Иеремией под арестом по обвинению в государственной измене.

Особое место занимали в иудейско-израильском обществе царские земли, среди которых имелись пахотные (ср. I Sam., 8, 12; I Chr., 27, 26), а также виноградники и плантации оливковых деревьев (I Chr., 27, 26—31) зз. Помимо покупки частновладельческой земли, о чем уже шла речь выше, этот фонд образовался, видимо, и в результате прямого захвата общинных земель. Судя по истории земли, которую Омри приобрел у Шемера, она находилась вне юрисдикции соответствующих гражданских коллективов. Из этого фонда царь наделял землей своих приближенных, воинов и т. п.

Дальнейшее развитие земельных отношений в послепленный период привело в иудейском обществе к возникновению единой частной собственности на землю и к устранению тех различий, о которых шла речь выше.

³⁸ См. подробно N o t h, Das Krongut; М. Л. Гельцер, Новые публикации эпиграфического материала из Сирии и Палестины, ВДИ, 1961, № 1, стр. 172 слл.

Г. Кошеленко, О. Оразов

О ПОГРЕБАЛЬНОМ КУЛЬТЕ В МАРГИАНЕ В ПАРФЯНСКОЕ ВРЕМЯ

ЗУЧЕНИЕ идеологии, в частности, религиозных воззрений населения северо-восточных областей Парфянского государства (Парфиены, Маргианы) делает еще только первые шаги. Это объясняется как чрезвычайной скудостью письменных источников, так и тем, что археологические материалы, которые в таких условиях служат главным источником, стали поступать в широких размерах только с послевоенного времени, когда развернувшиеся работы ЮТАКЭ дали немало чрезвычайно важных данных.

Некоторый новый материал для решения вопроса об идеологии жителей Маргианы дал исследовавшийся в полевых сезонах 1960 и 1961 года небольшой некрополь парфянского времени Мунон-депе (35 км к северо-

западу от гор. Байрам-Али в Южной Туркмении).

Там еще весной 1960 г. при земляных работах в 600 м к северо-востоку от Мунон-депе колхозник А. Доллыев обнаружил фрагменты оссуария с налепными изображениями, которые он отправил в редакцию газеты «Совет Туркменистаны». Оттуда они были переданы в ЮТАКЭ заместителю начальника экспедиции Д. Овезову.

Для проведения работ на месте нахождения фрагментов оссуария нагальником ЮТАКЭ проф. М. Е. Массоном туда была направлена разведовательная группа XVIII отряда ЮТАКЭ 1. При раскопках была вскрыта площадь в 176 м² на глубину до 0,8 м. Поверхность оказалась перепаханной трактором, в нижних же слоях обнаружены три хума-оссуария, семь небольших кубкообразных чаш раннепарфянского времени, под каждой из которых находились небольшие кучки человеческих костей. В грудах костей были найдены три медных парфянских монеты; одно бронзовое кольцо, кусок железного ножа, а также несколько дополнительных фрагментов упомянутого оссуария с налепными изображениями. Итого имелось уже 17 фрагментов оссуария. М. Е. Массону удалось подобрать и склеить мелкие фрагменты в четыре больших; в результате стало ясно, что оссуарий имел круглую форму, диаметр его — 47 см, завершался он куполом. Нижняя часть купола скрывалась за высоким выступом, служившим как бы парапетом, высота его — 9 см, основание его приходится на начало скругления купола. Верх парапета оформлен треугольными зубцами. Под зубчатым парапетом — выпуклый валик с косыми насечками. В стенке оссуария, ниже валика, есть одно стрело-

 $^{^1}$ Группа работала под руководством О. Оразова, при наблюдении и консультациях Г. А. Кошеленко.

видное отверстие и следы от другого — углом вверх. Все изображения размещены на парапете и состоят из ряда сцен, разделенных схематически исполненными деревьями. Сохранились фигуры женщины и остатки двух фигур, в которых сочетаются человеческие и звериные черты.

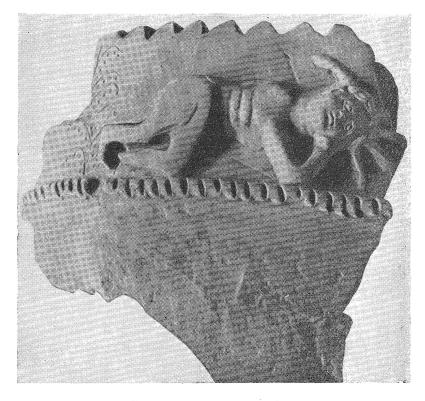
Фигура 1 изображает женщину, как бы припавшую к земле, с обращенным к зрителям лицом и повернутой в фас верхней частью туловища, нижняя часть туловища дана в профиль. Тело трактовано очень схематично. Полностью отсутствует стремление передать его анатомически правильно. Сохранилась одна нога, которая имеет неестественно маленькую ступню с очень схематично трактованными пальцами. Самой характерной чертой изображения является несоразмерность его с очень сильно выделяемой головой, которая даже дана в более высоком рельефе, чем все остальное туловище. Голова и шея в целом составляют почти 1/3 общей длины туловища. Голова, возвышающаяся на очень длинной шее, резко контрастирует с очень тонкими руками. Нос немного сбит, подбородок мягкий, небольшой рот обрамлен маленькими мягкими губами. Глаза большие, поднятые кверху, округлые, с огромным — во весь глаз — зрачком и крутыми высокими бровями. Лицо неподвижное, застылое. Прическа выполнена в виде овальных завитков, обрамляющих лоб, уши довольно большие, плоские. Очень хорошо заметно, что фигура выполнена отдельно, позднее прикреплена к оссуарию. Заметно это у рук, где видна некоторая вдавленность, получавшаяся при прикреплении фигурки к оссуарию. Фигура 2 очень близка к первой. Та же поза, тот же характер изображения, те же приемы выполнения. Отличия заметны только в расположении рук, из которых одна как бы подпирает голову, а другая, от которой осталась лишь нижняя часть, положена на бедро. Сохранились обе ноги, одна, правда, без ступни (видимо, и первая фигурка имела первоначально вторую ногу). Характерное отличие, бросающееся сразу в глаза, - «лучи», как бы расходящиеся в разные стороны от головы. От фигуры 3 сохранилась только верхняя часть. Насколько можно судить по сохранившемуся фрагменту, поза этой фигуры была такой же, как и фигуры 1. Головка близка головкам обеих предыдущих фигур, от «лучей» сохранились только три жгута, остальные утрачены. Интересна трактовка руки: овальная глиняная лепешечка делится узкими полосками на пять секторов, благодаря чему пальцы получаются расширяющимися к концам.

Фигура 4 резко отличается от всех остальных. К сожалению, от нее сохранилась только нижняя часть, но и этого достаточно, чтобы увидеть, что в ней соединены черты человека и козла: лежащие на бедрах руки — явно человеческие, а нижняя часть, судя по положению ног и подчеркнутым копытам, — козлиная. Следовательно, здесь явно изображено существо типа пана или сатира ². Изображения деревьев выполнены еще по сырой глине: процарапыванием намечены ствол и ветви, глубокие точечки, по-видимому, изображают обильные плоды, висящие на ветвях.

Изучение Мунон-депинского некрополя ставит сразу же целый ряд вопросов, очень важных для понимания характера религиозных представлений, погребального ритуала и некоторых других сторон истории культуры Маргианы парфянского времени. Прежде всего следует установить, какова религиозная система, последователи которой оставили нам свои захоронения у Мунон-депе.

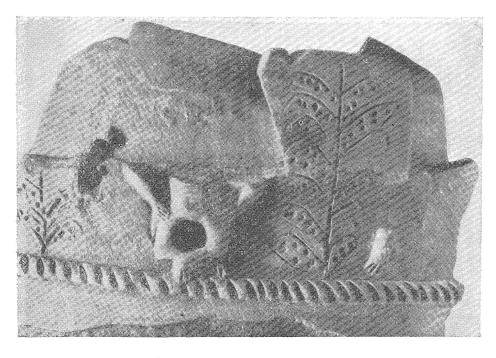
² Мы сознательно не уточняем название этого существа, подчеркивая только его близость к дионисийскому кругу, так как, начиная с IV в. до н. э., довольно часто происходит смешение черт различных спутников Диониса, в частности сатира и пана. См. В. R o wland, Hellenistic Sculpture in Iran, «The Art Quarterly», 1955, XVIII, 2, стр. 173.

Фрагменты оссуария с Мунон-депе

Фрагменты оссуария с Мунон-депе

Явно перед нами некрополь с оссуарным обрядом захоронения. Причем здесь использовались для захоронения и специальные оссуарии и хумы, применявшиеся как оссуарии, и даже маленькие чаши, видимо, служившие для сохранения детских костей. Подобный обряд захоронения, при котором от костей умерших отделяется мясо 3 и кости затем хранятся. в специальных хранилищах -- оссуариях или астоданах, помещаемых иногда в специальные помещения, а иногда просто на утрамбованную глинобитную площадку, уже с конца прошлого века (работами Моди 4, Иностранцева ⁵ и Казартелли ⁶) связывается с зороастризмом. С этой точки зрения наш некрополь должен считаться зороастрийским 7. Но работами советских ученых в последнее время выявлено своеобразие религиозных верований населения многих областей древней и раннесредневековой Средней Азии 8. При несомненной близости в главных исходных пунктах с зороастризмом, отмечены значительные расхождения как в теологической, так и культово-обрядовой стороне религии. Поэтому, в настоящее время принято различать маздеизм и зороастризм, причем первый понимается как более широкая система народных верований, давшая начало второй, которая характеризуется, в первую очередь, более догматическим характером.

Учитывая эту точку зрения, мы должны будем отметить, что оссуарный некрополь у Мунон-депе, видимо, не может принадлежать ортодоксальным зороастрийцам, поскольку этому противоречит его слишком ранняя дата. Как мы уже отмечали, время функционирования этого некрополя, судя по монетным данным и форме керамики, - рубеж нашей эры, причем вряд ли можно говорить о времени позднее І в. н. э. Хотя теперь можно считать доказанным, что кодификация Авесты происходила ужепри Аршакидах 9, тем не менее начавшаяся кодификация Авесты не может еще означать создания догматической религии. Лишь в III в. н. э. при первых Сасанидах, после долгой и упорной борьбы, создается догматический, канонизированный зороастризм 10.

⁴ 1. 1. М о d 1, Astodan or a Persian Collin, Bombay, 1889.

⁵ К. А. И н о с т р а н ц е в, О древнеиранских погребальных обычаях и постройках, ЖМНП, XX, 1909, № 3.

⁶ L. C. C a s a r t e l l i, Astodan and the Avestic Funeral Prescriptions, «The Babylon and Oriental Record», IV, 1889—1890.

⁷ Маргиана была первой областью, где учение Зороастра получило признание у народных масс. См. В. В. С т р у в е, Восстание в Маргиане при Дарии I, «Материалы ЮТАКЭ», I, 1949, стр. 15. В первом фаргарде Венцидада область Мерва хариального ком смощная верующая в деректива у в в основу основ учения Зороасть рактеризуется как «мощная, верующая в Аша», т. е. в основу основ учения Зороастра. В романе «Вис и Рамин», нарфянский праисточник которого несомненен и дейстраз. В романе «Вис и гамин», парфинский правсточник которого несомненей и действие которого развертывается в Мерве, неоднократно упоминаются храмы огня. См. V. M i n o r s k y, Vis u Ramin. A Parhian Romance, BSOAS, XI, 4, 1946, стр. 753. С кругом зороастрийских верований связана и коропластика Мерва — см. Г. А. П уга ченкова, Коропластика Мерва, «Труды ЮТАКЭ», XI, 1962, стр. 117 сл. 8 См. Ставиский, Большаков, Мончадская, ук. соч., стр. 92. 9 И. М. Дьяконов, В. А. Лившип, Документы из Нисы I в. до н. э.,

M., 1960, crp. 24.

10 R. C. Zaehner, The Down and Twilight of Zoroastrianism, N. Y., 1961. стр. 182 сл.

³ Известны различные способы отделеления мяса от костей. По одним, тело умершего относили на дахму или особое возвышенное место (остатки сооружения последнего типа исследовал в районе Бишапура Р.Гиршман — см. R. G h i r s h m a n, Études iraniennes, II. Un ossuaire en pierre sculptée, «Artibus Asiae», XI, 4, 1958, стр. 300 сл., рис. 14), где его затем объедают птицы или собаки. Об этом, в частности, говорится в Вендидаде (датировка которого парфянским временем сейчас не вызывает сомнений — см. R. N. Frye, The Heritage of Persia, L., 1962, стр. 157), см. SBE, IV, стр. 52—53, и в целом ряде других зороастрийских сочинений. См. Б. Я. С тавиский, О. Г. Большаков, Е. А. Мончадская, Пянджикентский некрополь, ТАЭ, II (МИА 37), М.—Л., 1953, стр. 89 сл. Другим способом было отделение мягких тканей от костей специальными служителями. См. В. В. Бартольд. К вопросу о туркестанских оссуариях, СПб., 1908, стр. 7 и 16. 4 І. І. Моd i, Astodan or a Persian Coffin, Bombay, 1889.

Дата Мунон-депинского некрополя важна еще в одном отношении. Столь ранняя дата оссуарного некрополя у Мунон-депе позволяет уточнить и картину истории самого оссуарного обряда. В недавнее время благодаря работам Ю. А. Рапопорта стал в значительной мере ясен вопрос о времени, месте и характере формирования этого обряда ¹¹. Его выводы нуждаются лишь в одном дополнении: видимо, на основании материала Мунон-депинского некрополя и также благодаря другим данным ¹² можно говорить о том, что не только в Хорезме, но и в других районах Средней Азии в это время происходил переход к оссуарному способу

Еще один вопрос, который возникает при исследовании Мунон-депинского некрополя — это вопрос об одновременном использовании в одном некрополе как собственно оссуариев, так и хумов-оссуариев. В последнее время В. И. Козенкова выступила с гипотезой о существовании особой секты «хумников» среди среднеазиатских «огнепоклонников»¹³.

Нам кажется, что Мунон-депинский некрополь предоставляет серьезные аргументы против данной гипотезы. Трудно допустить, чтобы в этом маленьком некрополе, принадлежавшем одной семье, были захоронены представители двух различных религий. Вряд ли можно допустить наличие столь резкого идейного расслоения внутри семей в Маргиане парфянского времени. Да и другие оссуарные некрополи Средней Азии очень часто дают нам образцы одновременного использования и хумов-оссуариев и собственно оссуариев 14. В таком случае нужно допустить возможность использования одного и того же кладбища двумя различными сектами. Но если это, хоть и с трудом, допустимо, то уж совершенно невозможно, чтобы в одном помещении, предназначенном для хранения останков умерших, хранились кости и предполагаемых «хумников» и маздеистов, как мы видим, например, в Мервском некрополе 15.

Видимо, для объяснения существования захоронений в хумах не надо конструировать существование особой секты «хумников», так же как, к примеру, никто никогда из факта существований оссудриев из гипса не выводил существования особой секты «гипсовиков». Просто можно констатировать для оссуарного обряда наличие многих вариантов, объясняемых локальными, этническими и не в последнюю очередь имущественными различиями, поскольку хумы для погребений брались рядовые, а оссуарии требовали более высокой степени квалификации работника, их изготовлявшего, и, конечно, стоили дороже. Именно последнее объяснение, видимо, больше всего подходит для Мунон-депинского некрополя, где, возможно, в оссуарии был погребен глава семьи, в хумах менее значительные члены ее, а под чашечками — кости детей.

Лалее, важен вопрос о соотношении Мунон-депинского некрополя с другими известными некрополями на территории Парфии. Поскольку установлено, что этот некрополь принадлежит маздеистам, возникает вопрос, в какой мере подобный тип захоронений типичен для Парфии.

¹¹ Ю. А. Рапопорт, Хорезмийские астоданы (Кистории религии Хорезма), СЭ, 1962, № 4, стр. 67 сл.
¹² Согласно любезному сообщению Г. А. Пугаченковой, при раскопках в Хал-

чаяне в слоях II-I вв. до н. э. было обнаружено захоронение человеческих костей в хуме-оссуарии.

¹³ В. Й. Козенкова, К вопросу о хумах с захоронением костей на терри-

тории Средней Азии, СА, 1961, № 3, стр. 259.

14 См., например, Л. И. Ремпель, Некрополь Древнего Тераза, КСИИМК,

^{69, 1957,} стр. 102 сл.

15 С. А. Ершов, Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али, «Труды ИИАЭ АН Туркм. ССР», т. V, Ашхабад, 1959.

В Парфиене известен некрополь раннепарфянского времени на горолище Новая Ниса. Хотя сохранность его крайне плохая, все же можно предполагать, что здесь хоронили по зороастрийскому обряду 16. Персепольский «некрополь у источника», который можно датировать селевкидским или парфянским временем, характеризуется трупоположением 17.

Некрополи месопотамских городов (Селевкии селевкидско-парфянского времени и Урука-Варки) также характеризуются трупоположением и глиняными так называемыми «туфлеобразными» гробами 18. Возможно, к парфянскому времени относятся исследовавшиеся в Вавилоне захоронения в «туфлеобразных» гробах 19, которые авторы раскопок относили к сасанидскому времени ²⁰.

Подобный же метод захоронения характерен и для Суз парфянского времени ²¹. Трупоположение характерно и для Дура-Европос парфянского времени 22.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что на территории Парфии Мунон-депинский некрополь является до настоящего времени единственным бесспорным оссуарным некрополем ²³. Этого нельзя не учитывать при изучении религиозных воззрений народов, населявших Парфию.

Наконец, еще один вопрос, возникающий при изучении собственно оссуария — это вопрос о том, отражается ли в форме оссуария какаялибо архитектурная форма. В первые годы после обнаружения оссуариев было широко распространено мнение о том, что форма оссуария отражает те формы жилища, которые существовали у населения, практиковавшего оссуарный обряд захоронения 24. В связь с этим ставилась прямоугольная форма оссуария, якобы распространенного среди оседлого населения, и овальная, якобы повторяющая форму юрты кочевников ²⁵. Однако позднее было высказано предположение, что форма оссуариев определяется по территориальному принципу, причем оссуарии ящичной формы с отпельно вылепленной крышкой характерны для призеравшанских районов, а овальные — типичны для Семиречья и Чирчик-Ангренского района ²⁶. Тезис этот оказался неверным, поскольку выяснилось повсеместное

¹⁶ Г. А. Пугаченкова, Пути развития архитектуры Южного Туркме-

¹⁶ Г. А. Пугаченкова, Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, М., 1958, стр. 68.

17 Е. F. S. c. h m i d.t., Persepolis, II (The University of Chicago, Oriental Institute Publications, vol. XIX), Chicago, 1957, стр. 120 сл.

18 S. Yeivin, The Tombs Found at Seleucia (season 1929—1930 a. 1931—1932), «Second Preliminary Report upon the Excavations at Tel Umar, Iraq», Ann Arbor, 1933, стр. 45; N. Debevoise, Parthian Pottery from Seleucia on the Tigris, Ann Arbor, 1934, стр. 1—5; A. Nöldeke, H. Lenzen, Elfter volräuftiger Bericht über die von des Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka unternommenen Ausgrabungen, APAW, Phil.-hist. Kl., 3, B., 1940, стр. 28—31.

19 Schmidt, ук. соч., стр. 121.

20 O. Reuther, Die Innenstadt von Babylon, B., 1926, стр. 249.

21 Unvala, Fouilles à Suse, RAss, т. 26, № 3, 1929,стр. 133 сл. и рис. 1A.

22 The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of 9th season of work.

и Unvala, Fouilles à Suse, RAss, т. 26, № 3, 1929,стр. 133 сл. и рис. 1А.

122 The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of 9th season of work, part II. (Necropolis), New Haven, 1946.

23 Хотя в письменных источниках имеется прямое указание на зороастрийский обряд захоронения в отношении всех парфян вообще (J u s t., XLI, 3, 5).

14 Н. П. Остроумов, Новые данные о глиняных погребальных урнах, ПТКЛА, XI, Ташкент, 1906, стр. 32—44; В. В. В в р тольд, К вопросу об оссуариях Туркестанского края, «Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии», СПб., 1908, № 8, март, стр. 54, 67; В. Л. В яткин, Афрасиаб—городище былого Самарканда, Самарканд, 1926, стр. 26—27, 52—53.

25 Остроумов, ук. соч., стр. 32—44.

26 А. А. Потапов, Рельефы древней Согдианы как исторический источник, ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 128.

сосуществование обеих форм 27. Кроме того, Г. А. Пугаченкова доказала, что оссуарий воспроизводит не жилище, а помещения погребального характера 28, причем для овальных оссуариев прообразом послужили курганообразные подмогильные сооружения 29. Исходя из этого, можно считать, что мунон-депинский оссуарий воспроизводит какие-то явления архитектуры Маргианы парфянского времени. С этой точки зрения интересен его круглый план, видимо, повторяющий круглый план каких-то монументальных сооружений. Наличие их в исследуемое время доказано это прежде всего Кой-Крылган-кала в Хорезме.

Стойкость этой традиции в более позднее время показывают некоторые из мервских оссуариев сасанидского времени, повторяющих такой план. Важно также наличие купольного перекрытия, что доказывает широкое распространение этой архитектурной формы уже с І в. до н. э. в Маргиане. Существование купольных погребальных зданий в более позднее время также доказывается преобладанием подобной формы в оссуариях Мервского некрополя.

Так же интересно наличие зубчатого парацета и стреловидных бойниц, которые были обычными элементами древней среднеазиатской архитек-

Для понимания характера изображения на оссуарии решающее значение имеют фигуры обнаженных женщин. Наибольшее недоумение вызывают странные, непонятные позы этих фигур. Первоначальному предположению о том, что фигуры изображают припавших в порыве отчаяния к земле женщин, противоречит и положение рук, напоминающее положение рук бегунов в греческой вазописи архаического времени, и невозможность такого способа выражения горя о смерти близкого у зороастрийцев, где покойник не погребался в земле.

Нам представляется, что неестественность поз отчасти объясняется способом изготовления рельефа: фигуры налеплялись на уже готовый оссуарий, где для них была отведена полоса определенной ширины. Но способ изготовления фигур был сложным: головка оттискивалась в заранее заготовленной форме, а туловище лепилось от руки. При этом величина штампа и размер полосы, оставленной для фигур, оказались не соответствующими друг другу. Слишком большая голова грозила занять большую часть полосы, не оставляя места для туловища. Чтобы избежать этого, мастер должен был резко сократить размеры туловища (что мы и видим). Соотношение высоты головы и туловища равно 1:4, вместо нормальных $1\!:\!8-9$. Но и после этого нельзя было поместить фигуры вертикально и поэтому они были помещены наклонно, под большим углом. Что же касается поз, то представляется возможным объяснять эти несколько странные позы тем, что они изображали танцующих женщин ³⁰. Как известно, подобные изображения встречаются на оссуариях из Пенджикента ³¹, и в некоторых сюжетах пенджикентских росписей ³². Для их

²⁷ Г. А. Пугаченкова, Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах, «Труды ИИА АН Узб. ССР», т. II, Ташкент, 1950, стр. 42.

28 Пугаченкова, Элементы..., стр. 44 сл.; Г. А. Пугаченкова,
Мавзолей Араб-ата, «Искусство зодчих Узбекистана», II, Ташкент, 1963, стр. 82 сл. ²⁹ Пугаченкова, Элементы..., стр. 44.

³⁰ Широкое распространение подобного обряда на первых ступенях человечего пирокое распространение подооного ооряда на первых ступенях человеческого общества не может быть неожиданным, поскольку танцы были наиболее общей формой выражения чувства или намерения см. Е. В е п d а п п, Death Customs, L.—N.-Y., 1930, стр. 192. Ср. Г. В. Плеханов, Искусство и литература, М., 1948, стр. 113.

31 О. Г. Большаков, Н. Н. Негматов, Раскопки в пригороде древнего Пянджикента, МИА 66, М.—Л., 1958, стр. 172, рис. 14.

32 А. М. Беленицки, О некоторых сюжетах пянджикентской живописи, КСИИМИ 64 1956 стр. 57

КСИИМК, 61, 1956, стр. 57.

Вестник превней истории, № 4

объяснения А. И. Беленицким было выдвинуто следующее предположение, кажущееся нам вполне допустимым; на оссуариях и упомянутом панно изображены ритуальные похоронные пляски. Этнография горных таджиков, т. е. племен, сохранивших наибольшее число древнейших домусульманских религиозных, магических и иных представлений, обрядов и обычаев, дает неоспоримые свидетельства существования этого обряда еще в сравнительно недавнем прошлом. Так, Н. А. Кисляков описал подобный обряд у язгулемцев: «Через некоторое время после смерти человека члены его семьи резали корову, собирали всех представителей своего рода и других жителей селений и устраивали для них угощение. Гости размещались на глинобитных возвышениях вдоль стен дома и жена или мать умершего вместе с другими женщинами плясала в проходе посредине под звуки музыки. В разгаре пляски она резким движением разрывала спереди свое платье. В этот момент к ней подскакивала одна из женщин и подпоясывала ее большим платком» ³³. Аналогичные сведения имеются и у М. С. Андреева ³⁴, писавшего, что «танец продолжается три ночи..., женщины выходили с распущенными волосами и с разодранной рубашкой на груди...». Аналогичный обряд зафиксирован капитаном Ванновским в Дарвазе и Рушане, где он побывал в 1893 г. 35 Подобные коллективные погребальные танцы известны и в Ура-Тюбе ³⁶. Очень широко распространены погребальные пляски у кафиров Гиндукуша 37, чья как этническая, так и культурная близость к таджикам несомненна 38. Использование этого сравнительного материала представляется тем более желательным, что в религиозных верованиях кафиров, несмотря на многочисленные наслоения, очень хорошо заметна древнейшая иранская дуалистическая концепция борьбы добра и зла, которая занимает в их верованиях центральное место, свидетельствуя о глубокой древности их религиозных представлений ³⁹; важно также и то соображение, что общественный строй кафиров в конце XIX в. сохранял патриархально-рабовладельческие черты, которые были характерны для большинства народов Средней Азии и северного Афганистана в античный период 40. Веским аргументом для подтверждения близости религиозных воззрений кафиров древним верованиям народов Средней Азии может служить также их способ погребения. Подобно зороастрийцам, кафиры не зарывали своих покойников в землю и не сжигали их; они оставляли трупы в деревянных ящиках на ножках в особом месте за селением 41.

Погребальные пляски вплоть до конца XIX века существовали и в

³³ Н. А. Кисляков, Язгулемпы (этнографический очерк). Известия Всесоюзного географического общества, т. 70, вып. 4, 1948, стр. 370.

юзного географического общества, т. 70, вып. 4, 1948, стр. 370.

34 М. С. А н д р е е в, К характеристике древних таджикских семейных отношений, «Изв. Тадж. филиала АН СССР», № 15, 1949, стр. 4.

35 Извлечение из отчета генерального штаба капитана Ванновского о рекогносцировке в Рушане и Дарвазе 1893 г., «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», СПб., вып. 56, 1894, стр. 90.

36 М. Рахимов, Обычаи и обряды, связанные со смертью, «Известия АН Тадж. ССР», вып. 3, стр. 112.

37 Д. С. Робертсон, Кафиры Гиндукуша, Ташкент, 1906, стр. 291, 297; К. Риттер, Землеведение. География стран Азии, СПб., 1875; Н. А. Маев, Кафиры или сиягиуши «Материалы пля статистики Туркестанского края», вып. И. Кафиры или сиягнуши, «Материалы для статистики Туркестанского края», вын. III,

СПб. 1874.

38 Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло, М.—Л., 1936, стр. 9; Н. И. Вавилов, Д. Д. Букинич, Земле дельческий Афганистан, Л., 1929, стр. 135.

39 Народы Передней Азии, М., 1957, стр. 147.

⁴⁰ Там же, стр. 140. ⁴¹ Там же, стр. 147.

Армении 42. О глубокой древности этого обряда здесь свидетельствует Фавст Бузанд. Он пишет: «По смерти Нерсеса, когда оплакивали умерших, мужчины и женщины составляли хороводы, при звуках труб, кифар и арф, с растерзанными руками и лицами, при омерзительных чудовищных плясках, совершаемых друг против друга, били в ладони и таким образом провожали умерших» 43. Уже отмечалось, что это ягление в Армении — несомненно не случайное этнографическое совпадение, а важное историческое свидетельство, связанное со Средней Азией, поскольку в эпоху Аршакидской династии между Парфией и Арменией существовали теснейшие культурные связи 44. Известны танцы вокруг умерших от молнии у осетин 45. Подобное объяснение данного сюжета, как нам кажется, вполне убедительно раскрывает некоторые неясные детали на нашем оссуарии. Положение рук женщин, изображенных на оссуарии, полностью совпадает с тем, что известно из описаний этих траурных плясок: «Под темп слабых дудок и барабанов, толпа женщин медленно двигалась вокруг тела, боком слева направо, подняв руки в уровень с плечами. Растопырив пальцы, они беспрестанно поворачивали ладони сначала к себе, затем к покойнице; этот жест обозначал: "она ушла от нас". За плясуньями двигались тоже боком по кругу несколько мужчин близких родственников умершей. Они делали одинаковый с женщинами жест, с тою впрочем разницей, что вертели руками в уровень с бровями, и движения их были вообще гораздо энергичнее», — так описывает Робертсон пляски кафиров ⁴⁶. На движения рук во время танца указывал и М. С. Андреев 47. Тот факт, что фигуры на оссуарии изображены обнаженными, видимо, может быть объяснен уже упомянутыми этнографическими параллелями — обычаем разрывания платья и танцем с обнаженной грудью. Так же совершенно ясно, что распущенные волосы — знак печали 48.

Таким образом, нам представляется вполне возможным предположить, что женские фигуры на оссуарии с Мунон-депе изображают погребальную церемонию, составной частью которой является женский танец. Вряд ли можно опасаться возражений в том, что этнографические параллели, привлекаемые нами для объяснения данного явления, берутся из быта горных районов Таджикистана. При значительной культурной сти Маргианы с Бактрией и Согдианой в древности, при несомненности общего их происхождения, а также учитывая, что горные районы Таджикистана — это то место в Средней Азии, где почти до наших дней дожили пережитки древнейших социальных и идеологических явлений, мы можем считать вполне возможным использование этнографических данных из этих районов для воссоздания и понимания тех явлений, которые в районе Мерва были уничтожены в результате ряда нашествий,

⁴² С. Лисициан, Старинные пляски и театральные представления армянского народа, автореф., Ереван, 1956, стр. 26-27.

⁴³ История Армении Фавстоса Бузанда, Ереван, 1953, стр. 176.

⁴⁴ Беленицкий, О некоторых сюжетах..., стр. 58. 45 «Осетины во второй половине XVIII века по наблюдениям путешественника Штедера», подготовил к изданию и снабдил введением проф. Кокиев, Орджоникидзе.

^{1940,} стр. 48—49.

46 Робертсон, ук. соч., стр. 297.

47 Андреев, ук. соч., стр. 6.

48 Андреев, ук. соч., стр. 4, прим. 2. «Распускание волос являлось одним из выражений траура. В некоторых местностях Южного Таджикистана в доме безвременно умершего человека близкие родственницы покойного, распустив волосы, не заплетали их в течение от трех и до семи дней, более дальние родственницы умершего в таком случае распускали и оставляли незаплетенными не все свои волосы, а только часть их». То же самое и у кафиров — Робертсон, ук. соч., стр. 299.

неоднократной смены населения и внедрения ислама ⁴⁹. Может быть, в распространенном ранее в Туркмении обычае обегания вдовой несколько раз вокруг коня или верблюда, на котором увозят умершего ⁵⁰, можно видеть глухие отголоски некогда существовавшего и здесь погребального танца. Подобного рода сопоставления кажутся тем более возможными, что удается проследить совпадения и в некоторых других древних домусульманских верованиях, например в обычае почитания огня ⁵¹. Какие религиозные или магические цели преследовал этот танец и чем вызвано появление изображения данного ритуала на оссуарии?

В изображении на оссуарии с Мунон-депе имеются некоторые черты, которые со всей определенностью заставляют отказаться от предположения о простой иллюстративности. Во-первых, присутствие деревьев, схематично изображенных на оссуарии и, видимо, долженствующих передавать окружающий пейзаж, не может быть объяснено, исходя только из этнографических параллелей, где действие ограничивается домом либо площадкой непосредственно перед ним и где растительность не играет никакой роли в совершаемом обряде. Во-вторых, в числе изображаемых персонажей, как мы помним, есть один (фигура 4, см. выше, стр. 43) не человек и не зверь. Не совсем умелое изображение все же отчетливо передает основную идею: в этом существе сливаются человеческие и животные черты, это, как уже говорилось, существо типа пана или сатира. Изображения подобного рода существ в это время были довольно популярны в искусстве как Парфии, так и соседних областей Ирана и Средней Азии. Нам известны изображения панов (или сатиров?) на ритонах из Нисы ⁵²; среди терракот Мерва есть головка юного сатира ⁵³; в коллекции фрагментов мраморной скульптуры из Нисы — остатки многофигурной композиции, среди которых зафиксирована и голова сатира 54. В Тохаристане, Согде, Хорезме хорошо известно широкое распространение вакхических, дионисийских культов 55, в которых присутствие сатиров спутников Диониса обязательно. Наконец, известны мраморные головы силенов из Северного Ирана, может быть, принадлежащие декору храма Диониса ⁵⁶. Появляются подобные существа и в торевтике сасанидского времени ⁵⁷. Итак, присутствие этого образа заставляет видеть в изображении какой-то смысл, более глубокий, нежели простая фиксация обряда.

⁴⁹ Приводимые здесь примеры ритуальных погребальных плясок можно было бы значительно умножить (см., например, В. Spencer, F. Cillen, The Native Tribes of Central Australia, L., 1899, стр. 506; Веп dann, Death Customs, стр. 64, 28, 192, 238). Мы ограничиваемся рассмотрением обычаев только тех народов, близость которых к древнему населению Маргианы и тем самым возможность общего происхождения тех или иных религиозных представлений или возможность взаимных влияний, не вызывает сомнений.

ВЛИЯНИЙ, НЕ ВЫЗЫВАЕТ СОМНЕНИЙ.

50 Ф. А. Михайлов, Туземцы Закаспийской области, Ашхабад, 1900, стр.

55; К. Ф. Федоров, Закаспийская область, Ашхабад, 1901, стр. 44.

51 М. Р. Рахимов, Следы древних верований в земледельческих обычаях и обрядах таджиков, «Изв. отд. общ. наук АН Тадж. ССР», № 10—11, 1956, стр. 76—7; Х. Г. Бахий ров, Остатки огнепоклонства у туркмен, «Туркменоведение», 1928, № 9, стр. 62; Х. Г. Кор-оглы, Обиранских элементах в народном творчестве туркмен, НАА, 1962, № 3, стр. 135, 138.

52 М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, Парфянские районы из Нисы, М., 1956, Альбом, табл. V—VIII, XLIV, XLV.

53 Л. И. Ремпель, Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы, «Труды ЮТА-КЭ», т. І, Ашхабад, 1948, стр. 348.

54 М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, Мраморные статуи парфянского времени из Старой Нисы, «Ежегодник Ин-та истории искусств», М., 1956, стр. 486 сл.

55 Г. А. Пугаченкова, Сосуд из Термеза с вакхической сценой, ВДИ,

⁵⁵ Г. А. Пугаченкова, Сосуд из Термеза с вакхической сценой, ВДИ, 1951, № 4, стр. 135 сл.: С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г., СВ, 1955, № 6, стр. 93.

66 Rowland, ук. соч., стр. 171—178.

⁵⁷ Я.И.Смирнов, Восточное серебро, СПб., 1909, табл. XVIII, № 45.

Поэтому встает задача объяснения смысла обряда, запечатленного на мунон-депинском оссуарии. Естественнее всего обратиться к зороастрийским религиозным сочинениям, поскольку оссуарный обряд характерен именно для этой религиозной системы. Мы уже писали о том, что ортодоксальный зороастризм выкристаллизовывался в специфических условиях позднепарфянского и, особенно, сасанидского Ирана из общего потока маздеистских верований. Именно поэтому, несмотря на известные расхождения, вызванные оформлением зороастризма в государственную религию, сохранялась большая общность в основных, исходных пунктах (к числу которых принадлежала и концепция жизни, смерти и судьбы умершего). Нельзя проводить жесткую грань между народными верованиями, пережиточно сохраняющимися иногда почти до наших дней и оформленными религиозными системами, они вырастают от одних и тех же корней, и совершенно несомненна зависимость вторых от первых. Это положение вполне применимо и к данному конкретному случаю. Зороастризм, конечно, создавался не на пустом месте, он вырастал из общей системы верований ираноязычных народов в конкретных социальных условиях ахеменидской державы 58.

Пророк Зороастр, создавая религиозную систему, не мог не использовать древние народные верования, иногда их трансформируя, иногда переосмысляя, но вырваться из общего круга представлений своего времени он не мог ⁵⁹. Поэтому существовало глубокое созвучие между официальным зороастризмом и народными верованиями, бывшими его почвой. При хорошо известной их консервативности, способности на века задерживаться в народной памяти не удивительно, что многие из этих представлений могли сохраниться в отдаленных районах почти до нашего времени, поскольку эти районы сохраняли до Октябрьской революции в своем быту очень много хозяйственных и социальных пережитков далекого прошлого. Эти соображения позволяют нам для схематического анализа интересующего нас обряда использовать зороастрийские религиозные сочинения.

Важнейшим местом в священных писаниях зороастрийцев в этом отношении является 22-й яшт, в котором рассказывается о судьбе человека после смерти. В этом яште необходимо выделить следующие места: «Когда праведный умирал, его душа в продолжении трех дней сидела у головы умершего, распевая гаты и радостно повторяя: "Блажен, блажен человек, которому Ахура-Мазда дарует полное исполнение его желаний". И в эти ночи душа праведного испытывает такое блаженство, какое может испытать только весь мир в целом. На рассвете четвертого дня душе праведного представляется, что она находится среди цветов и ароматов, ей кажется, как будто с южной стороны повеял ветерок, такой благоуханный, что душистее его нет ветра на земле. И мнится душе праведного, что она вдыхает своими ноздрями этот чудный запах и она думает: "Откуда дует этот ветер, благоуханнее которого я никогда не вдыхала своими ноздрями?" И вот благочестивому кажется, что его собственная совесть прилетела к нему в этом ветре в образе девы, прекрасной, стройной девушки с белыми руками и пышной грудью, какими бывают прекраснейшие девы на земле в 15 лет. И душа праведного обращается к ней с вопросом: "Кто

⁵⁸ См., например, чрезвычайно убедительный анализ хозяйственных и социальных отношений, породивших основной смысл гат, — В. И. А баев, Скифский быт и реформа Зороастра, ArOr, XXIV, 1, 1956, стр. 23—56.
⁵⁹ К тому же надо учитывать, что вскоре после Зороастра началась реакция, и

⁵⁹ К тому же надо учитывать, что вскоре после Зороастра началась реакция, и многие из изгнанных им из пантеона древних народных божеств (например, Митра, Анахита) вошли в зороастрийскую систему. См. Е. H e r z f e l d, Zoroaster and His World, I, Princeton, 1947, стр. 402.

ты, о дева, прекраснейшая дева, какую я когда-либо видел?" А она, будучи его собственной совестью, отвечает ему: "О ты, юноша благих слов, благих дел, благих помышлений, благой веры, я твоя собственная совесть! Все должны любить тебя за то величие, благость, красоту, благоухание, победоносную силу и беспечалие, в каких ты явился мне..."». Интересно, что в Вендидаде (XIX, 25-34), временем составления которого сейчас принято считать парфянскую эпоху 60, к душе праведника тоже является на третий день «прекрасная, стройная и сильная дева», умеющая отличать добро от зла, которая «совершает то, что хочет и обладает великим разумом»...

Думается, что изображения женщин на оссуарии связаны с этими представлениями о деве-совести, помогающей дуще праведника в его пути к раю, в его переходе через Чинвадский мост. Подчеркивая особенности женского тела, художник хотел показать соответствие своего изображения описанию в Авесте. Но при подобном тодковании остаются непонятными два обстоятельства: позы женщин, которые так хорошо объясняются, если следовать этнографическим параллелям, и их число (их три), тогда как совесть должна быть одна. Выход из этого затруднения может быть, по нашему мнению, один: нам представляется вероятным, что следует видеть здесь изображение ритуального мистериального действа, выполнявшегося в первые дни после смерти 61. Это мистериальное действо было своеобразной инсценировкой на тему о загробном суде (где присутствует дева-совесть) и о пути в обитель праведных, а выполнялось оно, видимо, женщинами-плакальщицами, может быть, родственницами или профессионалками. В сохранившихся до сего времени пережиточно у ягнобцев оплакиваниях мертвых происходит нечто вроде диалога главной плакальщицы, чаще всего ближайщей родственницы умершего, с хором женщин ⁶². Важным фактом, подтверждающим наше предположение, является совпадение продолжительности траурных плясок ⁶³ у горных таджиков со временем совершения погребальных молений у зороастрийцев ⁶⁴. И там и здесь обряды продолжались три дня. Это связано с зороастрийскими представлениями о том, что душа три дня находится возле тела под охраной Сраоша, который защищает ее от дэвов 65; только по истечении трехдневного срока свершается суд над умершим, после его определяется будущее его души. Совершение религиозных церемоний в этот период связано с желанием помочь умершему благополучно выдержать этот суд, помочь ему в решающий момент его загробной жизни. Именно поэтому траурные религиозные церемонии происходят на четвертый день, когда начинается суд над умершим. Эти церемонии должны

⁶⁰ A. Christensen, Etudes sur le Zoroastrisme de la Perse antique, København, 1928, crp. 43; R. Frye. The Heritage of Persia, L., 1962, crp. 157.

⁶¹ В этом отношении очень показательно наличие в Согде и Хорезме мистериальных действ, связанных с культом Сиявуша (изображение его похорон, в частности). ных действ, связанных с культом сиявуща (изображение его похорон, в частности). Г. А. П у г а ч е н к о в а, Некоторые изобразительные сюжеты на памятниках искусства древнего Согда, «Ивв. отд. общ. наук АН Тадж. ССР», 1952, № 2, стр. 63—
64; С. П. Т о л с т о в, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 204—205. Различие между реконструктируемым нами обрядом и обрядом, фиксируемым для других областей Средней Азии, только в том, что Маргианский обряд — приватный, а не общегосу-

 ⁶² Рахимов, Обычан и обряды..., стр. 112—114.
 ⁶³ Андреев, К характеристике древниу талжинских семейных отношений...,

⁸⁴ V. Henry, Le parsisme, P., 1905, crp. 193, 206; R. P. Masoni, Le Zoroastrisme, P., 1939, crp. 159; J. J. Modi, The Religions Ceremoniens and Customs of the Parses, Bombay, 1922, crp. 78-79.

⁶⁵ Masoni, vк. соч., стр. 157.

помочь душе умершего. Ту же цель имеют и погребальные танцы отвратить зло от умершего.

Это становится особенно ясно, если вспомнить, что ритуальные пляски кафиров исполнялись и при далеких походах мужчин племени ⁶⁶. Задачей плясок женщин было отвращение несчастья от живых людей, задачей погребальных плясок — отвращение зла от умерших. Интересно, что в Язгулеме еще отчетливо сознается магическая цель этого обряда — им отгоняют злых духов от покойного 67.

Присутствие козлоногого существа (пана или сатира) не будет удивительным, если вспомнить, что главной задачей Сраоша в течение этих трех дней была защита души от демонов (дэвов) 68, олицетворением которых и было козлоногое существо.

Напомним, что в иранских религиозных верованиях, прямые аналогии которым имеются и в туркменских, джины представляются существами с хвостом и рогами 69. Может быть пережитком этих далеких верований у современных туркмен является представление о некоторых образах джина (в частности, в виде козла), очень отличных от образов джинов в народных верованиях других тюркских народов, например, казахов ⁷⁰. Видимо, эти представления — более архаические, унаследованные туркменами у древних жителей этих мест. Интересно и то, что одним из мест жилья джинов у туркмен считаются кладбища 71. Важную роль играет козел и в ритуальном обряде кафиров, где мужчины поверх одежд надевают в знак траура козлиную шкуру 72.

Таким образом, можно предположить, что суть погребальной мистерии состояла в изображении поползновений дэвов на душу умершего, явления душе трех дев, олицетворяющих его благие мысли, благие слова и благие дела и, видимо, завершением ее была сцена суда. Фоном для этого действия был парадиз, олицетворявшийся изображением деревьев ⁷³.

Хорошо известно широкое распространение погребальных обрядов типа драматических представлений среди первобытных народов 74. Некоторые из этих ритуальных действ довольно примитивны⁷⁵, другие, наоборот, детально разработаны, в них участвуют хор, несколько актеров, у них строгое чередование реплик, диалог хора с актером и т. д. Очень показательно, что в Армении аршакидского времени широко были распространены подобного рода театрализованные представления, в которых участвовали мимы с масками богов-аралезов 76, и в которых видят зачаточную форму армянского трагедийного спектакля 77. Очень близки театрально-

68 Modi, ук. соч., стр. 77.

69 Кор-оглы, Об иранских элементах в народном творчестве туркмен,

70 С. М. Демидов, К вопросу о некоторых пережитках домусульманских обрядов и верований у юго-западных туркмен, «Труды ИИАЭ АН ТуркмССР», т. VI, Ашхабад, 1962, стр. 188.

205, прим. 2.

⁷³ Cp. Zaehner, ук. соч., стр. 189.

⁷⁴ A. Д. Авдеев, Происхождение театра, Л.—М., 1959, стр. 111 сл.

⁷⁵ Cм., например, Н. Ф. Такоева, Погребальные и поминальные обряды Осетии в XIX в., СЭ, 1957, № 1, стр. 150, где описываются ритуальные действия, пе-

76 Г. Гоян, Черты своеобразия армянского эллинистического театра, ВДИ, 1950, № 3; онже, 2000 лет армянского театра, т. І. Театр древней Армении, М,

⁶⁶ Робертсон, Кафиры, стр. 288 сл. ⁶⁷ Л. Ф. Монгарова, Материалы по этнографии язгуламцев, «Труды Ин-та этнографии», XVII, М., 1955, стр. 82.

⁷² Робертсон, ук. соч., стр. 299. Показателен также факт повсеместного в Средней Азии приношения рогов козлов на мазары. Ср. Толстов, ук. соч., стр.

^{1952.} 77 Гоян, Черты своеобразия..., стр. 187.

му действу и римские погребальные обряды, где участвовали музыканты, наемные плакальщицы, хор мимистов, актеры, изображавшие предков 78.

Нам представляется, что прямым подтверждением существования подобных театрализованных действий в Средней Азии являются изображения на оссуарии, опубликованном И. И. Веселовским, где в небольших эдикулах изображены люди, опирающиеся на театральные маски ⁷⁹. Это кажется тем более вероятным, что уже делались попытки доказать существование у зороастрийцев мистерий, унаследованных затем манихеями 80.

Мы уже отмечали некоторые элементы театральности, пережиточно сохранившиеся у горцев Памира. Все это заставляет нас высказать предположение, что на нашем оссуарии изображена сцена из такого ритуально-драматического мистериального действа, сочетавшего в себе местные народные религиозные верования и обряды с каноническими зороастрийскими. Подобное сочетание не является чем-то неожиданным. Уже давно отмечалось своеобразие религиозных верований народов Средней Азии эпохи рабовладения и раннего феодализма, довольно близких зороастризму, но не идентичных ему 81. Видимо, наш оссуарий и отражает подобные верования. С этой точки зрения чрезвычайно важна близость изображенного на нем погребального обряда с погребальным обрядом Согда. Это только одна из общих черт, характеризующих близость идеологических представлений домусульманского Согда и Маргианы. Эта близость нашла свое выражение и в широком распространении и там и здесь терракотовых статуэток, пзображавших божества, популярные в народной среде, несмотря на то, что «идолопоклонство» неоднократно осуждалось в зороастризме. Характерно, что в Парфиене терракотовые статуэтки почти не известны. Это может быть отражением большого влияния чисто зороастрийских представлений.

Мистериальный характер данного ритуального действа полностью отвечает тем общим тенденциям в религиозной жизни эллинистического мира, одним из выражений которой была усиленная тяга к мистериальным культам, дававшим иллюзию более личного и интимного общения с божеством. Видимо, соответствующие тенденции проявлялись и в современном зороастризме, иначе трудно объяснить выделение из него такого ярко выраженного мистериального культа, как культ Митры. Имеются свидетельства о распространении митраизма и в Парфянской империи (в Дура-Европос).

Итак, вполне вероятно, что на оссуарии с Мунон-депе изображено погребальное мистериальное действо, отражающее местные религиозные представления, для которых характерно переплетание канонических зороастрийских религиозных представлений и местных народных верований, отвергавшихся и осуждавшихся зороастризмом. Этот памятник свидетельствует и о распространении тех видов религиозных действ, которые были присущи всему эллинистическому миру и тем самым свидетельствуют об известной общности главных сторон развития идеологических представлений и породивших их социально-экономических причин.

⁷⁸ М. Е. Сергеенко, Жизнь древнего Рима, М.—Л., 1964, стр. 212 сл. 79 И. И. Веселовский, Еще об оссуариях, «Записки Восточного отделения Русского Археологического общества», т. XVII, вып. IV, СПб., 1906, табл. II,

рис. 5.

80 R. Reitzenstein, Das iranische Erlösungsmysterium, Bonn, 1921; ср.

M. Boyce, The Manichaean Hymn Cycles in Parthian, L., 1954, стр. 1.

81 Б. Я. Ставиский, К вопросу об идеологии домусульманского Согда,

М. Л. Гаспаров

ДВЕ РЕДАКЦИИ «ПОЭТИКИ» ГОРАЦИЯ

ЗАДАЧА настоящей заметки — обратить внимание исследователей на одно малоприметное место у Горация, позволяющее, как кажется, по-новому подойти к проблеме датировки его «Поэтики» («Послания к Пизонам») и к проблеме связи «Поэтики» с современной римской литературой. Первая из этих проблем, как показывает опыт филологии, может быть решена лишь гипотетически, и предлагаемое решение есть не более чем одна из возможных гипотез. Зато вторая весьма существенна для понимания «Поэтики», и после долгого невнимания современных ученых вспомнить о ней представляется полезным.

В начале 19-го послания I книги Гораций, нападая на дурных подражателей, которые легко перенимают недостатки и не умеют перенять достаинства своих образцов, пишет (ст. 8—11):

«Forum putealque Libonis Mandabo siccis, adimam cantare severis», — Hoc simul edixi, non cessavere poetae Nocturno certare mero, putere diurno.

В этом маленьком отрывке Гораций дважды — один раз открыто, другой раз намеком — ссылается сам на свои стихи, и обе эти ссылки до сих пор, хотя и отмечались, не были удовлетворительно истолкованы.

Во-первых, встает вопрос об источнике цитаты в ст. 8—9. В известных нам сочинениях Горация таких слов нет. Издатели пытались или толковать временное предложение как условное ирреальное (Дюнцер), или принимали эти полтора гекзаметра за шутку, оброненную в устном разговоре (Дилленбургер, Байтер-Мевес, Крюгер, Кисслинг, Вильнев), или ссылались на похвалы вину и Вакху в Оd., I, 18, 3; III, 21, 1; Epist., I, 5, 16 (Бентли, Оббарий, Риттер, тот же Дилленбургер), или, наконец, принимали чтение edixit, т. е. заведомое lectio facilior (Ламбив, Мюллер, Шютц). Неудовлетворительность всех подобных попыток очевидна.

Во-вторых, стих 11 представляет собой явную лексико-ритмическую копию знаменитого стиха AP, 269: Nocturna versate manu, versate diurna. Спрашивается, что было написано раньше: «Поэтика» или наше послание? Предположить, что «Поэтика» написана позже,— значит допустить, что Гораций сознательно шел на то, чтобы читатели весело рассмеялись над самым патетическим местом «Поэтики», вспомнив шутливый стих 19-го послания. Это невероятно. А предположить, что «Поэтика» написана раньше издания I книги посланий (20 г. до н. э.),— значит вступить в противоречие с указанием комментария Порфириона: hunc librum... ad

Lucium Pisonem qui postea urbis custos fuit eiusque liberos misit: этот Луций Пизон умер восьмидесяти лет в 32 г. н. э. (Тас., Ann., VI, 10), следовательно, он родился около 49 г. до н. э., а дети его—вряд ли раньше 29 г. до н. э. и к 20 г. были еще слишком малы, чтобы стать адресатами послания.

Однако легко заметить, что при поисках источника цитаты Горация исследователи безмолвно исходили из предположения, что нам известно решительно все, написанное Горацием. Между тем, такое предположение не имеет оснований. Более того — совершенство известных нам стихотворений Горация заставляет с уверенностью предполагать, что их созданию предшествовали многие пробы, наброски, варианты, ранние редакции. Конечно, все это было своевременно уничтожено автором. Но нет ничего невероятного в том, что некоторые свои сочинения Гораций мог читать в узком кругу друзей-ценителей (вспомним Квинтилия, АР, 438), а затем продолжать их отделку вплоть до издания. Обращаясь к Меценату в интимном жанре послания (I, 19), Гораций легко мог процитировать несколько слов из такой редакции стихотворения, которая была известна адресату, но неизвестна публике.

Если это было так, то что это могло быть за стихотворение? Судя по контексту, речь в нем шла о поэзии, и обращено оно было к поэтам. Судя по официальному выражению edixi, оно имело догматический, программный характер. Уже это заставляет нас предполагать, что в виду имеется будущая «Поэтика» в какой-то первоначальной, не известной нам редакции. Соседство стиха 11, пародирующего стих из «Поэтики», сохранившийся в ее окончательном тексте, еще более укрепляет это предположение. А вместе с этим снимается второй из поставленных вопросов: если текст «Поэтики», созданный до 20 г., не был окончательным, то посвящение Пизонам могло в нем отсутствовать и появиться лишь при заключительной доработке.

Мы пришли к предположению о двух редакциях «Поэтики»: первоначальной, созданной до 20 г., и окончательной, созданной после этого года. Конечно, это только гипотеза. Для того чтобы считать эту гипотезу допустимой, надо, во-первых, показать, что она может удовлетворительно объяснить основные проблемы, связанные с «Поэтикой», и, во-вторых, показать, что она находится в соответствии со всем, что мы знаем о жизни и творчестве Горация этого времени.

Три основные проблемы, связанные с «Поэтикой»,— это проблема хронологии, проблема адресатов и проблема композиции. Рассмотрим их с точки зрения предлагаемой гипотезы.

Проблема хронологии «Поэтики» дважды была предметом обстоятельного разбора: итоги исследований XIX в. подвел П. Леже, итоги XX в.—
О. Дильке ¹. Это позволяет нам ограничиться напоминанием лишь об основных датировках «Поэтики». Таких датировок три. Первая, «поздняя», относит «Поэтику» к 11—8 гг. до н. э. (Орелли, Фридрих, Мюллер, Уикхем, Леже, Норден, Цихориус, Т. Фрэнк, Дильке и др.); вторая, «ранняя», к 24—19 гг. (Ван-Реенен, Михаэлис, Кисслинг, Фален, Шютц, Неттльшип, Нетушил, Иммиш, Беккер и др.); третья, «компромиссная» датировка — приблизительно к 15 г. до н. э. (Ростаньи, Штайдле, Вили). Поздняя датировка опирается на приведенные слова Порфириона об адресатах «Поэтики»: к 11—8 гг. сыновьям Пизона-префекта могло ис-

¹ P. Le ja y, La date et le but de l'Art Poétique d'Horace, «Revue de l'instruction publique en Belgique», 45 (1902), crp. 361—386; 46 (1903), crp. 153—185; O. A. W. Dilke, When Was the Ars Poetica Written? «Bulletin of the Inst. of Classical Studies», L., 5 (1958), crp. 49—57.

полниться по 15—18 лет, возраст, достаточный для обращений Горация ². Ранняя датировка отвергает справку Порфириона как ошибочную и ищет в адресаты другого Пизона, с более взрослыми сыновьями (обычно называется Гней Пизон, консул 23 г. до н. э.); кроме того, в пользу ранней датировки говорит упоминание юриста Касцелия и критика Меция (ст. 371, 387), которые к 11—8 гг. были бы уже слишком дряхлы (80—90 лет), а также — рассмотренная нами автопародия в Epist., I, 19, 11. Компромиссная датировка не приводит ни одного нового довода, так что с нею можно не считаться. Таким образом, «Поэтика» содержит два ряда индиций, из которых первый указывает на 11—8 гг. (показание Порфириона; доводы от молодости Пизонов-сыновей слишком слабы, чтобы его поколебать), второй — на 24—19 гг. (автопародия и возраст Касцелия и Меция).

Здесь и оказывается полезной гипотеза о двух редакциях «Поэтики». Все те места, которые указывают на раннюю датировку, мы можем отнести к первоначальной редакции, все те, которые указывают на позднюю датировку,— к окончательной обработке послания. В частности, мы увидим дальше, что упоминания о Касцелии и Меции связаны с такими темами (необходимость совершенства в поэзии; отношение к истинным и ложным критикам), которые почти заведомо относятся к первой редакции. Таким образом, соединяя основания как ранней, так и поздней датировки, предлагаемая гипотеза разрешает проблему хронологии «Поэтики».

Если первая редакция была в основном завершена к 20 г., а работа над окончательной редакцией относится к 11—8 гг., то промежуток в работе оказывается приблизительно равен девяти годам. Это заставляет вспомнить и по-новому понять знаменитый совет AP, 388: nonumque prematur in annum... Это — лишнее подтверждение нашей гипотезы о двух редакциях ³.

Вторая проблема «Поэтики»— вопрос об адресатах, точнее, об обращениях к адресатам. Давно отмечено, что в послании фигурируют как бы два адресата: с одной стороны, трое Пизонов вообще (ст. 6, 291) и старший из сыновей-Пизонов в частности (366, 385, 407), с другой стороны,— «вы, кто пишете» вообще (ст. 38) и «ты, писатель» в частности (120, 153, 310, 335). Сами Пизоны писателями не были, и Гораций разговаривает с ними не столько о творчестве писателя, сколько о вкусе читателя (ст. 270 сл., 291); старший из сыновей-Пизонов только предполагал стать писателем, но не более (ст. 387); таким образом, под «вы, кто пишете» Пизоны подразумеваться не могут. Такая двойственность адресата легко объясняется двойной редакцией послания. Именно, первая редакция могла быть обращена к молодым поэтам вообще, и связь послания с Пизонами могла возникнуть лишь при переработке. Если же Гораций, перерабатывая послание для Пизонов, сохранил прежнее обращение в ст. 38, то это объясняется тем, что в жанре литературных посланий адресат всегда отчасти условен, и рядом с реальным «ты»— адресатом выступает абстрактный «ты»-- человек вообще. Почему Гораций отказался от мно-

² Просопографически отождествить этих Пизонов-сыновей до сих пор не удалось. См. Lejay, ук. соч.; С. Cichorius, Römische Studien, Lpz, 1922, стр. 337—341; Dilke, ук. соч.; R. Syme, Piso Frugi and Cassius Frugi, JRS, 50 (1960), стр. 12—20.

стр. 12—20.

³ W. K. S m i t h, The Date of Ars Poetica, «Classical Philology», 31 (1936), стр. 163—166. Это — единственный раз, когда в литературе была выдвинута гипотеза о двух редакциях «Поэтики», но кроме «попит ргетаtur...» автор ничем ее не пытался обосновать. Впрочем, на возможную разновременность частей «Поэтики» указывали еще Г. Фридрих и Г. Петер (G. Friedrich, Q. Horatius Flaccus: philologische Untersuchungen, Lpz, 1894, стр. 227: H. Peter. Der Brief in der römischen Literatur, Lpz, 1903, стр. 225).

жественного адресата «вы, кто пишете», и ввел традиционно-конкретное обращение к Пизонам,— сказать невозможно: мы слишком плохо знаем, что за люди были эти Пизоны.

Третья проблема «Поэтики» Горация — композиционная. Здесь нет необходимости вдаваться в сложную историю вопроса ⁴: достаточно ограничиться краткими выводами. Вся «Поэтика» распадается на три большие части: о поэзии (1-152), о драме (153-294) и о поэте (295-476); подробности же композиции мотивированы чрезвычайно сложным и прихотливым ходом мысли. Такое построение больше не встречается ни в одном известном нам произведении античной литературы. Обычно в связи с этим ставился вопрос: в каком из неизвестных нам произведений античной литературы мог Гораций найти свою схему? Вопрос этот представляется праздным. Из того факта, что план Горация является единственным в своем роде, вытекает единственный вывод: значит, этот план был создан самим Горацием. Тогда вопрос приходится поставить иначе: каким образом Гораций пришел к такой своеобразной схеме? Гипотеза о двух редакциях «Поэтики» помогает разрешить и этот вопрос. Вспомним, что работа Горация над первой редакцией «Поэтики», по-видимому, совпадает по времени с работой над I книгой посланий (23-20 гг.), а окончательная редакция — с работой над II книгой посланий (послание к Августу — около 18 г., послание к Флору — около 12 г. до н. э. 5). Это позволяет предположить, что части «Поэтики», тематически близкие посланиям І книги, принадлежали еще к первой редакции, а темы, сходные с темами посланий II книги, появились лишь в окончательной редакции. Рассмотрим эти тематические совпадения.

В третьем послании I книги содержатся такие мысли, получающие развитие в «Поэтике»: поэт должен выбирать предмет себе по силам (ст. 9—14), быть оригинальным в его обработке (15—20) и руководствоваться при этом «небесной мудростью» (25—27). В 19-м послании I книги детализуется второе из этих требований — о характере подражания греческой литературе (ст. 23—34), и вводится новый мотив: не следует лестью и подкупом снискивать благосклонность недостойных критиков (37—40). Напрашивается продолжение этой мысли — зато нужно прислушиваться к замечаниям таких компетентных ценителей, как сам Гораций (Epist., I, 3, 15). Наконец, в мимолетном комплименте по адресу Флора (Epist., I, 3, 21—22) проскальзывает основная тема будущей «Поэтики»: необходимость сочетания таланта и науки, дарования и искусства. Все эти мотивы (вплоть до словесных повторений) вновь возникают в целом рядемест «Поэтики»: ср. ст. 38—40, 128—152, 268—269, 286—287, 309—318, 385—389, 408—411, 419—452.

Совпадения тем между «Поэтикой» и II книгой посланий еще значительней. Прежде всего, основная тема послания к Августу (II, 1) — критика римского театра — сближается с рассуждением о драме в «Поэтике». В частности, следует отметить описание хора, Epist., II, 1, 134—138 и АР, 196—201; напоминания о подавлении вольностей латинских фесценнин и греческой комедии, Epist., II, 1, 145—155 и АР, 282—284; сравнение римского и греческого национальных характеров, Epist., II, 1, 93—106 и АР, 323—332; вывод из этого сравнения — что у греков в крови, того римляне могут добиться лишь трудом, Epist., II, 1, 167 и АР, 289—291; отсюда — осуждение дилетантизма в поэзии, Epist., II, 1, 114—117 и АР, 379—384, 412—418; о высокой миссии поэта-наставника

сту, ВДИ, 1964, № 2, стр. 66.

 ⁴ См. М. Л. Гаспаров, Композиция «Поэтики» Горация, сб. «Очерки истории римской литературной критики», М., 1963, стр. 97—151.
 ⁵ О мотивировках этих дат см. М. Л. Гаспаров, Послание Горация к Авгу-

говорится в Epist., II, 1, 124—138 и AP, 391—408. К этим соответствиям прибавляется известное рассуждение о поэтической речи в Epist., II, 2, 109-125, близко напоминающее AP, 46-72.

Итак, мы можем предположить, что такие темы, как посильность задачи, подражание и греческие образцы, философское осмысление материала, совершенство как соединение дарования и искусства, отношение поэта к критике, -- входили уже в состав первой редакции «Поэтики», тогда как тема драмы и театра со всеми производными от нее, а также тема поэтической речи, были внесены или развиты при окончательной обработке. В таком случае замечательно, что темы ранней редакции почти целиком входят в первую и третью из трех частей «Поэтики», иными словами, располагаются по традиционной схеме учебных руководств: «поэзия — поэт». Именно такова, по-видимому, и была композиция первой редакции «Поэтики». По сравнению с этим окончательный план был осложнен третьей темой: драмой. Очевидно, эта тема явилась при работе над второй редакцией и составила новую часть послания, которую оказалось удобным вставить в середину произведения: таким образом, традиционная двухчленная тема превратилась в оригинальную трехчленную.

Таким образом, можно считать, что гипотеза о двух редакциях «Поэтики» наиболее удовлетворительным образом разрешает три основные проблемы, связанные с этим произведением: проблему хронологии, проб-

лему адресатов и проблему композиции.

Остается показать, что эта гипотеза находится в соответствии с нашими данными о жизни, взглядах и деятельности Горация в 23-8 гг. до н. э. При этом надо помнить, что «Поэтика» — сочинение не теоретикаисследователя, а практика-критика. В ней нет никаких философских откровений, в ней трудно отыскать какие-нибудь следы личного творческого опыта: ее своеобразие заключается не в оригинальности излагаемых мыслей, а в их отборе и подаче 6. Это своеобразие целиком обусловлено своеобразием литературной обстановки тех лет, когда создавалась «Поэтика». Эта литературная обстановка и подлежит рассмотрению в первую очередь.

На рубеже 20-х и 10-х гг. до н. э. в римской литературе происходит смена поколений. Достижения Вергилия, Горация и их сверстников становятся классикой; теперь на сцену выходят ученики и подражатели. Они усваивают технику своих предшественников, но остаются чужды духу их поэзии. На смену выстраданному цезаризму Вергилия и Горация у них приходит пассивная аполитичность, на смену классическим образцам — александрийские, на смену высокому призванию — светское дилетантство. В их творчестве расцвели аполитичнейшие жанры эпохи — любовная элегия и мифологический эпос. Элегии и эпиграммы писали Лигдам, Сульпиция, Прокул, Капелла; Туск писал о Филлиде и Демофонте, Помпей Макр — о троянской войне до «Илиады», Камерин — о Троянской войне после «Илиады», Луп — о странствиях Менелая, Ларг — о странствиях Антенора, Тринакрий сочинял «Персеиду», Понтик — «Фиваиду», Кар —«Гераклеиду», Тутикан —«Феакиду», Юл Антоний —«Диомедию», Линкей — сразу и «Фиваиду» и «Гераклеиду». От иных из этих поэтов остались только имена в Овидиевом каталоге, но именно они задавали тон в поэзии этих лет 7.

Тем временем старшее поколение начинало сходить со сцены. Еще Вергилий мечтал, закончив «Энеиду», отречься от поэзии. Гораций торже-

⁶ Cm. T. Frank. Horace on Contemporary Poetry, «Classical Journal», 13 (1917),

стр. 550 сл.
7 См. по этим писателям подборку материала: M. Schanz — C. Hosius,
11 Münch 1935: H. Bardon, La litérature Geschichte der römischen Literatur, II, Münch., 1935; H. Bardon, La litérature latine inconnue, II, P., 1956.

ственно отрекался от поэзии в сборнике посланий 20 г. Однако при этом он хотел сохранить свое положение в литературе: остаться мэтром новой школы, наставником литературной молодежи в поэтическом ремесле. Со своими литературными советами он обращается к «ученой когорте» Тиберия: к этому кружку принадлежал Юлий Флор, адресат 3-го послания, и упоминаемые в послании Тиций и Цельс; к другим членам этого кружка обращены послания 8 и 9; близок к Тиберию был и Луций Пизон, адресат «Поэтики». Может быть, Гораций предполагал, что государственная служба поможет этим литераторам-дилетантам преодолеть эклектический аполитизм и сделает из них достойных преемников старшего поколения. К ним и к их сверстникам обратил он и свою «Поэтику».

Связь предписаний «Поэтики» с впечатлениями Горация от творчества молодых поэтов очевидна 8. Предостережение «верней будет представить в действии "Илиаду", чем впервые разработать незнакомую (ст. 129—130) имеет в виду стремление молодых поэтов к малопопулярным. слабо разработанным мифам (очевидное для нас хотя бы в «Метаморфозах» Овидия). Замечание о нежелательности пышного зачина (ст. 136). имеет в виду обширные темы «Фиваид» и «Гераклеид», материал к которым, действительно, заимствовался из киклической поэзии. Неумение молодых поэтов придать цельность пестрому ряду эпизодов кикла определило основной тезис первой части «Поэтики»: «все пусть будет простым и единым» (ст. 23). Неумение справиться с большой эпической темой при помощи техники, выработанной на маленьких эпиллиях, определило развитие этого тезиса в ст. 15 («пурпурный лоскут») и т. п. Упоминание о Троянской войне от двух яиц (ст. 147), может быть, намекает на поэму Помпея Макра; упоминание о возвращении Диомеда (ст. 146)— на поэму Юла Антония. Характерно, что много места уделено теме внимания к критике: это как бы попытка установить контроль старших поэтов над младшими, сделать начинающих поэтов наследниками литературы «золотого века». Интересно, что как образец критика назван старый помпеянец Меций Тарпа (ст. 387): Тиберий находился с бывшими помпеянцами в хороших отношениях, и упоминание о Меции в послании, обращенном к «ученой когорте», выглядит вполне естественно.

Но почему работа над «Поэтикой» прервалась, и первая редакция осталась не опубликованной? Здесь мы должны перейти от частных вопросов, затронутых Горацием, к главному: к его эстетической программе. Основным вопросом античной эстетики был вопрос: дарованию или искусству принадлежит главная роль в поэзии? Окончательная редакция «Поэтики» отдает предпочтение искусству, установка же на дарование высмеивается в ст. 295—302 и 453—476. В первой редакции вопрос, как кажется, решался иначе. Стихи, цитируемые в 19-м послании, требуют от поэта дионисического вдохновения прежде всего — иными словами, отдают предпочтение дарованию перед искусством. Налицо резкое изменение эстетической программы.

Чем объяснить такой перелом? Мы слишком мало знаем конкретную обстановку литературной жизни тех лет; поневоле приходится ограничиться лишь самыми общими соображениями. Как правило, всякое литературное подражательство проходит два этапа: собственно подражательство и литературную моду. На первом этапе носителями подражания выступают сравнительно немногочисленные ценители и любители искусства, принадлежащие к тому же кругу, из которого вышел образец. На следующем этапе подражательство выходит за пределы одной литературной группировки и становится достоянием множества эпигонов, которые

⁸ Ср. Frank, ук. соч.

в погоне за успехом перенимают лишь внешние черты, не вникая в сущность мастерства и оправдываясь мнимым вдохновением. По-видимому, при Горации это распространение литературной моды было особенно быстрым. В первой редакции «Поэтики» Гораций обращался еще к подражателям первого рода: нужно было напомнить им, что усвоения технических приемов еще недостаточно, чтобы создать хорошее произведение; отсюда — установка на дарование. Но эта программа устарела мгновенно: призыв Горация был услышан уже и подражателями второго рода, и они поспешили истолковать его в свою пользу. Горацию приходится отмежеваться от этого «рабского стада» в 19-м послании и отказаться от первоначальной программы «Поэтики»: теперь нужно было напомнить подражателям, что вдохновения недостаточно, чтобы создать хорошее произведение; отсюда — установка на искусство. Эта установка и получила развитие в окончательной редакции «Поэтики».

Между первой и второй редакциями «Поэтики» лежит долгий промежуток, занятый работой над посланием к Августу, юбилейным гимном, IV книгой од. Важнейшим событием литературной жизни Рима этих лет была борьба меценатовской школы против поэтов-архаистов за овладение театром в Борьба с архаистами вскрыла самое слабое место новой школы — ее неспособность овладеть массовой публикой. Театр оставался монополией греческой пантомимы и римской народной комедии. Вопрос о завоевании сцены не был снят. Это и определило направление переработки, которой подверглась «Поэтика».

Молодые поэты не отвергали драматургии: нам известно, что трагедии и комедии писали Линкей, Турраний, Гракх, «слезливый» Пупий, Антоний Руф, ученики риторских школ Сурдин, Статорий Виктор, Арброний Силон. Высшим достижением этого поколения была «Медея» Овидия. Если бы драматургия этих лет была нам хоть сколько-нибудь известна, значительно прояснился бы смысл многих темных мест «Поэтики» 10. Теперь же мы можем лишь догадываться, почему эти произведения не удовлетворяли ни Горация, ни публику.

Республиканская литература завещала эпохе Августа важнейшую художественную задачу: создание поэтического языка. Вергилий разрешил эту задачу применительно к эпосу, Гораций — применительно к лирике; но Варию, очевидно, не удалось разрешить ее применительно к драме. Поэтому, если в области эпоса и лирики молодые поэты могли усваивать готовое и переходить к другим проблемам (прежде всего — к проблеме жанра), то в области драмы центром внимания по-прежнему являлась стилистика, и остальные элементы драматургии отходили на задний план. Из такого положения проистекали, в числе прочих, три следствия. Во-первых, забота о языке и стиле отвлекала авторов от обрисовки характеров действующих лиц. Во-вторых, драма при этом разрабатывалась как произведение чисто словесного искусства, без внимания к требованиям сцены. В-третьих, из двух драматических жанров преимущественное внимание уделялось трагедии, так как литературно-сценическая традиция, сковывавшая деятельность поэта-экспериментатора, ощущалась в римской трагедии слабее, чем в комедии. Отсюда проясняются основные недостатки драматургии молодых поэтов: их произведения были, во-первых, не вполне художественны, во-вторых, несценичны, в-третьих, непопулярны (ибо трагедия всегда пользовалась у римской публики меньшим успехом, чем комедия).

⁹ См. Гаспаров, Послание Горация к Августу.

10 Ср. G. Boissier, L'Art Poétique d'Horace et la tragédie romaine, «Revue de philologie», 22 (1898), стр. 1 сл.

Именно на этих трех вопросах останавливается Гораций в новой редакции «Поэтики»: о построении характеров, о сценической технике и о комическом жанре. Совокупность этих рассуждений образует новый, серединный раздел «Поэтики»— о драме. Вместе с этим подверглись переработке прежние разделы: в раздел о поэзии были введены примеры из области драмы, в разделе о поэте появилось ощутимое многословие, столь не характерное для Горация.

Первый вопрос — о характерах — нашел выражение в довольно банальном описании четырех возрастов (ст. 156—176) и в рассуждениях о речевой характеристике персонажей (ст. 91—127): здесь подробнее всего разобраны те случаи, когда трагедии приходится снижать обычный тон («Телеф и Пелей...»), — очевидно, молодые трагики в своих стилистических экспериментах тяготели к чересчур однообразной высокопарности.

Второй вопрос — техника сцены: здесь Гораций говорит об изображении ужасных или невероятных событий, о пятиактности, о deus ex machina, о трех актерах, об участии хора в действии (ст. 179—204). Все это (кроме deus ex machina) — правила, существенные для театра и легко упускаемые из виду при чисто литературном подходе к драме.

Третий вопрос — о создании комического жанра, который мог бы конкурировать с ателланой и мимом: этот вопрос был важнейшим в борьбе новой школы за сцену. Нужен был жанр, богатый общедоступным комизмом, но не допускающий опасных намеков на современность и чуждый простонародной грубости. Гораций предлагает в качестве такого жанра возродить греческую сатировскую драму. Предложение было смелым, но не совсем беспочвенным: Рим знал мифологические комедии, мифологические ателланы, переводы греческих сатировских драм, а в Греции сатировские драмы еще ставились на сценах 11. Судя по тону Горация, для него римская сатировская драма — еще дело будущего, но дело вполне реальное. Тема вводится греческой параллелью, раскрывающей причину обращения к этому жанру: когда высокая трагедия стала прискучивать развращенному народу, трагический поэт «не умаляя важности, посягнул на жесткую шутку, чтобы приманками и приятными новинками удержать зрителя, пьяного и своенравного...» (ст. 222—224). Настойчиво подчеркивается, что сатировская драма должна сохранять черты трагедийной высокости (ст. 225—233), что ее персонажи должны резко отличаться от комедийных Давов и Пифий (ст. 233-239). Далее Гораций переходит от содержания к форме — к лексике (ст. 240—250) и метрике (ст. 251—274), где больше всего была опасность попасть под влияние привычной грубости народной комедии. В связи с общим интересом к проблеме языка и стиля в драме вопросы лексики и метрики получают у Горация более широкую трактовку, частично отрываются от раздела о драме и переходят в предыдущий раздел — о поэзии.

Несколько странной представляется в «Поэтике» страстная защита прав писателя на словесные новообразования (ст. 48—55): молодые поэты, как можно судить по Овидию, и без того пользовались неологизмами чрезвычайно широко. Скорее, здесь приходится видеть запоздалую вспышку борьбы с архаизмом. Может быть, она связана с тем, что около 13 г. до н. э. при дворе появляется в качестве наставника семилетнего Августова внука, сына Агриппы, известный архаист-лексикограф Веррий Флакк. Отсюда — выступление Горация против архаической лексики в Еріst., II, 2 и в нашем месте. «Признаком времени» может служить упоминание репеtralia Vestae (Еріst., II, 2, 114): храм Весты на Палатине был освящен в 12 г. до н. э., и вестальская терминология была злободнев-

¹¹ См. обильный материал в кн.: A. Dietrich, Pulcinella, Lpz, 1897.

ной темой. На связь рассуждений о callida iunctura (ст. 48) и репликой Агриппы о Вергилии (Suet. - Don., Vita Verg., 44) обратил внимание еще Иммиш ¹². Агриппа умер в 12 г., поэтому полемика против него осталась неразвернутой, зато здесь же, рядом с прениями о лексике, появилось размышление о бренности всего земного, полное намеков на мелиоративные предприятия Агриппы (ст. 60-69).

Провозглашая программу возрождения драмы, Гораций не мог не чувствовать некоторой двусмысленности своего положения. Его личные взгляды на драму не совпадали с теми взглядами, выразителем которых он выступил в «Поэтике». Римская публика знала, что сам Гораций никогда драматургией не занимался, и в послании к Августу о перспективах римской драматургии высказывался весьма пессимистически. Поэтому Гораций всеми силами старается подчеркнуть в «Поэтике», что его требования выражают не личное мнение, а объективную необходимость. Для этого он при каждом удобном случае ссылается на запросы публики: ст. 81—82, 100, 113, 153, 190; 206—224; 323—343. Собственно самый лозунг respicere exemplar vitae (ст. 312—318) и вся «реалистическая» программа Горация в значительной степени обусловлена простой необходимостью считаться с требованиями публики, привыкшей к реализму мимических представлений.

Такова была окончательная обработка «Поэтики». Во-первых, была включена новая тема — о драме — с ее производными; во-вторых, вместо установки на ведущую роль дарования явилась установка на ведущую роль искусства. Первое из этих изменений явилось результатом теоретических выводов из борьбы против архаистов, второе — результатом более близкого знакомства с творчеством молодых поэтов. Разные части «Поэтики» сочинялись в разное время и по разным поводам. Отсюда — та пестрота содержания, которая так озадачивала и озадачивает ее исследователей.

¹² O. Immisch, Horazens Epistel über die Dichtkunst, Lpz, 1932 («Philologus», Splbd. 24, 3), crp. 87.

доклады и сообщения

ДЕСЯТИЛЕТИЕ ИНСТИТУТА ГРЕКО-РИМСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ГЕРМАНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В БЕРЛИНЕ

Развитие немецкой науки о классической древности уже долгое время связано с Берлинской Академией, которая была основана в 1700 г. в соответствии сзамыслами универсального ученого Готфрида Вильгельма Лейбница, в 1807—1812 гг. была преобразована в гражданское научное общество по образцу Institut de France и возродилась в 1946 г. после освобождения от фашистского ига 1. Велико число ее членов, чьи имена заняли почетное место в мировой науке об античности. Мы назовем здесьтолько наиболее значительные в истории науки последних полутора веков². Это — Вильгельм фон Гумбольдт (1767—1835), который не только возглавил реорганизацию Академии, но и создал систему классического образования; исследователь Гомера Фридрих-Август Вольф (1759—1824); переводчик Платона Фридрих Шлейермахер (1767—1831); Бертольд-Георг Нибур (1776—1831) — основатель критического направления в историографии; Август Бек (1785-1867), чей подход к изображению античной жизни открыл перед наукой новые пути; неутомимый издатель Иммануил Беккер (1785—1871); текстолог Карл Лахманн (1793—1851); Эдуард Герхард (1795—1867) — систематизатор и организатор археологической науки; Эрнст Курциус (1814-1896), известный своими раскопками в Олимпии; Теодор Моммзен (1817—1903) — историк Рима и римского права; Карл Мюлленгоф (1818—1884) — основатель науки о немецких древностях; знаток Аристотеля Герман Бониц (1814—1888); историк философии Эдуард Целлер (1814—1908); Александр Конце (1831—1914) — организатор исследований в области взаимоотношений Рима с древними германцами; Герман Дильс (1848— 1922) -- исследователь античной философии, естествознания и техники; Адольф фон Гарнак (1851—1930), писавший о раннем христианстве и его литературе; выдающийся филолог Ульрих фон Виламовиц-Меллендорф (1848—1931); Эдуард Мейер (1855— 1930) — историк, изучавший древность в целом; языковед Вильгельм Шульце (1863— 1930); исследователь латинской литературы Эдуард Норден (1868—1941); папиролог Ульрих Вилькен (1862—1944); археолог Теодор Виганд (1864—1936); историк ранней церкви Ганс Литцман (1875—1942); знаток древнего искусства Герхарт Роленвальл (1886-1945); не последним в этом ряду должно стоять имя Иоганна Штрукса (1886-1954) 3, первого президента возрожденной Академии наук в Берлине.

¹ Ср. исторический обзор А. Мейзеля в «Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1946—1956», В., 1956, стр. 1 слл.

² Подробнее см. в «Bildnisse berühmter Mitglieder der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», В., 1950, стр. 16—19, 21, 23, 30, 34, 43, 47, 48, 51, 53, 58, 60, 70, 80, 83, 84, 95, 105, 107, 109, 110.

³ Ср. памятную речь Вальтера Фридриха в «Deutsche Akademie der Wissenschaften...», стр. 349 слл. и некролог Фридриха Цуккера в «Jahrhuch der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1954», В., 1956, стр. 388 слл.

Академия содействовала развитию наук не только трудами своих сочленов, но и тем, что указала новые пути организации научной работы. Если деятельность ученых даже еще до самого последнего времени проходила по большей части в тихих кабинетах, в залах библиотек, то успехи, достигнутые с начала нашего века, особенно в области естествознания и техники, требуют новых форм работы. Кабинет ученого сменила лаборатория экспериментатора, для возможно более полного использования способностей исследователя потребовалось придавать ему и научных сотрудников, и помощников-практиков. Это развитие в области естествознания и техники, к невыгоде Академии, находило осуществление вне пределов ее компетенции, лишь после установления народной власти оно могло быть, по крайней мере частично, поставлено под ее контроль. Но зато почином Академии было развитие — уже полтораста лет назад — коллективной работы на историко-филологической ниве, т. е. в той области, в которой такая работа еще и сегодня не нашла повсеместно утвердившихся и общепризнанных форм. Предметом такой коллективной работы стала публикация источников и материалов в изданиях, отвечающих требованиям современной филологии и с добавлением столь необходимых для плодотворного их использования вспомогательных средств в виде вводных статей, пояснений и указателей. Собственно использование источника, однако, лежало вне компетенции коллектива, оставаясь, как и прежде, делом индивидуального творчества ученого, опирающегося на предоставленный ему вспомогательный материал. Осуществляли коллективную работу, как правило, комиссии из членов Академии, где председательствовал тот из них, кому принадлежала инициатива, в качестве же исполнителей привлекались более молодые ученые, для которых эта работа становилась но возможности главным занятием. Привлекались и зарубежные специалисты в соот ветствии с вырабатывавшимся принципом: для каждого дела получить наиболее подхог дящего исполнителя. Впрочем, было принято за правило применять форму академит ческой коллективной работы предпочтительно в таких предприятиях, для осуществления которых ввиду их объема недостаточно ни сил, ни продолжительности жизни одного человека. Возможности подлинно творческих ученых таким образом могли быть значительно умножены 4.

В таких условиях в 1815 г. Август Бек приступил к сбору греческих надписей, Тогда же Шлейермахер привлек внимание Академии к Аристотелю, а Беккер осуществил то издание произведений этого античного энциклопедиста, по которому они и поныне цитируются в мировой науке и к которому было добавлено издание античных толкователей и схолиастов. После смерти Нибура Академия приняла на себя издание так называемого «Боннского корпуса византийских историков», завершенное в 1897 г. Но в полном смысле слова организатором этого крупнейшего «научного предприятия» стал Теодор Моммзен, который был членом-корреспондентом с 1853 г., с 1858 г. и вилоть до смерти (в 1903 г.) — действительным членом Академии⁵ и сверх того с 1874 по 1895 г. занимал пост секретаря Историко-философского отделения Академии 6. Он положил основу «Корпусу датинских надписей», затем изданию древнегреческих монет и участию Академии в исследовании римского лимеса ⁷. Моммзен стал также крестным отцом предложенного Адольфом Гарнаком издания источников по истории доконстантиновской церкви. И как академик, и как секретарь Моммзен нашел достойного преемника в Германе Дильсе⁸, живым свидетельством научно-организаторской деятельности которого служит и сегодня «Corpus medicorum Graecorum».

⁴ Ср. И. Ирмпер в «Omagiu lui Constantin Daicoviciu cu prilejul împliniriri a 60 de ani», Bukarest, 1960, стр. 293 слл., а так же Г. Грапов в «Wesen und Aufgaben der Akademie», В., 1940, стр. 30 слл.

⁵ Erik Amburger, Die Mitglieder der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin 1700—1950, B., 1950, crp. 29.

⁶ Там же, стр. 9.

⁷ Подробности см. И. Ирмшерв «Quintus Congressus internationalis Limitis, Romani studiosorum», Zagreb, 1963, стр. 89 слл.

⁸ Ср. Amburger, ук. соч., стр. 9.

С первой мировой войной приходит к концу в немецкой науке блестящий период изучения античности в целом. Общим делом Академии осталась только солидная специальная работа, продолжавшая начатые труды, которую вели в большинстве случаев ученые, связанные с консервативной буржуазией. Обязывающее наследие в деле собирания и предварительной обработки научных материалов в Академии сохранялось и разрабатывалось, но вряд ли можно говорить о какой-нибудь творческой инициативе, которая, исходя из академических кругов, смогла бы дать новое направление ведущейся работе или вызвать к жизни новые предприятия. Тем не менее заслугой Академии и ее сотрудников остается то, что предпринятые начинания удалось спасти от варварства гитлеровского фашизма и противостоять репрессивным мерам, — например против Комиссии по истории позднеантичной религии.

Несмотря на то, что вторая мировая война почти полностью прекратила, наряду с прочими мероприятиями Академии, и работы по изучению античности, все-таки сохранилось унаследованное призвание к служению объединяющей народы гуманитарной науке, осталось небольшое ядро квалифицированных специалистов во главе с эпиграфистом Гюнтером Клаффенбахом, так что сразу же после освобождения Германии от гитлеровского фашизма можно было начать восстановление Академии. Это восстановление, которое шло под руководством Иоганна Штрукса, всемирно известного знатока латинского языка и римской мысли, возродило традиции крупных научных мероприятий, коллективной работы в научном издании источников и расширило границы задач этой совместной работы. Академическая комиссия греко-римских древностей, руководившая большинством этих мероприятий, привлекла к сотрудничеству — но на началах общей ответственности — более молодые силы, смело распахнула двери новому и установила плодотворные связи с антиковедами других социалистических стран. Для возросших задач потребовались, однако, и новые более строгие организационные формы — потребовался научный институт.

Президиум Академии признал эту необходимость и принял соответствующие подготовительные меры, в результате которых 24 сентября 1955 г. был основан Институт греко-римских древностей. Основание Института было утверждено 20 октября председателем Совета министров ГДР. Открытие института было ознаменовано торжественной сессией 23 — 26 октября 1955 г. 9 Согласно «Положению о задачах и распорядке работы Института греко-римских древностей Германской академии наук в Берлине от 24 сентября 1955 года» 10, структура института включала ученый совет, руководство института, научные рабочие группы, а также библиотеку и управление. Ученый совет состоял из 12 (не более) членов: академиков по классической древности и смежным областям науки, а также членов, не состоящих в Академии, чье сотрудничество, как можно было ожидать, окажется особенно полезным для Института, и представителей Государственного секретариата высших и специальных школ и Министерства народного образования. Председателем Ученого совета был назначен тогдашний Нестор антиковедения ГДР, эллинист и папиролог Фридрих Цуккер. Руководство Институтом было коллективным. Его осуществляли романист Вернер Хартке, упомянутый уже эпиграфист Гюнтер Клаффенбах и византинист Иоганн Ирмшер. Рабочим группам была предоставлена значительная самостоятельность. С течением времени, по мере того как развертывалась деятельность Института, потребовались некоторые структурные изменения, которые, однако, не затрагивали еще основных пунктов «Положения о задачах и распорядке работы...». Эти преобразования пока завершились включением института в сотрудничество общественно-научных институтов и учреждений Академии. 15 июля 1964 г. И. Ирмшер был назначен директором Института со специальной ответственностью за работы в области истории философии, истории лите-

⁹ Данные — по приветствию В. Фридриха — в «Das Institut für griechisch-römische Altertumskunde, Protokoll der Eröffnungstagung vom 23.—26. Oktober 1955», В., 1957, стр. 7 слл.

¹⁰ Напечатано в «Das Institut für griechisch-römische Altertumskunde...», стр. 11 слл.

ратуры и истории искусства. Его равноправными заместителями стали представитель среднелатинской филологии Иоганн Шнейдер, со специальной ответственностью за труды в области языкознания и историко-филологических дисциплин, и историк древности Вольфганг Зейфарт, со специальной ответственностью за работы в области истории, права и экономики. Изменились и функции рабочих групп. Правда, они и ныне являются основными единицами Института, но члены их принимают участие не только в коллективных трудах своей группы, а работают одновременно по общеинститутским заданиям и, кроме того, ведут индивидуальные исследования, которые также включаются в план Института. Таким образом должно быть достигнуто по возможности всестороннее и всеобъемлющее использование научных возможностей и опыта сотрудников. Институт располагает более чем 70 сотрудниками, среди которых около 60 ученых различных специальностей.

В соответствии с историей возникновения Института остановимся сначала на работе его отдельных групп, которые Ф. Цуккер подразделял на Instituta antiqua, recentiora и recentissima 11 . Среди Instituta antiqua на первом месте по праву стоят Inscriptiones Graecae, которые непосредственно восходят к начатому 24 марта 1815 г. Августом Беком «Corpus Inscriptionum Graecarum» 12. Эта рабочая группа находится под руководством пользующегося международным признанием эпиграфиста Г. Клаффенбаха; в 1957 г. она представила изданный самим ее руководителем второй выпуск тома IX, 12, который содержит «Inscriptiones Acarnaniae». Перед этой рабочей группой поставлена задача заново издать надписи материковой и островной Греции. При этом она опирается наряду со своими берлинскими сочленами также на зарубежных ученых, привлекаемых в качестве внештатных сотрудников. Это старый принцип Академии, который практикуется и в других мероприятиях Института. Таким методом в настоящее время подготавливаются дополнения к надписям Фессалии, а также издания надписей Фессалоники, Xиоса и Самоса ¹³. Попутно ведется работа по толкованию надписей. Плодом ее являются, в частности, труды Г. Клаффенбаха «Varia epigraphica» (B., 1958), «Bemerkungen zum griechischen Urkundenwesen» (B., 1960) u «Die Grabstelen der einstigen Sammlung Roma in Zakynthos» (В., 1964); здесь нельзя не упомянуть и труд Г. Клаффенбаха «Griechische Epigraphik» (Göttingen, 1957), обобщающий бесценный опыт автора. С деятельностью этой рабочей группы теснейшим образом связан, наконец, и монументальный труд Вернера Пэка «Griechische Versinschriften», который должен заменить устаревшую работу Георга Кайбеля «Epigrammata Graeca e lapidibus conlecta» (В., 1878). До сих пор вышел том I (В., 1955), который содержит стихотворные эпитафии.

Параллельное мероприятие по латинским надписям, вверенное рабочей группе Corpus inscriptionum Latinarum, отмечало в прошлом году свой столетний юбилей 14. Живой отклик, который это событие нашло в научном мире, показал, что идея корпуса 15 и ныне имеет право на существование, хотя ее осуществление должно производиться в формах иных, нежели в дни Моммзена. В то время как в прошлом веке эпиграфикой занимались ученые немногих, а именно, центрально- и западноевропейских стран, ныне в этой работе на равных правах участвуют ученые многих народов, и прежде всего тех, на чьей территории обнаруживаются латинские надписи. Появляются сборники надписей, составленные на основе современных государственных границ и на цациональных языках. Но означает ли это, что всеобъемлющий, составленный на латин-

¹¹ Там же, стр. 14.

¹² К истории Корпуса см. Г. Клаф фенбах в «Das Institut für griechischrömische Altertumskunde...» стр. 73 слл.

¹³ Вернер X арткев «Akte des IV. Internationalen Kongresses für griechische und lateinische Epigraphik», Wien, 1964, стр. 138.

¹⁴ Ср., между прочим, Volker Weberв «Klio», 41, 1963, стр. 282 слл.

¹⁵ К этому см. И. Ирм шер в «Akte des IV. Internationalen Kongresses ...», 157 слл. См. также в настоящем номере: Р. Грюндель, Два знаменательных юбилея эпиграфики.

ском языке — языке ученых — и обработанный в соответствии с едиными установками корпус становится излишним? Разве не приобретает он именно в связи с современными тенденциями развития значительно большее значение, чем прежде? В Институте полагали, что на последний вопрос следует дать утвердительный ответ, и поэтому стремились к международному сотрудничеству в такой форме, чтобы сбор материалов и обработка отдельных частей корпуса находились в руках ученых тех стран, к которым относятся надписи, в то время как на долю берлинского центра выпало бы координирование и консультирование этой деятельности, а также подготовка материалов к печати. На этих основаниях предприняты были переговоры относительно участия исследователей из Чехословакии, Австрии, Венгрии, Югославии, Болгарии и Румынии, а также Бельгии, Испании и города Рима 16. Эти переговоры, надо надеяться, вскоре принесут плоды. В то же время продолжается работа над публикацией и завершением ранее начатых частей корпуса под руководством уполномоченного руководителя рабочей группы Роланда Грюнделя, который имеет немалые заслуги и в популяризации эпиграфической науки 17.

Вышли в свет:

Voi. IV. Inscriptiones Pompeianae parietariae et vasorum fictilium.

Pars III, 2, ed. Matthaeus della Corte. B., 1955.

Pars III, 3, ed. Matthaeus della Corte, B., 1963.

Vol. VIII. Inscriptiones Africae Latinae.

Pars V, 2, B., 1955.

Pars V, 3, B. 1959.

Vol. XVI. Diplomata militaria

Supplementum, ed. Heribertus Nesselhauf, B., 1955.

В тесной связи с корпусом латинских надписей стоят Corpus inscriptionum Etruscarum и «Ргозородгарніа ітрегіі Romani». Сбор этрусских надписей восходит, правда, к личной инициативе филолога-классика и языковеда Карла Паули (1839—1901), но корпус с самого начала был связан с Берлинской Академией, которая с течением времени все более включалась в эту работу, а после смерти Паули обеспечила ее продолжение 18. Все же после первой мировой войны это издание застопорилось. В 1936 г. вышел в свет последний, третий выпуск второго тома, в который О. А. Даниэльсон и Э. Зиттиг включили надписи Южной Этрурии, в особенности из Корнето-Тарквинии. Ближайшая цель теперь состоит в том, чтобы завершить это собрание, одновременно переиздать уже опубликованные части, приведя их в соответствие с современным уровнем науки, и, наконец, составить фундаментальные указатели, которые раскрыли бы содержание всего труда. Институт этрусских штудий во Флоренции предложил для этой цели сотрудничество с пока бездействующей рабочей группой «Корпуса этрусских надписей» нашего Института. Хотелось бы надеяться, в интересах науки, что это сотрудничество сможет осуществиться в ближайшее время.

Несравненно благополучнее обстоит дело с *Prosopographia imperii Romani*. На основе литературных источников, монет, папирусов и, не в последнюю очередь, надписей здесь возникает подлинная энциклопедия римского общества периода Империи. Первое издание «Просопографии» было начато в 1874 г., а в 1915 г.— новое, переработанное 19, составителями которого были Эдмунд Гроаг (умер в 1945 г.) и Артур Штейн

¹⁶ Ср. X артке, ук. соч., стр. 136 слл. и Ирм шер, ук. соч., стр. 165 слл. 17 Ср., например, его публикации в: «Das Altertum», 9, 1963, стр. 175 слл.; «Forschungen und Fortschritte», 37, 1963, стр. 185 слл. и «Fremdsprachenunterricht», 7, 1963, стр. 526 сл., а также его газетные статьи; библиографический список см. в отчете И. Ирмшера в «Jahrbuch der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1963», В., 1964, стр. 697.

¹⁸ К истории корпуса ср. Ирмшер в «Romanitas», 6/7, 1965, стр. 63 слл.

¹⁹ Конрад Шубринг в «Das Institut für griechisch-römische Altertumskunde...», стр. 84 сл.

(умер в 1950 г.). На собранных ими материалах могла быть создана рабочая группа, возглавляемая Вернером Хартке и Лейвой Петерсен. Последняя благодаря своей одновременной деятельности в качестве редактора издательства Бэлау в Веймаре обладает опытом, ценным для такой совместной работы. Со времени основания Института вышел в свет выпуск IV, 2 (Берлин, 1958) на букву «Н»; выпуск IV, 3 на букву «І» находится в печати.

Наконец, Институт обратил внимание и на самую молодую отрасль эпиграфики — на минойские тексты. Организованная в 1960 г. рабочая группа «Минойские тексты» 20 , возглавляемая Гейнцем Гейссом, поставила перед собой задачу критически проверить метод Вентрисовско-Чадвиковской расшифровки линейного письма $B^{\,21}$, посредством применения современной канцелярской техники создать более надежную основу для чтения этих надписей и этим шагом в область новой методики работы создать образец для расшифровки других видов письменности. Сочинение Гейсса «"Сокращения" в линейном письме B. Критическое исследование расшифровки Вентриса» готовится ныне к печати в качестве первого обобщающего итога исследований этой рабочей группы.

В то время как эпиграфика разрабатывалась в Берлинской Академии уже многие десятилетия, папирология вплоть до второй мировой войны находилась вне рамок Академии; ею занимался Египетский отдел государственных музеев 22. Только в 1951 г. возник и при Академии исследовательский центр, принимающий ныне участие в публикации и интерпретации еще не раскрытых сокровищ Берлинской коллекции. В будущем этот центр должен взять на себя и издание «Archiv für Papyrusforschung» без ущерба для научной и просветительской деятельности Египетского отдела государственных музеев. В последние годы работа Института концентрировалась на подготовке X тома «Berliner Griechische Urkunden», издателем которого будет руководитель рабочей группы Вольфганг Мюллер. В этот том включены хозяйственные тексты птолемеевского времени. Кроме того, Мюллер опубликовал греческие остраки из Элефантины/Сиены 23, математические остраки Берлинской коллекции 24 и папирусы из собрания Ибшера 26, причем реставратор Рольф Ибшер продолжал разрабатывать свою методику реставрации папирусов с помощью шелкового шифона 26.

Другая рабочая группа Института занимается Словарем Полибия. Ее возглавляет выдающийся исследователь Полибия и опытный переводчик античных классиков Арно Мауэрсбергер²⁷. Подготовку материала к этому изданию начал еще в 1896 г. дрезденский учитель гимназии Теодор Бюттнер-Вобст²⁸; после него этой работой занимались другие, но ввиду недостаточной поддержки она была прервана в 1935 г. Только в 1947 г. работа эта была возобновлена сначала по личной инициативе Арно Мауэрс-

²⁰ И. Ирм m ер в «Jahrbuch der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1960», В., 1961, стр. 229.

²¹ См. Heinz Geiss, Mitteilungsblatt für die Mitarbeiter der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 6, 1960, стр. 250 слл. Ср. он же, Neue Technik im Büro, 1962, стр. 358 слл.

²² См. В. Мюллер в «Das Institut für griechisch-römische Altertumskunde...», стр. 87 слл.

²³ «Mitteillungen des Instituts für Orientforschung», 5, 1957, стр. 1 слл.; 6, 1958, стр. 1 слл.

²⁴ Совместно с Ю. May («Archiv für Papyrusforschung», 17, 1960, стр. 1 слл.).

²⁵ «The Journal of Juristic Papyrology», 13, 1961, стр. 75 слл.

²⁶ Он сообщил об этом между прочим в «Bulletin de la Société d'archéologie copte», 15, 1960, стр. 93 слл. и в «Forschungen und Fortschritte», 35, 1961, стр. 372 слл. (совместно с В. Мюллером).

²⁷ Ср. его последнюю статью «Der historische Aspekt des Polybios» («Das Altertum», 10, 1964, стр. 75 слл.).

²⁸ К этому см. А. Мауэрсбергер в «Das Institut für griechisch-römische Altertumskunde...», стр. 94 слл.

бергера, а с 1949 г. уже под эгидой Академии. С того времени напечатаны два выпуска на буквы от α до ζ (Берлин, 1956 и 1961), а рукопись третьего выпуска представлена к печати. Таким образом, уже ощутимо близок срок завершения этого словаря, столь важного для полного охвата словарного фонда греческой койне.

Рабочая группа Corpus medicorum Graecorum занимается не только Корпусом греческих врачей, несколько лет назад она приняла под свое наблюдение и Corpus medicorum Latinorum. Эта группа находится под руководством Фридриха Цуккера, которому оказывает деятельную помощь Ютта Коллеш. Группа поддерживает контакт с Карлом Дейхгребером в Геттингене и Конрадом Шубрингом в Западном Берлине; в ее изданиях принимают участие, кроме членов рабочей группы Академии, специалисты из многих стран. Издателями греческого корпуса ныне являются академии в Берлине, Копенгагене и Лейпциге, в то время как соответствующий латинский корпус публикуется силами одной Германской Академии наук. Чтобы увеличить ценность серии, к ней по мере возможности прилагаются переводы, обычно на немецкий, но иногда и на другие современные языки 29. Это а ргіорі необходимо при издании восточных источников, которые также учитываются в «Согриз medicorum Graecorum». Со времени основания Института нашли осуществление следующие публикации (в порядке появления).

I. Corpus medicorum Graecorum

- Galeni in Hippocratis Epidemiarum libros commentaria. Indices nominum et verborum Graecorum composuerunt Ernst Wenkebach et Konrad Schubring, B., 1955 (CMG, V, 10, 2, 3).
- G a len i in Hippocratis Epidemiarum librum VI commentaria I VIII, ed. Ernst Wenkebach et Franz Pfaff, 2 Aufl., B., 1956 (CMG, V, 10, 2, 2).
- G alens Kommentare zu den Epidemien des Hippokrates. Indizes der aus dem Arabischen übersetzten Namen und Wörter, verf. von Franz Pfaff. Die als sog. Simulantenschrift griechisch überlieferten Stücke des 2. Kommentars zu Epidemien II, hrsg. von Karl Deichgräber und Fridolf Kudlien, B., 1960 (CMG, V, 10, 2, 4).
- Rufus von Ephesos, Die Fragen des Arztes an den Kranken, hrsg. von Hans Gärtner, B., 1962 (CMG, Supplementum IV, mit deutscher Übersetzung).
- Galeni in Hippocratis de officina medici commentariorum versio Arabica, ed. Malcolm Lyons, B., 1963 (CMG, Supplementum Orientale I, mit engl. Übersetzung).
- Galen, Über das Riechorgan, hgg. v. Jutta Kollesch, B., 1964 (CMG, Supplementum V, mit deutscher Übersetzung).

II. Corpus medicorum Latinorum

- Anthimi de observatione ciborum ad Theodoricum regem Francorum epistula, iter. cur. ed. Eduard Liechtenhan, B., 1963 (CML, VIII, 1, mit dt. Übersetzung).
- Plinii Secundi Iunioris qui feruntur de medicina libri tres, ed. Alf Önnerfors, B., 1964 (CML, III).

В настоящее время бездействуют рабочие группы «Rhetores Graeci» и «Vocabularium iurisprudentiae Romanae». Предприятие «Rhetores Graeci» основывается на научном наследии Гуго Рабеа, который в начале нашего века приступил к коренному пересмотру давно уже к тому времени устаревшего корпуса Хр. Вальца 30. Материалы Рабеа — черновые рукописи, фотографии манускриптов и колляции, выходящие за пределы круга изданных Вальцем памятников, — попали после смерти Рабеа в Академию и были переданы существовавшей тогда Комиссии по греко-римским древностям. Однако из-за отсутствия соответствующих специалистов еще не было возможности приступить

²⁹ Ср. И. Ирм m ер в «Jahrbuch der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1960», В., 1961, стр. 228.

³⁰ Wilhelm von Christ, Geschichte der griechischen Litteratur, II, 2, 5. Aufl. von Wilhelm Schmid, Münch., 1913, стр. 744, прим. 2 и стр. 1248.

к обработке этих материалов³¹. Vocabularium iurisprudentiae Romanae, напротив, продвинут уже довольно далеко. Он был начат в конце прошлого века — во времена, когда изучение римского права переживало в Германии расцвет, — такими известными учеными, как О. Граденвиц, Б. Кюблер и Э. Т. Шульце³², и к 1939 г. были представлены три из пяти предусмотренных томов ³³, после чего работы приостановились ³⁴. Было бы очень важно, чтобы это столь необходимое для всех историко-правовых исследований справочное издание получило завершение в ближайшее время.

Деятельность рабочей группы «Эллинистическо-римская философия», которую на базе прежней Аристотелевской комиссии Академии создал в 1947 г. Иоганн Штрукс 35, тоже прерывалась на некоторое время, однако впоследствии была возобновлена под руководством иенского доцента Эрнста Гюнтера Шмидта. Главной задачей этой группы является сбор, издание и комментирование фрагментов Эпикура и его школы в особенности и античных материалистов вообще. Кроме того, эта группа и в будущем намерена тщательно следить за исследовательской работой в области послеаристотелевской философии, как она это делает уже и сейчас в следующих ее сочинениях, вышедших в свет после основания Института:

Otto Luschnat, Zum Text von Philodems Schrift de musica, B., 1953.

Günter Freymuth, Zur Lehre von den Götterbildern in der epikureischen Philosophie, B., 1953.

Emilie Boer, Epikur, Brief an Pythokles, B., 1954.

Jürgen Mau, Zum Problem des Infinitesimalen bei den antiken Atomisten, 2. Aufl., B., 1957.

Annemarie Jeanette Neubecker, Die Bewertung der Musik bei Stoikern und Epikureern. Eine Analyse von Philodems Schrift: De musica, B., 1956.

Helmut Boese, Die mittelalterliche Übersetzung der Στοιχείωσις φυσική des Proclus: Procli Diadochi Lycii Elementatio Physica, B., 1958.

Gerhard Müller, Die Darstellung der Kinetik bei Lukrez, B., 1959.

Jürgen Mau, Galen — Einführung in die Logik. Kritisch-exegetischer Kommentar mit deutscher Übersetzung, B., 1960.

Isonomia. Studien zur Gleichheitsvorstellung im griechischen Denken, hrsg. von Jürgen Mau und Ernst Günter Schmidt, B., 1964.

Новым начинанием является и рабочая группа «Поднеримская филология и история» 36, над созданием которой энергично работали ее нынешний руководитель Вернер Хартке и Вольфганг Зейфарт. Цель этой группы — изучение текста и оценка значения столь важных позднеантичных источников, как Аммиан Марцеллин и «Historia Augusta». Из результатов исследовательской работы этой группы следует особенно отметить следующие сочинения В. Зейфарта:

Der Codex Fuldensis und der Codex E des Ammianus Marcellinus, B., 1962. Soziale Fragen der spätrömischen Kaiserzeit im Spiegel des Theodosianus, B., 1963. Ein Handstreich persischer Bogenschützen auf Antiochia. «Klio», 40, 1962, стр. 60 слл.

³¹ О нынешнем состоянии дела информирует Урсула Петерс в «Miscellanea critica», I, Lpz, 1964, стр. 172 слл.

³² Martin Schanz, Geschichte der römischen Literatur, 3. 3. Aufl. von Carl Hosius und Gustav Krüger, Neudruck, Münch., 1959, стр. 186. Том I (В., 1903) носит посвящение: In memoriam Theodori Mommsen qui hoc opus fundavit.

 $^{^{33}}$ Ср. сообщение Γ е й м а н а $\,$ в «Jahrbuch der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Jahrgang 1940», B., 1941, стр. 63.

³⁴ Ср. И. На ас в «Jahrbuch der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1946—1949», В., 1950, стр. 47.

³⁵ См. Наас, ук. соч., стр. 106.

³⁶ Ср. И. Ирмшер в «Jahrbuch der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1958», В., 1959, стр. 187.

Die Rechtstheorie und die Entwicklung der Sklavenklasse an der Basis in der späten römischen Kaiserzeit, «Acta antiqua Philippopolitana. Studia historica et philologica», Sofia, 1963, стр. 59 слл.

Перейдем к одному из традиционных предприятий Академии — «Комиссии по истории позднеантичной религии». Она была организована в 1890 г. по предложению А. Гарнака и Т. Моммзена, и перед ней была поставлена задача издать источники по доникейскому христианству (греческие в подлиннике, а восточные в немецком переводе) в качестве материала для «изучения истории ранней церкви, римской истории и патристической филологии» ³⁷. Задача эта до сих пор еще не выполнена, а находки в Наг-Хаммади и углубленное изучение позднеантичного синкретизма за последние десятилетия вносят много существенно нового в ее постановку; так что для руководителя этой рабочей группы Курта Трой, который среди других достижений имеет и заслуги в области исследования новозаветных текстов ³⁸, и его коллектива выдающихся специалистов остается еще достаточно работы.

Эта рабочая группа располагает двумя сериями публикаций: «Die Griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderts»— для издания текстов и «Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlicher Literatur»— эта серия должна служить для публикации филологических и исторических предварительных исследований и толкований, а также для публикации текстов дополнительных (особенно восточных) источников. О репутации этой группы свидетельствует то обстоятельство, что ей было доверено издание протоколов международных конгрессов по патристике и новому завету. В серии «Греческие христианские писатели...» с 1955 г. вышли в свет следующие тома:

- E u s e b i u s, Werke, VIII, Die Praeparatio evangelica. Hrsg. von Karl Mras, II: Die Bücher XI XV. Register (Bd. 43,2), B., 1956.
- Koptisch-gnostische Schriften, I. Die Pistis Sophia. Die beiden Bücher des Jeû. Unbekanntes altgnostisches Werk. Hrsg. von Carl Schmidt, 3. Aufl. bearbeitet von Walter Till [Bd. 45 (13)], B., 1959.
- Eusebius, Werke, VII, Die Chronik des Hieronymus. Hrsg. und in 2. Aufl. neu bearbeitet von Rudolf Helm [Bd. 47 (24.34)], B., 1956.
- Origenes, Werke, IX, Die Homilien zu Lukas in der Übersetzung des Hieronymus und die griechischen Reste der Homilien und des Lukas-Kommentars. Hrsg. und in 2. Aufl. neu bearbeitet von Max Rauer [Bd. 49 (35)], B., 1959.
- Sozomenus, Kirchengeschichte. Hrsg. von Joseph Bidez. Eingeleitet, zum Druck besorgt und mit Registern versehen von Günther C. Hansen (Bd. 50), B., 1960.
- Clemens Alexandrinus II, Stromata, Buch I-VI. Hrsg. von Otto Stählin. In 3. Aufl. neu hrsg. von Ludwin Früchtel [Bd. 52 (15)], B., 1960.

В серии «Texte und Untersuchungen» вышли в свет следующие труды:

- Joseph R e u s s, Matthäus-Kommentare aus der griechischen Kirche. Aus Katenenhandschriften gesammelt und herausgegeben (Bd. 61), B., 1957.
- Martin Sicherl, Die Handschriften, Ausgaben und Übersetzungen von Iamblichos, De mysteriis. Eine kritisch-historische Studie (Bd. 62), B., 1957.
- Studia Patristica, I II. Papers Presented to the Second International Conference on Patristic Studies Held at Christ Church, Oxford, 1955. Ed. by Kurt Aland and F. L. Cross (Bd. 63 und 64), B., 1957.
- Helmut Köster, Synoptische Überlieferung bei den apostolischen Vätern (Bd. 65), B., 1957.
- 37 Формулировка Гарнака; ср. И р м ш е р $\,$ в «Оікоитепе», Catania, 1964, стр. 421 слл.
- ³⁸ Ср., например, ero работы: «Zur Rekonstruktion eines neutestamentlichen Papyruskodex» («Forschungen und Fortschritte», 31, 1957, стр. 185 слл.), «Neutestamentliche Unzialfragmente in einer Athos-Handschrift» («Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft», 54, 1963, 53 слл.).

- Emmanuel Amand de Mendieta et Stig Y. Rudberg, Eustathius. Ancienne version latine des neuf homélies sur l'Hexaéméron de Basile de Césarée. Edition critique avec prolégomènes et tables (Bd. 66), B., 1958.
- Hans Lietzmann, Kleine Schriften. Hrgs. von Kurt Aland, Bd. I. Studien zur spätantiken Religionsgeschichte (Bd. 67), B., 1958; Bd. II. Studien zum Neuen Testament (Bd. 68), B., 1958.
- Vinzenz Buchheit, Studien zu Methodios von Olympos (Bd. 69), B., 1958.
- Georg Strecker, Das Judenchristentum in den Pseudoklementinen (Bd. 70), B., 1958.
- Kurt Treu, Synesios von Kyrene. Ein Kommentar zu seinem «Dion» (Bd. 71), B., 1958.
- Erich Klostermann und Heinz Berthold, Neue Homilien des Makarius//Symeon I. Aus Typus III (Bd. 72), B., 1961.
- Studia Evangelica. Papers Presented to the International Congress on «The Four Gospels in 1957» Held at Christ Church, Oxford, 1957, Ed. by Kurt Aland, F. L. Cross, Jean Daniélou, Harald Riesenfeld and W. C. van Unnik (Bd. 73), B., 1959.
- Hans Lietzmann, Kleine Schriften, Bd. III. Studien zur Liturgie- und Symbolgeschichte. Zur Wissenschaftsgeschichte. Hrsg. von der Kommission für spätantike Religionsgeschichte (Bd. 74), B., 1962.
- Erik Tidner, Didascaliae Apostolorum, Canonum Ecclesiasticorum, Traditionis Apostolicae versiones Latinae (Bd. 75), B., 1963.
- Hans Dieter Betz, Lukian von Samosata und das Neue Testament. Religionsgeschichtliche und paränetische Parallelen. Ein Beitrag zum Corpus Hellenisticum Novi Testamenti (Bd. 76), B., 1961.
- Studien zum Neuen Testament und zur Patristik. Erich Klostermann zum 90. Geburtstag dargebracht. Hrsg. von der Kommission für spätantike Religionsgeschichte (Bd. 77), B., 1961.
- Studia Patristica, III—VI. Papers Presented to the Third International Conference on Patristic Studies Held at Christ Church, Oxford, 1959, Ed. by F. L. Cross (Bd. 78—81).
 Vol. III. Part I. Introductio, Editiones, Critica, Philologica, B., 1961; Vol. IV, Part II. Biblica, Patres Apostolici, Historica, B., 1961; Vol. V, Part III. Liturgica, Monastica et Ascetica, Philosophica, B., 1962; Vol. VI, Part IV. Theologica, Augustiniana, B., 1962.
- Harald Hegermann, Die Vorstellung vom Schöpfungsmittler im hellenistischen Judentum und Urchristentum (Bd. 82), B., 1961.
- Friedhelm Winkelmann, Die Textbezeugung der Vita Constantini des Eusebius von Caesarea (Bd. 84), B., 1962.
- Traugott Holtz, Die Christologie der Apokalypse des Johannes (Bd. 85), B., 1962.
- Nikolaus Walter, Der Thoraausleger Aristobulos. Untersuchungen zu seinen Fragmenten und zu pseudepigraphischen Resten der jüdisch-hellenistischen Literatur (Bd. 86), B., 1964.
- Studia Evangelica, II. Papers Presented to the Second International Congress on New Testament Studies Held at Christ Church, Oxford, 1961. Ed. by F. L. Cross (Bd. 87), Vol. II, Part I. The New Testament Scriptures, B., 1964.
- Studia Evangelica, III. Papers Presented to the Second International Congress on New Testament Studies Held at Christ Church, Oxford, 1961. Ed. by F. L. Cross (Bd. 88), Vol. III, Part II. The New Testament Message, B., 1964.

Рабочая группа «Византиноведение» была основана в 1952 г. 39, и тем самым в ГДР получила развитие эта область науки, которая до тех пор в Германии разрабатывалась преимущественно мюнхенской школой Карла Крумбахера. Ряд молодых сотрудников под руководством Иоганна Ирмшера, который сам в последние годы занимался вопросами идеологической борьбы в позднеантичное время 40, поздней Визан-

ñol de Éstudios Clásicos», Madrid, 1964, стр. 605 слл.; Das Zeitalter Justinians, «Živa

³⁹ И. Ирм mep в «Das Institut für griechisch-römische Altertumskunde...», стр. 141.
⁴⁰ Например, War Palladas Christ? в кн.: F. L. Cross, Studia patristica, 4, В.,
1961, стр. 457 слл.; Palladas und das Christentum, «Actas del Segundo Congresso Espa-

тией 41 , проблемой преемственности исторического развития в Греции 42 и теоретическими обобщениями 43 , разрабатывали вопросы социально-экономического развития византийского общества, собирали материалы о византино-германских отношениях 44 и работали над словарем новогреческой $\delta\eta\mu$ отих $\dot{\eta}$ 45 .

Эта группа публикует свои работы в серии «Berliner Byzantinistische Arbeiten», в которой участвуют и иностранные ученые. До сих пор вышли следующие тома этой серии:

'Ιάχωβος Τριβώλης, Ποιήματα. Hrsg., übersetzt und erklärt von Johannes Irmscher, B., 1956.

Gertrud Böhlig, Untersuchungen zum rhetorischen Sprachgebrauch der Byzantiner mit besonderer Berücksichtigung der Schriften des Michael Psellos. Mit einem Geleitwort von Franz Dölger, B., 1956.

Peter Kawerau, Die jakobitische Kirche im Zeitalter der syrischen Renaissance. Idee und Wirklichkeit, B., 1955; 2. ergänzte Aufl., B., 1960.

Aus der Sowjetbyzantinistik. Eine Auswahl prinzipieller Beiträge. Hrsg. von Johannes Irmscher, B., 1956.

Aus der byzantinistischen Arbeit der Deutschen Demokratischen Republik. Hrsg. von Johannes Irmscher, Bd. 1, B., 1957.

То же, Bd. 2, B., 1957.

Fritz Pringsheim, Zum Plan einer neuen Ausgabe der Basiliken. Begründung ihrer Notwendigkeit und Gesichtspunkte für ihre Herstellung, B., 1956.

Ernst Hammerschmidt, Die koptische Gregoriosanaphora. Syrische und griechische Einflüsse auf eine ägyptische Liturgie, B., 1957.

Aus der byzantinistischen Arbeit der Tschechoslowakischen Republik. Hrsg. von Johannes Irmscher und Antonín Salač, B., 1957.

Gyula Moravcsik. Byzantinoturcica. Bd. 1: Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker, 2., durchgearbeitete Aufl., B., 1958.

To me, Bd. 2: Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen, 2., durchgearbeitete Aufl., B., 1958.

Heinz F. Wendt, Die türkischen Elemente im Rumänischen, B., 1959.

Thea Neumann, Die Elfenbeinpyxis von Xanten und ihr Umkreis, B., 1958.

Probleme der neugriechischen Literatur. In Zusammenarbeit mit Hans Ditten und Marika Mineemi Hrsg. von Johannes Irmscher, Bd. 1, B., 1959.

То же, Вd. 2, В., 1960.

antika», 13, 1964, стр. 171 слл.; Zur Weltanschauung des Agathias, «Tagung für Allgemeine Religionsgeschichte, Sonderheft der Wissenschaftlichen Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität Jena», Jena, 1964, стр. 47 слл.

41 Theodoros Gazes als griechischer Patriot, «La parola del passato», 18, 1961, стр. 161 слл.; письма Феодора Газиса, опубликованные в «Charisteria Francisco Novotný octogenario oblato», Prag, 1962, стр. 51 слл.; Georgios von Trapezunt als griechischer Patriot, «Actes du XIIº Congrès International Études byzantines», 2, Belgrad, 1964, стр. 353 слл.

⁴² Например, Das Abendland und Byzanz, «Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin», Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, 9, 1959//1960, стр. 105 слл.; Die Auseinandersetzung mit dem antiken Erbe im modernen Griechenland, «Eos», 53, 1963, стр. 321 слл.

43 Gegenwartssituation und Zukunftsperspektiven der Byzantinistik in der Deutschen Demokratischen Republik, «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 9, 1961, стр. 1040 слл.; Was heisst und zu welchem Ende studiert man Byzantinistik? в кн.: Johannes I r m s c h e r. Byzantinistische Beiträge, B., 1964, стр. 9 слл.

44 См. J. Irmscher, «Byzantinoslavica», 19, 1958, стр. 231 слл. и Ilse Rochow, вкн.: J. Irmscher, Byzantinistische Beiträge, стр. 455 сл.

 45 См. И. И р м ш е р в 'Афіє́рюμа στη μνήμη τοῦ Μανόλη Τριανταφυλλίδη, Athen, 1960, стр. 53 слл.

То же, Вd. 3, В., 1960.

То же, Вd. 4, В., 1959.

M. V a l s a, Le théâtre grec moderne de 1453 à 1900, B., 1960.

Polychronis En e p e k i d e s, Documents notariaux inédits sur A. Coray tirés des archives d'une étude parisienne et des archives de la Seine, B., 1959.

Polychronis K. Enepekides, Beiträge zur kulturellen und politischen Geheimtätigkeit der Griechen in Wien vor dem griechischen Aufstand, B., 1960.

Antike und Mittelalter in Bulgarien. Hrsg. von Veselin Beševliev und Johannes Irmscher, B., 1960.

O Πουλολόγος. Kritische Textausgabe mit sprachlichen und sachlichen Erläuterungen von Stamatia Krawczynski, Berlin, 1960.

Die protobulgarischen Inschriften. Hrsg. von Veselin Beševliev, B., 1963.

Grzegorz L. Seidler, Soziale Ideen in Byzanz, B., 1960.

Ernst Hammerschmidt, Studies in the Ethiopic Anaphoras, B., 1961.

^{'O} πιστικός βοσκός. Der treue Schäfer. Der Pastor Fido des G. B. Guarini, von einem Anonymus im 17. Jahrhundert in kretische Mundart übersetzt. Erstausgabe von Perikles Joannou, B., 1962.

Konrad Onasch, Das Problem des Lichtes in der Ikonenmalerei Andrej Rublevs, B., 1962.

Anneliese Lüders, Die Kreuzzüge im Urteil syrischer und armenischer Quellen, B., 1964.

Spätgriechische und spätlateinische Inschriften aus Bulgarien. Hrsg. von Veselin Beševliev, B., 1964.

Запланированные «Berliner Byzantinische Texte» должны быть связаны с подобными публикациями в подходящей форме.

Две следующие рабочие группы, подчиненные в своей деятельности более общим замыслам, «Словарь средневековой латыни» в национальном, а «Corpus vasorum antiquorum» — в международном масштабе. «Mittellateinische Wörterbuch», который охватывает латинский словарный фонд на германоязычной территории, примерно от 600 до 1280 г., года смерти Альберта Великого 46, и примыкает к «Thesaurus linguae Latinae», начат в 1939 г. Этим предприятием руководят ныне немецкие академии посредством двух рабочих центров в Мюнхене и Берлине. В Берлине работу возглавляет Иоганн Шнейдер, который содействует развитию среднелатинской филологии своими работами по истории науки 47 и толкованию текстов 48. Благодаря образцовому сотрудничеству обоих центров уже несколько лет назад закончено составление картотеки, которая должна пригодиться и для нового издания словаря Дюканжа, запланированного Международным академическим объединением. В 1959 г. опубликованы особым выпуском списки сокращений и использованных источников, в том же году появился первый выпуск первого тома. С тех пор подготовлены еще шесть выпусков, охватывающие почти весь материал буквы «А»; ныне созданы предпосылки для бесперебойного печатания дальнейших выпусков.

Для Corpus vasorum antiquorum вазы из собраний ГДР издаются частью Берлинской Академией, частью Лейпцигской, хотя и нет твердой договоренности о распределении функций между ними. Германская Академия наук возложила ответственность

⁴⁶ Ср. И. III нейдер в «Das Institut für griechisch-römische Altertumskunde...», стр. 148 слл.

⁴⁷ Например, Berlin und die mittellateinische Philologie, «Deutsche Akademie der Wissenschaften...», стр. 371 слл.; Die mittellateinische Philologie in Deutschland, в кн.: Johannes Irmscher und Wiktor Steffen, Philologische Vorträge, Wrocław, 1959, стр. 163 слл.

⁴⁸ Например, Osservazioni di metodo circa la presenza della Imitatio in prose storiche mediolatine, «Helikon», 2, 1962, стр. 531 слл.; Das deutsche Vogteiwesen und sein Einfluss auf das mittelalterliche Latein, B., 1964.

за свою часть работы на академика Карла Блюмеля, бывшего директора Античного отдела государственных музеев. Благодаря его энергии стал возможен непрерывный выход в свет отдельных томов при сохранении высокого уровня издания. В 1959—1960 гг. появилось описание (в трех частях — CVA. Deutschland, Bd. 17—19) ваз Государственного музея Линденау в Альтенбурге (Тюрингия); в 1964 г. за ним последовал первый том собрания Дворцового музея в Готе (CVA. Deutschland, Bd. 24), выполненный Элизабет Роде. Этой же исследовательнице поручена публикация и остальной части этого собрания, а Готфрид фон Люккен взял на себя описание Шверинской коллекции. Ждет еще своего исполнителя огромная работа по изданию необъятного берлинского материала.

Работа по изданию монет Греции восходит опять-таки к замыслу Т. Моммзена ⁴⁹. Работа над этим изданием была возобновлена в 1956 г. по предложению директора Берлинского Мюнцкабинета Артура Зуле ⁵⁰. Конечно, в условиях нынешнего развития международной нумизматической науки не приходится ставить целью создать всеобъемлющий «Согриз пиштогит»; рабочая группа ограничивается более скромным, но зато осуществимым заданием оформить уже появившиеся части труда ⁵¹ в «Корпус монет северогреческого чекана». Сначала будет завершена работа над материалом Перинфа ⁵² за ним последует Византий.

Рабочая группа Formae orbis antiqui принадлежит к числу пока бездействующих. Это предприятие восходит к принятому в 1939 г. решению Академии взять под свое наблюдение рассчитанный на 36 листов атлас Генриха Киперта, работу над которым продолжал его сын Рихард 53. Ныне по предложению академика Элизабет-Шарлотты Вельскопф проверяется, в какой степени можно использовать эти предварительные работы при создании историко-топографического атласа древнего мира и какие специальные задачи предстоит здесь еще поставить в связи с начавшейся уже работой над международными мероприятиями Formae orbis Romani 54 и Tabula imperii Romani 55.

Институт греко-римских древностей стал принимать участие и в полевых археологических работах, которые раньше совершенно не входили в компетенцию Академии. Это было тем более необходимо, что в результате сложившейся внешнеполитической ситуации археологи ГДР могли утерять непосредственную связь с классической почвой. Поэтому мы с радостью воспользовались предоставленной нам в 1958 г. Болгарской Академией наук возможностью провести учебные раскопки на Мезийском дунайском лимесе у села Кривина (район Русе) 56. С тех пор проведены три сезона раскопок, образован коллектив археологов, который смог раскопать и исследовать в значительной части позднеантичное укрепление Иатрус 57. В настоящее время готовится публикация проведенных работ, после ее завершения предстоят раскопки жилого поселения лагеря.

Само собой разумеется, что с Институтом связаны и такие печатные издания, которые служат не только отдельным рабочим группам. Редакции их частично еще объединены в рабочей группе «Публикации», но постепенно получают все большую само-

⁴⁹ Кистории вопроса ср. Edith Schönert, «Klio», 39, 1961, стр. 31 слл.

⁵⁰ См. Артур Зуле в «Jahrbuch der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1956», В., 1957, стр. 390.

⁵¹ См. список: S c h ö n e r t, ук. соч., стр. 322.

⁵² Ср. также Е. Schönert, «Das Altertum», 8, 1962, стр. 73 слл.

⁵³ Литцман в «Jahrbuch der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Jahrgang 1939», В., 1940, стр. 66.

⁵⁴ Ср. обзор опубликованных трудов в «Union académique internationale, Compte rendu de la trente-septième Session annuelle du comité du 13 au 18 juin 1963», Brüssel, 1963, стр. 160 слл.

⁵⁵ Ср. отчет Г. Кареттони в «Union académique internationale...», стр. 62 слл.

⁵⁶ И. Ирм шер в «Jahrbuch der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin 1958», В., 1959, стр. 191.

⁵⁷ Ср. отчет Ганса Круммрей в «Das Altertum», 9, 1962, стр. 221 слл.

стоятельность. Понятно, что их сотрудники не ограничиваются исполнением своих редакционных обязанностей, но проводят в определенном объеме и самостоятельные исследования.

Начнем с журналов Института. «Philologus», вступивший ныне в 103-й год издания. издается Отто Лушнатом (Западный Берлин), Вольфгангом Шмидом (Бонн) и Эрнстом Гюнтером Шмидтом (Иена); редактирует журнал Эбергард Рехенберг. Журнал рассматривает греко-римские древности как единое целое, главным образом с точки зрения филологии. «Klio» (43-й год издания) издается Вернером Хартке, а редактируется Иоганном Ирмшером совместно с Габриелой Боккиш. «Klio» исходит из тех же принципов, но в специально историческом аспекте. Журнал предоставляет свои страницы и античной археологии, не располагающей в ГДР особым печатным органом. Журнал помещает также исследования ученых других социалистических стран. Этой же цели служит специальный организованный и руководимый Иоганном Ирмпером орган «Bibliotheca classica orientalis», вступивший уже в 10-й год существования; по примеру естественно-научных и технических реферативных журналов это издание помещает не оригинальные статьи, но авторефераты их, за исключением тех случаев, когда оригиналы были напечатаны на одном из основных западноевропейских языков или были снабжены соответствующим резюме — в таких случаях журнал ограничивается библиографической отсылкой. Наконец, следует назвать журнал «Das Altertum», вступивший уже в 11-й год существования и издаваемый Иоганном Ирмшером в сотрудничестве с Генрихом Кухом. Журнал стремится в доступной широкому кругу читателей форме рассказывать об устремлениях, проблемах и достижениях в изучении античности и древнего Востока, а также о культурном наследии древности. Мы можем с удовлетворением отметить, что советские коллеги деятельно сотрудничают во всех наших журналах.

Публикация текстов — предпосылка всякой исторической и филологической работы — ведется в двоякой форме. Для специалиста предназначена «Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana», научное руководство которой уже с 1952 г. связано с Академией ⁵⁸. Поставленная задача состоит в том, чтобы на протяжении одного-двух поколений восстановить, а насколько это возможно, также расширить и пополнить, как того требует современное состояние науки, самую всеобъемлющую серию изданий греческих и латинских авторов, тиражи и стереотипы которой погибли в Лейпциге во время второй мировой войны. Эта работа ведется как в форме совершенно новых изданий, так и, насколько это научно допустимо, в форме editiones correctiores, которые без изменения воспроизводят ранее установленный текст, а результаты работы последующих исследователей сообщают в форме addenda et corrigenda. Со времени основания Института под руководством Иоганна Ирмшера и при активном участии Бруно Дёра, Реймара Мюллера и нескольких молодых специалистов появились следующие издания:

А. Греческие авторы

Acta Alexandrinorum. De mortibus Alexandriae nobilium fragmenta papyracea Graeca. Edidit et notis instruxit Herbert Musurillo, Lpz, 1961.

Corpus fabularum Aesopicarum. Vol. I. Fabulae Aesopicae soluta oratione conscriptae. Ed. Augustus Hausrath. Fasc. 1. Editio stereotypa editionis prioris. Addenda et corrigenda ex ipsius editoris ad fasc. 1 annotationibus excerpta et collecta ab H. Haas, Lpz, 1957; Fasc. 2. Indices ad fasc. 1 et 2 adiecit H. Haas, Lpz, 1956; Vol. I, Fasc. 2. Indices ad fasc. 1 et 2 adiecit H. Haas. Editionem alteram curavit H. Hunger, Lpz, 1959.

Appiani historia Romana. Vol. I. Ed. P. Viereck et A. G. Roos. Addenda et corrigenda adiecit E. Gabba, Lpz, 1962.

Aristidis Quintiliani De musica libritres, Ed. R. P. Winnington-Ingram, Lpz, 1963.

 $^{^{58}}$ И. И р м m е р в «Das Institut für griechisch-römische Altertumskunde...», стр. $164\,$ сл.

- Artemidori Daldiani Onirocriticon libri quinque. Ed. Roger A. Pack, Lpz, 1963.
- B a c c h y l i d i s carmina cum fragmentis. Post Fr.Blass et Guil. Suess septimum edidit Bruno Snell, Lpz, 1958; octavum edidit Bruno Snell, Lpz, 1961.
- Dionysii Ixeuticon seu de aucupio libri tres in epitomen metro solutam redacti. Recensuit Antonius Garzya, Lpz, 1963.
- Euripidis Helena. Ed. Karin Alt, Lpz, 1964.
- Heliodori, ut dicitur, in Paulum Alexandrinum commentarium. Ed. Ae. Boer. Interpretationes astronomicas addiderunt O. Neugebauer et D. Pingree, Lpz, 1962.
- Hellenica Oxyrhynchia. Ed. Vittorio Bartoletti, Lpz, 1959.
- Hermagorae Temnitae testimonia et fragmenta. Coll. D. Matthes, Lpz, 1962. I amblichi Babyloniacorum reliquiae. Ed. Elmar Habrich, Lpz, 1960.
- Lycophronis Alexandra. Ed. Lorenzo Mascialino. Lpz, 1964.
- M e n a n d r i quae supersunt. Pars I. Reliquiae in papyris et membranis vetustissimis servatae. Ed. Alfredus Koerte. Editio stereotypa tertiae editionis. Addenda adiecit Andreas Thierfelder, Lpz, 1955.
- Menandri quae supersunt. Pars 1. Reliquiae in papyris et membranis vetustissimis servatae. Ed. Alfredus Koerte. Editio stereotypa correctior tertiae editionis. Addenda adiecit Andreas Thierfelder, Lpz, 1957; Pars II. Reliquiae apud veteres scriptores servatae. Ed. Alfredus Koerte. Opus postumum retractavit, addenda ad utramque partem adiecit Andreas Thierfelder. Editio altera aucta et correcta, Lpz, 1959.
- Menandri et Philistionis. Ed. Siegfried Jäkel, Lpz, 1964.
- Παύλου 'Αλεξανδρέως Εἰσαγωγικά Pauli Alexandrini elementa apotelesmatica. Ed. Ae. Boer. Interpretationes astronomicas addidit O. Neugebauer, Lpz, 1958.
- P i n d a r i carmina cum fragmentis. Ed. Bruno Snell. Editio altera, Lpz, 1955; editio tertia. Pars I. Epinicia, Lpz, 1959; Pars II. Fragmenta. Indices, Lpz, 1964.
- Plutarchi Moralia. Vol. V, Fasc. 1. Recensuit et emendavit C. Hubert. Praefationem scripsit M. Pohlenz, Lpz, 1957; editio altera correctior. Addenda adiecit H. Drexler, Lpz, 1960; Vol. V, Fasc. 3. Recensuerunt et emendaverunt C. Hubert et M. Pohlenz. Addenda advol. VI fasc. 2 adiecit M. Pohlenz, Lpz, 1955; editio altera. Addenda adiecit H. Drexler, Lpz, 1960; Vol. VI, Fasc. 1. Recensuit et emendavit C. Hubert. Additamentum ad editionem correctiorem coll. H. Drexler, Lpz, 1959; Vol. VI, Fasc. 2. Recensuit et emendavit M. Pohlenz. Editio altera quam curavit addendisque instruxit R. Westman, Lpz., 1959; Vol. VI, Fasc. 3. Recensuerunt et emendaverunt K. Ziegler et M. Pohlenz. Iterum rec. K. Ziegler, Lpz, 1959.
- Plutarchi vitae parallelae. Recognoverunt Cl. Lindskog et K. Ziegler. Vol. I, Fasc. 1. Iterum recensuit K. Ziegler, Lpz, 1957; tertium recensuit K. Ziegler, Lpz, 1960; Vol. I. Fasc. 2. Iterum recensuit K. Ziegler, Lpz, 1959; tertium recensuit K. Ziegler, Lpz, 1964; Vol. II, Fasc. 1. Iterum recensuit K. Ziegler, Lpz, 1964.
- Procopii Caesariensis operaomnia. Recognovit Jacobus Haury. Vol. I. De bellis libri I IV. Editio stereotypa correctior. Addenda et corrigenda adiecit G. Wirth, Lpz, 1962; Vol. II. De bellis libri V—VIII. Editio stereotypa correctior. Addenda et corrigenda adiecit G. Wirth, Lpz, 1963; Vol. III. Historia quae dicitur arcana. Editio stereotypa correctior. Addenda et corrigenda adiecit G. Wirth, Lpz, 1963; Vol. IV. Περὶ κτισμάτων libri VI sive De aedificiis cum duobus indicibus praefatione excerptisque Photii adiectis. Editio stereotypa correctior. Addenda et corrigenda adiecit G. Wirth, Lpz, 1964.
- Claudii Ptolemaei opera quae exstant omnia. Vol. III, 1. 'Αποτελεσματικά. Ed. F. Boll et Ae. Boer. Editio stereotypa correctior editionis prioris, Ipz, 1957; Vol. III, 2. Περὶ κριτηρίου καὶ ἡγεμονικοῦ. De iudicandi facultate et animi principatu. Ed. Fr. Lammert Καρπός. Pseudo-Ptolemaei Fructus sive Centiloquium. Ed. Ae. Boer. Editio altera correctior, Lpz, 1961.

- Sexti Empirici opera. Recensuit Hermannus Mutschmann. Vol. I Pyrrhoneion hypotyposeon libros tres continens. Editionem stereotypam emendandam curavit, addenda et corrigenda adiecit J. Mau, Lpz, 1958; Vol. III Adversus mathematicos libros I—VI continens. Iterum edidit J. Mau, Lpz, 1961; Vol. IV. Indices. Coll. K. Janáček. Editio altera auctior, Lpz, 1962.
- Theognis. Ps.-Pythagoras. Ps.-Phocylides. Chares. Anonymi aulodia. Fragmentum teliambicum. Post Ernestum Diehl edidit Douglas Young, indicibus ad Theognidem adiectis, Lpz, 1961.
- Thucydidis historiae. Post Carolum Hude ed. Otto Luschnat. Vol. I. Libri I—II. Editio altera correctior, Lpz, 1960.
- Ξενοφῶντος Περὶ ἱππικῆς. Ed. Klaus Widdra, Lpz, 1964.

В. Латинские авторы

- A p u l e i P l a t o n i c i M a d a u r e n s i s opera quae supersunt. Ed. R. Helm. Vol. I. Metamorphoseon libri XI. Editio stereotypa editionis tertiae cum addendis, Lpz, 1955; Vol. II, Fasc. 1. Pro se de magia liber (Apologia). Editio stereotypa editionis alterius cum addendis, Lpz, 1959; editio stereotypa correctior editionis alterius cum addendis, Lpz, 1963; Vol. II, Fasc. 2. Florida. Editio stereotypa editionis primae cum addendis, Lpz, 1959.
- Sexti Aurelii Victoris liber de Caesaribus. Praecedunt origo gentis Romanae et liber de viris illustribus urbis Romae. Subsequitur epitome de Caesaribus. Recensuit Fr. Pichlmayr. Editio stereotypa correctior editionis primae. Addenda et corrigenda collegit et adiecit R. Gruendel, Lpz, 1961.
- C. Julii Caesaris commentarii rerum gestarum. Ed. A. Klotz. Vol. I, Commentarii Belli Gallici. Editio stereotypa correctior. Addenda et corrigenda adiecit W. Trillitzsch, Lpz, 1957; Vol. II, Commentarii Belli Civilis. Editio ster. correct. edit. alterius. Addenda et corrigenda coll. et adiec. W. Trillitzsch, Lpz, 1957.
- C. Julii Caesaris commentarii rerum gestarum. Vol. I. Commentarii Belli Gallici. Edidit O. Seel. Lpz, 1961.
- M. Porci Catonis De agricultura. Ed. A. Mazzarino, Lpz, 1962.
- Catulli Veronensis liber. Recensuit M. Schuster. Editionem stereotypam correctiorem editionis secundae curavit W. Eisenhut, Lpz, 1958.
- C h a r i s i i artis grammaticae libri quinque. Ed. K. Barwick. Editionem correctiorem cum addendis cur. F. Kühnert, Lpz, 1964.
- M. Tulli Ciceronis scripta quae manserunt omnia. Fasc. 1. Incerti auctoris de ratione dicendi ad C. Herennium lib. IV. Iterum recensuit F. Marx. Editionem stereotypam.correctiorem cum addendis curavit W. Trillitzsch; Fasc. 18. Oratio pro L. Murena. Iterum recognovit H. Kasten, Lpz, 1961; Fasc. 39. De re publica librorum sex quae manserunt. Tertium recognovit K. Ziegler, Lpz, 1955; quartum recognovit K. Ziegler, Lpz, 1958; quintum recognovit K. Ziegler, Lpz, 1960; sextum recognovit K. Ziegler, Lpz, 1964; Fasc. 48. De officiis. Tertium recognovit C. Atzert. De virtutibus. Post O. Plasberg iterum recognovit W. Ax. Editio stereotypa correctior, Lpz, 1958; De officiis. Quartum recognovit C. Atzert. De virtutibus. Post O. Plasberg et W. Ax tertium recognovit C. Atzert, Lpz, 1963.
- Dictyis Cretensis Ephemeridos belli Troiani libri a Lucio Septimio ex Graeco in Latinum sermonem translati. Accedit papyrus Dictyis Graeci ad Tebtunim inventa. Ed. W. Eisenhut, Lpz, 1958.
- Epigrammata Bobiensia. Edidit W. Speyer, Lpz, 1963.
- Q. Horati Flacci opera. Tertium recognovit F. Klingner, Lpz, 1959.
- Incerti auctoris epitoma rerum gestarum Alexandri Magni cum libro de morte testamentoque Alexandri. Ed. P. H. Thomas, Lpz, 1960.
- T. Lucreti Cari de rerum natura libri sex. Tertium recensuit J. Martin, Lpz, 1957; quartum recensuit J. Martin, Lpz, 1959; quintum recensuit J. Martin, Lpz, 1963.
- 6 Вестник древней истории, № 4

- Ambrosii Theodosii Macrobii Saturnalia. Apparatu critico instruxit, in somnium Scipionis commentarios selecta varietate lectionis ornavit J. Willis, Lpz, 1963.
- Ambrosii Theodosii Macrobii Commentarii in somnium Scipionis. Ed. J. Willis, Lpz, 1963.
- Gn. Naevii Belli Punici carminis quae supersunt. Edidit, fragmentorum ordinem constituit, apparatu critico atque commentariolo metrico instruxit W. Strzelecki, Lpz, 1964.
- C. Plini Caecili Secundi Epistularum libri novem. Epistularum ad Traianum liber. Panegyricus. Recensuit M. Schuster. Editionem tertiam curavit R. Hanslik, Lpz, 1958.
- Pompei Trogi fragmenta collegit O. Seel, Lpz, 1956.
- Sex. Propertii Elegiarum libri IV. Ed. M. Schuster. Editionem alteram curavit F. Dornseiff, Lpz, 1958.
- M. Fabi Quintiliani institutionis oratoriae libri XII. Ed. L. Radermacher. Pars I libros I—VI continens. Editio stereotypa correctior editionis primae. Addenda et corrigenda coll. et adiec. V. Buchheit, Lpz, 1959; pars II libros VII—XII continens. Editio stereotypa correctior editionis primae. Addenda et corrigenda coll. et adiec. V. Buchheit, Lpz, 1959.
- Appendix Sallustiana. Ed. A. Kurfess. Fasc. prior: C. Sallusti Crispi epistulae ad Caesarem senem de re publica. Editio quarta aucta et emendata, Lpz, 1955; editio quinta aucta et emendata, Lpz, 1959; editio sexta aucta et emendata, Lpz, 1962; Fasc. posterior. [Sallusti] in Ciceronem et invicem invectivae. Editio tertia emendata et aucta, Lpz, 1958.
- C. Sallusti Crispi Catilina, Jugurtha, Fragmenta ampliora. Post A. W. Ahlberg ed. A. Kurfess. Editio tertia, Lpz, 1957.
- Scriptores Historiae Augustae. Edidit E. Hohl. Vol. I, editio stereotypa editionis prioris cum addendis ad vol. I et II, Lpz, 1955.
- P. Papini Stati Silvae. Recensuit A. Marastoni, Lpz, 1961.
- C. Suetoni Tranquilli praeter Caesarum libros reliquiae. Coll. G. Brugnoli. Pars prior: De grammaticis et rhetoribus, Lpz, 1960; editio secunda, Lpz, 1963.
- P. Cornelii Taciti libri qui supersunt. Ed. E. Koestermann. Tom. I. Ab excessu divi Augusti, Lpz, 1960. Tom. II. Fas. 1; Historiarum libri, Lpz, 1961; Tom. II. Fasc. 2; Germania, Agricola, Dialogus de oratoribus, Lpz, 1962.
- P. Cornelii Taciti libri qui supersunt. Post C. Halm G. Andresen octavum ed. E. Koestermann. Tom. II. Fasc. 1: Historiarum libri, Lpz, 1957; Tom. II, Fasc. 2: Germania, Agricola, Dialogus de oratoribus, Lpz, 1957.
- Excerpta Valesiana. Recensuit J. Moreau, Lpz, 1961.

Наряду с «Bibliotheca Teubneriana» выходят в свет «Schriften und Quellen der alten Welt», также издаваемые Иоганном Ирмшером, который опирается при этом на богатый опыт сотрудничающего с ним Герхарда Перля. В этой серии параллельно тексту (с сокращенным критическим аппаратом) дается немецкий перевод, а кроме того введение, знакомящее читателя с необходимыми историческими и литературно-историческими данными, и краткие пояснения. Это издание, таким образом, должно быть доступно и школьным учителям, и исследователям смежных дисциплин, и широкому кругу любителей древностей. В эту серию планируется включить и восточные источники. Уже изданы следующие тома:

- A p u l e i u s, Metamorphosen oder der Goldene Esel. Lateinisch und deutsch von Rudolf Helm, B., 1956; 2. durchgesehene Aufl., B., 1956; 3. durchgesehene Aufl., B., 1957; 4. durchgesehene Aufl., B., 1959; 5. durchgesehene und erweiterte Aufl., B., 1961.
- 2. Tibull, Gedichte, Lateinisch und deutsch von Rudolf Helm, B., 1958, 2. durchgesehene Aufl., B., 1959.
- 3. Griechischer Humor von Homers Zeiten bis heute. Kulturgeschichtlich interessante

Texte aus drei Jahrtausenden. Griechisch und deutsch von Gustav Soyter, B., 1959, 2. durchgesehene Aufl., B., 1961.

- 4. Vergil, Die Mücke. Lateinisch und deutsch von Magdalena Schmidt, B., 1959.
- 5. Synesios von Kyrene, Dion Chrysostomos oder Vom Leben nach seinem Vorbild. Griechisch und deutsch von Kurt Treu. B., 1959.
- 6. Longos, Hirtengeschichten von Daphnis und Chloe. Griechisch und deutsch von Otto Schönberger, B., 1960.
- 7. Griechische Grabgedichte. Griechisch und deutsch von Werner Peek, B., 1960.
- 8. Tacitus, Das Leben des Iulius Agricola. Lateinisch und deutsch von Rudolf Till, B., 1961.
- 9. O v i d, Heilmittel gegen die Liebe. Die Pflege des weiblichen Gesichtes. Lateinisch und deutsch von Friedrich Walter Lenz, B., 1960.
- 10. Frontin, Kriegslisten. Lateinisch und deutsch von Gerhard Bendz, B., 1963.
- 11. E u g i p p i u s, Das Leben des heiligen Severin. Lateinisch und deutsch. Einführung, Übersetzung und Erläuterungen von Rudolf Noll, B., 1963.
- 12. C a t u l l, Gedichte. Lateinisch und deutsch von Rudolf Helm, B., 1963.
- 13. Der Prediger. Hebräisch und deutsch von Rudi Kroeber, B., 1963.
- Die Briefe des Anacharsis. Griechisch und deutsch von Franz Heinrich Reuters, B., 1963.

Монографические работы также подразделяются на исследования и издания, преследующие учебные и популяризаторские цели. Секция древности при Академии, объединяющая ведущих специалистов⁵⁹, издает серию трудов под руководством археолога Хельги Рейш («Schriften der Sektion für Altertumswissenschaft»). В этой серии публикуются труды членов секции, работы Института и исследования молодых ученых. При случае оказывается гостеприимство и иностранным ученым. Вышли в свет:

- 1. Wolfgang Kullmann, Das Wirken der Götter in der Ilias. Untersuchungen zur Frage der Entstehung des homerischen «Götterapparats», B., 1956.
 - 2. Hans Lebrecht Zern i a 1, Über den Satzschluss in der Historia Augusta, B., 1956.
- 3. Friedrich Pfister, Alexander der Grosse in den Offenbarungen der Griechen, Juden, Mohammedaner und Christen, B., 1956.
- 4. Gyula Moravcsik, Stand und Aufgaben der klassischen Philologie in Ungarn, B., 1955.
- 5. Elisabeth Charlotte Welskopf, Die Produktionsverhältnisse im Alten Orient und in der griechisch-römischen Antike. Ein Diskussionsbeitrag, B., 1957.
- 6. Wilhelm Hartke, Über Jahrespunkte und Feste, insbesondere das Weihnachtsfest, B., 1956.
- 7. Kurt Aland, Die Handschriftenbestände der polnischen Bibliotheken, insbesondere an griechischen und lateinischen Handschriften von Autoren und Werken der klassischen bis zum Ende der patristischen Zeit. Ein vorläufiger Bericht auf Grund einer Studienreise im November/Dezember 1955, B., 1956.
- 8. Das Institut für griechisch-römische Altertumskunde. Protokoll der Eröffnungstagung vom 23. bis 26.10.1955, B., 1957.
- 9. Gerhard Perl, Kritische Untersuchungen zu Diodors römischer Jahrzählung, B., 1957.
- 10. Carl Blümel, Phidiasische Reliefs und Parthenonfries, B., 1957.
- Altertumskundliche Publikationen, erschienen in der Deutschen Demokratischen Republik. 1945—1955. Zusammengestellt von Helga Köpstein, B., 1957.
- 12. Ernst Grumach, Minoica. Festschrift zum 80. Geburtstag von Johannes Sundwall, B., 1958.
- 13. Johannes Irmscher Kazimierz Kumaniecki, Aus der altertumswissenschaftlichen Arbeit Volkspolens, B., 1959.
- 14. Hellmut Flashar, Der Dialog Ion als Zeugnis Platonischer Philosophie, B., 1958.

⁵⁹ Ср. J. Irmscher, «Wissenschaftliche Annalen», 3, 1954, стр. 599 слл.

- 15. Hans Joachim Mette, Die Fragmente der Tragödien des Aischylos, B., 1959.
- 16. Dimiter Zontschew, Der Goldschatz von Panagjurischte, B., 1959.
- 17. Detlef L o t z e, Μεταξύ ἐλευθέρων καὶ δούλων. Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jahrhundert v. Chr., B., 1959.
- 18. Emil Utitz, Bemerkungen zur altgriechischen Kunsttheorie, B., 1959.
- 19. Erdmann Struck, Die Bedeutungslehre als Hilfsmittel bei der altsprachlichen Lektüre, B., 1959.
- 20. Franz Stoessl, Ovid, Dichter und Mensch, B., 1959.
- 21. Hans Joachim Mette: Felix Jacoby, Kleine philologische Schriften, Band I, B., 1961; Band II, B., 1961.
- 22. Johannes Irmscher Kazimierz Kumaniecki, Romische Literatur der Augusteischen Zeit. Eine Aufsatzsammlung, B., 1960.
- 23. Lukas Richter, Zur Wissenschaftslehre von der Musik bei Platon und Aristoteles, B., 1961.
- 24. Wilhelm Hartke, Vier urchristliche Parteien und ihre Vereinigung zur apostolischen Kirche. Band I, B., 1961; Band II, B., 1961.
- 25. C. Joachim Classen, Untersuchungen zu Platons Jagdbildern, B., 1960.
- 26. Hermann Grapow, Wie die alten Agypter sich anredeten, wie sie sich grüssten und wie sie miteinander sprachen. Zweite Ausgabe, B., 1960.
- 27. Friedolf Kudlien, Die handschriftliche Überlieferung des Galenkommentars zu Hippokrates De articulis, B., 1960.
- 28. Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes. Eine Aufsatzsammlung. Besorgt von Johannes Irmscher und D. B. Schelow, B., 1961.
- 29. Vladimir Georgiev Johannes Irmscher, Minoica und Homer Eine Aufsatzsammlung, B., 1961.
- 30. Friedmar Kühnert, Allgemeinbildung und Fachbildung in der Antike, B., 1961.
- 31. Erich Staedler, Thesaurus Horatianus. Zum Druck besorgt von Rudolf Müller, B., 1962.
- 32. Renaissance und Humanismus in Mittel- und Osteuropa. I. Eine Sammlung von Materialien. Besorgt von Johannes Irmscher, B., 1962; To жe, II, B., 1962.
- 33. Wolfgang Seyfarth, Soziale Fragen der spätrömischen Kaiserzeit im Spiegel des Theodosianus, B., 1963.
- 34. D. M. Pippidi, Epigraphische Beiträge zur Geschichte Histrias in hellenistischer und römischer Zeit, B., 1962.
- 35. Hans Joachim Mette, Der Verlorene Aischylos, B., 1963.
- 36. Julie Nováková. Umbra. Ein Beitrag zur dichterischen Semantik, B., 1964.
- 37. Winfried Trillitzsch, Senecas Beweisführung, B., 1962.
- 38. Friedrich Zucker, Semantica, Rhetorica, Ethica, B., 1963.
- 39. Ugo Piacentini, Osservazioni sulla tecnica epica di Lucano, B., 1963.
- 40. Friedrich Walter Lenz, Aristeidesstudien, B., 1964.
- 41. Wolfgang Hering, Die Recensio der Caesarhandschriften, B., 1963.
- 42. Hans Bardtke, Qumran-Probleme. Vorträge des Leipziger Symposions über Qumran-Probleme von 9. bis 14. Oktober 1961, B., 1963.
- Rudolf Schottlaender, Früheste Grundsätze der Wissenschaft bei den Griechen, B., 1964.
- 44. Salomo Luria, Zur Frage der materialistischen Begründung der Ethik bei Demokrit, B., 1964.

Популярная серия носит название «Lebendiges Altertum» и издается И. Ирмшером в сотрудничестве с Данквартом Раненфюрером. Подобно «Трудам секции науки о древности» и она включает древний Восток и интенсивно стремится к тому, чтобы обеспечить сотрудничество ученых из дружественных стран. Насколько это удалось, можно судить по следующему списку появившихся уже трудов:

1. Georg Max Hartmann, Der Materialismus in der Philosophie der griechischrömischen Antike, B., 1959.

- 2. Hans-Joachim Diesner, Griechische Tyrannis und griechische Tyrannen, B., 1960.
- 3. Wolfgang Seyfarth, Neue sowjetische Beiträge zu einigen Problemen der alten Geschichte. Das Problem der Bagauden und die Frage der freien Lohnarbeit in neuem Lichte, B., 1960.
- 4. Abram B. Ranowitsch, Aufsätze zur Alten Geschichte. Hrsg. von Gabriele Bockisch, B., 1961.
- Alois Gerlo, Lukrez Gipfel der antiken Atomistik. Aus dem Flämischen übertragen von Rose-Marie Seyberlich, B., 1961.
- Das Rauhbein (Dyskolos). Komödie in fünf Akten von Menander. Übersetzt und eingeleitet von Rudolf Schottlaender, B., 1961.
- 7. Wilhelmina Lepik-Kopaczyńska, Apelles der berühmteste Maler der Antike, B., 1962.
- 8. Wilhelmine Lepik-Kopaczyńska, Die antike Malerei, B., 1963.
- 9. Asa Tacho-Godi, Die russischen demokratischen Kritiker zu Problemen der antiken Kultur. Aus dem Russischen übertragen von Gottfried Janke, B., 1962.
- 10. Max Dieckhoff, Krieg und Frieden im griechisch-römischen Altertum, B., 1962.
- 11. Burchard Brentjes, Wildtier und Haustier im Alten Orient, B., 1962.
- 12. Tönnes Kleberg, In den Wirtshäusern und Weinstuben des antiken Rom. Aus dem Schwedischen übertragen von Wilhelm Braun, B., 1963.
- 13. M. Valsa, Die lateinische Tragödie und Marcus Pacuvius. Aus dem Französischen übertragen von Barbara Mutschke, B., 1963.
- 14. Salomo Luria, Anfänge griechischen Denkens. Aus dem Russischen übertragen von Peter Helms, B., 1963.
- 15. Peter Witzmann, Antike Traditionen im Werk Bertolt Brechts, B., 1964.
- 16. Alexander Kashdan, Byzanz. Aufstieg und Untergang des Oströmischen Reiches. Aus dem Russischen übertragen von Alexander Becker und Ruth Kalinowski, B., 1964.

Рабочие группы Института не разобщены друг с другом, но представляют собой живые ячейки целого, находящиеся в непрерывном общении. В общении они воспитывают специалистов, проводят обсуждения, помогают друг другу своими специальными знаниями в работе над смежными предприятиями и обобщающими коллективными трудами. Так, например, связанные с институтом редакции получают постоянную помощь от членов других рабочих групп.

Немаловажным делом всего Института надо считать «Карманный словарь античности», который в качестве первого на немецком языке опыта в этом роде стремится рассматривать свою дисциплину с точки зрения исторического материализма и уделяет особое внимание связям античного мира с его соседями, а также культурному наследию античности и его влиянию на последующие эпохи. В настоящее время разрабатывается словник, и можно рассчитывать, что через два-три года труд этот увидит свет.

Вскоре должна быть начата работа над собранием высказываний Карла Маркса и Фридриха Энгельса о проблемах классической древности и античной культуры. Это собрание призвано заменить в свое время полезную, но уже устаревшую книгу С. И. Ковалева «К. Маркс и Ф. Энгельс об античности» (Л., 1932). В настоящее время разрабатывается общий план этого труда, который и в филологическом отношении должен отвечать всем требованиям.

Наконец, научные сессии Института дают возможность ставить на обсуждение важные для совместной работы выводы, полученные различными группами, поддерживать научное общение с коллегами, отечественными и зарубежными. Поэтому организация научных сессий и конференций должна расцениваться как важная задача Института, и ввиду этого представляется нужным дать здесь сведения и об этой работе.

1. Торжественная сессия, которая проходила с 23 по 26 октября 1955 г., была связана с основанием Института. На ней с научными докладами выступили академики

Вернер Хартке, Карл Блюмель и Фридрих Цуккер, а руководители рабочих групп с информационными сообщениями о задачах и целях предстоящих научных мероприятий. Отчет этой конференции опубликован в 1957 г.

- 2. 28 октября того же года рабочая группа «Византиноведение» организовала обмен мнениями между немецкими и чехословацкими специалистами, послуживший целям взаимной информации и установлению тем для совместной работы. Материалы этой встречи были частично опубликованы в качестве 9-го тома Берлинских трудов по византиноведению в 1957 г.
- 3. В 1956 г. в Дрездене состоялась встреча с польскими исследователями древности. Она также имела целью установить связи и обсудить возможности совместной работы. Сообщение об этой сессии включено в отчет, опубликованный в виде 13-го тома «Трудов Секции древности» за 1959 год.
- 4. С 16 по 18 апреля 1957 г. Институт организовал конференцию по проблемам новогреческой литературы. Это было первое мероприятие такого рода, по крайней мере, вне Греции. На конференции была доказана самостоятельность этой науки. Конференция дала толчок к созданию Международной Ассоциации в этой области. Содержащие ценные материалы отчеты этой конференции были опубликованы в четырех томах в серии Берлинских трудов по византинистике в 1955—1960 гг.
- 5. В 1958 г. Институт принимал у себя Комитет «Еігепе» по развитию антиковедения в социалистических странах. Встреча состоялась в Эрфурте, городе, известном своими традициями в области гуманитарных наук. Работа конференции затрагивала три проблемы и отчеты ее опубликованы соответственно в трех самостоятельных томах: «Minoica und Homer» (1961); «Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes» (1961); «Römische Literatur der Augusteischen Zeit» (1960).
- 6. Научная сессия 1959 года, состоявшаяся с 3 по 8 июля в городе Лютера Виттенберге, была посвящена теме «Возрождение и гуманизм в Центральной и Восточной Европе». Она обратила внимание молодой науки истории гуманизма на этот важный ее раздел, хотя в этой области выполнено уже немало существенных частных исследований по истории отдельных стран, вопросы развития гуманизма в целом часто упускаются из вида. В этом отношении конференция была весьма плодотворной, о чем свидетельствует отчет, опубликованный в двух томах в 1962 г.
- 7. 12 и 13 июля 1963 г. Институт созвал конференцию по теме: «Обучение древним языкам в Западной Германии, его концепции и тенденции. Критический разбор». Конференция состоялась при участии Комитета древних языков при Ученом совете Министерства народного образования. Состоялась она в богатой традициями Томасшуле в Лейпциге. Публиковать отчеты не предполагалось. О ходе и итогах конференции см. информацию И. Ирмшера в «Pädagogik», XIX (1964), стр. 567 слл.
- 8. В том же году отмечался с 31 октября по 2 ноября столетний юбилей «Corpus Inscriptionum Latinarum». Кроме торжественного, состоялись также рабочие заседания, на которых члены группы СІС и зарубежные гости ознакомились с новыми находками и выслушали сообщения о новых толкованиях. Доклады были опубликованы в журналах «Klio», «Helikon» и «Das Altertum».
- 9. В 1964 г. Институт совместно с Институтом археологии Университета имени Фридриха Шиллера в Иене обсуждал тему «Искусство и политика в античном мире». Конференция состоялась с 1 по 3 июня в прекрасном городе на Заале и свидетельствовала о плодотворности совместного рассмотрения археологических и исторических вопросов. Отчет конференции будет опубликован в научном журнале Университета им. Фридриха Шиллера; ср. предварительную информацию И. Ирмшера в «Helikon», IV (1964), стр. 364 слл.
- 10. 16 и 17 ноября 1964 г. Институт вновь собрался на сессию, на сей раз совместно с коллегами из Комитета при Ученом совете Министерства народного образования. Тема была сформулирована как «Идеологические основы обучения древним языкам в ГДР». В действительности, однако, обсуждение вышло далеко за рамки темы; выступавшие ставили принципиально вопрос о роли культурного наследия античности для социалистического общества. Гости из Польши и Венгрии поделились своим опытом.

Публиковать отчеты не предполагалось, информацию о ходе конференции см. в статье Сабины Винклер в «Spektrum», 10, 1964, стр. 382 слл.

11. В 1965 г. в апреле отмечался 150-летний юбилей работы над греческими надписями. В мае совместно с Институтом классической филологии Университета в Ростоке обсуждалась тема «Римская сатира и римское общество». Наконец, в конце года предполагается празднование десятилетия Института.

Наш отчет был бы, однако, неполон, если бы он не касался вопроса о связях Института с жизненной практикой. Руководство и сотрудники Института единодушны в том, что научная работа, которая не стремится активно воздействовать на жизнь, в конце концов сама лишает себя плодов своего труда. Поэтому Институт тесно сотрудничает в планировании исследований с академической Секцией древности и с Государственным секретариатом высшего и специального образования. Наш Институт принимает участие и в деле обучения молодого поколения: многие сотрудники Института по совместительству преподают в Университете имени Гумбольдта, Институт регулярно принимает у себя сотрудников-практикантов. О том, что занятия делами школы оказались небесполезными, свидетельствует проведенная конференция, посвященная этой теме. Сотрудничество Института со школой проявляется также в обсуждении учебных планов и в совместной работе над новыми учебниками.

Однако в нашем социалистическом обществе наука о древности не может довольствоваться воздействием через школу; обучение взрослых ставит перед нами новые дополнительные задачи. Институт частично содействует их выполнению публикациями, обращенными к широким слоям населения; в этой работе он сотрудничает, кроме издательств Академии и Б. Г. Тейбнера, и с другими издательствами, как, например, с известным Reclamverlag в Лейпциге. Связь с печатью осуществляет специально созданная комиссия, которая состоит из заинтересованных сотрудников Института.

Рядом с печатным словом стоит живое. Повышение квалификации учителей и пропаганда исторических знаний Немецким историческим обществом пользуются активной поддержкой Института, а в лекционной деятельности Общества по распространению научных знаний сотрудники Института принимают активное участие. При Немецком культурбунде недавно было создано объединение любителей античности.

Хотелось бы, чтобы этот отчет показал, что наш Институт на протяжении первого десятилетия своего существования прилагал все усилия к тому, чтобы приумножить доверенное ему достояние и оправдать те ожидания, которые международная наука о древности связывала с его основанием ⁶⁰.

Проф. Иоганн Ирмшер

«ТЕКСТ АНИТТЫ» И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАННЕЙ ИСТОРИИ ХЕТТОВ

Опубликованный в 1922 г. Э. Форрером «Текст Анитты» остается и до наших дней в центре внимания специалистов, поскольку связанные с его чтением, переводом и толкованием проблемы все еще пока не решены полностью.

Вслед за транслитерацией (без перевода) Э. Форрера (ВоТU, 7)¹, появилось издание клинописной копии, выполненное Г. Фигуллой в 1923 г. (КВо, III, 22). Затем в 1926 г. Э. Форрер опубликовал транслитерацию одного из фрагментов этого же текста (ВоТU, 30), клинописную копию которого А. Гетце издал лишь в 1933 г.².

⁶⁰ При подборе материала я пользовался помощью Эдмунда Пекневского.

¹ См. ниже «Основная табличка»— VAT, 7479.

² KUB, XXVI, 71 = Bo, 9058. См. ниже.

Первый перевод отдельных частей «Текста Анитты» (КВо, III, 22) был сделан И. Фридрихом почти 40 лет назад 3. Транслитерация текста, с учетом вышеупомянутого фрагмента, и перевод на французский язык с комментариями принадлежат Б. Грозному⁴. Г. Гютербок в своей диссертации дал пространный обзор «Текста Анитты», однако без транслитерации и перевода 5.

В 1937 г. в Богазкёе было найдено несколько новых фрагментов «Текста Анитты». Они изданы в транслитерации Г. Оттеном в, которому принадлежит также публикация их автографии 7.

- Полный перевод текста на немецкий язык с учетом всех фрагментов, но без транслитерации был также выполнен Г. Оттеном⁸.

Первый русский перевод «Текста Анитты» (с некоторыми сокращениями и без транслитерации) сделал В. В. Иванов ⁹ в основном по указанной выше публикации Б. Грозного, но с учетом отдельных мест фрагментов, обнаруженных в 1937 г.

Таким образом, к настоящему времени в распоряжении специалистов имеются как транслитерации «Основной таблички» и известных до сих пор фрагментов, так и переводы интересующего нас документа. Однако мы еще не располагаем таким изданием «Текста Анитты», в котором были бы представлены вместе транслитерация всех фрагментов и восстановленной на их основе главной таблички, а также перевод текста. К тому же достижения последних лет в области хеттологии требуют нового издания текста и нового освещения ряда вопросов, связанных с интерпретацией «Текста Анитты» как исторического источника.

Интерес к этому тексту вполне понятен: это единственный хеттоязычный письменный источник по истории хеттов-неситов раннего периода, когда эти последние создали свое первое крупное государственное объединение, охватывавшее почти всю центральную Малую Азию (в начале II тыс. до н. э., см. ниже).

Интерес к указанному периоду еще усилился в результате археологических раскопок последних лет в Кюль-тепе и Богазкёе 10. Часть обнаруженного здесь материала, вместе с ранее известными из Алишар-Хююка 11, дает возможность более глубокого изучения истории этого времени.

Сейчас уже можно с уверенностью говорить о том, что сами хетты в течение длительного времени с большим вниманием относились к «Тексту Анитты». Фрагменты

³ J. Friedrich, Aus dem hethitischen Schrifttum, AO, 24, 1925, № 3, стр. 5 сл.

⁴ B. Hrozný, L'invasion des indo-européens en Asie Mineure vers 2000 av. J-C., ArOr, I, 1929, № 3, crp. 273-299.

⁵ H. G. Güterbock, Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern bis 1200, ZAss, 10, 1938, 1/2, crp. 139-145.

⁶ H. Otten, MDOG, 76, 1938, стр. 44 слл. Этот труд остался нам не доступен.

⁷ KUB, XXXVI, 98—98b, см. ниже.

⁸ H. Otten, Zu den Anfängen der hethitischen Geschichte, MDOG, 83, 1951, стр. 33-45 (далее — Otten, MDOG, 83). См. также Н. Schmökel, Н. Оtten, V. Maag, Th. Beran, Kulturgeschichte des Alten Orients. Mesopotamien, Hethiterreich, Syrien-Palästina, Urartu, Stuttg., 1961, стр. 335 сл.

⁹ «Хрестоматия по истории Древнего Востока» под ред. В. В. Струве и Д. Г. Редера, М., 1963, стр. 304 сл. (далее — Иванов, Надпись Анитты). Ниже в соответствующих местах указаны и другие труды, в которых в той или иной степени дана интерпретация интересующего нас документа или отдельных его мест.

¹⁰ Т. Özgüç, Ausgrabungen in Kültepe. 1948, Ankara, 1950; он же, Ausgrabungen in Kültepe. 1949, Ankara, 1953; он же, Kültepe-Kaniş, Ankara, 1959; K. Bittel, Ausgrabungen in Boğazköy, в кн.: «Neue deutsche Ausgrabungen im Mittelmeergebiet und im Vorderen Orient», В., 1959, стр. 89-120. См. также отчеты о раскопках, опубликованные в журналах MDOG, AnSt, Or. и др.

¹¹ H. H. von der Osten, The Alishar Hüyük. 1, Chicago, 1937; H. H. von der Osten, E. F. Schmidt, The Alishar Hüyük. 2, Chicago, 1932.

и «Основной текст» дошли до нас на трех разных глиняных табличках. Возможно, что кроме этих существовали и другие таблички с «Текстом Анитты».

Четыре фрагмента од ной из этих трех табличек, о которых речь шла выше, были найдены в Богазкёе, в хранилище юго-восточной части I храма (Otten, MDOG, 83, стр. 39). Приводим транслитерации всех четырех фрагментов.

Из указанных выше трех разных табличек довольно пространный фрагмент в торой таблички КUB, XXVI, 71 (=Bo 9058=BoTU, 30) известен с 1914 г. Уцелели следующие места фрагмента ¹⁶:

- 3[......(?) ERÍN^{MEŠ}-Š]U hu-i[t-ti-t]a-ti ša-[an]
- $_{5}[....]$ AB-NI [?]

7[.... a-pí-e-da-an-da ha-liš-ši-ṭa-nu-un nu ma-al-da-ah-hu-un nu-hu-u-ua-ar-[ta-ahhu-un]

 $_{\bf 6}[^{\bf d}\mbox{\it Hal-ma-šu-it}]$ -ta-aš É $^{\bf d}$ U $BE\text{-}LI\text{-}\mbox{\it I}A$ $\stackrel{.}{U}$ É $^{\bf d}$ Si-ú-na-šum-mi-iš AB-NI KAS-az ku-i[t ...]

¹² Знаки 1 и 14 сткк. фрагмента не поддаются чтению.

^{13 1} и 10 строки фрагмента не ясны.

¹⁴ Знаки 13—14 сткк. не ясны. На оставшемся месте 3—6 сткк. ничего не написано. Из двух последних знаков 9 стк. первый ки или та, второй — it или da. С учетом KUB, XXVI, 71, 10 (см. ниже) здесь должно быть написано ú-da-aħ-hu-un.

¹⁵ На обломках правой части таблички можно заметить один или два неясных знака от 1 и 2 сткк. На этой же табличке после окончания «Текста Анитты» с 7 стк. начинается надпись царя Аммуны.

¹⁶ От первой строки сохранился лишь один неясный знак. С 20 стк. этого же фрагмента начинается надпись царя Аммуны.

```
8[.....] 2 UR.MAH 70 ŠAH<sup>HI.A</sup> 1 ŠAH.GIS.GI <sup>17</sup> [?]
      _{9}[......] UG.TUR LU-\hat{U} UR.MA\overset{\mathrm{HI.A}}{U} LU-\hat{U} DÀRA.MAS LU-\hat{U} DÀRA \hat{U} LU-\hat{U}
                                                                                           [...., (?)]
      10[... U]RUNe-i-ša A-NA URU-IA ú-da-ah-hu-un ú-i-da-an-da-an-ni-eš-ši-ma
     _{11}|^{\mathrm{URU}}Sa-la-ti-ua-r<br/>]a za-ah-hi-ia pa-a-un LU^{\mathrm{URU}}Sa-la-ti-ua-ra \mathit{QA-DU} DUM<br/>U^{\mathrm{MES}}
                         KUR-e-še-it U-URU^{LIM}-\check{S}U da-a-li-iš nu ^{\dot{I}D}Hu-u-la-an-na [..]
     12 [.....]ú-it
     13[...... (?) EG]IR-pa-an ar-ha pa-it nu-URU-ŠU-lu-uk-ki-it a-pu-u-uš-ša an-[da]
     14[...... (?) hu]-la-li-eš-šar-še-it 1 LI-IM 4 ME ERÎNMEŠ GIŠGIGIRMEŠ ANSU.
                                                              KUR.RAHI.A KU. [BABBAR (?)]
     15[...... (?)] a-pa-aš-ša hu-it-ti-it-ti ša-aš i-ja-an-ni-eš
     _{16}[.....] pa-a-un \tilde{U} L\tilde{U}^{	ext{MES}} URUPu-ru-uš-ha-an-da kat-ti-mi he-en-ku-[?]
     17[......] AN.BAR he-en-gur ú-da-aš ma-a-an EGIR-pa-ma <sup>URU</sup>Ne-i-ša
     18[.... LÚ <sup>URU</sup>Pu-ru-uš-ḥa-a]n-da kat-te-mi pí-e-ḥu-te-nu-un ma-a-an <sup>URU</sup>Za-al-pa-ma
                                                                                           pa-i[z-zi]
      19[..... ku-un-na-a]z e-ša-ri
      Треть я основная табличка KBo, III, 22 (=VAT, 7479), также известная с 1914 г.,
 сохранилась лучше двух первых, хотя и в ней имеются отдельные поврежденные места.
Ниже приводим транслитерацию и перевод с восстановлением соответствующих мест
 в соответствии с приведенными выше фрагментами <sup>18</sup>.
                                    Транслитерация
                                        Лицевая сторона
      (§ 1), A-ni-it-ta DUMU Pi-it-ha-a-na LUGAL URUKu-uš-ša-ra ki-[x-x]
          2ne-pí-iš-za-aš-ta <sup>d</sup>ISKUR-un-ni a-aš-šu-uš e-eš-ta
          ana-aš-ta <sup>d</sup>IŠKUR-un-ni-ma ma-a-an a-aš-šu-uš e-eš-ta
          <sup>[UR]U</sup>Ne-e-ša-aš LUGAL-iš <sup>URU</sup>Ku-uš-ša-ra-aš LUGAL-i a[l(?)- .....(?)]
     (§ 2)<sub>5</sub>[LUG]AL <sup>URU</sup>Ku-uš-ša-ra URU-az kat-ta [pa]-an-ga-ri-it [u-it]
         [nu <sup>UR</sup>] <sup>U</sup>Ne-e-ša-an iš-pa-an-di na-ak-ki-it da[-a-aš]
          _{7}[^{\rm URU}{\rm N}]e-e-ša-aš LUGAL-un \mathit{IS-BAT} \dot{U} DUMU^{\rm MES} ^{\rm URU} Ne-e-š[a-aš]
          s[i-da]-a-[l]u na-at-ta ku-e-da-ni-ik-ki ták-ki-iš-ta
          9[nu-uš-za] an-nu-uš at-tu-uš i-e-it
     (§ 3), a [ ^{\rm I}{\rm Pi-i}]t-ha-a-na-aš at-ta-aš-ma-aš a-ap-pa-an ša-ni-ta ú-it-ti
          11[hu-u]l-la-an-za-an hu-ul-la-nu-un dUTU-az ut-ne-e
        12 [ku-it k]u-it-pat a-ra-iš nu-uš h[u-ma-an-da hu-ul-la-nu]-un
(§ 4)<sub>18</sub>[.....]-ma <sup>URU</sup>rUl-lam-ma<sup>7</sup> x-x [.....]
         14[.....] a-ap-pa-ma LUGAL URU [Ha-at-ti ú-it (na-an)]
         <sup>15</sup>[URU]-te-e-eš-mi hu-ul-la-nu-un [.....(?)]
         _{16}[^{URU}N]e-e-ša am/n[e-....]
```

 $^{^{17}}$ В тексте: SAH.GIS-ZI. См. комментарии к стк. 60 «Основной таблички» (КВо III, 22).

¹⁸ Реставрированные места, заключенные при транслитерации и переводе в квадратные скобки, даны согласно восстановлениям, предложенным Э. Форрером, Б. Грозным и Г. Оттеном, или же в соответствии с отдельными фрагментами вышеуказанных табличек. Места, восстановленные нами, заключены в круглые скобки.

```
(§ 5)<sub>17</sub> URU [...(-i)-]na-an ha-an-ta-i-ši me-e-h [u-ni da-a-ah-hu-un]
    uRU[....]-ma-an iš-pa-an-di [na-ak-ki-it EL-KI]
     19 URU [(Har-ki-ú-na)]-an ha-an-ta-i-ši me-e-hu-[ni da-a-ah-hu-un]
(\S 6)_{20}[\text{nu-uš}]^{r}\text{ne-}^{1}[\text{pi}]-ša-aš <sup>d</sup>IŠKUR-ni ha-ap-pa-ri-e-nu-un [(?) (nu-uš)]
     21[ne-pí-ša-aš]dIŠKUR-un-ni-ţa a-ap-pa ha-a[(m-mi-in)-ku-e-en(?)]
    22ku-[iš am-m]e-el ap-pa-an LUCAL-uš ki-i-ša-r[i (nu <sup>URU</sup>...-i-na-an)]
    22 UR U...-m]a-an URU Har-ki-ú-na-an-na URU Ne-e[-ša-aš (ku-ru-ur)]
     24a-[ap-pa ..] ku-iš-ki a-ša-a-ši <sup>URU</sup>Ne-e-[ša-aš]
     25ku-[ru-ur] e-eš-tu nu-a-pa-aš ut-ni-an-da-an hu-u-m[a-an-da-an]
     _{26}[ku-ru-ur] e-eš-tu nu UR.MAH-iš ma-a-an ud-n[e-(?)-... (?)]
(§ 7)<sub>27</sub>[... (?)]-a\mathfrak{h}(?)-z[i-m]a ku-i[t-k]i nu-uš-ša-an [.... (?)]
     _{28}[(a-ap-pa)] a-[\S]a-a-\S i na-an {}^{d}I\S KUR-ni [......... (?)]
     _{29}[......(?)]-zi(?) aš-[.....(?)]
(\S 8)_{30}[^{I}(Pi-it-ha-a-na-a\S) at-ta-a\S-ma-a]\S a-ap-pa-an [.... (?) (ú-it-ti)]
     _{31}[.............(?)]^{UR[U}Za]-a-al-pu-aš a-r[u-na ... (?)]
     32 [...... URUZa-a-al-pu-]aš a-ru-na-aš [....]
(§ 9)<sub>33</sub>ki-e \mathbf{u}^{\mathsf{r}}\mathbf{t}-\mathbf{t}^{\mathsf{q}}\mathbf{a}-[ar tup-pí-ta-aš] I-NA KA.GAL-IA x-[......]
     <sub>34</sub>UR-RA-AM ŠE-R[A-AM .... li-e] ku-iš-ki hu-ul-[li-e-iz-zi]
     _{35}ku-i-ša-at hu-ul-li-[e-iz-zi (?)] ^{	extsf{L}\dot{	extsf{U}}}KÜR-\overset{\circ}{	extsf{S}}U e[-eš-tu]
(§ 10)<sub>36</sub>ta-a-an nam-ma <sup>I</sup>Pí-i-u-uš-ti-iš LUG[AL <sup>UR</sup>] <sup>U</sup>Ha-at-ti ú-[it ..]
      <sub>37</sub>šar-di-aš-ša-an-na ku-in ú-ua-te-it šu-uš [<sup>URU</sup>Ša-lam-pí] ku(?)-e(?)-[nu-un]
(§ 11)<sub>38</sub>ud-ne-e hu-u-ma-an-da <sup>URU</sup>Za-al-pu-az an-da a-ru-na-aš k[u-e-nu-un]
      aoka-ru-ú <sup>I</sup>U-uḥ-na-aš LUGAL <sup>URU</sup>Za-a-al-pu-ua <sup>d</sup>Si-ú-šum-m[i-in]
      _{40}[^{UR}]^{U}Ne-e-ša-az ^{URU}Za-a-al-pu-ua pí-e-d[a-aš]
      41 [ap-pí]-iz-zi-ja-na A-ni-it-ta-aš LUGAL.GAL dŠi-ú-šu[m-mi-in]
      [URUZa]-a-al-pu-ua-az a-ap-pa URUNe-e-ša pí-e-[da-ah-hu-un]
      43 [IHu]-uz-zi-ţa-na LUGAL URUZa-a-al-p[u-ua] hu-i[š-ua-an-da-an]
      44[URU]Ne-e-ša ú-ua-te-nu-un URUHa-at-tu-ša ki(?)-iš(?)-[ta-an-za]
                                    Оборотная сторона
      45 [ták?]-ki-iš-ta ša-an ta-a-la-aḥ-ḥu-un ma-a-na-aš [?]
      46ap-pí-iz-zi-ja-na ki-iš-ta-an-zi-at-ta-at ša-an dHal-ma-š[u-it-ti (?)]
      47<sup>d</sup>Ši-i-uš-mi-iš pa-ra-a pa-iš ša-an iš-pa-an-di
      Asna-ak-ki-it da-a-ah-hu-un pí-e-di-iš-ši-ma ZAG-ah-li-an a-ni-i[a-nu-un]
(§ 12)49ku-iš am-me-el a-ap--pa-an LUGAL-uš ki-i-ša-r[i]
      56nu <sup>URU</sup>Ha-at-tu-ša-an a-ap-pa a-ša-a-[ši]
      <sub>51</sub>na-an ne-pí-ša-aš <sup>d</sup>IŠKUR-aš ha-az-zi-e-i[t-tu]
(§ 13)<sub>52</sub> URUSa-la-ti-ua-ra me-e-ni-im-me-it ne-e-eh-[hu-un]
      _{53}[^{\mathrm{URU}}\mathrm{S}]a-la-ti-ua-ra-ša me-e-na-ah-ha-an-da ^{\mathrm{GIS}}\mathrm{tu}-x[....(?)]
      _{54}[..]ERÍN<sup>MEŠ</sup>-ŠU hu-it-ti-ja-ti ša-an <sup>URU</sup>Ne-e-š[a pí-e-hu-te-nu-un]
(§ 14)<sub>ss</sub> nu <sup>URU</sup>Ne-e-ši URU<sup>DIDLI</sup> ú-e-te-nu-un URU-ja-an a-a[p-pa]
   <sub>56</sub>ne-pí-ša-aš <sup>d</sup>IŠKUR-na-aš É-ir \hat{U} É <sup>d</sup>Ši-ú-[šum-mi-iš AB-NI]
```

```
(§15)<sub>57</sub>É <sup>d</sup>Hal-ma-šu-it-ta-aš É <sup>d</sup>IŠKUR-na-a[š BE-LI-ĮA Ù É <sup>d</sup>Ši-ú-na-šum-mi-iš
      58KAS-za ku-it a-aš-šu ú-táh-h[u-un a-pí-e-da-an-da ha-liš-ši-ţa-nu-un]
(§ 16)<sub>59</sub>nu-ma-a-al-táh-hu-un nu-[hu-u-ua-ar-táh-hu-un]
      60ša-ni-ja ši-ya-at [2 UR.MAH 70 SAH<sup>HI.A</sup> 1 SAH.GIS.GI (?)]
      <sub>s1</sub>1 ME 20 AZ^{\text{HI.A}}_{\circ} LU-\hat{U} [UG.TUR LU-\hat{U} UR.MAH^{\text{HI.A}}_{\circ} LU-\hat{U} DARA.MAS]
      _{62}LU-U DARA U L[U-U.....]
      <sub>63</sub><sup>URU</sup>Ne-e-š[a A-NA URU-IA ú-da-aḥ-ḥu-un]
(§ 17)<sub>64</sub>ú-e-it-ta-[an-da-an-ni-eš-ši-ma <sup>URU</sup>Sa-la-ti-ua-ra za-ah-hi-ia pa-a-un]
      _{65}LÚ ^{
m URU}Ša-_{
m l}[a-ti-ua-ra _{
m \it QA-DU} DUMU ^{
m ME\mathring{S}}-_{
m \it SU} a-ra-a-aš (na-aš-mu me-e-na-
                                                                                       ah-ha)-an-da]
      _{66}ú-e-it [KUR-e-še-it \hat{U}-URÚ^{LIM}-ŠU da-a-li-išl
      ganu IDH [u-u-la-an-na IS-BAT]
(§ 18)<sub>68</sub> URUNe-e-[ša-(aš ERÍN<sup>MEŠ</sup>?) EGIR-pa-an ar-ha pa-it]
     69nu URU<sup>DIDLI</sup>-S[U lu-uk-ki-it a-pu-u-uš-ša an-da ......] (?)
      <sub>70</sub>URU-ri-ja [hu-la-li-eš-šar-še-it 1 LI-IM 4 ME ERÍN<sup>MEŠ</sup> ANSU.KUR.
                                                                    RA<sup>HI.A</sup> KÙ.BABBAR (?)]
      71nu 40 ZI-[IM-TI .....]
      72a-pa-ša [hu-it-ti-it-ti ša-aš i-ta-an-ni-eš]
(§ 19)<sub>73</sub>ma-a-an <sup>U</sup>[<sup>RU</sup>(Pu-ru-uš-ḥa-an-da) la-aḥ-ḥa pa-a-un]
     anu LU URUPu-ru-uš-h[a-an-da kat-ti-mi he-en-ku- (?)]
      <sub>25</sub>šu-mu 1 <sup>G</sup>IŠSÚ.A AN.BAR 1 PA.GAM AN.BAR [he-en-gur ú-da-aš]
      <sub>76</sub>ma-a-an a-ap-pa-ma <sup>URU</sup>Ne-e-ša [pa-a-un]
      "nu LÚ <sup>URU</sup>Pu-ru-uš-ha-an-da kat-tim-mi [pí-e-hu-te-nu-un]
      78[m]a-a-an tu-un-na-ki-iš-na-ma pa-iz-zi a-p[a-aš-ša]
      79[pí]-ra-am-mi-it ku-un-na-az e-ša-ri
```

перевод

(Лицевая сторона) (§ 1) 1Анитта, сын Питханы, царь (из) города Куссары [так (говорит): 1 2Oн (Питхана) был мил небесному богу бури. 3И когда он был мил богу бури. ₄царь (из) [го]рода Несы царю (из) города Куссары [......]. |(§ 2) ₅[Ца]рь города Куссары целой массой (войск) из города вниз [спустился] [п го род Несу ночью приступом в [зял]. Даря [города Н]есы он схватил, а (из) сыновей города Нес[ы] 8[з]ла никому (не) причинил. ₉[И] он сделал [их себе] матерями (и) отцами. | (§ 3) 10 После [Пи]тханы, моего отца, в том же году 11в бою сразился я. С (помощью) богини солнца, [ка]кая бы страна 12 (ни) восставала, я их вс [ех разбил]. | (§ 4) 13 [Гор.....]ма, город ГУлламма х-х [... •.] 14[.....]. Однако потом царь города [Хатти пришел (и его)] 15В [городе -]тесме я разбил. [.....] 16[Город Н]еса [.....]. | (§ 5) 17Город [...и]ну в полде[нь я взял]. 18Город [....]му ночью [приступом я взял]. 19Город [(Харкиун)]у в полде[нь я взял]. $[(\S 6)_{20}[N]]$ я пожертвовал [ux] небесному богу бури $[(?)(Nux)]_{21}$ мы снова ус[(tahob)]или (?) небесному богу бури. 22Кт[о] после [ме]ня царем станет [(и город ...ину)], ₂₃горо[д....**м]у и** город Харкиуну—[(этих) врагов] города Не[сы] ₂₄с[нова..] кто-нибудь заселит, (то) он города He[сы] 25вр[агом] пусть будет и тот вс[ех] стран 26 [врагом] пусть будет! И подобно льву стран[а (?)...(?)]. | (§ 7) ₂₇[... (?). Од]нако (?) что-ни[будь] (?) и они их [....(?)] 28[(снова)] заселит и его богу бури [........] 29[...........]. (§ 8) 30После[(Питханы), отца мое]го, [(в).... (году)?] 31[.......(?)] гор. [Ц]алпувы мо[ре...]

32[..... гор. Цалиув]ы море [....]. | (§ 9) 33 Эти сло[ва таблички] на моих городских воротах [(я поместил)]. 34Отныне и в буду [щем:.... (пусть) ни]кто (не) нару[шит (их)!] 35 Кто их нару[шит, (тот) пусть] врагом его бу[дет!]. | (§ 10) 36 Затем, во второй раз Пиусти, ца[рь (из) горо]да Хатти, пр[ишел ..] зли вспомогательные (отряды) его, которые он привел, [я] их [в городе Салампа] раз[бил].] (§ 11) 38Bce страны от города Цалпувы (по направлению?) моря р[азбил я] (?). зэПрежде Ухна, царь (из) города Цалпувы, бога Сиусумми 40из [гор]ода Несы в город Цалпуву уне[с]. 41И потом [я], Анитта, великий царь, бога Сиусу[мми] 42из [города Ц]алпувы обратно в город Несу при[нес], 43а [Х]уццию, царя (из) города Цалп[увы], жи[вым] 44в [город] Несу я привел. Городом Хаттуса го [лод (?)] (Оборотная сторона) 45 [овл]адел (?). И я оставил его. Однако, когда он [?] 46потом изнемог от голода и его богу Халмас[уитте (?)] 47бог Сиусми передал, я его ночью 48приступом взял, а на его месте сорную траву пос[еял]. (§ 12) 49 Кто после меня царем стане[т] 50 и город Хаттусу снова засел[ит], 51 [пусть] его небесный бог бури пора[зит!]. (§ 13) 52К городу Салативаре лицо свое [я] обра[тил]. $_{53}$ И перед [городом С]алативарой $^{\rm GI\mathring{S}}$ tu[....(?)] $_{54}$ [..] войско его собралось (?) и его в город Нес[у доставил я (?)]. | (§ 14) 55И в городе Несе я построил укрепления. По[сле (?)] города 56дом небесного бога бури и дом бога Сиу[сумми построил я]. (§ 15) 57Дом бога Халмасуитты, дом бога бури, [моего владыки и дом бога Сиунасумми я построил]. ы Добро, которое я из похода при[вез, там же я поместил]. (§ 16)ы 9И я молился и проклял я (?)], 60B тот же день [2 львов, 70 свиней, 1 дикого кабана (?)], 6120 диких зверей — [леопард] ли, [львы ли, олень ли], 62горный козел ли или [......], 63в город Нес[у, в мой город, я принес]. (§ 17) 64 [В следующем же] году [на город Салативару в поход я пошел]. 65 Человек (из) города Сал[ативары вместе со своими сыновьями восстал (и он на)встречу (мне)] 66 пришел. [Страну свою и город свой он оставил] 67 и реку Х[уланну занял]. (§ 18) 68 (Войско?)] города Не[сы назад отступило] 69и укрепления е[го сожгло. И те в (?)] ₇₀и в городе, [окружность (?) его, 1400 (пеших) войнов, лошадей, серебра (?)] 71и 40 уп[ряжек (колесничных лошадей)] 72И тот [собрался (?) и он ушел]. | (§ 19) ₇₃Когда [на город (Пурусханду) в поход я пошел], ₇₄человек (из) города Пурусх[анды ко мне покло(ниться пришел) (?)] 75и он мне 1 железный трон (и) 1 железный скипетр (?) [(в знак) покорности (?) преподнес]. 76 Когда же обратно в город Несу [я пошел], 77(то) человека (из) города Пурусханды с собой [я привел]. 78A когда в tunnakiššar он пойдет, (тогда) т[от] 79[пе]редо мной справа сядет.

Комментарии к транслитерации и переводу

1. Возможен и такой перевод: «Анитта, сын Питханы — царя (из) города Куссары, [так (говорит):]». С восстановлением последнего слова этой строки, как KI-B[I-M]A «говори!» 19 , предложенным Э.Форрером в 1922 г., согласны почти все исследователи 20 . Однако в литературе отмечается, что хотя сличение автографии с оригиналом подтверждает возможность такого восстановления 21 , оно по различным основаниям все-таки не является убедительным. Те же специалисты, которые приняли восстановление KI-B[I-M]A, считают его странным (а иногда и бессмысленным) 22 . Действительно,

 $^{^{19}}$ Акк. qib $\bar{\text{ima}} = \text{qib}\bar{\text{i}}$ (повел. накл. $2\,\pi$. ед. ч. от глагола qab $\bar{\text{u}}$ «говорить») + ma (энклитическая частица).

²⁰ Кроме названных в прим. 1 работ см. также J. F r i e d r i c h, Zu AO 24,3 (Aus dem hethitischen Schrifttum. 1. Heft), ZAss, 2(36), 1925, № 3/4, стр. 272; о н ж е, Краткая грамматика хеттского языка, М., 1952, § 347а (далее — КГХЯ) = о н ж е, Hethitisches Elementarbuch, 1. Teil, Heidelberg, 1960, § 345а. Г. Оттен в MDOG, 83 воздержался от перевода интересующего нас слова, а в цитированной выше книге «Kulturgeschichte des Alten Orients» (стр. 335) он разделяет восстановление Э.Форрера и дает перевод: «говори!».

²¹ НАВ, стр. 31, прим. 2; G ü t e r b o c k, ук. соч., стр. 140.

²² H r o z n ý, ук. соч., стр. 280; HAB, стр. 31, прим. 2; G ü t e r b o c k, ук. соч., стр. 140. Сам Э. Форрер восстанавливал его под вопросом (ВоТU, стр. 8).

во вступительной части текста историко-политического содержания весьма странно видеть лишь одно из составных слов той формулы ²³, которая широко применялась только в переписке, к тому же без *UMMA* «так (говорит)» и, главное, без указания адресата (Güterbock, ук. соч., стр. 140). Во всей клинописной литературе не засвидетельствовано ни одного случая подобного отхода от правил употребления указанной формулы ²⁴. Поскольку пока все же невозможно точно восстановить интересующее насслово первой строки текста, мы, воздерживаясь от восстановления клинописных знаков, считаем возможным лишь в переводе допустить восстановление «[так (говорит):]» (см. также Иванов, Надпись Анитты, стр. 305).

Предположение об отождествлении города Куссара (Кu-ša-гa «каппадокийских» табличек) с местом современного Алишар-Хююка ²⁵ в последние годы отклоняется рядом ученых, которые считают более целесообразным видеть в Алишаре Амкуву (см. ниже). Недавно вопросу о месторасположении города Куссары специальную работу посвятил Ю. Леви, который локализует Куссару на месте современного Кемер (к западу от Ельбистана и Binboğa Dağlari, на пути между Пынарбаши и Марашом) ²⁶.

2. В слове ne-pí-iš-za-aš-ta, в котором нетрудно выделить частицу -(a)šta ²⁷, все еще остается необъяснимым написание nepišz(a)-. По контексту здесь явно скрывается форма родительного падежа от nepiš- «небо», на что обратил внимание еще в 1925 г. И. Фридрих ²⁸. Не исключена возможность, что появление фонемы -z(a) обусловлено частицей -(a)šta, следовавшей за существительным в родительном падеже (ср. чередование š/z в хеттском). Нам кажется несколько странной и вставка частицы -(a)šta между nepiš- и dISKUR-un-ni, если первое из этих слов действительно стоит в родительном падеже ²⁹. Сомнительное чтение идеограммы dISKUR-unni (дат. пад.) как Zašḫa-

 $^{^{23}}$ UM-MA X A-NA Y QI-BI-MA. Формула иногда употреблялась без UM-MA X. Возможно также написание A-NA Y (без QI-BI-MA), однако только QI-BI-MA — не пишется никогда.

²⁴ В хеттских текстах она применялась только при переписке, см., например, KUB, XXIII, 85, обор. ст.: $_3$ *UM-MA* SAL.LUGAL-ma $_4$ *A-NA* ¹Ta-at-ta-ma-ru *KI-BI-MA* « $_3$ Taк (говорит) царица: $_4$ Таттамару скажи». Относительно других писем на хеттском языке, в которых употреблена интересующая нас формула, см. L. R o s t, Die außerhalb von Bogazköy gefundenen hethitischen Briefe, MIO, IV, 1956, № 3, стр. 334 слл.

²⁵ R. Hardy, The Old Hittite Kingdom. A Political History, AJSL, 58, 1941, № 2, стр. 181, прим. 14; J. Mellaart, The End of the Early Bronze Age in Anatolia and Aegean, AJA, 62, 1958, № 2, стр. 14; J. Garstang, O. Gurney, The Geography of the Hittite Empire, L., 1959, стр. 63 и т. д.

²⁶ J. Lewy, Old Assyrian Evidence Concerning Kuššara and its Location, HUCA, XXXIII, 1962, стр. 45—56. Эта работа осталась нам недоступной, ссылка по S. Alp, Kaniš=Aniša = Niša. Eine Hauptstadt der frühhethitischen Periode, Bell., XXVII, 1963, № 107, стр. 377.

 $^{^{27}}$ Часто встречается в древнехеттских текстах. Переводилась до сих пор как «тогда, затем, потом», хотя значение ее не было установлено точно: HW, стр. 37; НАВ, стр. 55, прим. 5; 93; 103, прим. 5; КГХЯ, §§ 39—43; 47b, 300a, 304. Выяснению значения этой частицы недавно отдельную статью посвятил О. Карруба: О. Сагги ва, Hethitisch-(a)sta, -(a)pa und die anderen «Ortsbezugspartikeln», Ог, 33, 1964, № 4, стр. 405 слл. Отклоняя указанное выше значение, О. Карруба рассматривает -(a)sta как глагольную частицу и по-разному переводит ее. Стк. 2 «Текста Анитты» он переводит так: «Он был особенно (т. е. более всех остальных) приятен богу грозы из (?) неба» (стр. 416). К переводу сткк. 1—3 см. также стр. 406.

²⁸ Friedrich, Zu AO 24,3, стр. 272; он же, HW, 2-ое доп., стр. 18. См. также H. Kronasser, Etymologie der hethitischen Sprache, Lief. 1, Wiesbaden. 1962, стр. 93.

²⁹ Возможно, это вызвано необходимостью помещения частицы -(a) sta за начальным в предложении словом (НАВ, стр. 86. прим. 3; стр. 93), будь это имя существитель-

рипа/Таšђарипа, так как в одном из хеттских текстов явно противопоставлены Zašђарипа и $^{\rm d}$ ISKUR(= $^{\rm d}$ U) $^{\rm 30}$. Э. Ларош считает возможным читать идеограмму $^{\rm d}$ ISKUR по-хеттски как $^{\rm *Tarhuna}$ $^{\rm 31}$, что более надежно.

В слове «он», как и в предложении «царь города Куссары» (сткк. 4 слл.), подразумевается явно не Анитта, и поэтому изложенные в третьем лице события, о которых речь идет в сткк. 2—9, относятся не к нему. Можно не сомневаться, что повествованию о своих делах, которое начинается со стк. 10, Анитта предпосылает рассказ о предшествовавших событиях. В этом отношении «Текст Анитты» можно сравнить с «Текстом Телипину», в начале которого говорится о предшествовавших воцарению Телипину событиях (ВоТU, 23 A, I, 2—II, 15) в третьем лице, а лишь затем (II, 16 слл.) в первом лице начинается рассказ о его деяниях. В свое время Б. Грозный заметил, что «он» — это отец Анитты, Питхана, тот же «царь (из) города Куссары» (сткк. 4 слл.), который завоевал город Несу. Во всяком случае «царь (из) города Куссары» указанной строки не может быть Аниттой, ибо этот последний не был еще «царем» в период завоевания города Несы, т. е. при жизни своего отца. Он становится царем, по всей вероятности, лишь «после (смерти) своего отца» (стк. 16), когда Неса уже рассматривалась как владение Куссарского царства ³².

4. LUGAL-іš клинописного текста Э. Форрер и Б. Грозный исправляют на LUGALиš, так как согласно контексту это слово стоит в именительном падеже. LUGAL-іš в качестве именительного падежа встречается и в ВоТU, 60, II, 46 (HW, стр. 284).

Восстановление в конце строки, предложенное Э. Форрером, al-ša(?)-[an-za] ki-š[a-at] «он стал пленником» не совсем убедительно (Б. Грозный, Г. Оттен и В. В. Иванов эту строку не восстанавливают).

Некоторые сомнения, возникшие по поводу вновь выдвинутого Г. Гютербоком предположения Э. Форрера относительно отождествления города Несы с городом Канеса (Kaniš), значительно углубились после опубликования статьи Х. Леви зз. Х. Леви на основе новой интерпретации единственного документа, в котором упоминается Неса (Né-ša, вместе с «дворцом»), отрицая идентичность названных выше городов, приходит к выводу, что город Несу следует поместить вблизи современного Акчадага или же на «опасной дороге» у Даренде или Гюрюна з4.

ное, союз пи или ta (па-аš-ta, ta-аš-ta), личное местоимение (ú-ga-aš-ta: KUB, XXIII, 11, 13; HAB, стр. 93) или указательное местоимение (ki-e-ma-aš-ta: KUB, VIII, 41, II, 13; HAB, стр. 93). К переводу стк. 2 см. Т. В. Гам к релидзе, Хеттский языки ларингальная теория, «Труды Института языкознания АН ГрузССР», серия восточных языков, III, 1960, стр. 69.

³⁰ Th. H. Gaster, Thespis. Ritual, Myth and Drama in the Ancient Near East, N. Y., 1950, стр. 335 (там же ссылка на источники и литературу); Hardy, ук. соч., стр. 180, прим. 10. См. также J. G. Macqueen, Hattian Mythology and Hittite Monarchy, AnSt, 9, 1959, стр. 179 сл. и прим. 50.

³¹ E. Laroche, Étude de vocabulaire. VII, RHA, XVI, № 63, 1958, стр. 91 слл. См. также HW, 2-ое доп., стр. 24.

³² Большинство исследователей завоевание города Несы приписывает Питхане. Некоторые специалисты считают, что город Неса был захвачен Аниттой, см., например, E. B i l g i ç, Die einheimischen Appellativa der kappadokischen Texte und ihre Bedeutung für die anatolischen Sprachen, Ankara, 1954, стр. 25, прим. 57; H. K r o n a s s e r, Zu heth. ešhar iya=akkad. dāmi epēšu, «Festschrift J. Friedrich», Heidelberg, 1959, стр. 284. В. В. И в а н о в, Очерк истории и культуры хеттов, в кн.: К. К е р а м, Узкое ущелье и Черная гора, М., 1962, стр. 189; о н ж е, Хеттский язык, М., 1963, стр. 18. См. также СИЭ, I, 1961, стр. 588.

³³ H. Lewy, Neša, JCS, XVII, 1963, № 4, стр. 103—104. См. также H. Lewy, Notes on the Political Organisation of Asia Minor at the Time of the Old Assyrian Texts, Or., 33, 1964, № 2—3, стр. 198.

³⁴ В документе, приведенном Х. Леви (Winkenbach, 7), все же имеются места, требующие дальнейшего уточнения. Например, не совсем ясно, действительно ли kārum

- 5—9 ³⁵. URU-az katta «из города вниз» (КГХЯ, § 243 в).[ра]ngarit «полностью; целиком; со всей совокупностью войск; целой массой (войск)»³⁶. «Схватил» в смысле «взял в плен». annuš attuš iia-«сделать матерями (и) отцами» ³⁷— выражение «матьотец» или «отец-мать» засвидетельствовано в хеттских, лувийских и палайских текстах более позднего времени ³⁸.
- 10. Ср. фрагмент KUB, XXXVI, 98,4. šanija: по всей вероятности, датив-локатив от šani- «один и тот же» 39 . И по контексту здесь должно быть скорее «в том же (т. е. в первом) году», чем «во втором году» 40 .
- 12—16. Ср. фрагмент KUB, XXXVI, 98, 5-8. Точное месторасположение города Улламмы (Ualama «каппадокийских» табличек) неизвестно ⁴¹. Населенный пункт [-]тесма, видимо, был расположен на территории между городами Хаттусой и Несой (или Куссарой) ⁴², так как сражение между Аниттой и царем Хатти должно было произойти именно на этой территории.
- 17—19. Ср. фрагмент KUB, XXXVI, 98, 9-10. Здесь речь идет, по нашему мнению, о захвате тех трех пунктов, заселение которых Анитта проклинает в стк. 22 слл.; URU[...]-na-an 17 стк. должно быть [URU...]-i-na-an фрагмента KUB, XXXVI, 98, 13. EL-KI (KUB, XXXVI, 98, 10) «я взял» (прош. вр. 1 л. ед. ч. от глагола leq \bar{u} (liq \bar{u} , laq \bar{u} ?) «взять, брать; захватить»; хетт. d \bar{a} (HW, стр. 201).

handāiši mehuni «в жаркое время (дня)» 43 («днем»?).

- 21—23. Ср. КUB, XXXVI, 98, 11-13. Как видно из стк. 12 указанного фрагмента, перед ku-iš am[-me-el] стоит глагол (в 1 л. мн. ч. прошедшего времени), имеющий в конце основы -k-(...ku-e-en). В то же время в основной табличке (КВО, III, 22) слово, предшествующее ku-[iš am-m]e-el, начинается на ha-[...] (стк. 21). Поэтому и судя по контексту, здесь можно восстановить глагол hamenk-. Остается неясным, почему данный глагол стоит в 1 л. мн. ч.
- 25. Элемент -an слова udniandan следует рассматривать как окончание родительного падежа, характерное для древнехеттского языка (см. ниже). «Вс[ех] стран» = «Всей страны»; имеется в виду, наверное, Куссарское царство в целом.
- указанной надписи, идентичен с kārum Kaniš. Непонятно также, кто подразумевается в слове «они».
- 35 Относительно перевода этих строк кроме указанных выше работ (прим. 3, 4, 8 и 9) см. Р. G a r e l l i, Les assyriens en Cappadoce, P., 1963, стр. 74.
- ³⁶ Относительно этого архаического выражения см. В. В. И в а н о в, Происхождение и история хеттского термина panku- «собрание», ВДИ, 1957, № 4, стр. 26 слл.; о н ж е, Надпись Анитты, стр. 306, прим. 1.
- ³⁷ Данное выражение, также архаическое, употреблено в тексте в смысле «обращаться с кем-либо как со своими родителями» (НW, стр.21; И в а н о в, Надпись Анитты, стр. 305).
- ³⁸ H. Otten, Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luwischen, B., 1953, стр. 52 и прим. 153—155, стр. 53 и прим. 157 (там же источники и литература). Из новой литературы см. Иванов, Хеттский язык, стр. 20.
- ³⁹ A. Goetze, Hittite šanna- «ONE», «Language», XI, 1935, № 3, стр. 190, прим. 12 (см. также стр. 60 и 64); НW, стр. 182.
- 40 Ср. H r o z n ý, ук. соч., стр. 275, 281 сл.; О t t e n, MDOG, 83, стр. 40. Следует исправить то место HW, стр. 238, где в связи с глаголом ища- приводится uitti рассматриваемой нами строки и это слово понято как производная от глагола ища- форма.
- ⁴¹ Г. Оттен локализует Улламму на юго-западе Хатти (MDOG, 91, стр. 79, прим. 19), а А. Гетце на территории между Канесом и Евфратом (JCS, 16, 1962, № 1, стр. 27).
- ⁴² Ср. Таіšата надписи Анум-Хирби: К. Ваlkan, Mama kıralı Anum-Hirbi-'nin Kaniş kıralı Warşama'ya gönderdiği mektup, Ankara, 1957, стр. 7 сл., 53 сл. См. также Р. Garelli, D. Kennedy, Un nouveau prince anatolien?, RHA, 18, № 66, 1960. стр. 40 и прим. 3—4.
- ⁴³ G. Ne u m a n n, Zeitangabende Parenthesen im Hethitischen, «Indogermanica. Festschrift W. Krause», Heidelberg, 1960, стр. 141; НW, 2-ое доп., стр. 11.

- 26—32 сильно повреждены. Ср. KUB, XXXVI, 98a, 1—3. Не ясно, следует ли отождествить Zalpuua с Zalpa фрагмента KUB, XXVI, 71, 18. Трудно также выяснить, что подразумевается под «Цалпувы море (или моря)» (оз. Туз или Черное море?), и можно ли отождествить эту Цалпу с Zalpa новонайденной билингвы Хаттусили I, в аккадском варианте которой дается написание Zalbar (ср. ВоТU, 10β, 28-29) 44.
- 33—35. Ср. KUB, XXXVI, 98а, 4—5. Относительно uttar tuppiṭaš ср. BoTU, 23A, \S 30, II, 47 сл.: uttar tuppiaz. Стк. 33 Кронассер восстанавливает следующим образом: ke uttar tuppi + ya + mu I-NA KÅ. GAL- $\mathring{I}A$ [...] (Kronasser, ук. соч., стр. 279 и прим. 15).
- 36-37. Ср. KUB, XXXVI, 98a, 6-7. Салампу следует искать также на территории, расположенной между городами Хаттусой и Несой (ср. выше комментарий к сткк. 12-16).
- 44—45. Э. Форрер восстанавливал: URUHa-at-tu-ša-bad ^Ip[í-i-u-uš-ti-iš tá]k-ki-iš-ta «Хаттусе П[иусти (зло) пр]ичинил» ⁴⁵. К нашему восстановлению и переводу см. Otten, MDOG, 83, стр. 41. Согласно ситуации, описанной в тексте, наиболее вероятно, что Анитта сначала осадил город Хаттуса, а затем временно его «оставил» (стк. 45). Он вновь появляется в Хаттусе и разрушает его лишь после того, как город «ослабел от голода» ⁴⁶.
- 53-54. Ср. KUB, XXXVI, 98b, 1-2; XXVI, 71, 2-3. GIStu-x[...] Б. Грозный читал как GISTU-D[I-IT-TUM?] «щит груди (лошади)», что малоубедительно. Нам кажется более вероятным предположение Г. Оттена, который это слово понимает как «упряжь, упряжка» 47 (ср. акк. simtu «упряжь, упряжка» 71 стк.), хотя появление детерминатива GIŠ дает и возможность восстановить здесь хеттское слово (?), обозначающее «конная боевая колесница» 48.

Точная локализация Салатувары (Salatuar «каппадокийских» табличек) не известна.

55—56. Ср. KUB, XXXVI, 98b, 3; XXVI, 71, 4 сл. URUDIDLI цета «построить города или поселения», употреблено, конечно, не в прямом смысле, так как говорить о строительстве «городов» или «поселений» (мн. ч.) в самом городе Несе было бы бессмысленно ⁴⁹. Здесь, возможно, подразумевается «построить укрепления (или кварталы)» ⁵⁰,

⁴⁴ См. Г. Г. Гиоргадзе, Борьба хеттов за Северную Сирию в период Древнего царства, ВДИ, 1964, № 1, стр. 10, прим. 36. Относительно месторасположения Залны «каппадокийских» табличек см. Lewy, Neša, стр. 103 (там же литература).

⁴⁵ См. также Н го z n ý, ук. соч., стр. 278 сл., 283. Ср. И в а н о в, Надпись Анитты, стр. 305; Т. В. Гамкрелидзе, Местоимение *so, *sā, *tod и индо-хеттская гипотеза Э. Стертеванта, САНГ, XVIII, 1957, № 2, стр. 243.

⁴⁶ К транслитерации и переводу сткк. 46—48 см. Гамкрелидае, ук. соч., стр. 243 (к стк. 48: О t t e n, MDOG, 91, стр. 79, прим. 20), ак транскринции и переводу (с комментариями) сткк. 49-51 см. V. Кого šес, Die Kollektivhaftung im hethitischen Recht, ArOr, XVIII, № 3, 1950, стр. 203. К переводу последних строк см. также А. Goetze, Das Hethiter-Reich, Lpz, 1929, стр. 15; Güterbock, Die historische Tradition..., стр. 110 сл.

⁴⁷ Otten, MDOG, 83, стр. 41. См. также А. Каттеn huber, Hippologia Hethitica, Wiesbaden, 1961, стр. 28.

⁴⁸ Ср. хетт. tūrija «запрягать»: Катте n huber, ук. соч., стр. 349; ANŠE. KUR.RA turiuaš «запряженная лошадь», т. е. «колесничный конь»: Н. G. Güter-bock, рец. на кн. J. Friedrich, Die hethitische Gesetze, JCS, 15, 1961, № 2, стр. 77.

⁴⁹ URUDIDLI Б. Грозный переводил как «кварталы». См. также O t t e n, MDOG, 83, стр. 41; И в а н о в, Надпись Анитты, стр. 305.

⁵⁰ URUDIDLI употребляется и в стк. 69, а в дубликате KUB, XXVI, 71 на параллельном месте стоит только URU (войско Несы сжигает «укрепления (или кварталы)» = «город» врага). Как видим, в данном случае понятия «город» и «укрепления (или кварталы)» рассматриваются как эквивалентные.

⁷ Вестник древней истории, № 4

что основано на аналогии текстов из Мари, а также «каппадокийских» табличек, где «сделать город» означало «построить укрепления» 51 . В древневосточных текстах разных эпох слово «построить» употреблялось иногда и в смысле «укреплять (город); воздвигать укрепления» 52 .

URU-įa-an (хетт. happirijan) арра (=аррап?) «после города» (древнехеттский элемент род. п. -ап стоит в ед. ч.), а не «позади города (?); за городом» и т. д. В URU-įa-an имеются в виду те же укрепления (или кварталы), о которых речь шла в предыдущем предложении, что хорошо видно из перевода: «И в городе Несе я построил укрепления. По[сле] города дом небесного бога бури... [построил я]». Видимо, сначала были построены укрепления (или кварталы) города, а затем приступили к строительству храмов.

- 57-58. Cp. KUB, XXXVI, 98b, 5-6; XXVI, 71, 6-7.
- 59—63. Ср. КUB, XXXVI, 98b, 7—9; XXVI, 71, 8—10. Перечисление в сткк. 60—62 животных (возможно, «животных богов») ⁵³ приводит некоторых исследователей к мысли, что здесь речь идет об охоте ⁵⁴. Другие же думают, что в данном месте надписи говорится о создании зоологического сада (Alp, ук. соч., стр. 377).
- SAH. GIS.GI: «кабан; свинья тростника» 55. AZ: буквально «медведь», но к контексту этот перевод не подходит. Скорее всего здесь речь идет о «диких зверях». UR.MAH: «лев» (КUB, XXVI, 71, 9 и XXXVI, 98b, 8). Так как это слово уже имеется в стк. 60, сомнительно, что оно написано и на следующей строке. При перечислении «божественных животных» в другом тексте рядом с UR. MAH упоминается и UR. BAR. RA «волк» 56. Возможно, в одном из двух интересующих нас мест речь идет именно о нем 57. DARA. MAS «олень», DARA «горный козел» 58.
 - «В мой город» KUB, XXXVI, 98b, 9: «(к) моим богам».
 - 64-67. Cp. KUB, XXVI, 71, 10-12, XXXVI, 98b, 10-12.
- 68-72. Ср. KUB, XXVI, 71, 13—15; XXXVI, 98b, 14. Содержание указанных строк не совсем ясно. ZI[-IM-TI] стк. 71 в научной литературе рассматривается как параллельная форма GIŠGIGIRMES фрагмента KUB, XXVI, 71, 14.
- 73—75. Ср. KUB, XXVI, 71, 16—17; XXXVI, 98b, обор. ст., 3—4. К переводу сткк. 73—79 см. Garelli, ук. соч., стр. 64. В конце стк. 74 (=XXVI, 71, 16) следует видеть глагол hink- (henk-) «кивать; кланяться, поклониться; нагнуться», что и оправдывается самим контекстом: пошедший в Пурусханду для битвы Анитта не сразился с «человеком (из) гор. Пурусханда» (KUB, XXVI, 71, 16: с «людьми (из) гор. Пурусхан-

⁵¹ K. Balkan, Observations on the Chronological Problems of the Kārum Kaniš, Ankara, 1955, cτp. 74.

 $^{^{52}}$ J. Le w y, Apropos of a Recent Study in Old Assyrian Chronology, Or., 26, 1957, N 1, стр. 30 и прим. 3.

⁵³ šiunaš huitar: А. Gоеt ze, [рец. на KBo, X], JCS, 16, 1962, № 1, стр. 29 (там же источники и литература).

⁵⁴ Cüterbock, Die historische Tradition..., стр. 141; Нагду, ук. соч., стр. 184; Иванов, Очерк истории и культуры хеттов, стр. 190.

⁵⁵ Данную идеограмму до сих пор читали как SAH-IZ-ZI. К новому чтению см. G о e t z e, [рец. на кн. KBo, X], стр. 29 (там же другие источники).

⁵⁶ Там же, и прим. 10, где А. Гетце предполагает, что UR.BAR.RA «волк» надочитать по-хеттски ulippanaš.

⁵⁷ Иванов, Надпись Анитты, стр. 305.

 $^{^{58}}$ Эти две идеограммы читаются специалистами так же как SEG $_9$. BAR «дикая овца» и ŠEG $_9$ «овца» — см. J. Friedrich, Hethitisches Keilschrift-Lesebuch. Teil II. Schrifttafel und Erläuterungen, Heidelberg, 1960, стр. 13, знак № 17 и НW, стр. 294. К переводу слова «олень» см. Güterbock, рец. на кн. И. Фридриха, стр. 77, а «горный козел» — Goetze, ук. соч., стр. 29. А. Гетце предполагает, что по-хеттски это слово произносилось как šаšа- (там же и прим. 12). Это последнее слово Э. Лярош переводит: «антилопа» (по НW, 2-е доп.).

да», так как этот последний без боя покорился Анитте, передав знаки царской власти (трон и скипетр). hengur (стк. 75) должно быть производным от того же корня 59 .

76—79. Ср. KUB, XXVI, 71, 17—19; XXXVI, 98b, обор. ст., 4—6. tunnakiššar переводят как «внутренняя комната; спальня» (?). Это священное место ⁶⁰ или здание ⁶¹ было расположено, судя по XXVI, 71, 18, в Цалпе. Ср. иерог.-хетт. tunakala, слово для обозначения религиозного должностного лица ⁶².

В дошедшем до нас «Тексте Анитты», как уже вскользь отмечалось в научной литературе, сохранились языковые архаизмы и отдельные факты, позволяющие рассматривать нашу надпись в связи с древнехеттскими документами. Так, во всем тексте нигде не встречается как рефлексивная частица -za, так и энклитическая частица -kán, и точно так же в древнехеттских надписях эти частицы либо вовсе отсутствуют, либо встречаются крайне редко ⁶³. Бросается в глаза и редкое употребление таких энклитических частиц, как -pat (-pit),-šan ⁶⁴. Обращают на себя внимание ⁶⁵ появление окончания род. падежа -an ⁶⁶ и слияние особых притяжательных местоимений (КГХЯ, § 113) с именем существительным ⁶⁷, характерные для древнехеттского языка ⁶⁸.

- ⁵⁹ К слову ђепдиг см. А. К а m m е n h u b е r, Studien zum hethitischen Infinitivsystem, MIO, III, 1955, № 3, стр. 369, прим. 52. Пурусханду (варианты: Парсуханда, Парсухунта, Парасхунта хеттских источников; Пурушхатум/Пурушхатим «каппадокийских» табличек; Пурусхандар надписей из Султан-тепе см. Е. L а г о с h е, Etudes de toponymie anatolienne, RHA, 19, 1961, № 69, стр. 68 сл.) локализуют, на основе одной хеттской иероглифической надписи из Топады, около совр. Невшехира (L а г о с h е, ук. соч., стр. 69; G a r s t a n g—G u r n е у, ук. соч., стр. 64). О локализации Пурусханды около Аксарая, на месте совр. Ачемхююка, см. М е l l a a r t, The End of the Early Bronze Age..., стр. 10, прим. 17; М. М е l l i n k, Archaeology in Asia Minor, AJA, 67, 1963, № 2, стр. 179.
 - 60 Hardy, ук. соч., стр. 185.
 - 61 Ср. BoTU, 6, III, 15: du-un-na-ak-ki-eš-na-aš Ē-ri «в доме tunakeššar».
- 62 N. van B rock, Dérivés nominaux en L du hittite et du louvite, RHA, 20, 1962, N 71, стр. 100. К tunnakiššar см. также K a m m e n h u b e r, ук. соч., стр. 360, прим. 35.
- 63 H. Otten, Die inschriftlichen Funde, вкн.: «Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Bogazköy im Jahre 1952», MDOG, 86, 1953, стр. 60, прим. 1; Т. В. Гамкрелидзе, Передвижение согласных в хеттском (неситском) языке, ПАС, 1961, стр. 276; Е. Laroche, Notes de linguistique anatolienne, RHA, 19, № 68, 1961, стр. 35 (там же источники).
- ⁶⁴ Частица -pat(=pit) «именно, как раз» употреблена один раз (стк. 12), -šan тоже один раз (стк. 27). В интересующем нас тексте встречается, как было показано, и частица -(a)šta (сткк. 2, 3), неоднократно употребляемая в текстах, относящихся к древнехеттскому периоду, или в мифах и молитвах, составленных на древнехеттском языке (см. С а г г u b a, ук. соч., 408 слл.).
- ⁶⁵ Как было подмечено Г. Оттеном (H. O t t e n, Hethitisch und Indogermanisch, «Wissenschaftliche Annalen», II, 1953, № 5, стр. 327), в «Тексте Анитты» нигде не встречается элемент итератива-дуратива -sk-.
- 66 Об элементе -an см. НАВ, стр. 162 и прим. 1; КГХЯ, § 68; О t t e n, Hethitisch und Indogermanisch, стр. 327; Т. В. Гамкрелидзе, О некоторых неиндоевропейских элементах в клинописном хеттском (неситском) языке, САНГ, XVIII, 1956, № 5, стр. 469; В. В. И ванов, Из истории индоевропейской лексики клинописного хеттского языка, ПАС, 1961, стр. 321; он же, Хеттский язык, стр. 134 сл.
- 67 И ванов, Из истории индоевропейской лексики, стр. 320 и прим. 72; он же, Надпись Анитты, стр. 305, прим. 2.
- 68 Такими являются, например, attašmaš «отца моего» (attaš + maš, род. п. от miš «мой», стк. 10), mēnimmet «лицо мое» (mēni + met, им. -вин. п., ср. р.—стк. 52), šardijaššanna «и вспомогательные (отряды) его» (šardijan + šan/šin, вин.

С точки зрения лексики древнехеттского языка следует также обратить внимание на употребление некоторых слов с архаичным значением: mān «когда» (сткк. 3, 45) и «подобно» (стк. 26) 69, союз šu «и» (сткк. 37, 46 сл., 54, 72, 75) 70, pangarit (см. выше). Возможно, что и форму šanija следует объяснить древнехеттскими языковыми нормами.

K засвидетельствованным в тексте архаическим выражениям относятся: annuš attuš iia- 71 и, возможно, iandiaiii meiuni (см. выше).

Слитное написание союза nu (аккад. U) с последующим словом, характерное для графики памятников древнехеттского языка 72 , засвидетельствовано и в «Тексте Анитты»: nu-hu-u-ua-ar [ta-ah-hu-un] (KUB, XXVI, 71, 7), U-URU LIM - SU (там же, стк. 12), nu-URU- SU -lu-uk-ki-it (там же, стк. 13), nu-a-pa-aš (KBo, III, 22, 25), nu-ma-a-al-táh-hu-un (там же, обор. ст., стк. 59) 73 .

Нельзя не обратить также внимания на некоторые факты, указывающие на архаичность написания ⁷⁴ отдельных идеограмм или же их значения. К ним относятся: PA. GAM или PA.HAL «скипетр» ⁷⁵, идеограмма которого с древнехеттского периода пи-

«ero» + a «и»), pēdišši «на его месте» (pēdi + ši. дат.п., общ. 64: uitantannešši). Притяжа-(ср. стк. 79: pirammit; стк. -мест. п.) и др. тельное местоимение сливается с существительным и в собственном имени ^dSiušmiš, графическими вариантами которого являются ^dSiušummiš (относительно вставки произносимого гласного ср. e-eš-har-šum-mi-it и ešharšmit, КГХЯ, § 27) и dŠiunašummiš («их бог» или «ваш бог», менее всего «мой бог»). В связи с этим именем см. А. G о е t z e, Some Groups of Ancient Anatolian Proper Names, «Language», 30, 1954, № 3, стр. 359, прим. 4; O t t e n, MDOG, 83, стр. 44; о н же, Zur Kontinuität eines altanatolischen Kultes, ZAss, 19(53), 1959, стр. 180; Т. В. Гамкрелидае, Клинописная система аккадско-хеттской группы и вопрос о происхождении хеттской письменности, ВДИ, 1959, № 1, стр. 15, прим. 26 (=ArOr, 29, 1961, стр. 413, прим. 29); он же, Передвижение согласных..., стр. 282, прим. 224; Иванов, Изистории индоевропейской лексики..., стр. 320 сл. и прим. 73; о н ж е, Надпись Анитты, стр. 306, прим. 2. В корневом слове šiuna названия Siunašummiš следует видеть суффикс -n(a), употребляемый в некоторых архаических выражениях (Иванов, Изистории индоевропейской лексики, стр. 321). Ср. O t t e n, Zur Kontinuität eines altanatolischen Kultes, стр. 180, где появление указанного суффикса в Siunašummiš объяснено как явление более поздней эпохи. Данное название божества Г. Оттен рассматривает в связи с именем бога Sišumma/Sišummiš поздних текстов богазкёйского архива (там же). Ср. также собственное название Sinašmi «каппадокийских» табличек. См. A l p, ук. соч., стр. 377 сл.

69 КГХЯ, § 329b; НW, стр. 134. См. также O t t e n, MDOG, 86, стр. 60 и прим. 1; Гамкрепидзе, Передвижение согласных..., стр. 277; А. Кашшеn h u b e r, рец. накн.: J. Friedrich, Die hethitischen Gesetzel, BiOr, XVIII, 1961, № 1/2, стр. 79 сл.

 70 КГХЯ, §§ 106 и 320; Гамкрелидзе, Местоимение *so, *sa, *tod..., стр. 243 сл. (там же источники).

71 Следует обратить внимание на последовательность слов этого выражения — «сделать матерями (и) отцами». По мнению В. В. Иванова, здесь могло отразиться материнское право (И в а н о в, Хеттский язык, стр. 20).

⁷² Otten, MDOG, 86, стр. 60, прим. 2; Гамкрелидзе, Передвижение согласных..., стр. 279 (в этих трудах источники и литература).

⁷³ Ср. также сткк. 50, 55 и 74 клинописной копии KBo, III, 22.

⁷⁴ Оттен обращает внимание на написание знака пе, неоднократно встречающегося в тексте. По форме он весьма близок, как полагает Оттен, написанию того же древневавилонского знака (MDOG, 83, стр. 43).

⁷⁵ Некоторые исследователи даже высказывают сомнение, действительно ли эта идеограмма обозначала «скипетр». Например, Гютербок называет ее «каким-то предметом» (G ü t e r b o c k. Die historische Tradition..., стр. 143, прим. 2).

салась в виде GISPA; идеограмма DARA «горный козел», написание которой дано в KUB, XXVI, 71, 9 и KBo, III, 22, 62, по-разному; употребление идеограммы AZ в значении «дикий зверь» (в богазкёйском архиве только «медведь» ⁷⁶). Возможно, к ним относится и URU^{DIDLI} цеdа-(цеte-) ⁷⁷.

Таким образом, наличие в «Тексте Анитты» архаичных частиц, слов и некоторых выражений, а также отдельных графических своеобразий, правда, не так уж многочисленных, дает возможность отнести интересующий нас документ к периоду, более раннему, чем XIV—XIII вв. до н. э. Поэтому не должно вызывать сомнений, что он уже был составлен в эпоху «Древнего парства» 78. Этот вывод, возможно, подтверждается и тем, что в двух фрагментах табличек (KUB, XXXVI, 98b, обор. ст.; XXVI, 71), на которых дана концовка рассматриваемого нами текста, имеется начало надписи, составленной от имени одного из древнехеттских царей — Аммуны.

Однако, если допустить существование этого текста в эпоху Древнего царства, то возникает вопрос: дошел ли «Текст Анитты» до периода Древнего царства в виде хеттского оригинала или же был составлен по-хеттски в указанную эпоху?

Если предположить оформление текста по-хеттски в эпоху Древнего царства, тогда можно допустить, что он был составлен по-хеттски или на основе устных преданий, что является маловероятным ⁷⁹, или же был переведен на хеттский с оригинала, составленного на каком-то другом языке. При этом исключается возможность перевода на хеттский язык с текста, составленного первоначально на хаттском языке ⁸⁰, ибо в настоящее время нет данных об использовании этого языка письменно в начале II тыс. в городах Несе и Куссаре — основных областях неситских

⁷⁶ Friedrich, Hethitisches Keilschrift-Lesebuch, стр. 22, знак № 76.

⁷⁷ Не исключена возможность, что к таким архаичным явлениям относятся также своеобразная вступительная часть текста и написание ne-pí-iš-za-aš-ta.

⁷⁸ Поэтому нам кажется вполне приемлемым мнение Г. Оттена, который рассматривает язык интересующего нас текста как древнехеттский. Этот ученый считает его более ранним, чем язык хеттско-аккадской билингвы (НАВ) Хаттусили I (МООС, 83, стр. 43 сл.), а табличку, на которой написан текст КВо, III, 22 (=ВоТU, 7),— «древней» (O t t e n, Zur Kontinuität eines altanatolischen Kultes, стр. 180; по мнению Г. Оттена, фрагмент KUB, XXVI, 71 (=BoTU, 30) является «поздней копией» (там же). Г. Оттену принадлежит и мнение, что некоторые древнехеттские тексты дошли до нас в оригинале: MDOG, 86, прим. 2. См. также А. Каттепhuber, [рец. на кн.: KUB, XXXV и XXXVI], ZAss, 19 (53), 1959, стр. 316). Тут же заметим, что язык «Текста Анитты» выявляет сходство с языком хеттского варианта новонайденной билингвы Хаттусили I. Это видно из некоторых мест указанной надписи, приведенных Г. Гютербоком (Н. G. Güterbock, Sargon of Akkad Mentioned by Hattušili I of Hatti, JCS, XVIII, 1964, № 1, стр. 2 сл.). Здесь употреблены отдельные слова и предложения, которые встречаются и в «Тексте Анитты»: ne-pí-ša-aš DU-ni (=DIŠKUR-ni, ср. сткк. 2, 20 сл., 51 и 56), UR.MAH GIM-an (= UR.MAH-iš ma-a-an, стр. 26 надписи Анитты), lu-uk-ki-it (ср. стк. 69 «Текста Анитты»), nu I-NA URU[...] ра-a-un nu-mu LU.MES URU[...] za-ah-hi-ja me-na-ah-ha-an-d[a ú-e-]er (ср. стк. 64 слл. «Текста Анитты») и т. д.

⁷⁹ Совершенно невероятно предположение о возможности составления «Текста Анитты» на основе народной легенды (или эпоса) в период «Нового царства» (ср. В. L and sberger, Kommt Hattum «Hettiterland» und Hattī'um «Hettiter» in den Kültepe-Tafeln vor?, ArOr, XVIII, 1950, № 1/2, стр. 343, прим. 20; О. R. G urney, The Hittites, Harmondsworth, 1961, стр. 20. Однако Герни во введении этой книги (стр. XV), формулируя свое окончательное мнение, меняет свою точку зрения в пользу первоначального существования надписи на хеттском языке.

⁸⁰ Cp. K. Bittel, Hethiter und Proto-Hattier, «Historia», I, 1950, № 2, стр. 270, прим. 6. См. Güterbock, Die historische Tradition..., стр. 143, прим. 1.

племен 81 . Исключена также вероятность перевода на хеттский язык с текста, написанного первоначально на хеттско-пероглифическом языке 82 .

Существует ряд оснований для предположения, что «Текст Анитты» был переведен в период Древнего царства с оригинала, составленного на том языке и той формой клинописи, которые были широко распространены в Малой Азии во время царствования Анитты, т. е. с текста, составленного на староассирийском диалекте аккадского языка с «каппадокийской» письменностью 83. Одним из основных аргументов в пользу этого мнения является употребление самим Аниттой указанного диалекта аккадского языка и «каппадокийской» письменности при составлении нескольких текстов (см. ниже) 84.

Не лишено оснований и предположение, как это уже отмечалось в литературе, о возможности перевода «Текста Анитты» в древнехеттский период с древнеаккадского оригинала, составленного при Анитте ⁸⁵, хотя факты употребления древнеаккадского языка и письменности местными царями Анатолии интересующего нас времени пока еще не засвидетельствованы.

В то же время существование архаических черт в «Тексте Анитты» дает нам основание допустить составление этого документа на хеттском языке и в хеттской клинописи

⁸¹ Ср. предположения Дж. Мелларта (J. Mellaart, The End of the Early Bronze Age in Anatolia and Aegean, AJA, 62, 1958, № 1, стр. 13 слл.) и Т. Эзгюча (Т. Ö zgüç, An Assyrian Trading Outpost, «Scientific American», 208, 1963, № 2, стр. 96 слл.), которые полагают, что центральная Малая Азия начала II тыс. была населена хаттскими племенами. Приход сюда хеттов-неситов рассматривается ими как явление позднего (следовавшего за Аниттой) времени, что, по нашему мнению, является малоубедительным. В последние годы, как известно, все чаще выявляются факты, указывающие на наличие в Анатолии начала II тыс. индоевропейских — неситских племен (см. ниже). Этническая картина Малой Азии второй половины III тыс. и начала II тыс. по-другому представляется Г. А. Меликишвили — подробно см. Г. А. Мелик ишв и л и, Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии, ВДИ, 1965, № 1, стр. 3—30; о н ж е, К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, Тбилиси, 1965, стр. 141—191 (на груз. яз.).

⁶² G ü t e r b o c k, там же. Хотя, допуская такую возможность, Гютербок также отмечал, что поскольку существование иероглифов не находило подтверждения, вопрос оставался открытым (см. также G u r n e y, ук. соч., стр. 20). Как известно, в последнее время при раскопках в Кюль-тепе и других местах на отдельных предметах находят знаки, которые в ряде случаев можно рассматривать лишь как прототипы хеттских (лувийских) иероглифов. Таким образом, следует воздержаться от предположения о существовании хеттской иероглифической п и с ь м е н н о с т и в Кюль-тепе в начале П тыс. По Э. Лярошу, указанная письменность появляется у хеттов с середины П тыс. до н. э.— Е. L а г о с h е, Les hiéroglyphes hittites, I, P., 1960, стр. 247 слл. См. также К. R i e m s c h n e i d e r, [рец. на кн.: «Festschrift J. Friedrich»], ВіОг, 18, 1961, № 1/2, стр. 24; А. К а m m e n h u b e r, [рец. на ук. кн. Ляроша], Ог, 32, 1963, № 3, стр. 341; Иванов, Хеттский язык, стр. 45.

⁸³ B i t t e l, ук. соч., стр. 270, прим. 6. См. также A. K a m m e n h u b e r, «Saeculum», 9, стр. 144 и 147 слл. (эта работа осталась нам недоступной; ссылка дана по кн.: K a m m e n h u b e r, Hippologia Hethitica, стр. 28, прим. 109).

⁸⁴ Древнеассирийский диалект аккадского языка и каппадокийскую письменность, видимо, употребляли и другие правители Малой Азии, что подтверждается наличием письма царя страны Мама Анум-Хирби, адресованного к царю Канеса Варсаме, сыну Инары.

⁸⁵ Gurney, ук. соч., стр. 20; Bittel, ук. соч., стр. 270, прим. 6. По А. Камменхубер, «Текст Анитты» является «вероятно ранним древнехеттским переводом с аккадского оригинала» (Каттелhuber, Hippologia Hethitica, стр. 27 сл.).

еще при Анитте ⁸⁶. Лингвистический анализ некоторых засвидетельствованных в «каппадокийских» табличках слов и собственных имен местного (малоазийского) происхождения, подтверждая существование индоевропейских (*resp*. неситских) племен в центральной Малой Азии в начале II тыс. ⁸⁷, допускает предполагать и наличие в это время письменного хеттского языка, с чем хорошо согласуется также выдвинутое в литературе мнение о существовании у хеттов в начале II тысячелетия соответствующей клинописи ⁸⁸.

Этому предположению уже не мешает появление в тексте таких слов («железо, «лошадь»), наличие которых объяснялось раньше как результат составления интересующего нас документа в новохеттский период 89 , так как больше не оспаривается ни существование (метеоритного) железа 90 , ни наличие лошади 91 в Малой Азии начала II тыс. 92 .

- ⁸⁶ Otten, MDOG, 83, стр. 43 слл.; Гамкрелидзе, Клинописная система аккадско-хеттской группы..., стр. 15; он же, Передвижение согласных..., стр. 281 сл.; Кronasser, Zuheth. ešhar iya-..., стр. 280.
- 87 G о е t z e, Some Groups..., стр. 355 слл.; по происхождению и слово An itta(š) в научной литературе рассматривается как индоевропейское, производное от an(n)ija-«выполнять; совершать; исполнять», см. G о е t z e, там же. Вместе с тем обращает на себя внимание и индоевропейская этимология названия небесного бога бури (*Tarhuna, см. выше)—главного божества Анитты (и Питханы). Индоевропейским по происхождению является также большинство имен лиц, упомянутых в «каппадокийских» текстах (см. ниже) в связи с Аниттой; В i l g i g, ук. соч., стр. 34 слл.; А. К а m m e n h u b е г, Nominalkomposition in den altanatolischen Sprachen des 2. Jahrtausends, «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», 77, 1961, № 3/4, стр. 163 слл. и прим. 4; И в а н о в, Хеттский язык, стр. 12 слл.; G а г е l l i, Les assyriens en Cappadoce, стр. 133 сл.
- ⁸⁸ О происхождении хеттской клинописи подробно см. Гамкрелидзе, Клинописная система аккадско-хеттской группы..., стр. 9 слл.; он же, Передвижение согласных..., стр. 263 слл. (в этих трудах ссылки на литературу). Из новой литературы см. А. Goetze, [рец. на КВо, XI], JCS, 17, 1963, 2, стр. 61; Riemschneider, ук. соч., стр. 27; А. Катте nhuber, [рец. накн. É. Benveniste, Hittite et Indo-Européen], BiOr, XXI, № 3/4, 1964, стр. 202.
- 89 Landsberger, ук. соч., стр. 342, прим. 68; Gurney, ук. соч., стр. 20. 90 Этот металл (как полагают, метеоритный) был известен в Малой Азии не только в начале II тыс., но и раньше, к III тыс. Это подтверждается некоторыми предметами, найденными в результате археологических раскопок (Landsberger, ук. соч., стр. 332, прим. 14, пункт 1; там же литература. См. также Р. М. Абрамишвили, К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии, ВГМГ, XXII-В, 1961, стр. 335 сл.) и изготовленными с применением железа, а также составленными на хаттском языке текстами богазкейского архива, где неоднократно упоминается «железо» (hapalki — E. Laroche, Études de vocabulaire. VI, RHA, 15, 1957, № 60, crp. 9 слл.; Н. И., 1-е доп. См. также Иванов, Хеттский язык, стр. 19; И. М. Дунаевс к а я, Протохеттский именной суффикс косвенного дополнения, ВДИ, 1964, № 1, стр. 103). Обращает на себя внимание, что уже в хаттских текстах можно встретить упоминание предметов из железа, в том числе и таких крупных, как «железный очаг» (hapalkijan tetekuzzan — Дунаевская, там же). Ср. «трон» и «скипетр» надписи Анитты (И в а н о в, Хеттский язык, стр. 19). Во времена же «каппадокийских» табличек, особенно в период II слоя kārum Kaniš-, наличие железа подтверждается одним документом, в котором упоминается par-zi-lum (L a n d s b e r g e r, ук. соч., стр. 332, прим. 14, пункт 2; там же источник и литература). О существовании железа в Малой Азии II тыс. см. также K r o n a s s e r, ук. соч., стр. 280.
- 91 Goetze, Kleinasien, стр. 77 и прим. 6; Mellaart, The End of the Early Bronze Age..., стр. 13 и прим. 60; Kammenhuber, Hippologia Hethitica, стр. 13 и прим. 44—45; U.B. Alkım, Archäologischer Bericht aus Anatolien (1960), Or., 31, 1962, № 2, стр. 240.

 $^{^{\}mathfrak{c}_2}$ Возможно, это касается и боевой колесницы, см. M e l l a a r t, The End of the

Вместе с тем, некоторые места текста, например, указание на помещение надписи на воротах и ее неприкосновенность, употребление формулы проклятий в отношении тех, кто вновь заселит разрушенный город врага, повествование о строительной деятельности, нельзя рассматривать как бесспорный признак позднего составления текста только потому, что они характерны преимущественно для письменных памятников позднего времени. Как уже отмечалось в специальной литературе, месопотамский обычай помещения надписи («таблички») на зданиях должен был быть известен уже ко времени Анитты (Кгопаsser, ук. соч., стр. 280), а повествование о строительной деятельности царя может быть заимствованием из староассирийских надписей ⁹³. Употребление формулы проклятия, если судить по засвидетельствованному в отношении Хаттусы примеру, относится, несомненно, к раннему периоду, ибо факт разрушения этого города и запрет его восстановления явно не согласуется с представлениями хеттов поздней эпохи ⁹⁴.

Особая литературная форма текста также не может быть отнесена к позднему периоду. После того как в Богазкёе была обнаружена (в 1957 г.) новая двуязычная надпись Хаттусили I, составленная в стиле описания царской деятельности и в аналистической форме 95, появились известные основания для утверждения, что тот же стиль и форма повествования 96 могли существовать и в период, предшествовавший Древнехеттскому царству.

Однако, несмотря на все сказанное, выдвинутые выше вопросы все же остаются открытыми, так как имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают возможности с полной убедительностью их решать. В данный момент мы с полным правом можем говорить, что «Текст Анитты», существование которого в период Древнего царства трудно отрицать, был составлен еще при Анитте ⁹⁷ либо на староассирийском диалекте «каппадокийской» письменностью, либо на древнеаккадском языке этим же письмом (лишь при таких предположениях можно допустить, что текст Анитты представляет собой перевод на хеттский язык, сделанный в период Древнего царства), или же на хеттском языке с применением той (хеттской) клинописи, источник которой восходит, как полагает Т. В. Гамкрелидзе, к древнеаккадской. В последнем случае допустимо полагать, что «Текст Анитты» представляет собой редакцию этого первоначального текста в древнехеттском периоде.

Дошедшие до времен Нового царства три таблички «Текста Анитты» (см. выше), видимо, являются или древнехеттскими оригиналами (во всяком случае одна из них, KBo, III, 22), или переписанными в эту эпоху с древнехеттского оригинала копиями, сохранившими ряд архаических форм языка и письменности.

Пока мы все еще не располагаем прямыми и неоспоримыми данными, позволяющими точно установить хронологические рамки событий, описанных в «Тексте Анитты».

Early Bronze Age..., стр. 13. Не вызывает сомнения существование боевой (конной) колесницы в период Древнехеттского царства (см. K a m m e n h u b e r, Hippologia Hethitica, стр. 10 слл., 27 сл.).

⁹³ Güterbock, Die historische Tradition..., crp. 142.

⁹⁴ Güterbock, Die historische Tradition..., стр. 144 сл.

⁹⁵ Otten, MDOG, 91, 1958, crp. 84; Güterbock, Sargon of Akkad..., crp. 5.

⁹⁶ В течение одного года Анитта должен был совершить то, что описано в сткк. 10—29. Сткк. 30—63 посвящены действиям Анитты, в лучшем случае, за два года. Сткк. 64—79 рассказывают о том, что совершил Анитта в течение еще одного года. События, описанные в тексте, видимо, перечислены по хронологическому принципу, однако не по твердой последовательности годов. Трудно поверить, что Анитте удалось осуществить столь крупные завоевания в самом начале его царской деятельности, в течение трех (возможно четырех) лет.

⁹⁷ Оригинал интересующего нас документа, в котором повествуется о деятельности Анитты с первых годов его царствования (со стк. 10) до покорения Пурусханды, был составлен, видимо, после завоевания им этого города. Поэтому дальнейшая, резонно предполагаемая деятельность Анитты не могла отразиться в надписи.

Здесь не оказывают существенной помощи ни «каппадокийские» таблички из Алишар-Хююка, в которых упоминается имя Анитты ⁹⁸, ни археологические материалы, выявленные вместе с этими надписями в слое 10Т Алишара. Как известно, документы из Алишара все еще не находят своего точного места среди «каппадокийских» табличек из Кюль-тепе, которые хронологически распределяются в течение полутора веков ⁹⁹. Правда, сопоставление материалов Алишара (10Т) и Кюль-тепе (II и Ib kārum'a) позволяет воссоздать сравнительно определенную картину, но это обстоятельство не может считаться решающим для определения синхронных явлений указанных районов Малой Азии до тех пор, пока нет опоры в письменных источниках.

Интересующая нас проблема, которая до сих пор лишь вскользь затрагивалась в научной литературе ¹⁰⁰, непосредственно связана с решением целого круга вопросов истории Малой Азии II тыс. до н. э. Особое значение придается установлению взаимосвязи между обнаруженными в Кюль-тепе, Алишаре и Богазкёе «каппадокийскими» табличками и археологическими материалами из тех же трех географических пунктов. Вопрос о времени Анитты и осуществленных им завоеваниях можно решать различно, в зависимости от того, к какому периоду будет отнесена отраженная в «каппадокийских» табличках из Алишара эпоха: тому, который описан «каппадокийскими» табличками из слоя II Кюль-тепе kārum'a, или периоду, о котором сообщают письменные источники из слоя Кюль-тепе Ів. Именно этим объясняется то, что, по мнению Ю. Леви, предполагающего связь табличек из Алишара (как и из Богазкёя) с надписями из слоя II kārum'a Кюль-тепе 101, Анитту следует рассматривать как современника ассирийских купцов табличек этого же слоя, например Пушукена, который вел свои торговые дела во времена Саргона I Ассирийского 102. А так как по предположению большинства исследователей «каппадокийские» таблички из Алищара (а также из Богазкёя) вместе с соответствующими археологическими слоями (Алишар 10T, Богазкёй IVd и kārum Hattuš) имеют много общего с надписями и слоем kārum Ib в Кюль-тепе, то Анитту и время его завоевательных походов следует связывать с периодом, отраженным в этом последнем археологическом слое и найденными здесь надписями 103, т. е. по месопотамской относительной хронологии — с периодом, охватывающим приблизительно царствование наследника Шамши-Адада I — Ишмедагана I и Хаммураби Вавилонского 104.

⁹⁸ TCL, XXI, 214 (месте с Питханой); I. J. Gelb, Inscriptions from Alishar and Vicinity, Chicago, 1935, надписи №№ 1 и 49 (А и В); Т. Ö z g ü ç, The Dagger of Anitta, Bell., 20, 1956, № 77, стр. 33 сл.

⁹⁹ Продолжительность слоя II kārum'a Каниша определяется специалистами 80—100 годами, а слоя I b — приблизительно 50 годами — B a l k a n, Observations..., стр. 46; J. M e l l a a r t, Anatolian Chronology in the Early and Middle Bronze Age, AnSt, 7, 1957, стр. 56 сл., стр. 63; L. M a t o u š, [рец. на кн. B a l k a n, Observations...], OLZ, 53, 1958, № 7/8, стр. 351; Özgüç, Kültepe-Kaniş, стр. XX.

¹⁰⁰ См. по этому вопросу специальное исследование: J. L e w y, La chronologie de Bithāna et d'Anitta de Kuššara, RHA, V, 1934, № 17, стр. 1—8. Ссылки на другие работы, в которых коротко говорится о времени царствования Анитты и его завоеваний, даны ниже.

 $^{^{101}}$ L e w y, Apropos..., стр. 45—23. См. также G a r e l l i, Les assyriens..., стр. 63 слл.

¹⁰² Lewy, Apropos..., стр. 20 и прим. 5; Garelli, Les assyriens..., стр. 34 слл. и стр. 76. По так называемой «высокой» хронологии Саргон I Ассирийский жил приблизительно в конце XX — в начале XIX в. (исходя из дат Балкана — В alkan, Observations..., стр. 58 слл.). П. Гарелли относит его царствование к первой половине XIX в. (Garelli, Les assyriens..., стр. 79).

 $^{^{103}}$ Сторонниками этого предположения являются К. Балкан, Дж. Мелларт, Г. Оттен, Т. Эзгюч, К. Биттель, А. Гетце.

¹⁰⁴ По «высокой» хронологии правление Шамши-Адада I определяется как 1852—1819 гг., а правление Хаммураби—1830—1788 гг. (по К. Балкану) или 1848—1806 гг. Согласно «низкой» хронологии Шамши-Адад I правил приблизительно в 1750—1717 гг.

Сейчас уже с уверенностью можно утверждать, что синхронными являются начальная фаза Алишара 10Т, в которой были найдены составленные от имени Анитты надписи 105, и та фаза II слоя холма Кюль-тепе (расположенного в нескольких сотнях метров от kārum'a), в здании которой был обнаружен кинжал с надписью: É. GAL A-ni-ta ru-ba-im «(собственность) дворца Аниты, царя» 106. Эти два археологических объекта связываются друг с другом одним общим показателем — упоминанием имени Анитты, что является достаточным основанием для допущения такого синхронизма. Однако, так как еще не удается с полной ясностью установить синхронность упомянутой выше фазы II слоя холма Кюль-тепе (как и слоя 10Т Алишара) с разными слоями kārum'a 107, указанный факт также не может быть использован для абсолютной хронологии.

Сопоставление данных надписи на кинжале из холма Кюль-тепе с надписями из Алишара (№№ 1 и 49) показывает, что надпись на кинжале, составленная в период, когда Анитта был гиба ит ом, действительно относится к тому же периоду, что и надпись Gelb, № 1, где Анитта выступает с тем же царским титулом. Таким образом, эти две надписи, из содержания которых с точки зрения хронологии нельзя сделать далеко идущих выводов, относятся к начальному периоду царствования Анитты.

Так как данные о последующем периоде царствования Анитты сохранились в тех же надписях из Алишара, а именно в тексте № 49 (А и В), где этот царь носит уже титул «великого царя» (гиба um rabī um; ср. стк. 41 «Текста Анитты»), то можно допустить, что весь период царствования Анитты, который не должен превышать 40 лет, в основном совпадает с тем периодом, который отражен в «каппадокийских» табличках из Алишара начальной фазы слоя 10Т (а значит, и с интересующей нас фазой II слоя колма Кюль-тепе).

Относительно же периода, отраженного в этих табличках, можно сказать следующее. Легко заметить, что личности, упоминаемые в табличках из Алишара, могут быть

а Хаммураби — в 1728—1686 гг. См. К. В i t t e l, Ausgrabungen in Boğazköy, в кн.: «Neue deutsche Ausgrabungen im Mittelmeergebiet und im Vorderen Orient», В., 1959, стр. 99 и прим. 15 (время правления Хаммураби по «средней» хронологии — 1792—1750 гг.). Работа Г. Оттена относительно хронологических проблем, опубликованная в MDOG, 89, 1957, стр. 68 слл., осталась нам недоступной. А. Гетце время Анитты и его завоеваний относит к последующему за Шамши-Ададом I периоду: А. G o e t z e, Hittie and Anatolian Studies, в кн. «The Bible and the Ancient Near East. Essays in Honor of W. F. Albright», L., 1961, стр. 320, прим. 37.

¹⁰⁵ Если они действительно относятся к слою 10Т Алишара. Надпись Gelb, № 1 найдена на участке НН 9 слоя 10Т, но здесь издатель ее И. Гельб ставит вопросительный знак; а слой, в котором обнаружена надпись Gelb, № 49(А и В), вообще не указан И. Гельбом, который отмечает только участок находки: SO. Однако это, видимо, не должно указывать на то, что надписи Анитты нельзя рассматривать в связи с остальными табличками слоя 10Т. Так как надпись № 1, которую трудно отнести к раннему—11Т слою, в той или иной степени можно связывать со слоем 10Т, то табличку № 49 следует отнести к этому же слою. Появление их в разных археологических участках можно рассматривать как признак принадлежности этих двух надписей к двум разным периодам, отраженным в табличках из Алишара слоя 10Т. Связанные с Аниттой хронологические вопросы будут освещены в совершенно другом аспекте, если выяснится, что надписи № 1 и № 49 к слою 10Т не принадлежат.

¹⁰⁶ Özgüç, The Dagger of Anitta, стр. 33 слл., табл. 1—5. См. также Balkan, Observations..., стр. 78, табл. 12; Mellaart, The End of the Early Bronze Age..., стр. 59; Lewy, Apropos..., стр. 15, прим. 4.

¹⁰⁷ Археологи полагают, что весь II слой холма Кюль-тепе охватывает периоды II и I в слоев kārum'a Каниша (см. U. B. A l k i m, Archäologischer Bericht aus Anatolien (1961), Or, 32, 1963, № 1, стр. 72). По Т. Эзгючу, нет существенных различий между археологическими материалами kārum I в Kaniš'a и того здания II слоя холма, в котором обнаружен кинжал с надписью (Ö z g ü ç, Kültepe-Kaniş, стр. XXI).

объединены в две группы. В и е р в у ю группу входят: один из кущов города, расположенного на месте современного Алишара, Иди-Кубум, тот же Иди-Кубум, сын Уцурша-Ашшура, и все связанные с ним лица, названные в табличках, обнаруженных на участке Р 27 слоя 10Т (всего 14 надписей). Так как не приходится сомневаться в том, что все найденные на участке Р 27 таблички относятся к одному и тому же периоду, то несомненно, что в эту группу входят как лица, упоминаемые в надписях вместе с Иди-Кубумом 108, так и те, которые встречаются в надписях, не упоминающих его 109, будь это купец или его агент 110, партнеры отдельных купцов, эпонимы 111, гиба иш 112 или другие.

Вторую группу людей составляют еще один из купцов интересующего нас города — Наби-Энлиль — и упомянутые рядом с ним лица, имена которых встречаем на табличках, найденных на участке М 33 слоя 10Т (всего — 24 таблички). По аналогии с вышеотмеченным, в эту группу людей должны входить как лица, упомянутые вместе с Наби-Энлилем 113, так и те, которые не названы вместе с этим последним 114: купцы или их агенты 115, партнеры купцов 116, царица, rabi simmiltim и др. 117.

¹⁰⁸ Gelb, №№ 9, 12, 16, 17, 20, 30, 39, 40, 43 n 45.

¹⁰⁹ Gelb, №№ 8, 22, 27 m 29.

¹¹⁰ Например, Атата (№ 8), Енлил-Нацир (№ 9), Зугалиа (№ 17) и др.

¹¹¹ Интересно заметить, что из пяти упомянутых в табличках Алишара эпонимов четыре относятся к периоду Иди-Кубума: Хананарум (№ 8), Риш-[Адад], сын Анупишы (№ 20), Адад-Бани (№ 29) и Икупиа, сын Шаллим-Ашшура (№ 39). Не ясно, к какой группе людей следует отнести пятого эпонима — Зиза, сына Абенары (№ 18 А и В) (см. ниже). О каких-то эпонимах речь идет и в Gelb, № 12, стк. 21 и № 17, стк. x+14 (из архива Иди-Кубума), хотя ввиду поврежденности табличек нельзя установить, следует ли различать их от вышеназванных эпонимов.

¹¹² Существование какого-то rubā'um'а в период Иди-Кубума не вызывает сомнения. О нем речь идет в Gelb, № 17, где упомянут и Иди-Кубум. В этой надписи фигурирует также группа купцов (по тексту: «мы»), которая обращается к одному купцу (по надписи «он»). Из этого документа не ясно, правителем какого города является указанный rubā'um. Однако следует принять во внимание, что Иди-Кубум и упомянутые в этой надписи купцы всдут свои торговые дела в городе, расположенном на месте современного Алишара. Так как один из этих купцов посылает к данному rubā'um'у своего человека Зугалию для урегулирования какого-то спорного дела, в котором замешан, видимо, и Иди-Кубум, то интересующего нас rubā'um'а следует рассматривать как правителя именно указанного города.

 $^{^{113}}$ Наби-Энлиль упоминается всего в шести табличках участка М 33 слоя 10Т: Gelb, №№ 5, 6, 15, 19, 35 и 47.

¹¹⁴ Интересующий нас купец не упомянут в следующих табличках, найденных на участке М 33: Gelb, №№ 11, 13, 14, 21, 23, 25, 28, 31, 32, 34, 36—38, 41, 42, 44, 46 и 48.

 ¹¹⁵ Энна-Ашшур (№№ 5 и 6; ср. № 36), Гадгали (№ 5), Зура (№ 6) и др.
 116 Хаттушиль (№ 14), Гариа, Химали[а, сын] Белбези, Зузу(р)бан (№ 19) и др.

¹¹⁷ Упомянутая в Gelb, № 5 «царица» (гиватит), согласно надписи, должна была решить вопрос об освобождении или выкупе людей ђавіги. Так как подобные дела решались обычно гива ит аки, то данный факт как будто указывает на отсутствие в это время гива ит а города, расположенного на месте Алишара (о царице и ее роли времен «каппадокийских» табличек см. G a r e l l i, Les assyriens..., стр. 73, 186, 206, 326 и 341). Названный вместе с царицей rabi si[mmiltim], возможно, тот же самый гаві si [mmiltim], которого видим в надписи № 46 (стк. х + 4) из архива Наби-Энлиля. Упомянутый в № 5 ēkallum «дворец», естественно, находился в том же городе, где проживали царица, гаві si [mmiltim] и Наби-Энлиль, которому посылает письмо (=Gelb, № 5) купец Энна-Ашшур, т. е. в городе, расположенном на месте совр. Алишара. Исходя из контекста, его нельзя отождествить с упомянутыми в этой же надписи пунктами: Залной и Шалахшувой. Однако он не может быть и Куссарой (или Несой), которой в это

Четко различая эти две группы людей, следует выяснить, жили ли они в один и тот же период. Ряд данных как будто подтверждает такое предположение ¹¹⁸. Однако факты, согласно которым при Иди-Кубуме (по надписи № 17) во главе города, находившегося на месте Алишара, стоит какой-то rubā'um (к которому обращается купец по одному спорному делу), а при Наби-Энлиле в том же городе правит царица, которая вместе с rabi si[mmiltim] должна была решить вопрос об освобождении или выкупе людей ђаbiru, как будто должны говорить в пользу допущения двух различных этапов периода, отраженного в табличках из Алишара.

Отмеченные выше факты, возможно, свидетельствуют, что в период табличек слоя 10Т Алишара жили в основном два поколения купцов, которые занимались торговлей во время двух разных правителей царства. Этот период не должен превышать 50—60 лет.

И в табличках, которые происходят не из участков Р 27 и М 33 слоя 10Т (таковых всего 14), по всей вероятности, не должна быть отражена какая-либо другая эпоха. Их также следует отнести к отраженному в табличках с этих двух участков периоду, так как 12 из них действительно происходят из слоя $10T^{119}$, а надписи Анитты № 1 и 49 (А и В) должны быть отнесены к тому же слою (см. выше) 120 .

К совершенно другому периоду относится лишь одна табличка — Gelb, $\mathbb N$ 3, которая несомненно происходит из слоя 11Т Алишара, предшествовавшего слою 10Т.

В связи с периодом, отраженным в табличках слоя 10Т Алишара, нельзя вкратце не рассмотреть и «каппадокийские» надписи из Богазкёя.

Нам кажется убедительным предположение археологов, что раскопанные в Богазкёе объекты — Бююккале IVd и расположенный в 140 м от него kārum Hattuš, в которых были обнаружены «каппадокийские» таблички, являются синхронными началу слоя 10Т Алишара ¹²¹ (а значит, и отмеченной выше фазе II слоя холма Кюль-тепе). Поэтому представляется также убедительным мнение относительно синхронности алишарских и богазкёйских табличек ¹²². Это подкрепляется предположением об отождествлении упомянутого в связи с Наби-Энлилем купца Даа (Gelb, № 15), который, согласно этой же надписи, действовал в городе Хаттуш (=Хаттуса), с купцом Даа (тот же Даа, сын Или-Бани) «каппадокийских» табличек Богазкёя (КВо, IX, 3—11) ¹²³, и тождеством связанного с Иди-Кубумом купца Шамаш-Таклаку (Gelb, № 30), кото-

время правил Анитта. Поэтому совершенно допустимо, как полагают некоторые исследователи (Балкан, Гарелли и др.), видеть в Алишаре Амкуву.

¹¹⁸ В надписях из участков М 33 и Р 27, правда, встречаются одни и те же имена (Абу-Шаллим, Пирува), однако ввиду распространенности таких имен трудно доказать идентичность лиц, их носящих. Ср. также А-ku-¹ú-а¹ надписи Gelb, № 43 и А-ku-ua текста № 1; Гар[иа] надписи № 20 и Гариа таблички № 19 (А и В).

 $^{^{119}}$ № 2 (участок R 29), 4 (V 24), 7 (M 34), 10 (Q 30), 18 (A и B, Q 30), 24 (S 27), 26 (M 34), 33 (U 31), 50 (DD 25), 51 (S 21), 52 (DD 25), 53 (P 26).

¹²⁰ Допустимо также, что Gelb, № 53 относится к периоду Иди-Кубума, если упоминаемый в ней ^гНа-аг¹-ba-ti-ца, являвшийся, согласно И. Гельбу, местным правителем, действительно тот же rubā'um, о котором говорится в тексте № 17.

¹²¹ Özgüç, Kültepe-Kaniş, стр. XIX. Там же литература.

¹²² Указанного мнения придерживается большинство специалистов (в том числе и Ю. Леви). Из 50 известных до сих пор «каппадокийских» табличек 40 изданы Г. Оттеном: КВо, ІХ, В., 1957, №№ 1—40. Относительно этих текстов см. также О t t e n, MDOG, 89, стр. 68 слл. (ссылка по указанной выше работе К. Биттеля); Н. Е. Н i r s c h, [рец. на кн. КВо, ІХ], ZAss, 19 (53), 1959, стр. 310 слл.

¹²³ В а l k а n, Anum-Hirbi, стр. 67 и прим. 96 (там же ссылки на Г. Оттена: MDOG, 87, 1954, стр. 24 и MDOG, 89, стр. 69 слл.). Ср. G а r е l l i, ук. соч., стр. 59. Тот факт, что Даа в Gelb, № 15 не назван по отчеству, не препятствует его тождественности с Даа, сыном Или-Бани из Богазкёя: в самих богазкёйских табличках он чаще упоминается без отчества (КВо, IX, 5,4; 6,1; 8,1; 9,1; 10,5; 11,1), хотя нет никаких сомнений, что это тот же самый Даа, сын Или-Бани (КВо, IX, 3, 4, сл.; 4, 5).

рый вел торговые дела, по данному же тексту, также в городе Хаттуш, с Шамаш-Таклаку надписей из Богазкёя (КВо, IX, 26-27) 124 .

Исходя из указанного, можно допустить, что большинство табличек из Богазкёя отражает период, когда жили современные Наби-Энлилю и Иди-Кубуму два поколения купцов. Первому поколению принадлежали Даа, сын Или-Бани, и связанные с ним лица тех надписей, в которых упоминается имя этого купца ¹²⁵. Возможно, к тому же поколению относятся и лица, не упомянутые вместе с Даа, однако выступающие в надписях, найденных на том же участке, что и таблички Даа ¹²⁶.

Другое поколение купцов Богазкёя должно быть представлено Шамаш-Таклаку, которому принадлежат две таблички (КВо, IX, 26 и 27) с участка J-20. Допустимо думать, что к периоду этого поколения относятся и другие таблички, которые не упоминают Шамаш-Таклаку, но обнаружены на том же участке, что и тексты № 26 и 27 ¹²⁷.

Вполне допустимо, что те «каппадокниские» таблички, которые происходят с других участков ¹²⁸, относятся к более раннему нериоду, чем эпоха Даа и Шамаш-Таклаку.

Таким образом, все отмеченное приводит нас к выводу, что если царствование Анитты совпадает с периодом, который отражен в табличках из слоя 10Т Алишара, то оно должно совпадать и с соответствующим периодом, отраженным в богазкёйских табличках. Однако легко заметить, что «каппадокийские» таблички из Алишара и Богазкёя дают лишь самое общее представление о периоде, отраженном в них. В этих документах трудно найти факты, которые позволили бы установить, в какой хронологической связи находятся интересующие нас события с «каппадокийскими» табличками из слоев II и I в kārum'а Кюль-тепе. Выяснение такой связи в свою очередь способствовало бы установлению синхронизмов с соответствующими периодами истории Ассирии и Вавилонии.

Если некоторые конкретные факты, особенно приведенные у Ю. Леви ¹²⁹, как будто говорят о взаимосвязи надписей из Алишара и Богазкёя с табличками из II слоя Кюль-тепе, то ряд обстоятельств общего характера затрудняют такое предположение.

Установить надежную связь алишарских и богазкёйских табличек с начальным периодом, отраженным в табличках из II слоя kārum'a Кюль-тепе, пока все же не удается. Доказательством этого является то, что такие лица надписей Алишара и Богазкёя, как Анитта и связанные с ним лица 130, ведущие купцы или их агенты и партнеры

¹²⁴ В a l k a n, Anum-Hirbi, стр. 69 (там же литература).

¹²⁵ Таблички купца Даа обнаружены на следующих участках: L-18 (КВо, IX, 3), K-20 (там же, № 4, 6, 7), I-20 (там же, № 9), J-21 (№ 10) и I-19 (№ 11). В этих текстах упоминаются: Шулмум-Дамик (№ 4), Кура, Зики, Ада (№ 6), Варад-Куби, Элали (№ 8), Манукиа (№ 9), Тариша — супруга Даа (№ 10), эпонимы Заа (№ 3) и Пилах-Зуин, сын Икунума (№ 4).

¹²⁶ Например, на участке K-20 найдены таблички №№ 15—18 и 21; на I-20—№ 22, на J-21—№№ 29,31—33 и 40. Таким образом, упомянутый в надписи № 40 (стк. 17 сл.) эпоним Эннам-Ашшур, сын Ашшур-Таклаку, является современником Даа.

¹²⁷ На участке J-20 обнаружены таблички №№ 12, 23—25, 30, 34 и 36—39. Современниками Шамаш-Таклаку являются эпонимы Зазапум, сын Ашшур-Малика (№ 27), и Дутана (М a t o u š, ук. соч., стр. 346: Du-NI-ia), сын Уцур-пии (№ 37).

¹²⁸ №№ 13, 14, 19, 20, 28 и 35. В надписи № 20 упоминаются эпонимы Эдинум, сын Бе[...]ти (сткк. 10 сл.), и Дадиа, сын Иди-Зуина (сткк. 26 сл.).

¹²⁹ См. Lewy, Apropos..., стр. 18 сл. и 21 сл. См. также Garelli, Les assyriens..., стр. 58 слл. К критике предположений Ю. Леви см. Оtten, MDOG, 89, стр. 68 слл. (по Goetze, Hittite and Anatolian Studies, стр. 320, прим. 36); Mellaart, Anatolian Chronology..., стр. 87 сл.

¹³⁰ По Gelb № 1 и № 49: Акува, Гарунува, Хани, Хашува, сын Инара, Харшумалка, Шупунуман, Ианика, Зума, Илалиелка, Пирува младший, Хабувала габū purulum, Шупунахшу, Пирува габі simmiltim, [-]шагарнат, Зумалиа. Невозможно определить, является ли одним и тем же лицом «человек (из) города Пурусханда» надписи Анитты и rubā'um rabī'um этого же города, который упомянут в документах II слоя

(см. выше), часть которых занималась торговлей в Канесе и других районах Малой Азии, эпонимы (см. выше) и т. д., общее число которых достигает нескольких десятков, неупоминаются в многочисленных документах II слоя kārum'а Кюль-тепе периода Пушукена ¹³¹. В них не встречается и имя Питханы и связанных с ним лиц (правда, немногочисленных) ¹³². Все это ставит под сомнение возможность связать эпоху Анитты с периодом Пушукена.

Исходя из этих общих соображений, царствование Анитты может быть отнесено либо к заключительному периоду II слоя kārum'a Кюль-тепе ¹³³, либо же к слою Ib, т.е. к тем периодам, когда в kārum'e Канеса совершались торговые операции. Одновременно с этим исключается возможность связать период Анитты с «переходным» (от слоя II к Ib) слоем Кюль-тепе ¹³⁴, если, конечно, верно утверждение археологов о незаселенности kārum'a Канеса в период указанного слоя, так как согласно «каппадокнйским» табличкам из Алишара и Богазкёя с торговой колонией Канеса (а также Хаттусы) поддерживалась активная деловая связь ¹³⁵.

Однако, так как перечисленные выше личности не встречаются и в остальных документах II слоя, то трудно связывать периоды табличек из Алишара и Богазкёя (а значит, и эпоху Анитты) с заключительной фазой указанного слоя Кюль-тепе, тем более, что археологи вообще не связывают начальную фазу слоя 10Т Алишара и IVd слой Богазкёя со II слоем kārum Kaniš, синхронным которого они считают слой 11Т Алишара ¹³⁶.

Пока лишь эти соображения могут служить основным аргументом для предположения, что период табличек из Алишара и Богазкёя (а следовательно, и эпоху Анитты) следует связывать с периодом слоя Іb Кюль-тепе ¹⁸⁷. Некоторые приведенные в ли-

Кюль-тепе. Выяснение данного вопроса пролило бы свет и на другие проблемы хронологического характера.

 $^{^{131}}$ За исключением нескольких фактов (см. у Леви), правдоподобность которых все еще нельзя пока признать.

¹³² TCL, XXI, 214: Никилит, Шашалика, Пирува — жрец Адада G/Karutum'a, Елали[..] «главный плотников», Шухурпиа, жрец Адада, Хадуваншатум, Шилиара (см. G a r e l l i, Les assyriens..., стр. 68, прим. 2). Относительно этого документа см. также B a l k a n, Anum-Hirbi, стр. 49 сл.

¹³³ Когда в Ассирии царствовал Пузур-Ашшур II (сын Саргона I), который упоминается в Gelb, № 58, стк. 24. К. Балкан полагает, что II слой kārum Kaniš'a был разрушен во время царствования Пузур-Ашшура II (Ваlkап, Observations..., стр. 58 сл.). По П. Гарелли (Garelli, Les assyriens..., стр. 79), это случилось при Еришуме II (приблизительно 1820 г.). Во всяком случае, не должно вызывать сомнений, что II слой Кюль-тепе не охватывает период царствования Шамши-Адада I. О последовательности древнеассирийских царей см. I. Gelb, Two Assyrian King Lists, JNES, XIII, 1954, стр. 224.

¹³⁴ К. Балкан полагает, что этот пернод продолжался 30—40 лет (В a 1 k a n, Observations..., стр. 60; о н ж e, Anum-Hirbi, стр. 52). По Дж. Мелларту, «переходный» слой длился 50 лет (М e 1 l a a r t, The End..., стр. 63), а по Ю. Леви (L e w y, Apropos..., стр. 27, прим. 2 и стр. 32 слл.) и Т. Эзгючу — 80 лет, в чем сомневается Р. Опифициус (В. О р і f і с і и s, [рец. на кн. Т. Ö z g ü ç, Kültepe-Kaniş], ОLZ, 57, 1962, № 11/12, стр. 601 слл.); по указанной работе Т. Эзгюча «An Assyrian Trading Outpost», стр. 101 — «переходный слой» продолжался 30—60 лет.

¹³⁵ Gelb, \mathbb{N} 12, 1; 13, x + 6; x + 18; 15, 26; 36, x + 4; 46B, x + 4. KBo, IX, 40, 3.

¹³⁶ Mellaart, The End..., crp. 63; Özgüç, Kültepe-Kaniş, crp. 100.

¹³⁷ Этот период продолжался, по К. Балкану, 20 лет (Balkan, Anum-Hirbi, стр. 52), по Т. Эзгючу — 40—50 (Özgüç, Kültepe-Kaniş, стр. XIX), а по Дж. Мелларту (Mellaart, The End..., стр. 63) и К. Биттелю — 50 (Bittel, ук. соч. стр. 95).

тературе конкретные примеры ¹³⁸, согласно которым предполагается совпадение отраженного в табличках из Алишара и Богазкёя времени с заключительным периодом активности ассирийских торговых колоний в Малой Азии, конечно, заслуживают внимания. Однако и они лишены достаточной убедительности ¹³⁹. Из них наиболее приемлемым кажется нам лишь предположение о тождественности Даа (он же Даа, сын ИлиБани) богазкёйских и алишарских документов с Даа, возможно, сыном Или-Бани, надписей Іb kārum Kaniš. Но и здесь имеются известные сомнения при комбинировании данных табличек kt b/k 26 и b/k 22.

Единственным конкретным указанием, дающим возможность связывать царствование Анитты (или же время составления табличек из Алишара и Богазкёя) с периодом слоя Ів Кюль-тепе, является появление имени Анитты (о чем сообщает М. Меллинк ¹⁴⁰) в одной из недавно (в 1962 г.) найденных в слое Ів «каппадокийских» табличек.

Однако пока этот документ не опубликован, естественно, невозможно делать твердых выводов. На фоне имеющихся в нашем распоряжении данных знаменателен лишь тот факт, что имя Анитты, которое нигде не встречается в текстах II слоя Кюль-тепе, упоминается в надписи именно из слоя Ib. Это указание, которое хорошо согласуется с мнением, высказанным археологами о синхронности слоев Алишара 10Т (начальной фазы), Богазкёя IVd и Кюль-тепе Ib 141, может стать аргументом в пользу предположения, что царствование Анитты относится к заключительному периоду существования ассирийских торговых колоний в Малой Азии.

Если верно мнение ¹⁴², согласно которому разрушение Хаттусы Аниттой следует связывать с одновременным сожжением и разрушением крепости Богазкёя IVd (Бююк-кале) и «внутреннего города» (kārum'a), то это также свидетельствовало бы в пользу нашего предположения. После этого торговая деятельность ассирийских кущов в данной местности либо совершенно должна была прекратиться, либо сильно ослабеть. Возможно, та же участь постигла и цаватtum'ов (циватtum) Валамы (Улламмы), Залпы (Цалпы/Цалпувы?), Шалатуары (Салативары) и kārum'а Залпы ¹⁴³ после походов Анитты в эти города ¹⁴⁴. Все это не могло не ослабить активности ассирийских купцов в Малой Азии, что в конечном счете также могло привести к полному прекращению их деятельности в Анатолии. А это вновь указывает на заключительный период деятельности ассирийских купцов, который действительно совпадает с концом слоя Ib kārum Kaniš.

Если в дальнейшем подтвердится правильность данного предположения, а также окончательно будет отвергнута гипотеза об идентичности Несы и Канеса, то можно будет допустить, что и Іb слой (и соответствующая фаза холма Кюль-тепе) был разрушен Аниттой. Он мог бы это сделать лишь после покорения им Пурусханды, т. е. после составления «Текста Анитты» (см. выше), ввиду чего данное явление не могло отразиться в интересующей нас надписи.

Г. Г. Гиоргадзе

¹³⁸ Принято считать одним и тем же лицом: Даа (он же Даа, сын Или-Бани) надписей из Алишара и Богазкёя и Даа (возможно, сын Или-Бани) табличек слоя І в kārum'а Кюль-тепе; эпонима богазкёйских табличек Эннам-Ашшура, сына Ашшур-Таклаку, и эпонима надписей Мари Эннам-Ашшура (без отчества); эпонима табличек из Алишара Икупию, сына Шаллим-Ашшура, и эпонима текстов из Мари Икупию (без отчества); эпонима текста Gelb, 29, Адад-Бани и эпонима надписей Мари и Чагар-Пазара Адад-Бани (однако ср. Адад-Бани II слоя Кюль-тепе) и т. д.

¹³⁹ См. Маtouš, ук. соч., стр. 345 сл.; Garelli, Les assyriens..., стр. 58 слл. 140 М. Меllink, Archaeology in Asia Minor, AJA, 67, 1963, № 2, стр. 175.

¹⁴¹ Подробно см. Özgüç, Kültepe-Kaniş, стр. XXI.

¹⁴² Bittel, ук. соч., стр. 99; Özgüç, Kültepe-Kaniş, стр. ХХ. См. также Mellaart, The End..., стр. 60.

¹⁴³ О существовании их свидетельствуют таблички II слоя Кюль-тепе—См. На r-d y, ук. соч., стр. 179, прим. 6 (там же источники).

¹⁴⁴ Ср. сткк. 13, 31 сл., 38 сл., 52 сл. и 64 сл. «Текста Анитты».

РАННЕГРЕЧЕСКАЯ ТИРАНИЯ НА КОРИНФСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ

Не подлежит сомнению, что проблема происхождения классов и государства является первостепенной для марксистской исторической науки. В этом отношении особенно перспективным представляется рассмотрение возникновения раннегреческой тирании. Между тем в нашей исторической литературе лучше изучена тирания в Афинах в VII—VI вв. до н. э. ¹; тирания в полисах Коринфского перешейка исследована менее. И хотя в сравнительно недавней работе чешского историка П. Оливы тирании в этих полисах уделено значительное внимание ², недостаточность специальных исследований в отечественной литературе, так же как и сама значимость темы представляются достаточным основанием, чтобы вернуться к рассмотрению этого вопроса. Тирания на Коринфском перешейке возникла намного раньше, чем в Афинах; она была здесь более длительной по времени и имела свои отличительные черты по сравнению с афинской. Поэтому важно рассмотреть не только характер тирании в полисах Коринфского перешейка, но и условия, при которых она возникла здесь: как известно, ведущими полисами в Греции в это время были не Афины, но Сикион, Коринф и Мегара.

Многие буржуазные историки, главным образом XIX в., справедливо усматривали причины возникновения раннегреческой тирании в общих социально-экономических переменах, происшедших в Греции в этот период³. Буржуазные историки нашего времени, как правило, ищут уже частные причины установления тирании. Так, Ф. Кауэр считает, что волнения в Мегаре, приведшие к возникновению тирании Феагена, происходили только по причине неуспехов Мегары в области черноморских проливов, где Мегара не могла конкурировать в торговле с Милетом ⁴. Таким образом, Кауэром устраняются причины социально-политического порядка. По мнению Хайбергера, причиной возникновения тирании в Мегаре явилось то, что аристократия — основной поставщик персти для мегарских ремесленников-ткачей — перестала поставлять им сырье и приступила к выработке шерсти с помощью собственных рабов, ввозимых из черноморских колоний, что и послужило причиной для выступления ремесленников против аристократии ⁵. Можно было бы привести и другие аналогичные суждения.

В нашей историографии раннегреческая тирания рассматривается как результат борьбы народных масс, демоса, с родовой знатью ⁶. Это положение подробно развивается и в названной работе П. Оливы ⁷. Оригинальные суждения были высказаны недавно К. К. Зельиным. Развиваемая в его работах ⁸ мысль о том, что тирания могла возникнуть в результате захвата власти в родном городе победителем на олимпийских играх, обычно представителем знатного рода, а также в результате

¹ С. Я. Лурье, Клисфен и Писистратиды, ВДИ, 1940, № 2, стр. 45—51; Р. А. Никольская, Раннегреческая тирания, «Уч. зап. Белорусского ун-та», 1953, вып. 16, истор. сер., стр. 459-474 и др. и особенно К. К. Зельин, Борьба политических группировок в Аттике в VI веке до н. э., М., 1964; он же, Олимпионики и тираны, ВДИ, 1962, № 4, стр. 21-30.

² P. Oliva, Raná Řecká Tyrannis, Praha, 1954, стр. 175—269; рец. ВДИ, 1955, № 1, стр. 85—87.

³ Например, Н. G. Plass, Die Tyrannis in ihren beiden Perioden bei den alten Griechen, Bremen, 1852; В. В. Бауэр, Эпоха древней тирании, СПб., 1863.

⁴ F. K a u e r, Partein und Politiker in Megara und Athen, Studien zur Geschichte Griechenlands im Zeitalter der Tyrannis, Stuttg., 1890, crp. 167.

⁵ E. L. Highberger, The History and Civilization of Ancient Megara, Baltimore, 1927, crp. 117.

⁶ «История древней Греции», под ред. В. И. Авдиева и Н. Н. Пикуса, М., 1962, стр. 143.

⁷ O l i v a, ук. соч., стр. 180 и др.

⁸ См, прим. 1.

борьбы знатных родов за власть, представляется весьма интересной ⁹. В этой связи можно указать, однако, и на то, что олимпийские игры возникли задолго до появления в Греции тиранической формы правления и продолжались и после, когда ранняя тирания уже перестала существовать. В конечном итоге в основе борьбы знатных родов за власть, как и в основе борьбы между демосом и знатью, лежали причины социально-экономического характера ¹⁰.

В исторической действительности греческого мира этого времени обнаруживается множество сходных черт в экономике и политическом устройстве отдельных районов. Каждый из полисов несомненно имел также свои особенности и отличия, на которых мы, однако, не останавливаемся, поскольку имеем своей главной задачей именно выяснение общих условий, отличавших эту действительность в архаический период. Для многих районов древнегреческого мира VII—VI века были временем значительного экономического подъема. Он отмечен как в общих трудах 11, так и во множестве частных исследований 12. Это относится прежде всего к полисам Малой Азии и близлежащих островов, к полисам Коринфского перешейка, Эгине и лишь отчасти к Афинам, которые значительно отставали в экономическом развитии в архаический период. Лишь со второй половины VI в. до н. э. здесь заметны признаки более оживленной ремесленной и торговой деятельности 13.

Особенно преуспевали полисы Малой Азии. Археологические раскопки на территории Милета свидетельствуют, что размеры города в архаический период в три раза превышали его размеры в эллинистическое и римское время ¹⁴. В Милете было высоко развито ремесленное производство и торговля. Милетская шерсть вывозилась во все центры греческого мира. Здесь перерабатывалась также шерсть, привозимая из городов Причерноморья ¹⁵. Важное место в милетском экспорте занимало вино и оливковое масло ¹⁶. Полис проводил широкую и активную колонизацию. Как замечает Страбон, милетцы заселили весь Понт Эвксинский, Пропонтиду и множество других мест ¹⁷. Значительными центрами ремесла и торговли в это время были также Эфес и острова — Лесбос, Самос, Родос. Родосско-милетская керамика, как известно, распространена по всему Средиземноморью и Причерноморью ¹⁸.

Все эти полисы имели оживленные торговые связи друг с другом, с городами ма-

⁹ Зельин, Олимпионики..., стр. 24—25; он же, Борьба политических группировок..., стр. 51—53, 148—157; см. также его письмо в редакцию ВДИ (1963, № 4, стр. 212).

¹⁰ Это положение подчеркивается и К. К. Зельиным. (Борьба политических группировок..., стр. 157).

¹¹ К. М. Колобова, Л. М. Глускина, Очерки истории древней Греции. Л., 1958, стр. 60—64; В. С. Сергеев, Древняя Греция, М., 1963, стр. 124—148; Е. Меуег, Geschichte des Altertums, т. III, стр. 504 сл.

¹² К. М. Колобова, Из истории раннегреческого общества, Л., 1951; Зельин, Борьба политических группировок..., стр. 158—168; F. Heichelheim, Wirtschaftsgeschichte des Altertums, Leiden, т. I—II, 1938, стр. 294 сл.

¹³ Зельин, Борьба политических группировок..., стр. 158—168; Неіс helheim, ук. соч., стр. 294 сл.

 $^{^{14}}$ A. Salise, Die Ausgrabungen in Milet und Didima, «Neue Jahrbücher», 13, 1916, crp. 126 cn.

¹⁵ B. Buchenschütz, Die Hauptstätten des Gewerbefleisses im klassischen Altertum, Lpz, 1869, crp. 66; H. Blumner, Die gewerbliche Tätigkeit der Völker des klassischen Altertums, Lpz, 1869, crp. 45.

¹⁶ E. Ziebarth, Der griechische Kaufmann, Hamburg, 1934, crp. 6.

¹⁷ Strabo, XIV, 1, 6; см. также Buchsenschütz, ук. соч., стр. 375; F. Bilabel, Die ionische Kolonisation, Lpz, 1920, XIV, Hf. 1, стр. 9; В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 23.

¹⁸ Колобова, ук. соч., стр. 209; Т. В. Блаватская, Западнопонтийские города, М., 1952, стр. 43; Р. В. Шмидт, Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки, «Боспорские города», т. І, М.—Л., стр. 224.

⁸ Вестник древней историл, № 4

териковой Греции и миром восточных государств, как, например, Самос с Египтом. Раскопки Навкратиса обнаруживают множество самосской керамики. Ее находят также на Родосе, в Западном и Северном Причерноморье, в материковой Греции и в Италии ¹⁹. Самосцы владели значительным флотом. Опыт кораблестроения они заимствовали из Коринфа (Thuc., I, 13).

Экономический подъем названных полисов обусловил важные социальнополитические перемены в этом районе греческого мира. Здесь мы также находим
тираническую форму правления, рассмотрение которой, однако, не входит в нашу
задачу. Эти сведения общего характера относительно уровня экономики малоазийских
и островных полисов архаического периода приведены лишь для того, чтобы подчеркнуть, что там, где мы находим экономический подъем и процветание, мы находим также и тираническую форму правления. Это положение может быть подтверждено и на
примере полисов Коринфского перешейка.

В свидетельствах древних эти полисы предстают перед нами наиболее развитыми и процветающими в архаический период. Фукидид, сообщая о древности греческих городов, замечает, что все города, основанные в последнее время, когда мореплавание получило большое развитие, строились непосредственно на морских берегах. Напротив, древние города вследствие долго державшегося пиратства большей частью были построены вдали от моря (Thuc., I, 7). Таким городом был древний Сикион. Он был расположен в глубине, на северных склонах Аркадской возвышенности. Аркадия славилась своим плодородием. Павсаний, отмечая плодородие тех или иных областей Греции, обычно применяет такое сравнение: «этого не было даже в Сикионской земле» (Paus., X, 32, 19; II, 10, 5, 6). Сикиония обладала и хорошими пастбищами, так как здесь протекало множество небольших речек (Paus., II, 12, 2; Strabo, VIII, 6, 24—25). В Сикионе разводили, по-видимому, лошадей, указанием на что является распространенность мужских имен, составной частью которых было слово тало (Левкипп, Ипполит, Зейксипп, Гиппарм, Лисипп — Paus., II, 5, 7; 6, 7).

Эта плодородная местность была населена уже в глубокой древности. У Гомера есть упоминание о том, что Агамемнон, завоевав эту область, склонял правителя Сикиона Эхепола к участию в походе на Трою (Il., XXIII, 296—299). Павсаний приводит длинную родословную сикионских правителей, что также указывает на древность этого города (II, 5, 6; 12, 2). В конце II тыс. Сикион был завоеван дорянами (Paus., II, 18, 7; Strabo, VIII, 7, 1).

Факт дорического завоевания и в дальнейшем имел определенное значение в политической истории Сикиона. Местное население города было несомненно обращено дорянами в зависимое²⁰. Можно предполагать, что положение покоренных было сходно с положением спартанских илотов. У Геродота имеется свидетельство о том, что завоеватели-доряне входили в Сикионе в три филы — гиллеев, диманов, памфилиев, а все прежнее население было включено лишь в одну филу (Herod., V, 68). Привилегированное меньшинство дорян пользовалось всеми политическими правами. Оно завладело землями, которые обрабатывало прежнее население. Этот политический порядок в Сикионе, который в сущности из-за отсутствия данных источников мы можем только предполагать, был затем ниспровергнут. При определении новых общественных сил мы должны учитывать характер экономики города в рассматриваемый период.

Археологический материал показывает, что здесь в начале VIII в. до н. э. производилась или широко ввозилась из Коринфа керамика типа протокоринфской ²¹. Самая архаическая система росписи ваз возникла в Сикионе (Plin., HN, XXXV, 15, 16), что указывает на ведущее значение города в керамическом производстве того времени.

¹⁹ Herod., II, 182; см. также H. Prinz, Funde aus Naukratis, стр. 12—13; Колобова, ук. соч., стр. 280, 319; 320; Шмидт, ук. соч., стр. 232; Блаватская, ук. соч., стр. 46.

²⁰ По мнению П. Оливы, Сикион к началу I тыс. до н. э. представлял рабовладельческое государство типа Спартанского (O liva, ук. соч., стр. 178).

²¹ T. I. D u n b a b i n, The Early History of Corinth, JHS, 1948, стр. 59 сл.; O l i-v a, yr. соч., стр. 178 сл.; P l i n., HN, XXXV, 15, 16.

Обработка металлов в Сикионе также восходит к глубокой древности. Древние называют Сикион родиной обработки металлов (Plin., HN, XXXVI, 9; Strabo, VIII, 6, 23). Здесь прежде всего обрабатывались медь и бронза;, это ремесло развивалось на местном и привозном сырье и достигло большого совершенства 22. По свидетельству Плиния, греческая скульптура ведет свое происхождение из Сикиона (Plin., HN, XXXV, 151). И в классический период Сикион был знаменит пластическим искусством и бронзовым литьем в материковой Греции ²³. Начало искусства живописи традиция также приписывает Сикиону (Plin., HN, XXXV, 15), здесь впервые в истории Греции было введено обучение молодежи рисованию (там же, XXXV, 77). Можно указать также на значительное развитие в Сикионе ряда других ремесел — изготовление обуви, головных уборов и повозок. Ремесленное производство Сикиона работало, по всей вероятности, не только для удовлетворения потребностей своего населения, но и на вывоз. Так, обувь составляла одну из главных статей сикионского вывоза: ношение сикионских ботинок в позднейшее время считалось верхом изящества ²⁴. Город имел огромное значение и в посреднической торговле. Сикионские купцы сбывали продукцию соседнего Коринфа. Протокоринфская керамика широко распространена по всему Средиземноморью; в ее сбыте мог принимать участие и Сикион ²⁵.

Переживаемый Сикионом экономический подъем, высокий уровень развития ремесла и товарный характер экономики города не могли не повлиять на рост и укрепление новых общественных сил — ремесленников, купцов. Развитие ремесла притягивало в город и сельское население. Для него с занятием ремеслом и торговлей открывалась перспектива большей свободы и самостоятельности для ведения своего хозяйства, чем это было возможно в условиях деревни, где местное население находилось в зависимости от поработителей-дорян.

Аналогичный процесс происходил в архаический период и в Коринфе. Его область занимала южную часть перешейка Истм, составляя как бы преддверие ко всему Пелопоннесу. Удобное положение Коринфа (он омывался двумя заливами — Сароническим и Коринфским) послужило условием для широкого развития коринфской торговли. Так же как и Сикион, Коринф был заселен уже в глубокой древности. Античная традиция называет Коринф микенского времени Эфирой. Гомер упоминает Эфиру как место пребывания мифического царя Сизифа:

В Аргосе дальнем, богатом конями, есть город Эфира, Жил там Сизиф, из людей самый хитрый, Сизиф, сын Эола ²⁶.

И здесь первоначальное население было покорено дорянами, пришедшими сюда из Аргоса (Thuc., IV, 42; Paus., II, 4, 3). Полагают, что завоевание Коринфа дорянами произошло в конце X в. до н. э. ²⁷. Как и в Сикионе, факт дорийского завоевания сыграл важную роль в дальнейшем развитии Коринфа. По-видимому, и в Коринфе доряне ввели такие же порядки, какие характерны для всех дорических государств Греции. Земли и пастбища были отобраны, сельское население поставлено в зависимое от завоевателей положение. Землей, которую обрабатывало местное население, прикрепленное теперь к земле, владели только доряне. Городское население, вероятно, не было столь непосредственно порабощено, но политически и оно было бесправно ²⁸.

²² Раиз., VI, 19,2; см. также Висhsenschütz, ук. соч., стр. 39.

 $^{^{23}}$ S t r a b o, VIII, 6, 23; см. также H. В r u n n, Geschichte der griechischen Künstler, Stuttg., 1889, стр. 54 слл.; В. Д. Б л а в а т с к и й, Греческая скульптура, М., 1939, стр. 10-11.

²⁴ Athen., IV, 155 C; Blumner, yk. coq., ctp. 76.

 $^{^{25}}$ K. F. J o h a n s e n, Les vases sicyoniens, P., 1923, crp. 12; O l i v a, yr. coq., crp. 180.

²⁶ II., VII, 152—153, перевод Н. М. Минского; N i с. D a m., FHG, fr. 45. (Здесь как и в других местах, я пользуюсь переводом под ред. Е. Д. Веселаго, ВДИ, 1960, № 3. Сизиф здесь назван царем Коринфа.)

²⁷ Dunbabin, yr. coq., crp. 63.

²⁸ O liva, yk. cov., ctp. 210.

Более независимое положение городского населения по сравнению с сельским открывало возможности для деятельности ремесленных и торговых слоев города, вследствие чего в Коринфе развитие ремесла и торговли достигает исключительно высокого уровня. Самым древним и процветающим ремеслом было керамическое. Его базой служили прекрасные сорта глины, залежи которой имелись в Греции почти повсеместно. Коринфские гончары производили преимущественно два вида изделий — вазы с росписью и терракоту. По сообщению Плиния, способ лепить из глины скульптуры был заимствован коринфянами из Сикиона ²⁹, что свидетельствует о тесных связях Коринфа с последним. Согласно его же утверждению, здесь впервые в Греции был изобретен и гончарный круг (Plin., HN, VII, 57). Древность этого ремесла в Коринфе подтверждает обширный археологический материал. Коринф вывозил вазы с геометрическим орнаментом уже в начале IX в. до н. э. 30. В VIII в. до н. э. производство керамики расширяется и совершенствуется. Складывается особый стиль, известный как протокоринфский. Греческий мир широко пользуется керамикой нового стиля. Она обнаружена как в соседних с Коринфом городах, так и в Италии, в Сицилии и в других областях античного мира. В VII в. до н. э. в Коринфе вырабатывается третий стиль, который называют коринфским; керамика этого стиля также широко распространена во всем Средиземноморье. Считают, что это ремесло процветало в Коринфе вплоть до разрушения его римлянами 31.

Обилие находок коринфской керамики во всех странах Средиземноморья указывает на широкий размах торговли начиная с IX в. до н. э., которая была бы невозможна без большого флота и умения строить корабли. Фукидид подтверждает, что самые совершенные по тому времени корабли строились в Коринфе. Здесь были изобретены палубные суда. Коринфяне посылали мастеров корабельного дела и в другие государства ³². К отдаленной древности относится и возникновение литейного дела в Коринфе. По свидетельству Плиния, коринфский металл, особенно бронза, наряду с делосской и эгинской, был наилучшим (Plin., HN, XXXIV, 6). Полагают, что коринфянам был известен секрет изготовления бронзы, который исчез с разрушением Коринфа в 146 г. до н. э. ³³. Коринфские ремесленники славились также изготовлением оружия, бронзовых сосудов, ламп, светильников, украшенных художественными рельефами, производством материи, крашением, изготовлением одежды ³⁴. Все эти изделия, особенно металлические, наряду с керамикой широко вывозились за пределы Коринфа.

Прекрасное знакомство коринфян со средиземноморским миром подтверждает их широкая колонизация, начавшаяся со второй половины VIII в. до н. э. Наиболее древние коринфские колонии возникли на западе Средиземноморья. Путь на запад коринфянами был освоен, очевидно, ранее всего. Самая ранняя колония возникла на Керкире. По сообщению Страбона, на Керкире осела часть переселенцев, направлявшихся в Сицилию под руководством Архия (Strabo, VI, 2, 4). Об основании Архием в Сицилии колонии Сиракуз около 735 г. сообщает Фукидид (Thuc., VI, 3, 5). Вскоре Сиракузы достигли столь большого могущества, что сами стали выводить колонии в другие места Сицилии — Камарина, Касмены, Акра (там же). В VII в. возникла сплошная цепь коринфских колоний по западному берегу Балканского полуострова — Халкис, Моликрейон, Соллион, Анакторион (Thuc., I, 55; II, 30; III, 102). Все эти факторы —

²⁹ P l i n, HN, XXXV, 151: «... первым начал лепить изображения из глины в Коринфе сикионский гончар Бутад».

³⁰ Dunbabin, ук. соч., стр. 62.

³¹ W. Kreiker, Aigina. Die Vasen des X bis VII Jahrhunderts vor Chr., B., 1951, стр. 23 сл.; A. A. Blakeway, Greek Commerce with the West., 1932—1933, стр. 202 сл.; Blumner, ук. соч., стр. 74.

 $^{^{32}}$ T h u.c., I, 13. Коринфянин Аминокл построил для самосцев четыре триремы (703 г. до н. э.).

³³ В l u m n e r, ук. соч., стр. 74.

³⁴ В l u m n e r, ук. соч., стр. 75 сл.

свидетельство экономического расцвета Коринфа в архаический период — обусловили здесь, так же как и в Сикионе, коренные социально-экономические перемены.

Другой полис Коринфского перешейка — Мегара не пережила столь бурного экономического подъема в рассматриваемый период. Тем не менее и этот полис известен своей значительной торгово-ремесленной деятельностью. По сообщению Страбона, первоначальным населением Мегары были ионяне (Strabo, IX, I, 5) и потому этот полис в ранний период своей истории был более связан с Аттикой. Лишь после дорического завоевания Мегара вступает в тесные отношения с соседними дорическими полисами — Коринфом и Сикионом. Для этого времени отмечается распространение одинаковых в Коринфе и Мегаре культов, а также тесные торговые связи Коринфа с Мегарой 35.

Ремесленная деятельность в Мегаре не была столь многогранна, как в Коринфе и Сикионе. Больше всего свидетельств о ремеслах по обработке шерсти и выработке шерстяных тканей. Условия для развития этого ремесла имелись в самой Мегаре. Мегарский поэт Феогнид упоминает об овцах, ослах и конях ³⁶. Плиний ставит ремесла по обработке шерсти и выработке тканей в число важнейших в Мегаре ³⁷. Высокое развитие овцеводства подтверждается существованием культа богини Деметры-Малофории, покровительницы овец (Малофоро — Paus., I, 44, 3). Шерстяные материи служили основным предметом мегарского вывоза, ими пользовались и афиняне, что подтверждается упоминанием Аристофана о мегарских плащах (Aristoph., Acharn., 519; Рах, 1002). Керамическим ремеслом было также занято много ремесленников. Афиней сообщает об огромных мегарских амфорах исключительной прочности (Athen., XI, 467 С). Мегарцы хорошо умели обрабатывать мрамор, залежи которого имелись в Мегариде ³⁸.

Находясь в тесных торговых связях с Коринфом, мегарские купцы могли заниматься сбытом и коринфской продукции в страны Эгейского бассейна, так как сами коринфяне вели торговлю преимущественно в западном направлении. Распространение коринфской керамики разных стилей в странах Эгейского бассейна объясняется посреднической ролью мегарских купцов, сфера деятельности которых лежала в северо-восточном направлении, где было основано много мегарских колоний, в их числе знаменитый Калхедон ³⁹. Мегаре принадлежала и колония Селембрия (Herod., VI, 33). По свидетельству Геродота, через 17 лет после основания Калхедона мегаряне заложили Византий на противоположном берегу Боспора Фракийского (Herod., IV, 144). Обе эти колонии возникли в VII в. до н. э. Стремление Мегары основать свои колонии на путях в Понт Эвисинский указывает на ее попытки закрепить за собой эти важнейшие торговые пути. Мегарские купцы пробились и сюда. В середине VI в. до н. э. на южном берегу Понта возникает колония Мегары — Гераклея Понтийская, которая, в свою очередь, сама вывела колонию в Крым — Херсонес Таврический 40. Мегара предпринимала попытку колонизации и в западном направлении. В Сицилии ею была основана Мегара Гиблейская, которая вывела, в свою очередь, колонию Селинунт (Thuc., VI, 4). Фукидид датирует основание Мегары Гиблейской 30-ми годами VIII в. до н. э. Дальнейшая колонизация Мегары в западном направлении не имела успеха вследствие соперничества Халкиды и Коринфа 41.

Широкий размах торговли вызвал переход в Мегаре к металлической монете. Ес_

³⁵ D u n b a b i n, ук. соч., стр. 63—65. На территории Мегары найдено много протокоринфской керамики.

³⁶ «Все благородных коней мы заводим, ослов и баранов» — Феогнид, Элегии. Перевод Вересаева («Хрестоматия по античной литературе», т. I, М., 1947, стр. 90).

³⁷ Plin, HN, VII, 57; Buchsenschütz, ук. соч., стр. 83; Blumner, ук. соч., стр. 71.

³⁸ В l u m n e r, ук. соч. стр. 71.

³⁹ Strabo, VII, 6, 2; XII, 4, 2; Thuc., IV, 75; Herod., IV, 144.

⁴⁰ X е п., Anab., VI, 2, 1; см. также Гайдукевич, ук. соч., стр. 21.

⁴¹ Oliva, ук. соч., стр. 243.

ли прежде полагали, что чеканка монеты в Мегаре началась только в IV в. до н. э., то сейчас можно считать доказанным употребление металлических денег в Мегаре уже в VII в. до н. э. 42 .

Отмеченный экономический подъем полисов Коринфского перешейка вовсе не означает, что его уровень в каждом из трех полисов был совершенно одинаков. Сикион и Мегара не могут идти в этом отношении ни в какое сравнение с Коринфом. Коринф обладал двумя гаванями, владел большим собственным флотом, который обеспечивал сбыт товаров не только его собственных ремесленников. В Сикионе, напротив, мореплавание и торговля были более скромных размеров. Менее значительными, чем у Сикиона, были возможности Мегары. Территория полиса была мала и гориста; отсутствовали плодородные долины, как в Сикионии, поэтому основной отраслью экономики здесь стало скотоводство и преимущественно овцеводство. В связи с этим и направление хозяйственной деятельности полиса, и характер ремесленного производства, и численность, и значимость связанных с производством социальных слоев в каждом из рассматриваемых полисов были различными. Как мы увидим потом, оказалась различной и сама продолжительность тирании в наших полисах. Тем не менее подъем этот позволил укрепиться и возрасти численно новым общественным слоям — ремесленникам, торговцам, хотя, очевидно, нередкими были случаи проникновения в эти слои и представителей старой, родовой аристократии, что косвенно свидетельствует о глубине процесса, захватившего и старые слои общества. С более прогрессивными формами хозяйства, с товарно-денежными отношениями оказались связанными прежде всего новые социальные слои; родовая знать часто выступала тормозом в развитии новых форм жизни. К этим причинам общегреческого характера в наших полисах прибавилась еще одна, специфическая для этих полисов — недовольство политическим и экономическим засилием завоевателей-дорян, которое несомненно также было использовано тиранами. Сам факт длительности тирании в Сикионе и в Коринфе (по свидетельству Аристотеля, она просуществовала в Сикионе 100 лет — Arist., Polit., V, 9, 21, а в Коринфе 73 с половиной года — Arist., V, 9, 22) указывает на то, что ее социальная опора в этих полисах была более широкой, чем в других полисах греческого мира.

Обратимся к рассмотрению самих свидетельств о тиранах в полисах Коринфского перешейка. К сожалению, фрагментарность источников лишает нас возможности увидеть многие частности и различия для каждого из полисов.

Прежде всего следует остановиться на вопросе о достоверности наших источников. Вопрос о достоверности сведений древних о раннегреческих тиранах в нашей историографии поставил В. Бауэр ⁴³. Как известно, источники для эпохи ранней тирании весьма скудны. О большей части тиранов мы не имеем никаких сведений, кроме их имен; о наиболее известных из них — Писистрате, Кинселидах, Ортагоридах, Поликрате Самосском, Феагене Мегарском — сведения крайне незначительны. Сами древние давали оценку тирании морально-этического характера, рассматривая эту форму правления с точки зрения ее законности, взаимоотношения тиранов с согражданами, осуждали великолепие их придворной жизни, пиры и династические браки, которые заключались при дворах тиранов. Тиран, по свидетельству Геродота, уничтожает законы предков, наносит оскорбление женщинам, без суда убивает людей (Herod., III, 80). Все тираны, как сообщает Фукидид, сколько их ни было в Элладе, управляли государствами, имея в виду только свои выгоды и величие своего дома, заботясь главным образом о своей безопасности (Thuc., I, 17). Главная забота тиранов, как писал Аристотель, состоит в преследовании достойных людей, в деморализации подданных, в развитии недоверия между ними, в уничтожении образованности и просвещения, как более всего развивающих самосознание в человеке (Arist., Polit., V, 8, 7; 9, 2 и 8).

Как отмечал В. Бауэр, отрицательное отношение древних авторов к тиранам объ-

⁴² В. V. H e a d, Historia Numorum, Oxf., 1911², стр. 383; А. Н. Зограф, Античные монеты, Л., 1951, стр. 24; 43; О l i v a, ук. соч., стр. 245.

⁴³ Бауэр, ук. соч., стр. 77—79.

ясняется проникновением в их труды аристократической традиции, которая видела в тиранах только жестоких деспотов, преувеличивала и охотно распространяла сведения об их чрезмерной жестокости и бесчеловечности, которые и сохранились до нас (Бауэр, ук. соч., стр. 93). В недавней статье Г. Дизнера вопрос о достоверности сведений античных авторов о раннегреческой тирании не ставится. Автор не подвергает сомнению сведения Геродота, Фукидида, Аристотеля и, напротив, осуждает чрезмерную, по его мнению, гиперкритичность в оценке сведений древних 44. Нам представляется, однако, более обоснованным подход Бауэра. На традицию о тиранах несомненно наложила отпечаток открыто враждебная тирании аристократическая версия. Некоторые сведения Геродота, Фукидида, Аристотеля, Николая Дамасского и Павсания свидетельствуют, что в оценке тирании существовала и демократическая традиция. И Геродот, и Фукидид, и Аристотель очень часто отмечают заботу тиранов о благосостоянии государства, о распространении просвещения, об их большом строительстве. В свидетельствах некоторых из наших источников иногда отразились обе эти традиции. Так, Николай Дамасский в описании тирании следует более ранним историкам. Известно, что в своей «Истории» он пользовался разнообразными источниками, которые не дошли до нас, начиная с трудов логографов, что придает сообщаемому им особую ценность 45. Часто его данные совпадают со свидетельствами Геродота и Аристотеля. Николай Дамасский кратко повторяет рассказы Геродота о происхождении коринфского тирана Киисела (Herod., V, 92; Nic. Dam., fr. 66); относительно жестокости Бакхидов (Herod., V, 92; Nic. Dam., fr. 66); о мягком и справедливом правлении Кипсела он сообщает так же, как и Аристотель (Arist., Polit., V, 9, 22; Nic. Dam., fr. 66). Эти аналогии не являются единственными.

Вопрос о достоверности сведений Павсания также ставился многими исследователями. Знаменательна в этом отношении его оценка, данная Ж. До. Он писал: «...есть путеводители более блестящие и более ученые, чем книги Павсания; но я не знаю более тщательных и до мелочей правдивых» ⁴⁶. В нашей историографии «Описание Эллады» Павсания считается также весьма достоверным ⁴⁷.

Противоречивость традиции в оценке тирании, так же как и фрагментарный характер источников не только ограничивают наши возможности в восстановлении деталей и частностей ее возникновения, но не всегда достаточны и для суждений более общего характера. Поэтому может быть прослежено общее направление их политики, некоторые хронологические моменты в существовании тирании в том или ином из рассматриваемых полисов.

Первым сикионским тираном был Ортагор, сын мясника Андрея. От Ортагора тирания перешла к Мирону. Преемником Мирона выступил Аристоним и, наконец, один из сыновей Аристонима — Клисфен ⁴⁸.

Не во всем ясна хронология сикионской тирании. Согласно Павсанию, второй сикионский тиран, Мирон, был победителем на 33 олимпийских играх и в честь своей победы поставил в Олимпии сокровищницу; эту сокровищницу и видел Павсаний (Paus., VI, 19, 2). Свидетельство Павсания, таким образом, показывает, что в период 33 олимпиады (648 г. до н. э.) Мирон уже был тираном. Следовательно, Ортагор пришел к власти в первой половине VII в. до н. э. Белох не принимает хронологию Павсания и придерживается хронологии Геродота, относившего тиранию Ортагора на VI в. до н. э.

⁴⁴ H. I. Diesner, Zu einigen Kernproblem der älteren griechischen Tyrannis, «Sozialökonomische Verhältnisse im Alten Orient und im klassischen Altertum», Halle, 1961, crp. 83.

⁴⁵ В. П. Бузескул, Введение в историю Греции, Харьков, 1904, стр. 282.

⁴⁶ G. Daux, Pausanions à Delphes, P., 1937, crp. 7.

⁴⁷ С. П. Кондратьев, Вводная статья к его переводу «Описания Эллады», II, М.—Л., 1940 (в своих суждениях о достоверности Павсания Кондратьев опирается на исследования о Павсании других ученых); Бузескул, ук. соч., стр. 253.

 $^{^{48}}$ Генеалогии сикионских тиранов много внимания уделяет П. Олива (О 1 і v а, ук. соч., стр. 180—190).

(К. J. Beloch, Griechische Geschichte, I², стр. 286). Несостоятельность хронологии Геродота для VI в. до н. э. уже была показана В. В. Струве (Хронология VI в. до н. э. в труде Геродота, ВДИ, 1952, № 2, стр. 60—78). Хронология Павсания подтверждается также временем правления последнего тирана из Ортагоридов — Клисфена: Клисфен был участником точно датированного события — Первой Священной войны (Strabo, IX, 3, 4). По Павсанию это событие относится к 590 г. до н. э. (X, 7, 4; см. также Л. М. Глускина, Дельфы в период Первой Священной войны, ВДИ, 1951, № 2, стр. 213). Следовательно, тирания Клисфена приходится на первую половину VI в. до н. э., и в общей сложности тирания в Сикионе просуществовала, как я уже отмечала, 100 лет.

В источниках можно найти указания на неаристократическое происхождение сикионских тиранов, свидетельство, указывающее на то, что возникновение тирании связано с подъемом новых общественных слоев. Согласно Геродоту, родоначальником сикионских тиранов был некий мясник Андрей (Herod., VI, 126). Более поздние авторы — Диодор и затем Либаний (IV в. н. э.) — подтверждают неаристократическое происхождение Ортагоридов ⁴⁹. Отсюда можно заключить, что сикионская тирания вышла из торгово-ремесленных кругов, из недорической фамилии. Папирус из Оксиринха, приводимый и П. Оливой, подтверждает происхождение Ортагора от ремесленника-мясника Андрея и освещает до некоторой степени само установление тирании Ортагора в Сикионе ⁵⁰. В этом же папирусе сообщается о поддержке Ортагора общинниками. Широкое движение сикионского демоса во главе с Ортагором закончилось свержением власти дорической аристократии.

Особенно резкую антидорическую направленность имела тирания Клисфена. Самое радикальное его мероприятие в этом направлении состоит в смене названий дорических фил (Herod., V, 67), в которых осуществляла свое господство дорическая аристократия. Коренное население, как я уже отмечала, было объединено дорянами в одну филу, называемую филой эгиаллов, совершенно бессправную политически. Чтобы унизить своих политических противников, Клисфен, по свидетельству Геродота, дал дорическим филам новые названия — филы свиней, ослов п поросят (Herod., V, 68). Филу же, состоявшую из коренного населения, Клисфен назвал весьма почетно — филой архелаев (от ' $\alpha \rho \chi \dot{\eta}$ — «власть») (там же). Смена названий фил, вероятно, сопровождалась превращением их из родовых в территориальные 51 . Значение этого мероприятия Клисфена выходит далеко за рамки его борьбы лишь с засилием дорической аристократии в Сикионе. Оно явилось мощнейшим ударом по пережиткам родового строя, по прежним формам хозяйства и быта и вывело тем самым Сикион в число наиболее развитых рабовладельческих государств архаической Греции.

Можно почерпнуть некоторые сведения из источников и о борьбе Клисфена с аристократией в области идеологии. Подверглись гонению обычаи и культы аристократии. Было запрещено петь в Сикионе гомеровские поэмы, как прославлявшие подвиги знатных родов; был отменен культ героя Адраста, почитавшийся в среде аристократии, и заменен культом героя Меланиппа, который (согласно греческой мифологии) был противником Адраста. Клисфен способствовал распространению культа Диониса, издавна почитавшегося простым народом Греции (Herod., V, 67).

При Клисфене чрезвычайно возрос международный авторитет Сикиона. Примером может служить приглашение Клисфена на пост главнокомандующего в Первой Свя-

⁴⁹ Liban., Oratio contra Severum, 52; Diod., VIII, 24. Cp. Oliva, ук. соч., стр. 182.

⁵⁰ В. Р. Grenfell, А. S. Hunt, The Oxyrhynchus Papyri, XII, 915, 1365; О liva, ук. соч., стр. 174. Дизнер выступает против мнения Оливы о происхождении сикионских тиранов из неаристократической фамилии и в подтверждение приводит тот факт, что Мирон одержал победу на Олимпийских играх в конпых состязаниях. Это было, по его мнению, недоступно людям простого звания (Diesner, ук. соч., стр. 82).

⁵¹ O liva, ук. соч., стр. 207.

щенной войне ⁵². Обидчица дельфийской святыни — Крисса — была сокрушена в этой войне ⁵³. По сообщению Павсания, Клисфен получил значительную добычу, которую употребил на украшение родного города (Paus., II, 9,6). В честь этой победы Клисфеном были учреждены свои пифийские игры, и местом проведения их стал Сикион ⁵⁴. Доходы, ранее получаемые Криссой от посещения греками дельфинского храма, теперь в значительной степени стали попадать в Сикион ⁵⁵.

Подобное положение еще в большей мере можно наблюдать в Коринфе. Здесь период господства дорической аристократии длился свыше 250 лет. К середине VIII в. до н. э., по свидетельству Геродота, в Коринфе установился олигархический образ правления в лице рода Бакхиадов ⁵⁶, о жестокости и надменности которых сообщают также и другие авторы. С интересующей нас точки зрения особенно замечательно свидетельство Страбона о Бакхиадах: «Они по своему усмотрению использовали внешний рынок» (Strabo, VIII, 6, 20). Замечание Страбона, по-видимому, можно понимать таким образом, что Бакхиады пытались контролировать и деятельность городского торгово-ремесленного населения. Поэтому при первой возможности коринфские торговцы и ремесленники при поддержке сельского демоса подняли восстание против олигархии Бакхиадов. Сообщение Фукидида дает нам возможность связывать возникновение тирании с развитием предпринимательских слоев повсеместно по всей Греции ⁵⁷.

Тирания в Коринфе также вышла из неаристократических кругов. Это следует из рассказа Геродота о происхождении первого коринфского тирана Кипсела ⁵⁸. Павсаний называет родиной отда Кипсела, Аэтиона, общину Конусса близ границ с Сикнонией (Paus., II, 4, 4); очевидно, отец Кипсела происходил из местного, недорического населения 50. Более подробно путь Кипсела к власти излагает Николай Дамасский: «Когда он (Кипсел) стал полемархом, коринфяне возлюбили его еще больше, ибо он оказался лучшим из всех, занимавших эту должность. И все прочее он делал как следует. Например, у коринфян существовал закон, согласно которому осужденных посуду следовало отводить к полемарху и держать взаперти до внесения денежной пени, часть которой должна принадлежать полемарху. Сам же он не запер и не связал ни одного гражданина, но одних освобождал под поручительство, а за других ручался сам и всем уступал причитающуюся ему долю. За это его особенно полюбил народ. Видя, что коринфяне враждебно настроены к Бакхиадам и не имеют защитника, с помощью которого могли бы свергнуть их, он предоставил себя в их распоряжение и стал во главе народа. Коринфяне верили в мужество Кипсела и в успех дела. Наконец, организовав сообщество заговорщиков, он убивает царствовавшего Патроклида, который попирал законы и был невыносим. Народ тотчас вместо него сделал царем Кипсела» (Nic. Dam., fr. 66). Эти события совершились в Коринфе в середине VII в. до н. э. По свидетельству Аристотеля, Кипсел находился у власти 30 лет, его сын Периандр — 40 лет

⁵² Глускина, ук. соч., стр. 218.

⁵³ Paus., IX, 37, 7; Frontin., Strat., III, 7, 6; Strabo, IX, 3, 4.

⁵⁴ Schol. ad Pind., Nem., IX, 255; Strabo, IX, 3, 4; см. также Глускина, ук. соч., стр. 219.

⁵⁵ О l i v a, ук. соч., стр. 195.

⁵⁶ Н е г о d., V, 92; Николай Дамасский называет их гордецами и насильниками (N i c. D a m., fr. 66).

⁵⁷ T h u c., I, 13: «В то время Эллада становилась могущественнее, богатела еще больше прежнего; в государствах, вследствие увеличения их материального достатка, большей частью стали возникать тирании».

⁵⁸ Него d., V, 92. Рассказ Геродота кратко повторяет и Николай Дамасский (Nic. Dam., fr. 66). Дизнер истолковывает это сообщение Геродота иначе. Он считае_{т,} что отец Кипсела происходил из другого, но знатного рода (Diesner, ук. соч., стр. 82).

⁵⁹ O liva, ук. соч., стр. 219.

п шесть месяцев, наконец, три года правил племянник Периандра — Псаметих. Следовательно, тирания в Коринфе просуществовала 73 с половиной года ⁶⁰.

Резкая антидорическая направленность тирании Кипсела засвидетельствована Геродотом: многих аристократов Кипсел изгнал, многих лишил имущества, а большую часть — жизни (Herod., V, 92). «Недругов своих,— сообщает Николай Дамасский,— Кипсел вывел в колонии, чтобы легче править остальными..., а Бакхиадов изгнал и конфисковал их имущество» (Nic. Dam., fr. 66). Разгромленная аристократия искала убежища в колониях или в полисах, где правила дорическая аристократия. Плутарх в биографии Лисандра сообщает о пребывании некоторых Бакхиадов в Спарте, которая, видимо, уже в это время стала выступать оплотом аристократии в Греции (Plut., Lys., I). Часть Бакхиадов утвердилась на Керкире (удалились на Керкиру, как свидетельствует Николай Дамасский). Вероятно, в это же время другие из Бакхиадов и их приверженцев во главе с Архием проникли в Сицилию и основали там колонию Сиракузы (Thuc., VI, 3; Strabo, VIII, 6, 22). По отношению к народу Кипсел, напротив, был мягким и справедливым, на что указывают Аристотель и Николай Дамасский 61.

Не менее решительно выступил против аристократии и другой коринфский тиран — Периандр. Геродот изображает Периандра особенно неумолимым и расценивает его меры против знати как бессмысленную жестокость ⁶², хотя, очевидно, в рассказе Геродота сказалась аристократическая традиция, придавшая его свидетельству такой оттенок.

При тиранах продолжалась колонизация коринфянами побережий Средиземного моря. Кипсел основал на западном побережье Греции Левкаду и Анакторий (Nic. Dam., fr. 66). О преуспевании Коринфа под властью Кипсела свидетельствуют многочисленные дары, сделанные им в общегреческие святилища. Была сооружена роскошная сокровищница в Дельфах (Herod., I, 14, 50); Олимини была подарена колоссальная статуя Зевса из золота 63, а также превосходный дарец из кедрового дерева, что свидетельствует не только о богатстве тирана, но и о высоком мастерстве ремесленников Коринфа — резчиков по дереву п ювелиров. Красота ларца подробно описана Павсанием (Paus., V, 17, 2-19, 10). При втором тиране, Периандре, расцвет Коринфа продолжался. Николай Дамасский утверждает, что при нем строились триеры и Коринф овладел обоими морями 64, т. е. коринфяне проникли и в Эгейское море, тогда как раньше сфера влияния Коринфа распространялась только на Западное Средиземноморье. Возможно, именно ко времени правления Периандра относится свидетельство Фукидида об изобретении коринфянами палубных кораблей (Thuc., I, 13). Приведенное выше свидетельство Николая Дамасского подтверждает это. Диоген Лаэртский приписывает Периандру попытку, прорыв Истм, соорудить канал с целью облегчить и сократить сроки плавания из Эгейского моря в Ионическое (Diog. Laert., I, 99). Это был, пожалуй, первый в Греции замысел предпринять столь технически сложное по тому времени сооружение. Был сооружен каменный волок, по которому и позднее перетаскивали

⁶⁰ A r i s t., Polit., V, 9, 22; N i c. D a m., fr. 66. В. В. Струве относит правление Периандра к 625—585 гг. до н. э. (ук. соч., стр. 73). Следовательно, правление Кипсела началось в 655 г. Псаметих правил три года после Периандра. Общий период тирании в Коринфе — с 655 до 582 г. до н. э. К сожалению, мне осталась недоступной статья І. D и с а t, Note sur la chronologie des Kypselides, ВСН, 1961, стр. 418—425.

⁶¹ A r i s t., Polit., V, 9, 22; N i c. D a m., fr. 66: «он возвратил изгнанников и вернул права гражданства тем, у которых Бакхиады отняли эти права. Теперь он мог распоряжаться этими людьми, как хотел... Кипсел же спокойно правил Коринфом, не нмея при себе копьеносцев».

⁶² H e r o d., V, 92: «сначала Периандр был добрее отца, по после сношений через послов с милетским тираном Фрасибулом он стал кровожаднее Кипсела; Фрасибул якобы посоветовал казнить выдающихся граждан. С этого времени Периандр стал проявлять жестокость» (перевод Ф. Мищенка).

⁶³ Arist. Polit., V, 5, 5; Strabo, VIII, 6, 20.

⁶⁴ N i c., D a m., fr. 67. «Выстроив триеры, Периандр плавал по обоим морям».

суда из одного залива в другой. Это можно заключить из сообщения Фукидида времени Пелопоннесской войны и упоминания Страбона ⁶⁵. При Периандре коринфяне утвердились на Халкидике, основав колонию Потидею (Thuc., I, 56), вследствие чего приток коринфских товаров в эти области усилился. Археологические данные свидетельствуют о широком распространении здесь керамики коринфского стиля, датируемой началом VI в. до н. э. Керамику этого стиля находят и в областях Северного Причерноморья ⁶⁶. Коринфские тираны прилагали также много усилий для борьбы с пиратством (Thuc., I, 13). При Кипселе в Коринфе начинается чеканка монеты ⁶⁷ и увеличивается она при Периандре, что свидетельствует о высокой интенсивности хозяйственной жизни.

Кипселиды, так же как и сикпонские тираны, решительно боролись с аристократией и в области идеологии, поддерживая народные обычаи и культы в ущерб аристократическим. И в Коринфе в период тирании широчайшее распространение получили Дионисии. Зарождение в Коринфе особого стихосложения — дифирамба (дифирамбы распевались во время дионисий) — связывают с широким распространением этого празднества ⁶⁸. Геродот сообщает о певце Арпоне, который жил при дворе Периандра; он начал впервые складывать дифирамбы (Herod., I, 23—24). И коринфский, и сикионский тираны славились пышностью своих дворов; они прпвлекали поэтов, скульпторов и художников и всячески им покровительствовали. Небезынтересен в этом отношении рассказ Геродота о необычайно пышной свадьбе, устроенной сикионским тираном Клисфеном своей дочери Агористе (Herod., VI, 126—131).

Международный авторитет Коринфа при тиранах был также велик. По свидетельству Геродота и Аристотеля, Периандр находился в дружественных связях с тираном Милета, Фрасибулом и пользовался его советами в делах управления государством (Herod., V, 92—95). Периандр поддерживал Милет в войнах с могущественной Лидией, и, возможно, эта поддержка помогла Милету сохранить независимость, в то время как многие другие греческие полисы Малой Азии подпали под власть Лидии (Herod., I, 20—23). Геродот и Николай Дамасский указывают на определенные связи Периандра с лидийским царем Аллиатом ⁶⁹, которые, видимо, возникли после заключения мира между Милетом и Лидией. Причисление Периандра традицией к семи греческим мудрецам ⁷⁰ является свидетельством высокого авторитета коринфского тирана в общегреческих делах. Можно предполагать связи Коринфа этого времени и с Египтом: видимо, не случайно племянник Периандра был назван Псаметихом (Nic. Dam., fr. 68).

Много сходного с рассмотренными полисами имелось и в Мегаре. Выше уже упоминалось, что Мегаре принадлежала важная роль в экономике всей Греции архаического периода. Главным занятием мегарских ремесленников была выработка шерстяных тканей, а база этого ремесла — стада овец и коз — находились в собственности дорической аристократии. Ко второй половине VII в. до н. э. значение и численность торговоремесленного населения в экономической жизни города возросла настолько, что эти слои подняли восстание против аристократии; ее стада были уничтожены, что подорвало экономическое могущество знати; затем была свергнута и политическая власть

⁶⁵ Thuc., III, 15; VIII, 7; Strabo, VII, 2, 1.

⁶⁶ R. M. Cook, Ionia and Greece, 800—600 В. С., JHS, 1946, стр. 82; Шмидт, ук. соч., стр. 236.

⁶⁷ P. A. G a r d n e r, History of Ancient Coinage, Oxf., 1918, стр. 134. Уже в это время на монетах появляется тппичное коринфское изображение — крылатый конь Пегас. Увеличение чеканной монеты при Периандре объясняется некоторыми исследователями тем, что чеканку металлических денег начал не Кипсел, а только Периандр (3 о г р а ф, ук. соч., стр. 44).

⁶⁸ O liva, ук. соч., стр. 226, 228.

⁶⁹ Herod., III, 53-54; Nic., Dam., fr. 67.

⁷⁰ D i o g. L a e r t., I, 94. Николай Дамасский также упоминает о причислении Периандра к семи греческим мудрецам, но отвергает этот факт (N i c. D a m., fr. 67).

аристократии. Аристотель сообщает, что Феаген стал тираном в Мегаре после того, как организовал истребление стад зажиточных 71. Хотя мегарская тирания хуже освещена в источниках, замечание Аристотеля дает основание утверждать, что и в Мегаре тирания была направлена против экономического и политического засилия аристократии. В VII в. до н. э. дорическая аристократия Мегары не только политически, но и экономически поработила сельский и городской демос⁷². В свержении власти аристократии принимало участие, по-видимому, прежде всего сельское население.

Тирания в Мегаре была непродолжительной и представлена только одним тираном — Феагеном, который затем был изгнан. Источники позволяют довольно точно датировать время его правления. По сообщению Фукидида (и других авторов), на дочери Феагена был женат афинянин Килон, пытавшийся установить тиранию в Афинах около 640 г. до н. э. ⁷³. Килон был победителем на 35 Олимпийских играх, т. е. в 640 г. до н. э. (Euseb., Chron., I, 198). Фукидид отмечает, что достигнуть власти в Афинах Килон стремился с помощью своего тестя Феагена. Следовательно, около 640 г. до н. э. Феаген чувствовал себя в Мегаре очень прочно и пытался влиять на политическую жизнь соседних полисов. Тирания Феагена, таким образом, приходится на вторую половину VII в. до н. э. и синхронна тирании Кипселидов в Коринфе и Ортагоридов — в Сикионе.

Некоторые из наших источников свидетельствуют об экономическом процветании города во второй половине VII в. до н. э. Павсаний сообщает о сооружении Феагеном в Мегаре водопровода (Paus., I, 40, 1; 41, 2). Во второй половине VII в. до н. э. Мегаре принадлежала первенствующая роль в торговле и мореплавании в зоне черноморских проливов. Морское могущество Мегары в это время подтверждается и ее дальнейшей историей. Во время Греко-персидских войн число мегарских кораблей в общегреческом флоте было значительным. В битве при Артемисии, например, участвовало 20 ее кораблей (Herod., VIII, 1), а в битве при Керкире накануне Пелопоннесской войны — 12 (Thuc., I, 4—6).

То внимание, которое я уделила рассмотрению деятельности тиранов полисов Коринфского перешейка, вовсе не означает, что все развитие этих полисов было связано непосредственно с деятельностью самих тпранов. Их активная родь была успешной постольку, поскольку своими мероприятиями они освобождали производительные силы полисов от стеснительных пережитков родового строя, удерживаемых господством родовой аристократии. Устранение политического господства дорической аристократии способствовало превращению этих полисов в наиболее экономически развитые и ведущие в архаической Греции. Возникновение тирании в этих полисах, как я старалась это показать, явилось следствием их экономического прогресса. Сами тираны чаще выходили из неаристократических слоев; их власть отражала интересы новой, имущественной знати, сложившейся в процессе оживленной торгово-ремесленной деятельности. Вместе с тем тирания приняла здесь антидорический характер, что обеспечило тиранам в борьбе с дорической аристократией поддержку широких слоев населения. Деятельность тиранов Коринфского перешейка сыграла исключительную роль в уничтожении пережитков родового строя; она расчистила путь и для дальнейшего распространения рабовладельческих отношений, хотя проследить рост рабовладения в наших полисах в это время вследствие характера источников чрезвычайно трудно. Для Коринфа в этой связи можно привести одно любопытное свидетельство Николая Дамасского, который сообщает, что Периандр стал препятствовать гражданам в приобретении рабов. Он добавляет также, что Периандр не оставлял согражданам свободного времени, выискивая для них постоянно какие-то дела. Если он заставал кого-нибудь сидящим на рыночной площади, то подвергал того наказанию, опасаясь как бы не составился против него заговор 74. Эту меру Пернандра истолковывают по-разному.

⁷¹ Arist., Polit., V, 4, 5.

⁷² O liva, ук. соч., стр. 247.

⁷³ Thuc., I, 126; Herod., V, 71; Plut., Solon, 12.

⁷⁴ Nic. Dam., fr. 67.

Юр, например, считает, что Периандр старался поддерживать мелких ремесленников в ущерб крупным, чтобы последние не богатели на рабском труде ⁷⁵. По-видимому, у нас нет оснований подвергать сомнению свидетельство Николая Дамасского. Периандр мог опасаться скопления в руках новой знати множества зависимых от них и подчиненных им людей, которые в случае необходимости могли быть обращены против него ⁷⁶. Но в этом сообщении отразилось, очевидно, также то обстоятельство, что в полисе оказалось множество рабов, число которых, очевидно, внушало государству опасения. Это сообщение косвенным образом свидетельствует, что рабский труд в Коринфе в это время был повсеместно распространен и что тираническая форма правления объективно способствовала развитию рабовладения ⁷⁷.

Изменение характера власти коринфских тиранов (доказательством может служить иная, чем Кипсела, оценка древними Периандра) связано также с укрепившимися новыми общественными слоями — новой знатью, которая владела теперь не только землей, но мастерскими, караблями и рабами. Я уже приводила свидетельства Аристотеля и Геродота о том, что Кипсел не имел телохранителей 78. Это сообщение можно понимать только таким образом, что тирания Кипсела пользовалась широкой поддержкой новой знати и демоса. О Периандре Николай Дамасский сообщает, что он содержал 300 человек телохранителей, жестокостью и насилием превратив свою власть в тираническую 79. Согласно с Николаем Дамасским и свидетельство Диогена Лаэртского, что Периандр стал править как тиран (Diog. Laert., I, 98). Рассказ Геродота о том, что Периандр воспользовался советом милетского тирана Фрасибула — срезать колосья, которые выделяются над остальными, — также можно истолковать в том смысле, что Периандр начал террор по отношению к новой знати, опасаясь за свою власть (Herod., V, 92).

Конфликт с усилившейся торгово-ремесленной знатью и был, очевидно, главной причиной устранения тирании в Коринфе 80. После смерти Периандра тирания просуществовала только три года 81. Николай Дамасский приводит подробности падения тирании в Коринфе. Несколько коринфян составили заговор и убили последнего тирана, освободив город. Дома тиранов были сожжены, их имущество конфисковано. Последний тиран не был погребен, а могилы его предков были осквернены (Nic. Dam., fr. 69). В Коринфе возникла рабовладельческая республика, и власть в ней принадлежала новой имущественной знати; из граждан стали избирать восемь пробулов и совет девяти (Nic. Dam., fr. 69). Можно считать установившуюся в Коринфе форму правления олигархической, что вполне соответствует сложившимся за период тирании общественным силам. Такое государственное устройство просуществовало в Коринфе очень долго. Известно, что во второй половине IV в. до н. э. жители Сиракуз обратились к своей метрополии, Коринфу, за помощью против тирании Дионисия Младшего и надвигавшейся войны с Карфагеном. Коринфяне, весьма заинтересованные в утверждении своих позиций в Западном Средиземноморье, охотно оказали эту помощь. Победив

⁷⁵ R. N. Ure, The Origin of Tyranny, Cambr., 1922, crp. 192.

⁷⁶ О liva, ук. соч., стр. 230.

⁷⁷ Если верить сообщению Афинея (со ссылкой на Тимея), в Коринфе в V в. до н. э. насчитывалось 460 тыс. рабов (Athen., VI, 272, ВС). Белох считал эту цифру преувеличенной. Анализ достоверности сообщения Афинея о численности рабов в ряде полисов классической Греции дан Я. А. Ленцманом (Я. А. Ленц ма н, Рабство в микенской и гомеровской Греции, М. 1963 г., стр. 11—27). «Сотни тысяч афинеевых рабов — ...преувеличение. Однако в его основе лежит убеждение в значительном превосходстве рабов над свободным населением в ведущих полисах античной Греции» (стр. 27).

⁷⁸ Arist., Polit., V, 9, 22; Herod., V, 92.

⁷⁹ Nic. Dam., fr. 67.

⁸⁰ Oliva, ук. соч., стр. 232.

⁸¹ Arist., Polit., V, 9, 22; Nic. Dam., fr. 69.

приверженцев тирана и Карфаген, коринфский стратег Тимолеонт учредил в Сиракузах образ правления, аналогичный коринфскому 82 .

В Сикионе до конца XI в. до н.э. у власти находились те же социальные силы, которые укрепились за столетний период тиранни — ремесленники, торговцы, земле- и рабовладельцы из новой знати.

Период тирании в Мегаре был значительно короче, отсюда и характер этой власти и последствия тирании, которые для общественной и социальной жизни этого полиса были несколько иными. Согласно свидетельству Плутарха, «мегаряне, изгнав Феагена, имели некоторое время разумное правление. Но когда из их среды появились демагоги, они, обещая несбыточную свободу, натравливали народ на богачей. Народ бросился к домам богачей и стал требовать угощения. Когда же народ его не получил, он завладел всем насильно; восставшие даже требовали у кредиторов обратно выплаченные проценты по долгам» ⁸³. Свидетельство Плутарха о разумном правлении после Феагена, вероятно, следует понимать как достигнутый временный компромисс между прежней и новой имущественной знатью. Сообщение Плутарха дает, однако, основание думать, что социальная борьба в Мегаре после изгнания тирана продолжалась и была направлена теперь против новой знати. Об этой борьбе дают представление элегии Феогнида (середина VI в. до н. э.), в которых он с негодованием пишет о новых богачах, благодаря богатству, но не знатности, занявших высокое положение в обществе.

На рубеже VII и VI вв. до н. э. Мегара стала терять свои внешние позиции, от которых зависело ее экономическое благополучие. Опасными соперниками Мегары на путях в Понт Эвксинский выступают Милет и Самос. Плутарх сообщает об ожесточенной борьбе между ними за Перинф на Пропонтиде, в которой Мегара потерпела поражение (Plut., Moral., 303 Е — 304 С). В конце VII в. начались споры с Афинами за Саламин. Из длительных войн с Афинами Мегара вышла ослабленной территориально и экономически (Plut., Solon., 8 слл.). Лишь после разгрома Афин в Пелопоннесской войне ее экономика стала возрождаться.

Итак, как я пыталась показать, в социально-экономическом развитии трех названных полисов и в характере их государственного устройства рассматриваемого нами времени мы могли видеть много общего, что не исключает, однако, значительных особенностей каждого полиса. Тирания возникла здесь в сравнительно сходных условиях и в силу одинаковых причин. Установление тирании было связано с быстрым экономическим развитием этих городов, которое не только не устранило социальных противоречий, но, напротив, углубило и обострило их. Новая имущественная и денежная знать стремилась утвердить свое господство и политически, следствием чего явилось свержение тирании и замена ее олигархией.

Т. Ф. Новикива

ИМПОРТ АЛЕКСАНДРИИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Проблема взаимоотношений эллинистического Египта и центров Северного Причерноморья освещена еще недостаточно, несмотря на наличие ряда групп археологического материала и известного числа письменных источников. Письменный материал, проливающий некоторый свет на этот вопрос, невелик, вот почему при рассмотрении названной проблемы археологические источники играют особо важную роль. Находимый при раскопках городищ и некрополей Северного Причерноморья греко-египетский материал представляет различные изделия египетских ремесленников птолемеевской эпохи. Наиболее показательной группой является керамика, позволяющая с

⁸² Diod., XVI, 70, 90; XIX, 4, 5; Plut., Tim., 37—39.

⁸³ Plut., Moral. 295, CD; Plat., Rep., VIII, 562 D.

наибольшей точностью установить ее принадлежность гончарному производству Александрии.

Впервые греко-египетская керамика, найденная в Северном Причерноморье, была опубликована Э. Р. Штерном ¹, которого с полным правом следует признать пионером в исследовании связей эллинистического Египта и Северного Причерноморья ². Однако, несмотря на важность публикации Э. Р. Штерна, она содержит ряд ошибочных положений. Одна из основных ошибок Э. Р. Штерна заключается в том, что местную ольвийскую керамику он принял за греко-египетскую, издав ее совместно с подлинными александрийскими изделиями. Т. Н. Книпович убедительно доказала местный характер ряда опубликованных Э. Р. Штерном сосудов, справедливо истолковав их как отражение ввоза египетской эллинистической керамики в Северное Причерноморье ³. Известного пересмотра требуют также и греко-египетские изделия, опубликованные Э. Р. Штерном. Со времени выхода в свет его работы археологическое изучение эллинистических памятников Египта продвинулось столь значительно, что датировать и классифицировать александрийскую керамику в настоящее время возможно с максимальной точностью.

Всю импортную александрийскую керамику Э. Р. Штерн издал слишком суммарно, ограничившись указанием на ее связь с керамикой Капрского музея ⁴. Представленная в его публикации керамика Гадра не выделена в особую группу ⁵. Нельзя согласиться и с предложенной Э. Р. Штерном классификацией содержащейся в его публикации керамики. Скорее всего именно по этой причине оспаривается александрийское происхождение значительной части материалов Э. Р. Штерна. Поэтому в настоящей статье, помимо не введенного ранее в научный оборот материала из собрания Одесского государственного археологического музея, рассматриваются также три опубликованных Э. Р. Штерном сосуда с тем, чтобы, доказав их принадлежность александрийской керамике Гадра, наиболее точно их датировать.

Из имеющейся в нашем распоряжении греко-египетской керамики, найденной в Северном Причерноморье, мы ограничимся рассмотрением только керамики Гадра как наиболее яркого образца александрийского материала. Как мы покажем далее, это также чрезвычайно важно для выяснения некоторых особенностей керамического производства отдельных северопричерноморских центров.

Изучение ваз Гадра, открытых при раскопках александрийских некрополей и содержащихся в коллекциях музеев, показало, что эта разновидность александрийских сосудов, специально изготовлявшаяся для погребальных целей, делится на две боль-

¹ Э. Р. Штерн, К вопросу об эллинистической керамике, ЗООИД, XXVIII, 1910, стр. 158 сл.

² Известны и другие работы Э. Р. Штерна, в которых он касается связей Северного Причерноморья с Египтом. См. Е. von S t e r n, Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres, «Klio», IX, 1907, № 2, стр. 7 сл.; о н ж e, Sur les relations commerciales entre l'Égypte et les colonies grecques situées sur le hord de la Mer Noir, «Compte rendus du Congrès international d'archéologie classique», 2 session, Le Caire, 1909, стр. 225—229.

³ Т. Н. К н и п о в и ч, Из истории художественной керамики Северного Причерноморья, СА, VII, 1941, стр. 140 сл.

⁴ Штерн, К вопросу об эллинистической керамике, стр. 170.

⁵ Работа Э. Р. Штерна об эллинистической керамике была издана в 1910 г., тогда как значительные публикации александрийского материала, содержащие керамику Гадра, появились позднее. Статья Р. Пагенштехера о чернофигурных гидриях Гадра с надписями (R. P a g e n s t e c h e r, Dated Sepulchral Vases from Alexandria, AJA, XIII, 1909, стр. 387 сл.) стала известной Э. Р. Штерну, как он сам об этом пишет, лишь после набора его статьи (Ш т е р н, К вопросу об эллинистической керамике, стр. 162 и 172). Изданная ранее работа А. Мерриама (А. М е г г і а m, Inscribed Sepulchral Vases of Alexandria, AJA, 1885, стр. 18 сл.) посвящена главным образом разбору надписей на вазах Гадрах, но не рассмотрению самих ваз.

шие группы: вазы, расписанные черным «лаком» по незакрашенной поверхности тулова сосуда, или, как лучше их называть, чернофигурные вазы Гадра, и сосуды с белой гипсовой облицовкой и акварельной росписью — полихромные вазы ⁶. Эта классификация сосудов соответствует и их различию в форме.

В собрании Одесского музея имеются обе группы керамики Гадра. Рассмотрение ее мы начнем с чернофигурных ваз.

Чернофигурные вазы принадлежат к наиболее многочисленному классу керамики Гадра. Наиболее излюбленный тип формы ваз Гадра — гидрия, однако нередки и другие разновидности — амфоры, кальпиды, стамносы. Орнаментация чернофигурных ваз почти всегда следует традиционной схеме, сложившейся в начальный период их существования. Торла сосудов, как правило, украшены стилизованным изображением венка из листьев лавра или оливы, реже полоской меандра или точек. Узор лицевой стороны тулова размещается в широкой горизонтальной полосе между двумя чернолаковыми поясками и замкнут с боков узкими вертикальными зонами, заполненными штриховкой. Орнаментальная полоса лицевой поверхности тулова чаще всего украшена растительным узором, но существует большая серия ваз, расписанных сюжетными изображениями. Узор тыльной стороны чернофигурных ваз весьма скромен: стилизованная пальметка или растительная гирлянда, свисающая на тулове между двумя ручками. Весь орнамент исполняется по незакрашенной поверхности глины или поверх светлого ангоба жидким коричнево-черным «лаком».

Черный силуэтный рисунок на светлом фоне боковой поверхности сосуда свидетельствует о возрождении в эллинистическую эпоху архаических традиций вазописи. Указанное явление, отмеченное в ряде центров Средиземноморья этой поры, нашло наиболее яркое выражение именно в чернофигурных вазах Гадра 7.

Появление керамики Гадра обеих разновидностей относят к последним десятилетиям IV в. до н. э.⁸, а точнее — ко времени Птолемея Лага ⁹, что подтверждается не только стилистическим анализом ваз, но и датировкой комплексов, в которых они были найдены. Конец производства керамики Гадра отнесен Э. Бреччиа ¹⁰ и Р. Пагенштехером ¹¹ к рубежу III—II вв. до н. э. Однако раскопки некрополя Мустафа Паша, производившиеся А. Адриани в 30-е гг., показали, что в комплексах конца III в. керамики Гадра весьма мало, а с материалами рубежа III—II вв. она почти не встречается ¹². Таким образом, керамику Гадра следует датпровать периодом не позднее конца III в., считая началом ее производства ¹³ время Птолемея Лага.

В серии чернофигурных ваз Гадра существует небольшая группа сосудов (27 ваз),

⁶ В окончательно сложившемся виде классификация керамики Гадра приводится Э. Бреччиа в его публикации материалов александрийского некрополя Шатби — Е. В гессіа, La Necropoli di Sciatbi, т. І (далее — Sciatbi), Le Caire, 1912, стр. 26—27.

⁷ Этот своеобразный «ренессанс» чернофигурной вазовой живописи, получивший наибольшее развитие в Александрии, объясняется различно. Из высказанных по этому поводу мнений наибольшего внимания заслуживает суждение Р. Пагенштехера, объясняющего обращение к чернофигурной живописи в конце IV—III вв. распространением позднепанафинейских амфор, роспись которых в силу культовых традиций оставалась чернофигурной (R. P a g e n s t e c h e r, Schwarzfigurige Vasen des vierten und dritten Jahrhunderts, «Bulletin de la Société Archéologique d'Alexandrie», № 14, Alexandrie, 1912, стр. 235).

⁸ Pagenstecher, Dated Sepulchral Vases..., crp. 405.

⁹ E. Breccia, Iscrizioni greche e latine, Le Caire, 1911, crp. XIV.

¹⁰ Там же, стр. XIV.

¹¹ Pagenstecher, Die Griechische-Ägyptische Sammlung E. v. Sieglin, 3, «Expedition Ernst von Sieglin, Ausgrabungen in Alexandria», II, Lpz, 1913, crp. 52.

¹² A. Adriani, La necropole de Moustafa Pacha, «Annuaire du Musée Gréco-Romain (1933—34—1934—35)», Alexandrie, 1936, стр. 141 сл.

¹³ Sciatbi, crp. 28.

надписи на которых указывают дату погребения: месяц, день и год правления царя, имя которого не называется ¹⁴. Некоторые надписи содержат только дату, другие — имя официала, при посредстве которого было совершено погребение. Ряд надписей на урнах свидетельствует, что они заключали в себе прах наемников, членов и глав священных посольств — феоров и архифеоров, а также послов при дворе Лагидов.

Как установлено А. Мерриамом 15 и Р. Пагенштехером 16 , «датированные» вазы относятся в основном ко времени правления Птолемея II Филадельфа и начала царство-

вания Птолемея III Эвергета, укладываясь, таким образом, в хронологический отрезок между 271—239 гг. до н. э.

За последнее время эта датировка была подвергнута критике X. Браунертом 17 и П. Фрэзером 18, которые доказывают, что хотя отдельные надписи на вазах были сделаны в последние годы правления Птолемея II Филадельфа, большая часть их приходится на время Птолемея III Эвергета и Птолемея IV Филопатора. Не вдаваясь в подробности этой критики, отметим, что она не учитывает ни формы сосудов, ни комплексов, в которых они были найдены, а строится исключительно на основе палеографического анализа надписей. Как бы то ни было, предложенные Х. Браунертом и П. Фрэзером изменения к датировке А. Мерриама — Р. Пагенштехера не вносят никаких существенных изменений в общую датировку керамики Гадра 19.

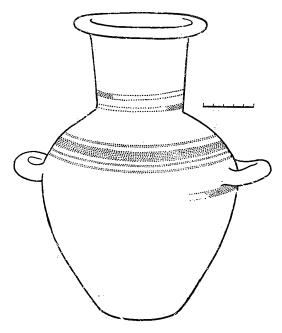

Рис. 1. Гидрия с частичной реконструкцией орнамента поясков

Среди публикуемых нами ваз наиболее ранней является гидрия из светло-желтой, тонко отмученной глины ²⁰. В гидрии сохранились следы кремации в виде пережженных костей. Высота сосуда — 0,35 м, обычная для ваз Гадра этого типа. Ее форма характерна для одной из разновидностей сосудов ранней группы: высокое расширяющееся кверху горло завершается валикообразным венчиком, покатые плечи плавно переходят в яйцевидное тулово на плоском поддоне. Форма тулова сосуда весьма близка гидрии из музея Метрополитен (Нью-Йорк), датируемой первой четвертью III в. ²¹. Известную близость публикуемой гидрии по форме и росписи представляют три гидрии из Каир-

¹⁴ В литературе эта небольшая группа гидрий иногда условно называется «датированными» вазами.

¹⁵ Меггіат, ук. соч., стр. 29 сл.

¹⁶ Pagenstecher, Dated Sepulchral Vases..., crp. 406.

¹⁷ H. Braunert, Auswärtige Gäste am Ptolemäerhofe, JDAI, 65/66, 1950—1951, crp. 231—263.

¹⁸ T. Rönne and P. M. Fraser, A Hadra-Vase in the Ashmolean Museum, JEA, № 39, 1953, crp. 84—94.

¹⁹ Датировку X. Браунерта и П. Фрэзера поддерживает Р. Кук (R. M. Cook, Greek Painted Pottery, L., 1960, стр. 210).

²⁰ OΓAM, 23592.

²¹ Pagenstecher, Dated Sepulchral Vases..., стр. 406 и 408, табл. IX.1.

⁹ Вестник древней истории, № 4

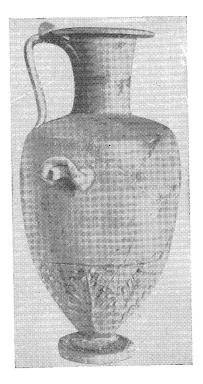

Рис. 2. Гидрия с рельефным узором в виде листьев аканфа и лотоса

Рис. 3. Гидрия с чернофигурной росписью в виде растительных завитков

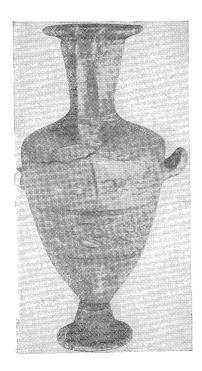

Рис 4. Гидрия с чернофигурной и полихромной росписью

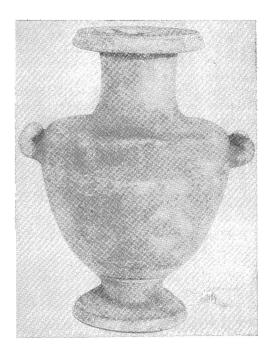

Рис. 5. Гидрия с частично сохранившейся гипсовой облицовкой

ского музея, украшенные скромным узором из поясков красновато-коричневого лака ²². По слабо сохранившимся следам лака мы производим реконструкцию росписи сосуда (рис. 1). Необходимо подчеркнуть, что столь скупой орнамент, составленный только из поясков, часто отмечается на гидриях Гадра указанной формы (изредка он дополняется другими изображениями) ²³. Поясковый орнамент украшает многие сосуды из некрополя Шатби ²⁴. Публикуемая гидрия, обнаруживающая близость с керамикой этого некрополя, одного из наиболее ранних в Александрии, датируется временем не позднее первой четверти III в.

Второй сосуд — также гидрия удлиненных пропорций из светло-желтой глины ²⁶ (рис. 2). Прямое горло гидрии, едва расширяющееся кверху, имеет широкий скошенный книзу венчик. Широкая вертикальная ручка с высоким продольным ребром у венчика снабжена двумя дискообразными щитками ²⁶. Примечательно оформление нижней части тулова гидрии, украшенного листьями аканфа в высоком рельефе прекрасной формовки, чередующимися с ланцетовидными листьями лотоса, прочерченными острым резцом по тулову сосуда. Этот характерный эллинистический узор, распространенный на рельефных сосудах и изделиях торевтики, украшает также и гидрию из музея Метрополитен (Нью-Йорк), в общих чертах воспроизводящую форму нашей вазы ²⁷. Поверхность сосуда была покрыта тонким слоем серовато-желтого ангоба, сохранившегося местами, расписана черным лаком и, как это отмечается иногда у чернофигурных ваз Гадра, красной краской.

От росписи сохранились лишь небольшие участки красных полос на средней части тулова и по плечикам. Едва заметны следы росписи в виде ветви лавра на горле сосуда. Гидрия входит в разряд чернофигурных ваз Гадра и датируется временем не позднее середины III в. ²⁸.

Наиболее примечательна небольшая гидрия из светлой розовато-желтой глины, сохранившая все наиболее характерные признаки росписи чернофигурных ваз Гадра ²⁹ (рис. 3). Форма гидрии характеризуется удлиненными пропорциями тулова, резким изломом плечиков и слегка расширяющимся кверху горлом. Высота ее — 0,31 м. Такая удлиненная форма тулова ³⁰ преобладает среди ваз Гадра, открытых на александрийском некрополе второй половины III в. Мустафа Паша.

²² С. С. E d g a r, Greek Vases, Le Caire, 1911, табл. XVIII, № 26247—26249.

 $^{^{23}}$ В Государственном Эрмитаже хранится ваза Гадра (инв. № Б 3324), украшенная поясковым орнаментом, дополненным красными бутонами лотоса, которая по форме особенно близка публикуемой гидрии.

²⁴ Sciatbi, табл. XLIII, 59, 50; XLIV, 61, 63.

²⁵ ОГАМ, 22984. Гидрия опубликована Э. Р. Штерном (Ш тер н, К вопросу об эллинистической керамике, стр. 168, табл. IV, 11), по свидетельству которого она была найдена в Ольвии в 1900 г.

²⁶ Гидрия реставрирована; ее высота с восстановленной ножкой 0,46 м.

²⁷ Радепstecher, Dated Sepulchral Vases..., стр. 404, рис. 10.

²⁸ Э. Р. Ш т е р н, весьма кратко описавший сосуд, отнес его к группе «Б» своей классификации, куда включил и местные сосуды с полихромной росписью по белой обмазке. В результате три опубликованные им гидрии, входящие в класс чернофигурной керамики Гадра, оказались в двух различных группах («А» и «Б» классификации Э. Р. Штерна). Подобное объединение различных в техническом отношении групп ваз вряд ли следует считать правильным.

²⁹ ОГАМ, 26639. Гидрия опубликована Э. Р. Штерном (Ш тер н, К вопросу об эллинистической керамике, стр. 165, табл. IV, 6), который, однако, не отметил всех наиболее характерных признаков чернофигурной керамики Гадра, особенно отчетливых на данном сосуде. По словам Э. Р. Штерна, гидрия найдена в 1899 г. в Ольвии.

³⁰ A driani, ук. соч., стр. 142—143. По справедливому суждению Р. Пагенштехера, ранние типы гидрий Гадра приземисты и широки, тогда как у более поздних сосудов форма тулова удлиненная (Pagenstecher, Dated Sepulchral Vases..., стр. 405 сл.).

Роспись этой гидрии — своего рода эталон оформления чернофигурных ваз Гадра. Гордо сосуда украшено стилизованным рисунком лаврового венка, замкнутого на лицевой стороне перекрестием из точек. Узор плечиков, состоящий из полосы жемчужника и чернолаковых поясков, дополнен изображениями пальметок. Вертикальная ручка и край венчика расписаны «полосатым» узором — распространенный стандарт декорировки названных частей чернофигурных ваз Гадра. Средняя часть лицевой поверхности тулова, окаймленная горизонтальными поясками «лака», украшена росписью из завитков и изящно выписанных между ними пальметок. На нашей гидрии, так же как и на подавляющем большинстве чернофигурных ваз, узор орнаментального пояса по бокам обрамлен узкими вертикальными зонами, заполненными диагонально пересекающимися линиями. Тыльная сторона гидрии орнаментирована вертикальными полосками и спиралевидными усиками, выписанными только с одной стороны, очевидно, в результате упущения или спешки вазописца³¹. Гидрия входит в круг керамики Гадра середины — третьей четверти III в. до н. э. Среди гидрий этой поры встречаются и образцы больших размеров с грубой, деградировавшей росписью. Мелкие экземпляры гидрий отличаются изящными пропорциями и беглой росписью, в которой преобладают растительные сюжеты. Поразительно близка пропорциями и деталями росписи нашей гидрии ваза из некрополя Габбари 32.

К тому же времени, что и вышеописанный сосуд, относится другая гидрия, деталями формы несколько от него отличающаяся ³³ (рис. 4). Тулово этой гидрии, резко сужаясь книзу, принимает рюмкообразные очертания. Высота ее 0,32 м. Глина — светложелтая, теплого оттенка, такая же, как и у предыдущего сосуда. Роспись гидрии отличается от росписи обычных чернофигурных ваз Гадра. Ее горло и средняя часть тулова украшены узором из ветвей лавра с плодами, плечики и верхняя орнаментальная зона — ветвями оливы. Узор этот, так же как и горизонтальные пояски, членящие тулово на части, исполнены темно-лиловой краской в виде контурного рисунка, закрашенного в розовый, белый и голубой цвета ³⁴. Ножка и вертикальная ручка гидрии расписаны горизонтальными полосками тех же цветов. Любопытен рисунок нижней части сосуда, в яркой полихромии воспроизводящий корзинку из листьев аканфа. Об этом характерном для эллинистической эпохи декоративном мотиве, исполненном в рельефе на одной из гидрий (ОГАМ, 22984), речь шла выше.

Таким образом, рассмотренная группа чернофигурных ваз Гадра Одесского музея содержит характерные образцы александрийской керамики, происходящие из Северного Причерноморья, датировка которых укладывается в рамки рубежа IV—III— третьей четверти III в. до н. э.

В собрании александрийской керамики из Северного Причерноморья представлена и другая группа керамики Гадра — полихромные вазы. В упоминавшейся выше работе Э. Р. Штерна этой разновидности керамики Гадра нет ⁸⁵. Из известных Э. Р. Штерну

³¹ Так же оформлена тыльная сторона гидрии из Брюссельского музея Cinquantenaire (см. CVA, Belgique, III, табл. 3 a, b, c).

³² T. N e r o u t s o s, L'ancienne Alexandrie, P., 1888, стр. 75. Две гидрии Гадра из известной коллекции Фогеля весьма сходны с публикуемой гидрией — см. В о е h-l a u, Griechische Altentümer Südrussischen Fundorts aus dem Besitze das Herrn A. Vogell (Sammlung Vogell), Karlsruhe, 1908, стр. 43, табл. V, 8 и 12.

³³ ОГАМ, 26629. Опубликована Э. Р. Штерном. Найдена в Ольвии в 1899 г. (Штерн, Квопросу об эллинистической керамике, стр. 165, табл. III, 5).

³⁴ Известно достаточное число случаев применения полихромии в росписи чернофигурных гидрий, примером чего может служить известная красно-голубая ваза Гадра, опубликованная Р. Пагенштехером (Pagenstecher, Die Griechische-Agyptische Sammlung..., стр. 46, рис. 51, табл. XVI).

³⁵ Э. Р. Штерн опубликовал группу местных ольвийских сосудов, среди которых отдельные образцы (курильницы) явно подражают по технике изготовления полихромным вазам Гадра. Симптоматична ошибка Э. Р. Штерна, принявшего их за александрийские изделия (Ш т е р н, К вопросу об эллинистической керамике, стр. 168, табл. V, 14 и 15).

работ, вышедших ко времени его публикации, статья Р. Пагенштехера 36 также не содержит полихромных ваз.

Полихромные вазы Гадра в отдельную серию группируются по специфическому приему обработки боковой поверхности под роспись и широкому применению полихромии. Подвергнутый обжигу сосуд обмазывался раствором гипса. Гипс, сглаживая неровности на поверхности вазы, образовывал толстый слой покрытия, служившего отличной грунтовкой под роспись ³⁷. Отдельные сосуды изготовлялись из глиняного теста, в который специально добавлялся пироксен, придававший сформованным сосудам шероховатую поверхность. В этом случае гипсовая облицовка держалась значительно лучше, чем на гладкой поверхности.

В обработке поверхности полихромных ваз Гадра есть много общего с древнеегипетскими традициями подготовки стен помещений под роспись. Обожженный гипс, применявшийся в качестве вяжущего раствора в древнем Египте, употреблялся также и как штукатурка. Гипсовую штукатурку широко использовали для подготовки гладкой поверхности стен в домах, дворцах, храмах и гробницах. При этом гипсовую штукатурку наносили обычно на глиняную подготовку ³⁸.

Б. Р. Браун, изучившая александрийскую монументальную живопись птолемеевской эпохи, обнаруживает, что декорировка полихромных ваз Гадра находится в непосредственной зависимости от стенных росписей ³⁹. Размещение отдельных элементов росписей полихромных ваз не следует какой-либо строгой системе, как, например, у чернофигурных ваз Гадра, а подчинено главным образом законам перспективы. В результате полихромная роспись обладает скорее живописным, чем декоративным характером. Краски, которыми осуществлялся полихромный рисунок, разводились на воде в соединении со связующими веществами.

На основе связи полихромных ваз с александрийской монументальной живот писью Б. Р. Браун строит их датировку. В свое время Э. Бреччиа, располагая ценнейшими для датировки данными некрополя Шатби, доказал, что полихромные вазы появляются одновременно с чернофигурными. Б. Р. Браун считая, что большая часть полихромных ваз относится к III в. до н. э. исключительно на основе стилистического анализа росписей, не учитывает особенностей их формы и исключает возможность датировок ваз по комплексам; поэтому с отдельными датировками Б. Р. Браун нельзя согласиться ⁴⁰.

Излюбленной формой полихромных ваз, так же как в чернофигурной керамике

³⁶ Радеп stecher, Dated Sepulchral Vases..., стр. 387 сл.

³⁷ Гипсовую облицовку сосудов следует отличать от ангоба—обмазки сосуда до обжига разжиженной глиной. Э. Р. Штерн смешивает эти приемы обработки тулова перед росписью, поэтому его классификация керамики (группы «А» и «Б») построена на неправильной основе.

³⁸ И. Л. З начко-Яворский, Очерки истории вяжущих веществ от древнейших времен до середины XIX в., М.— Л., 1963, стр. 48—49. А. Лукас, специально исследовавший ремесла древнего Египта, пишет, что гипс использовался обязательно обожженным и в смеси с водой. Только в этом случае он приставал к поверхности сосуда (А. Лукас, Материалы и ремесленные производства древнего Египта, М., 1958, стр. 41).

³⁹ B. R. Brown, Ptolemaic Paintings and Mosaics and the Alexandrian Style, Cambr. Mass., 1957, crp. 60.

⁴⁰ В го w n, ук. соч., стр. 67. Ряд подихромных ваз Браун относит ко II в. до н. э., что не соответствует действительности. В одной из секций некрополя Гадра (эль-Манара) найдены позднейшие разновидности формы полихромных гидрий Гадра, которые датируются временем не позднее конца III в. до н. э. (А. A d r i a n i, Nouvelles découvertes dans la nécropole de Hadra, «Annuaire du Musée Greco-Romain», III, 1940—1950, Alexandrie, 1952, стр. 17, рис. 13; стр. 25, рис. 20).

Гадра, является гидрия, однако нередки случаи обращения гончаров и к другим формам: амфора, стамнос, особенно кальпида 41 .

В публикуемой серии александрийских ваз мы располагаем одним из наиболее типичных экземпляров полихромной керамики Гадра. Это гидрия высотой в 0,35 м, с плоскими плечиками и яйцевидной формой широкого и приземистого тулова, коротким основанием соединенного с широкой ступенчатой ножкой ⁴² (рис. 5). Массивное

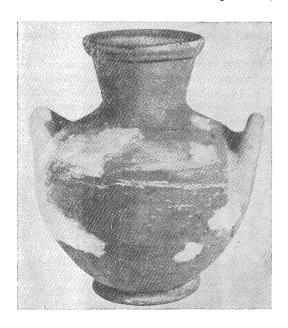

Рис. 6. Амфора

горло гидрии завершается широким прямым венчиком с низко выгнутой округлой закраиной. Этот наиболее распространенный вид формы полихромных ваз Гадра генетически восходит к металлическим сосудам. Ребристый выступ и изгиб венчика характерны для металлических ваз, равным образом как и дугообразно изогнутая тонкая вертикальная ручка ⁴³. Сосуд изготовлен из светло-желтой глины с незначительным количеством мелких включений.

Гипсовая облицовка гидрии осыпалась с большей части ее поверхности. Поэтому не сохранилась и полихромная роспись, за исключением пятен ярко-красной краски на тулове и под одной из горизонтальных ручек. По форме наша гидрия наиболее близка полихромным гидриям некрополя Шатби, материал которого служит основой для ее датировки 44 концом IV — первой четвертью III в.

Второй сосуд, входящий в группу полихромных ваз Гадра, найден был в раздавленном состоянии и реставрирован ⁴⁵. Это небольшая (высотой 0,30 м) шаровидная амфора на массивном кольцевом поддоне (рис. 6). Расширяющееся в верхней части горло ее завершается уплощенным валиком. Ручки, горизонтально прикрепленные к плечикам, более характерны для гидрии, чем для амфоры. Бесспорно, эта форма ваз Гадра генетически восходит к гидрии ⁴⁶. Публикуемая амфора по форме близка амфоре из некрополя Шатби, что позволяет датировать ее временем не позднее середины III в. ⁴⁷. Сосуд сформован из буро-красной глины с крупными, специально добавленными в нее включениями пироксена и перед обжигом был закрашен тонким слоем глиняной эмуль-

⁴¹ См. об этом Е. В r e c c i a, Alexandrea ad Aegyptum, Bergamo, 1914, стр. 234.

⁴² ОГАМ, 26452. В картотеке Одесского археологического музея указаны место и год находки гидрии — Херсонес, 1908.

⁴³ В некрополе Гадра (секция эль-Манара) найдена аналогичной формы гидрия, рельефный орнамент которой воспроизводит чеканный узор металлической вазы (A d r i a n i, Nouvelles découvertes..., стр. 21, рис. 16).

⁴⁴ Особенно близки нашей вазе в деталях формы гидрии из некрополя Шатби — инв. № 10605 и 19096 (Sciatbi, стр. 35, табл. XXXIX, 50 и 51) и гидрии из музея Метрополитен (Pagenstecher, Griechische-Agyptische Sammlung..., стр. 49, рис. 54).

⁴⁵ При реставрации был потерян инвентарный номер и утрачена гипсовая облицовка сосуда. Сосуд происходит из эллинистического некрополя Ольвии.

⁴⁶ Pagenstecher, Dated Sepulchral Vases..., ctp. 401.

⁴⁷ Sciatbi, табл. XLIII, 53.

1

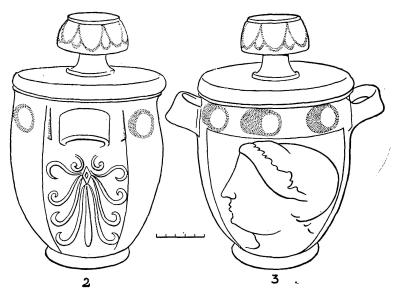

Рис. 7 (1). Кальпида с гипсовой облицовкой и полихромной росписью. (2, 3). Реконструкция росписи

сии, поверх которой уже после обжига был нанесен слой гипсовой обмазки ⁴⁸. Полную аналогию публикуемому сосуду представляет амфора, хранящаяся в Государственном Эрмитаже и также происходящая из Северного Причерноморья ⁴⁹.

 $^{^{48}}$ Такого типа глина у полихромной гидрии с инв. № 19101 из некрополя Шатби (Sciatbi, стр. 33, табл. XXXVIII, 49).

⁴⁹ Инв. № Б 7649.

Наиболее интересен хранящийся в Одесском археологическом музее сосуд в форме кальпиды с крышкой ⁵⁰ (рис. 7, 1, 2, 3). Поверх ослепительно белой облицовки кальпиды сохранилась полихромная роспись. Сосуд имеет широкое приземистое тулово на кольцевом поддоне. Плоские ручки у устья с боковыми выступами имитируют металлическую посуду — одна из черт, присущих полихромных вазам Гадра. Высота сосуда с крышкой 0,27 м. Расписанная красными овами массивная крышка снабжена ручкой в виде профилированной шишки, что вообще является одним из характерных признаков кальпиды. Развившийся в поздней краснофигурной керамике указанный тип формы — кальпида — был воспринят керамикой Гадра, как чернофигурной, так и полихромной ⁵¹. Сосуд сформован из розово-желтой глины, наиболее обычной для ваз Гадра. Обжиг, по-видимому, был неровным, в результате чего верхняя часть сосуда, включая крышку, оказалась светло-серого цвета с желтоватым оттенком. Яркая полихромная роспись сохранилась фрагментарно, так как гипсовая облицовка, на которую она была нанесена, местами осыпалась.

С двух сторон ваза украшена изображениями женской головы, написанной в профиль на светло-лиловом фоне (рис. 7, 3). В керамике Гадра неоднократно отмечены случаи профильных изображений человеческого лица. Известна, например, чернофигурная гидрия Гадра с двумя мужскими силуэтами на тулове ⁵². Иногда лицо изображалось и в фас. На тулове одной из полихромных ваз музея Метрополитен (Нью-Йорк) яркими красками написана голова медузы с использованием законов перспективы и техники светотени ⁵³.

Рисунок женского лица сделан светло-розовой краской. Теневой эффект усиливается темно-фиолетовой линией, обрисовывающей детали черт лица и головного убора, как бы отчеркивая профиль от светло-лилового фона. Подобный прием исполнения полихромных изображений в росписи ваз Гадра, отвергающий технику светотени, Б. Р. Браун сопоставляет с монументальной росписью некоторых александрийских гробниц 54. Необходимо отметить, что в орнаментации полихромных ваз применяется как система росписи, при которой используется указанный способ теневой обрисовки, так и роспись с применением техники светотени 55. Для обоих этих способов передачи полихромных изображений поверх гипсовой облицовки характерно использование закона перспективы.

Верхняя часть тулова кальпиды украшена цилиндрами, написанными в перспективе оранжевой краской,— по три с каждой стороны. Роспись вазы и в этом случае воспроизводит прием, свойственный монументальной живописи. Так, например, узкая верхняя декоративная зона одной из камер гробницы № 8 некрополя Рас эль-Тин расписана красными дисками ⁵⁶. Полоса квадратов с закругленными углами, написанными в перспективе, наблюдается в одной из гробниц некрополя Анфуши ⁵⁷. Пространствен-

⁵⁰ ОГАМ, 26671. В картотеке музея значится: приобретена в Ольвии.

⁵¹ Выше уже отмечалось, что, перечисляя разновидности форм керамики Гадра, Э. Бреччиа называет кальпиду одной из наиболее распространенных разновидностей форм полихромных ваз (В r е c c i a, Alexandrea..., стр. 234).

⁵² E. Breccia, Rapport sur la marche du service du Musée pendant les années 1910—1911, Alexandrie, 1912, crp. 15—16, ταбπ. V, 13.

⁵³ Merriam, ук. соч., стр. 19, табл. I; Pagenstecher, Die Griechische-Ägyptische Sammlung..., стр. 50, рис. 55 a, b; Brown, ук. соч., табл. ХХХІІІ.

⁵⁴ Например, роспись стены камеры № 17 одной из гробниц некрополя Рас эль-Тин, в которой изображена фигура Геракла, обведенная теневой линией (В г о w n, ук. соч., табл. XXX—XXXI).

⁵⁵ См. об этом В го w n, ук. соч., стр. 63.

⁵⁶ A. Adriani, Necropoles de l'ile de Pharos, «Annuaire du Musée Gréco-Romain», III (1940—1950), Alexandrie, 1952, стр. 107, табл. XXXII, 2.

⁵⁷ A. Adriani, Necropole d'Anfuschy, там же, табл. XXXIX, 1, 2; XLIV, XLV.

но переданные элементы декорировки отмечены в украшении деревянного саркофага из Абусира ⁵⁸. В этом отношении особенно примечательна чернофигурная гидрия. Гадра музея Antiquarium (Берлин). Верхняя декоративная зона тулова гидрим украшена меандром, рисунок которого передан в глубокой перспективе ⁵⁹.

Как можно видеть, узор верхней декоративной части кальпиды, переданный в пространстве, иллюстрирует практикуемый в александрийской монументальной живописи, а также вазописи ⁶⁰ прием перспективного изо-

Под ручками сосуд украшен двумя крупными пальметками с опущенными вниз лепестками, написанными ярко-красной краской (рис. 7, 2).

бражения отдельных элементов орнаментации.

Форма кальпиды, а особенно характер полихромной росписи свидетельствуют о том, что сосуд следует датировать временем не позднее середины — третьей четверти III в.

К этой же дате мы относим небольшую кальпиду, имеющую наиболее характерную для этого типа ваз форму — сужающееся книзу тулово и амфоровидное навершие крышки ⁶¹ (рис. 8). Плечики сосуда украшены шипами — по два у каждой ручки, тулово — коротким широким носиком ⁶². Высота сосуда с крышкой — 0,28 м. Светло-желтая глина такая же, как на предыдущем сосуде. Поверх слоя белой гипсовой облицовки была произведена роспись, остатки которой сохранились в виде ярко-красных пятен на тулове, плечиках и внутренней поверхности носика.

Итак, серия полихромных ваз, происходящих из Северного Причерноморья, обладает типичными признаками греко-египетской эллинистической керамики Гадра. Все полихромные вазы датируются временем не позднее конца III в. Одна из полихромных гидрий (ОГАМ, 26452) относится к весьма раннему времени — концу IV — первой четверти III в.

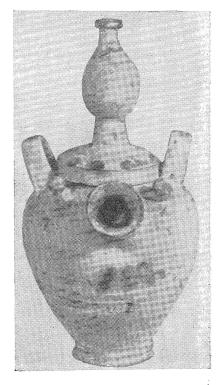

Рис. 8. Кальпида с гипсовой облицовкой и следами полихромной росписи

Вазы Гадра — не единственный вид греко-египетского материала в Северном Причерноморье ⁶³. Из эллинистического Египта происходит также группа чернофигурных

⁵⁸ C. Watzinger, Griechische Holzsarcophage aus der Zeit Alexanders des Grossen, Lpz, 1905, ταδπ. I, II.

⁵⁹ Pagenstecher, Die Griechische-Agyptische Sammlung..., стр. 45, рис. 50.

 $^{^{60}}$ В вазописи рассмотренное явление отмечено только в александрийских изделиях.

⁶¹ ОГАМ, 26670, куплена в Ольвии в 1903 г.

⁶² Любопытно, что тип сосуда с носиком, весьма близкий нашей кальпиде, был, по-видимому, широко распространен в Александрии, так как с некоторыми изменениями мы встречаем его там и в позднеримское время (К. М. К a u f m a n n, La découverte de Sanctuaires de Ménas, Alexandrie, 1908, стр. 68, рис. 47).

⁶³ Необходимо учесть и две вазы Гадра из собрания Государственного Эрмитажа (инв. № Б 3324 и Б 7649), также происходящие из Северного Причерноморья и датируемые первой половиной III в. до н. э.

расписных амфор III в. 64 , пастовые амулеты 65 , стеклянные и пастовые бусы 66 .

Любопытно, что наибольшее количество находок александрийского материала, в первую очередь ваз Гадра, приходится на ольвийский некрополь ⁶⁷. Более того, известная группа ольвийских расписных сосудов — амфоры и курильницы, изготовлявшиеся специально для погребального ритуала, — обнаруживает генетическую связь с керамикой Гадра и александрийскими агонистическими погребальными амфорами ⁶⁸. Хранящийся в Одесском археологическом музее кувшин (инв. № 22639) поверх светлого ангоба украшен орнаментом, отдельные детали которого характерны для росписи чернофигурных ваз Гадра ⁶⁹. Опоясывающий горло кувшина лавровый венок, замкнутый с лицевой стороны розеткой, отмечается только в оформлении чернофигурных александрийских гидрий, а размещение узора поясков на тулове как бы подражает схеме орнаментального фриза тулова вазы Гадра.

- Т. Н. Книпович опубликовала серию местных сосудов из Северного Причерноморья целые образцы и обломки, украшенные силуэтной росписью, исполненной темно-красным «лаком». Роспись эта передает систему орнаментации, заимствованную у чернофигурной керамики Гадра и значительно переработанную: ветвь лавра на горле и пояски в средней части тулова 70. Т. Н. Книпович связывает эту систему орнаментации с александрийской керамикой 71. Важно отметить, что рассмотренная группа местной керамики встречена не только в Ольвии, но и на Боспоре, и в Херсонесе 72.
- ⁶⁴ Чернофигурная амфора с агонистическими сюжетами из раскопок ольвийского некрополя Б. В. Фармаковского в 1901 г. (Б. В. Фармаковского в 1901 г., и. В. Фармаковского в 1903, стр. 28 сл., рис. 15 а, б, в, г); чернофигурные амфоры также с ольвийского некрополя, александрийское происхождение которых бесспорно (Ш тер н, К вопросу об эллинистической керамике, стр. 163—164, табл. I, 4; табл. II, 2, 3; см. также В. Д. Блаватский, История античной расписной керамики, М., 1953, стр. 276).
- 65 Пастовый амулет в виде фигурки Имхотепа обнаружен в кургане станицы Марьевской и относится еще к IV в. до н. э. (Б. А. Т у р а е в, Фигурка Имхотепа, найденная в Кубанской области, ИАК, вып. 49, 1913, стр. 128 сл.). В собрании Одесского археологического музея хранятся происходящие из ольвийского некрополя амулеты из зеленовато-голубой пасты в виде Гарпократа и сфинкса (их общий инв. № 52102).
- 66 Стеклянные и особенно пастовые бусы египетского происхождения частые находки на некрополях Северного Причерноморья. Д. Б. Шелов опубликовал бусы из некрополя Танаиса, значительное число которых сделано из египетской пасты (Д. Б. Шеловов, Некрополь Танаиса, МИА, № 98, М., 1961, стр. 79—80, табл. Х LI—Х LIX). Э. А. Сымонович в материалах могильника Неаполя Скифского обнаружил образцы египетских бус, выработанных скорее всего в Александрии в технике стеклянной нитяной мозаики (Э. А. Сымонович в ич, Египетские вещи в могильнике Неаполя Скифского, СА, 1961, № 1, стр. 270—273). См. также Б. Б. Пиотровский, Египетские предметы в северо-кавказском крае, СГАИМК, № 6, 1931, стр. 28 сл.
- ⁶⁷ Одна из гидрий публикуемого собрания происходит из Херсонеса ОГАМ, 26452. Амфора Гадра из Гос. Эрмитажа (Б 3324) найдена в районе Керчи.
- ⁶⁸ Указанная группа местной ольвийской керамики опубликована К. И. Зайцевой (К. И. Зайце в а, Местная керамика Ольвии эллинистического времени (курильницы и амфоры), «Труды Гос. Эрмитажа», т. VII, Л., 1962, стр. 184 сл.).
- 69 Кувшин опубликован Э. Р. Штерном (К вопросу об эллинистической керамике, стр. 168, табл. IV, 10) и Т. Н. Книпович (ук. соч., стр. 141, рис. 3), которая убедительно доказала его местное, ольвийское происхождение.
 - ⁷⁰ Книпович, ук. соч., стр. 142—144, рис. 4—7.
 - ⁷¹ Там же, стр. 147.
- ⁷² Среди урн, обнаруженных А. Н. Щегловым при раскопках в 1963 г. западного участка херсонесского некрополя (у Песочной бухты), есть три гидрии, форма которых копирует металлические сосуды (доклад, прочитанный А. Н. Щегловым 12 февраля 1965 г. на заседании Группы античной археологии ЛОИА АН СССР). Урны эти обнару-

Таким образом, керамическое производство всех основных центров Северного Причерноморья реагировало на ввоз александрийских изделий, особенно активно в Ольвии; здесь найдена значительная группа керамики III — начала II в., связанная с погребальным ритуалом, выпуск которой находился под сильным влиянием александрийского импорта. Все вышеизложенное свидетельствует, что ввоз александрийской керамики, видимо, был весьма интенсивным.

Итак, подводя итоги, мы можем считать, что с конца IV — начала III в. до н. э. устанавливаются, по-видимому, регулярные связи птолемеевского Египта с центрами Северного Причерноморья ⁷³. Наиболее значительными эти связи были в III в., о чем ярко свидетельствует как импортная, греко-египетская, так и местная керамика.

Почему же именно к III в. относится наибольшее число фактов, свидетельствующих о связях птолемеевского Египта и центров Северного Причерноморья? Чем объяснить, что большая часть археологических находок александрийского или в широком смысле греко-египетского происхождения относится к различным периодам III в.?

Обратимся к общеисторической обстановке Средиземноморья в первое столетие после Александра, когда Египет, оказавшийся во власти Лагидов, занял место одной из могущественнейших монархий эллинистического мира. Называя первых трех Птолемеев «владыками Азии», Полибий пишет, что они владели городами и гаванями на всем побережье от Памфилии до Лисимахии (Polyb., V, 34, 5-9). Самый крупный экспортер хлеба в Средиземноморье, Лагиды обладали огромным флотом. В ближайшее десятилетие после перенесения столицы Египта из Мемфиса в Александрию (311 г. до н. э.) она становится «мировым городом». Занимая опорные пункты по всему Восточному Средиземноморью, первые Птолемеи поддерживали отношения с самыми отдаленными районами античного мира, в том числе и с городами северного побережья Понта. Известное свидетельство из архива Зенона, управляющего диойкета Аполлония, о посольстве боспорского царя Перисада II к Птолемею II Филадельфу (254/253 гг. до н. э.) указывает на факт непосредственных сношений правителей этих двух держав 74. В основе связей между ними лежали определенные взаимные интересы. Северное Причерноморье, по-видимому, могло интересовать египетских купцов как поставщик некоторых видов сырья, кож, знаменитой понтийской рыбы, относимой древними к предметам роскоши ⁷⁵. В свою очередь центры Северного Причерноморья могли представлять емкий рынок для египетских товаров, в число которых входили ткани⁷⁶, стекло ⁷⁷, как живают большое сходство в форме с полихромными гидриями Гадра. Они изготовлены из обычной херсонесской глины, не имеют облицовки и росписи, столь характерных для александрийских ваз; в пропорциях формы этих гидрий также наблюдаются некоторые отклонения от александрийских полихромных ваз. И все же специфический характер формы херсонесских гидрий указывает на их генетическую связь с полихромными гидриями Гадра.

- ⁷³ Э. Бреччиа, например, перечисляя те немногие центры, куда ввозилась керамика Гадра, называет Северное Причерноморье (Sciatbi, стр. 26—27; В r е с с i a, Alexandrea..., стр. 31).
- 74 H. B e l l, Greek Sightseers in the Thaym in the Third Century B. C., «Symbolae Osloenses», V, 1927, стр. 33. Ср. Б. Н. Граков, Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии, ВДИ, 1939, № 3, стр. 260.
- 75 Сошлемся на поэму Архестрата Пері τῶν ἐεν Βοσπόρω ταρίχων (A then., Deipnosoph., VII, 21e). См. также A then., Deipnosoph., VI, 109f.
- ⁷⁶ Египетские ткани проникают в Северное Причерноморье, по-видимому, еще в IV в. до н. э. Свидетельством этого являются, например, обрывки ткани из VI Семибратнего кургана, которую М. М. Хвостов, правда, с известными оговорками, считает египетской (М. М. Х в о с т о в, Текстильная промышленность в греко-римском Египте, Казань, 1914, стр. 28 сл.). См. также М. И. Р о с т о в ц е в, Стеклянные расписные вазы позднеэллинистического времени и история декоративной живописи (дополнение), ИАК, вып. 54, 1914, стр. 120; Т. В. Б л а в а т с к а я, Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э., М., 1959, стр. 138.

⁷⁷ Ростовцев, ук. соч., стр. 1.

мы показали, художественная керамика, а также, вероятно, и экзотические товары, в торговле которыми Александрия играла ведущую роль в Средиземноморье. Осуществление связей Египта и понтийских стран, в том числе и северопричерноморских центров, облегчалось тем, что Птолемеи на протяжении ІІІ в. до н. э. держали в своих руках и ряд важнейших в стратегическом отношении пунктов северной части Восточного Средиземноморья, в районе проливов, соединяющих Эгейское море с Черным, таких, как Маронея и Энос (Polyb., V, 34, 5—9). В надписи из Адулиса в числе владений первых трех Птолемеев названы Иония, Геллеспонт, Фракия (OGIS, 54). Как можно видеть, перечисляемые источниками владения Птолемеев обеспечивали им надежный путь в понтийские страны и беспрепятственную торговлю с ними.

Такое положение Птолемеев в Средиземноморье продолжалось более ста лет, до времени конца правления Птолемея IV Филопатора. На рубеже III—II вв. Египет теряет ведущую роль в Средиземноморье, хотя Александрия и остается крупнейшим портом мирового значения. На торговых путях важнейшую роль теперь начинает играть Родос, выдвинувшийся как крупнейший центр торговли. К этому времени Птолемеи утратили Самос, были вытеснены из Фракии. После победы Антиоха III в битве при Панионе (200 г. до н. э.), в результате которой Келесирия оказалась в руках Селевкидов, Египет окончательно потерял значение великой средиземноморской державы. Вслед за этим, по-видимому, резко уменьшается интенсивность проникновения грекоегипетских товаров в Северное Причерноморье, хотя связи Египта и Северного Причерноморья продолжались, бесспорно, и во ІІ и в І вв. до н. э. В этот период Родос порою мог играть роль посредника в сношениях двух указанных районов. Агафархид. сведения которого относятся ко ІІ в. до н.э., сообщает, что корабли, плывущие из Северного Причерноморья в Египет, идут через Родос (SC, I, стр. 926). Этот же отрывок из Агафархида позволяет утверждать, что Египет и в позднеэллинистическое время поддерживал связи с северными районами Понта.

Рассмотренные в настоящей статье вазы Гадра, за небольшим исключением, относятся к ольвийскому некрополю. Возникает вопрос: чем объяснить, что александрийская керамика, найденная в Северном Причерноморье, связана главным образом с Ольвией? Указанный вопрос тем более закономерен, что в ольвийском керамическом производстве, как уже отмечалось, мы находим наиболее ярко выраженную реминисценцию ввоза александрийских изделий. Не была ли Ольвия и прилегающий к ней район тем центром Северного Причерноморья, с которым Александрия и в целом птолемеевский Египет поддерживали в III в. наиболее тесные связи? Ольвия являлась специфическим потребителем изделий александрийских керамических мастерских. Возможно, в раннеэллинистическое время ольвиополиты включали в погребальный инвентарь импортные предметы, а среди центров Средиземноморья Александрия Египетская, несомненно, могла поставлять наилучшие образцы керамики, специально предназначенной для погребального ритуала. Свидетельство Агафархида указывает на Меотиду как на исходный пункт плавания из Северного Причерноморья в Египет. Но Агафархид писал во ІІ в. до н. э., когда обстановка могла уже измениться. Не исключено, что в III в. до н. э. Ольвия могда оказаться именно тем районом Северного Причерноморья, с которым сношения эллинистического Египта были более значительными, чем с Боспором. Явилось ли это следствием торговой конкуренции Птолемеев со Спартокидами, которая вряд ли благоприятствовала сношениям между двумя государствами, или каких-либо других причин, - трудно сказать. Важно лишь констатировать, что обнаруженный в Северном Причерноморье греко-египетский материал указывает на то, что с рубежа IV—III вв. до н. э. устанавливаются относительно регулярные связи эллинистического Египта и Северного Причерноморья. О значительном характере этих связей с отдельными районами Северного Причерноморья — с Ольвией, а возможно, и Херсонесом — свидетельствует усвоение местными гончарами в III в. до н. э. технических и художественных приемов оформления керамики, идущей из Александрии.

ФАНТАЛОВСКИЙ КЛАД БОСПОРСКИХ ДИДРАХМ I в. до н. э.

В ВДИ, № 2, 1965 г. опубликовано сообщение А. И. Салова о находке в 1963 г. на юго-западной окраине ст. Фанталовской (Анапский р-н, Краснодарский край) больтого клада серебряных монет ¹. Из этого клада А. И. Салову удалось собрать и доставить в Анапский краеведческий музей 485 монет 2. Все эти монеты оказались однотипными боспорскими дидрахмами, чеканенными в I в. до н. э. от имени трех крупнейших городов царства: Пантикапея, Фанагории и Горгиппии 3. Среди немногих кладов боспорских монет времени Митридата VI Фанталовский — единственный состоящий из серебряных монет 4. Эти монеты принадлежат наиболее крупному номиналу в боспорском чекане того времени и составляют значительную нумизматическую редкость. Так, в составленной А. Л. Бертье-Делагардом сводке весов серебряных и золотых монет Северного Причерноморья, не потерявшей своего значения до сих пор, отмечено только 55 дидрахм (37 пантикапейских, 15 фанагорийских и 3 горгиппийских 5). Монеты же Фанталовского клада (в той его части, какую удалось собрать) представлены 485 дидрахмами: 335 пантикапейскими, 135 фанагорийскими и 15 горгиппийскими. Иными словами, в этом кладе почти в девять раз больше боспорских дидрахм, чем было известно до его находки. В таких условиях работа над монетами Фанталовского клада неизбежно должна привести к специальному исследованию боспорских дидрахм І в. до. н. э.

Тип и датировка

Боспорские дидрахмы, независимо от имени города, их выпускавшего, все строго однотипны. На их лицевой стороне помещено изображение головы Диониса в плющевом венке вправо. Все поле оборотной стороны занимает тот же плющевой венок, перевязанный вверху. Вверху (с внешней стороны венка) всегда помещена монограмма

 , а с внутренней — гроздь винограда. В венке заключена надпись, сообщающая шмя города (точнее горожан) в родительном падеже, — ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ, ΦΑΝΑΓΟ-ΡΙΤΩΝ, ΓΟΡΓΙΠΠΕΩΝ. Таким образом, все изобразительные элементы типа дидрахм

¹ А. И. Салов, Клад боспорских монет, найденный в стан. Фанталовской, ВДИ, 1965, № 2, стр. 101 сл. Пользуемся случаем принести нашу искреннюю признательность работникам Анапского музея, разрешившим нам публикацию клада и любезно взявшим на себя такую трудоемкую работу, как взвешивание монет.

² Когда настоящая статья была уже подготовлена к печати, нам стали доступны еще две монеты из этого клада, приобретенные Н. И. Сокольским и любезно переданные им в дар Гос. музею изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Эти монеты включены в список (Приложение I) под номерами 114а и 383а. В тексте статьи они не упоминаются и не учитываются при наблюдениях общего порядка.

³ Типа: П. Бурачков, Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешей Южной России, ч. І, Одесса, 1884 (далее — ОК), табл. XXII, 180, табл. XXIII, 24; А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, № 16 (1951) (далее — АМ), табл. XLIII, 5—7.

⁴ Исключение составляют 4 пантикапейские и 1 фанагорийская дидрахмы, входившие в состав клада медных монет (471 экз.), найденного близ Керчи в 1897 г. Ср. ОАК, 1897 г., стр. 72; Е. А. Пахомов, Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. VIII, Баку, 1959, стр. 107 сл.

⁵ А. Бертье-Делагард, Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды. НС, т. II (1913), стр. 90 слл., № 155, 166, 169.

связаны исключительно с Дионисом ⁶ — мы видим изображение самого божества и его атрибуты: плющевой венок и кисть винограда. Формальный анализ типа, помимо наблюдений иного порядка, позволяет достаточно точно датировать эти боспорские монеты.

Дидрахмы — единственный пример типа боспорской монеты, полностью связанного с культом Диониса 7. Хотя атрибуты этого божества и присущи типам большинства боспорских монет времени Митридата VI 8, мы можем указать только еще одив случай бесспорного изображения Диониса в местном чекане. Речь идет о боспорских анонимных оболах 9, безусловно составляющих заключительную митридатовскую эмиссию 10. Более четкие типологические параллели мы находим в понтийском чекане, влияние которого на боспорское монетное дело не нуждается в специальном доказательстве, хотя бы потому, что в правление Митридата VI на Боспоре постоянным и обязательным элементом местного денежного обращения была монетная медь городов Понта и Пафлагонии 11. Среди понтийской городской меди мы можем указать на два типа монет с изображением Диониса — дихалки типа: голова Диониса в плющевом венке — тирс; тетрахалки: голова Диониса в плющевом венке — киста, тирс 12. Следуя Ф. Имхоф-Блумеру, первые нужно относить к 105—90, вторые к 90—80 гг. до н. э. 13

Что касается типа оборотных сторон дидрахм — стилизованный плющевой венок, — то мы не найдем его более на городских монетах Боспора и Понта ¹⁴. Подобный венок дидрахм, наверняка, заимствован у тетрадрахм Митридата VI, чеканенных в Амисе (?) и Пергаме (?), которые в свою очередь унаследовали его от своих пергамских

⁶ К сожалению, нам осталось недоступным специальное исследование об изображении Диониса на монетах (М. Вегпhart, Dionysos und seine Familie auf griechischen Münzen, JNG, 1949).

⁷ Ранее автор вслед за некоторыми исследователями (А. Л. Бертье-Делагард, Х. Х. Гиль и др.) был склонен видеть в изоображении головы на ряде боспорских монет времени Митридата VI Диониса, а не Аполлона. Но, несмотря на поразительную близость иконографии обоих божеств и присутствие атрибутов Диониса (тирс), на всех этих монетах, кроме дидрахм и анонимных оболов, изображен Аполлон, как об этом можно судить по лавровому венку на его голове.

⁸ Ср. ОК, табл. XXI, 101, 120, 122, табл. XXII, 150, 178, табл. XXIII, 1b, 12, 5; АМ, табл. XLIII, 9—12, 15—17.

⁹ Ср. ОК, табл. XXIII, 25—30; АМ, табл. XLIII, 22—23, табл. XLIV, 1—2.

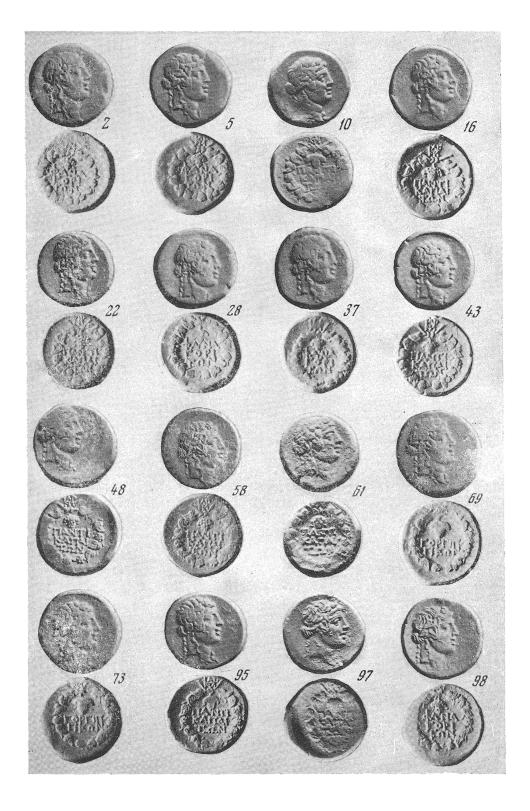
¹⁰ А. В. Орешников, Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова, вып. VII, М., 1887, стр. 60; Ю. С. Крушкол, Монеты с монограммами из Патрэйского клада 1950 г., ВДИ, 1952, № 3, стр. 137 слл. К. В. Голенко. О характере чекана боспорских анонимных оболов, НСфр, II (1965), стр. 41 слл.

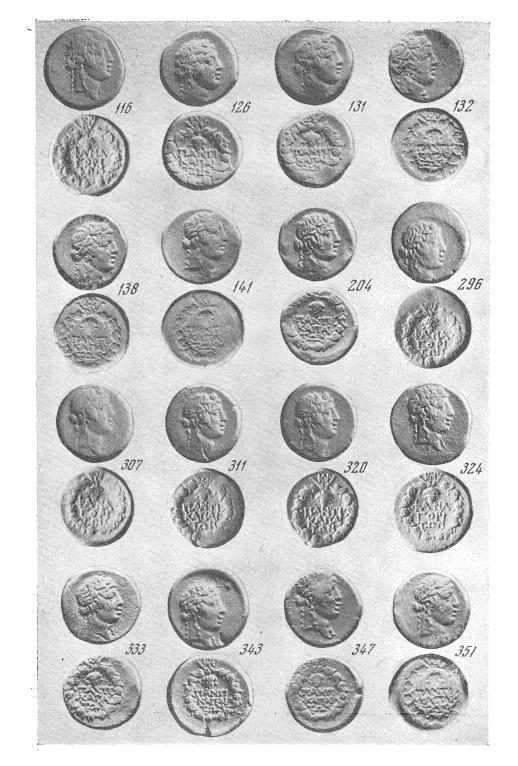
¹¹ К. В. Голенко, Монетная медь городов Понта и Пафлагонии времени Митридата VI в боспорских находках, ПС, вып. 11 (1964), стр. 58 слл.

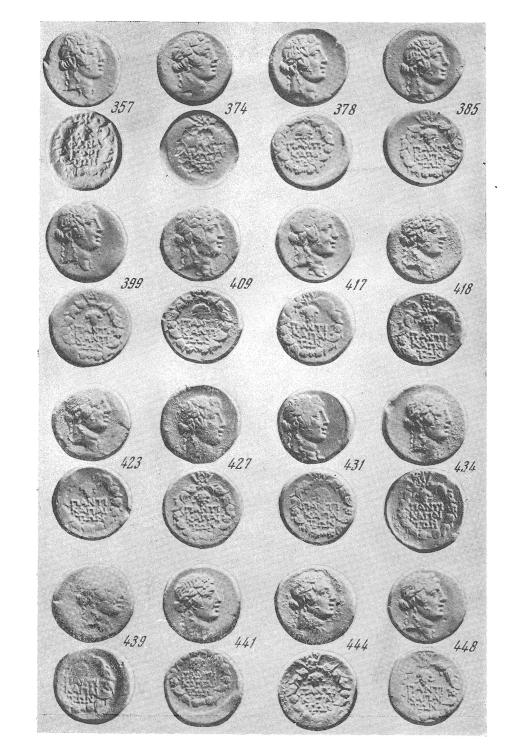
¹² Типа: E. B a b e l o n et Th. R e i n a c h, Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure, t. I, fasc. 1, P., 1904 (2 ed. 1925) (далее — Rec.), табл. VII, 17; XII, 16; VII, 14—16; fasc. 2, табл. LIV, 23; F. I m h o o f - B l u m e r, Die Kupferprägung des Mithradatischen Reiches und andere Münzen des Pontos und Paphlagoniens, NZ, 1912 (далее — NZ, 1912), табл. II, 10—11, 15—17. О типологии понтийских монет времени Митридата VI см. специально посвященную этому вопросу статью Г. Клайнера (G. K l e i n e r, Pontische Reichsmünzen, Istanbuler Mitteilungen, H. 6 (Istanbul, 1955), стр. 1 слл.).

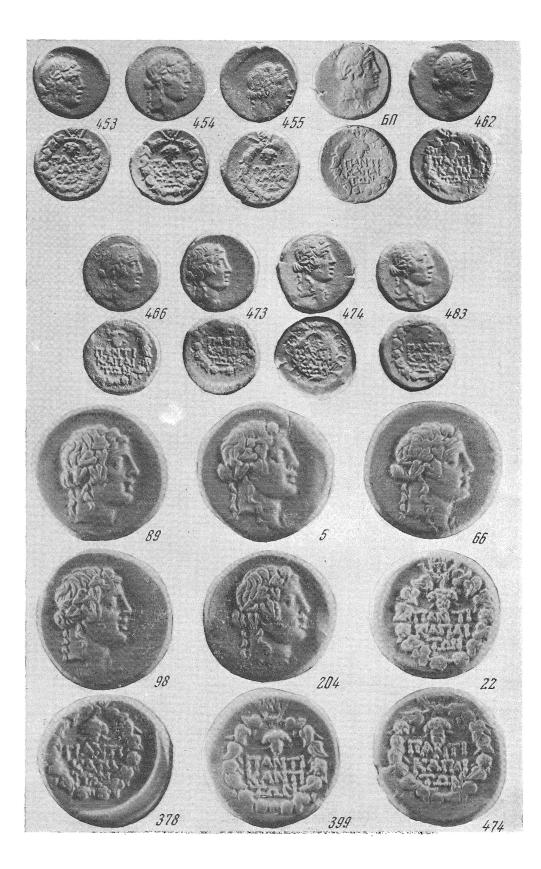
¹³ Cp, NZ, 1912. crp. 178—179, № 49—53, 57—60.

¹⁴ Единственное исключение составляет уникальная драхма Пантикапея из собрания Британского музея, о ней см. Приложение II. В этой связи заслуживает внимания и тип оборотной стороны одного из видов тетрахалков Херсонеса времени Митридата VI — пасущаяся лань внутри стилизованного венка (лаврового?, но не плющевого), ср. А. Л. Бертье-Делагард, Значение монограмм... на монетах Херсонеса, отд. отт. из ЗНОРАО, т. I (СПб., 1906), табл., 8.

предшественников — кистофоров ¹⁵. Хотя царские понтийские монеты и не обращались на северном берегу Черного моря, они составляли основу денежного хозяйства собственно Понта, и влияние этих монет на монетную типологию Боспора закономерно, кстати, оно не ограничивается дидрахмами ¹⁶. Вместе с тем это наблюдение почти ничего не дает для хронологии боспорских дидрахм, поскольку массовые эмиссии царских тетрадрахм начаты лишь в 90-х гг. до н. э.

Таким образом, мы видим, что тип боспорских дидрахм, всецело связанный с культом Диониса, находит себе параллели в понтийском чекане, главным образом в медном городском чекане 105-80 гг. до н. э. Если изображения на относительно ранних монетах городов Понтийского царства в основном принадлежат главным олимпийским божествам (Зевс, Аполлон, Артемида, Арес), то монеты более позднего времени имеют иной типологический репертуар. Позднейшие выпуски серии 105—90 гг. до н. э. ¹⁷ и серия 90-80 гг. до н. э. представлены монетами с изображением Диониса и его атрибутов 18 (тирс, киста, пантера), Афины и Персея (голова героя, Персей с головой Медузы) и связанных с ними символов и атрибутов 19 (гарпа, эгида, Пегас, к которым в данном случае можно присоединить и Нику). Выбор именно этих сюжетов далеко не случаен, они непосредственно отражают официальную генеалогию понтийских Ахеменидов и связаны с самим Митридатом VI, поскольку Персей считался родоначальником персов, а Митридат — воплощением Диониса (см., например, Plut., Ant., 24). В этой связи переход к новой монетной типологии был для Митридата VI одной из продуманных агитационных мер в подготовке войны (так называемой Первой Митридатовой, 89-84 гг. до н. э.) и проведении антиримской, филэллинской политики 20. Таким образом, выпуск боспорских дидрахм едва ли может быть отнесен к периоду до 90 г. до н. э. Если вспомнить, что эти монеты представляют собой самый крупный вновь вводившийся номинал серебра, то выбор для них типа, всецело связанного с культом божественного покровителя царя Понта и Боспора, закономерен.

Эта датировка может быть подтверждена и уточнена сопоставлением дидрахм с одновременными им боспорскими монетами. Несмотря на очевидную исключительность выпуска дидрахм, они находят весьма близкие параллели в боспорском чекане и органически входят в одну из его групп, монеты которой обладают рядом определенных

вестна монограмма, объединяющая оба номинала монет. Кстати, эта монограмма — 69

¹⁵ Показательно отсутствие венка на монетах предшественников Митридата VI в Понте, эта особенность присуща только одной, очевидно самой ранней, разновидности митридатовских монет — ср. Rec., табл. II., 5.

 $^{^{16}}$ Имеется в виду очевидное заимствование типа оборотных сторон тетрадрахм: пасущаяся лань на пантикапейских драхмах времени Митридата — ОК, табл. XXII, 168-169; АМ, табл. XLIII, 8; пьющий Пегас на тетрахалках времени Асандра — ОК, табл. XXII, 148-149; АМ, табл. XLIV, 9.

¹⁷ Основная масса монет 105—90 гг. до н. э. представлена тетрахалками двух видов: Арес—меч, эгида—Ника. Не приходится сомневаться в том, что первые — более ранние — их тип, общий с монетами предшествующей хронологической группы, 111— 105 гг. до н. э. Если тетрахалки типа: эгида—Ника принадлежат поздней серии, то и интересующие нас здесь дихалки типа: Дионис—тирс также поздние, поскольку из-

представлена и на упоминавшихся фанагорийских драхмах (Аполлон — тирс) — первых в группе 90—80 гг. до н. э. Подробнее об употреблении общих монограмм для боспорских и понтийских монет (что может быть показано и на других примерах) будет сказано в другой работе.

¹⁸ Ср. Rec., табл. VII, 14—17, 19; XII, 16; fasc. 2, табл. LIV, 23; NZ, 1912, стр. 178 слл., № 49—53, 57—61.

¹⁹ Ср. Rec., табл. VII, 10, 25—27; XI, 21, 23—25; XII, 17, 19, 21—22; XVIII, 14, 17, 18; XXVI, 9, 11—13; NZ, 1912, стр. 176 слл., № 35—46, 54—56.

²⁰ Хотя Митридат VI назван Дионисом уже в делосской надписи 102/101 г. до н. э. (F. Durrbach, Choix d'inscriptions de Délos, I, fasc. 1, P. 125, № 135).

признаков и могут быть датированы достаточно точно. Не приходится сомневаться в том, что дидрахмы принадлежат к самой многочисленной митридатовской группе монет. Если обойти молчанием, как не характерные в данной связи, редкие серебряные триоболы Пантикапея и медные оболы, чеканенные, подобно дидрахмам, от имени трех городов, а также многочисленные пантикапейские халки ²¹, которые могли принадлежать и более раннему выпуску, то основу данной группы составляют следующие монеты: драхмы Фанагории с изображением головы Аполлона и тирса, пантикапейские драхмы типа: Артемида — пасущийся олень и, наконец, медные тетрахалки типа: Аполлон — треножник, тирс. Эти последние выпускались от имени Пантикапея, Фанагории и Горгиппии ²². Практическая одновременность чекана дидрахм и всех этих монет очевидна. За это говорит поразительная иконографическая близость головы Аполлона и Диониса и главное общность монограмм, не известных для монет иных хронологических групп. На фанагорийских драхмах всегда присутствует со , на пантикапейских

драхмах и дидрахмах — — Видимо, обе эти монограммы составляют вариации одного и того же сокращения имени, очевидно, одного и того же лица. Действительно, тетрахалки — одни из самых многочисленных монет времени Митридата VI — дают пример употребления нескольких вариантов этой монограммы ²³. Причем, надо думать, что М, проставленная на большинстве тетрахалков, является позднейшим, отстоявшимся вариантом монограммы того имени, которое присутствует на монетах разбираемой группы (кроме халков и одной разновидности триоболов). Не углубляясь более в вопрос о монограммах, к которому мы предполагаем вернуться в другой связи, отметим лишь, что приведенное наблюдение может служить основой для определения относительной хронологии монет разбираемой серии и, в частности, дидрахм. На дидрахмах всегда стоит поздняя разновидность монограммы. Следовательно, дидрахмы чеканились позже самых многочисленных серебряных монет времени Митридата VI — фанагорийских драхм — и не могли составлять ранние выпуски той группы, в которую они входят наряду с другими монетами.

А. Н. Зограф датировал эти монеты первой четвертью I в. до н. э. ²⁴. Но, кажется, эти хронологические рамки могут быть сужены, исходя из наблюдений над перечеканками, весьма многочисленными среди тетрахалков и оболов. Материалом для перечеканки служили как боспорские, так и понтийские монеты. Первые никак не могли быть выпущены позже 90 г. до н. э. (они в свою очередь перечеканивались из понтийской меди 111—105 гг. до н. э.). Что же касается понтийских монет, то только в очень редких случаях они представляют эмиссии 111—105 гг. до н. э., подавляющее большинство меди, поступавшей для перечеканки, принадлежит 105—90 гг. до н. э. ²⁵. В то же время понтийские монеты следующей хронологической группы, 90—80 гг. до н. э., не перечеканивались штемпелями упомянутых боспорских монет. Лишним подтверждением того, что наши монеты не могли выпускаться до 90 г. до н. э., служит заимствование типа понтийских дихалков ²⁶ (Дионис — тирс) для пантикапейских триболов ²⁷ и

²¹ Ср. ОК, табл. XXI, 101, 130, табл. XXII, 178—179, табл. XXIII, 6; АМ, табл. XLIII, 12—14.

²² Ср. ОК, табл. XXI, 120, 122, табл. XXII, 168—169, табл. XXIII, 1b, 12, 5; АМ, табл. XLIII, 8, 10, 15—17.

²³ Из изданных монет с необычной монограммой можно указать только: Chr. Giel, Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands, Moskau, 1886, табл. IV, 14; А. Л. Бертье-Делагард, Омонетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами, ЗООИД, т. XXIX (1911), табл. I, 4—5; К. Dittrich, Antike Münzen aus Olbia und Pantikapäum, Prag, 1959, № 110—111.

²⁴ AM, стр. 186 сл.

²⁵ Вопрос о перечеканках требует специальной разработки, о некоторых наблюдениях в этой связи см. АМ, стр. 186 слл.; Голенко, Монетная медь...

²⁶ Ср. Rec., табл. VII, 17, табл. XII, 16; NZ, 1912, стр. 178, № 49—53.

²⁷ Ср. ОК, табл. XXI, 101, табл. XXII, 178; АМ, табл. XLIII, 12.

для знакомых нам уже фанагорийских драхм с изображением тирса. На дату прекращения чекана группы боспорских монет, в которую входят дидрахмы,— около 80 г. до н. э.,— указывает не только материал перечеканок, но и датировка следующей, заключительной группы боспорских монет времени Митридата VI — анонимных оболов. Эти монеты, как уже указывалось 28, начали выпускаться сразу же после 79 г. до н. э. после подавления восстания боспорских городов против понтийского царя и назначения его сына Махара наместником Боспора.

X ронологическая классификация. Общие штемпеля

Принадлежность дидрахм к группе боспорских монет 90—80 гг. до н. э. не лишает их оригинальности и обособленности как в отношении типа, так и номинала. Если исходить из вероятного положения (настаивать на нем, однако, не следует), согласно которому монеты Фанталовского клада представляют все равновидности штемпелей боспорских дидрахм ²⁹, то становится возможным приблизиться к пониманию последовательности выпуска отдельных серий этих монет или, иными словами, к их относительной хронологии.

Единственным не требующим обоснования различием дидрахм служит название города, от имени которого они чеканились. Но монеты разных городов не составляют самостоятельных или в какой-то мере обособленных групп дидрахм. Как мы увидим ниже, менее многочисленные фанагорийские и горгиппийские монеты всегда связаны с более обычными пантикапейскими посредством общих штемпелей лицевой стороны. Это служит лишним подтверждением уже высказывавшейся мысли об изготовлении всех (независимо от имени города) дидрахм на одном монетном дворе ³⁰, очевидно, пантикапейском. Следовательно, у нас есть основание предполагать, что выпуск дидрахм был един и наличие среди них монет трех городов не может служить принципиальным моментом при формальной хронологической классификации дидрахм.

Таким образом, в этом вопросе первостепенное значение приобретают наблюдения над чисто техническими признаками чекана. Все монеты клада 31 чеканены 26 различными штемпелями лицевой стороны и 42 — оборотной. В числе последних пантикапейских — 34, фанагорийских — 7 и горгиппийских только 1. Количество монет, чеканенных общими штемпелями, далеко не одинаково. Например, на штемпель лицевой стороны ω приходятся лишь 2 монеты, ε — 3, α — 4, а на ϱ — 29, γ — 39, μ — даже 159. Близкую картину дают и штемпеля оборотной стороны: Φ , КК, $\Xi\Xi$ по 1 монете, BB, NN, OO — по 2, но P—73, Π — 94. Однако, отбросив 159 монет штемпеля μ , для которых употреблено только два штемпеля оборотной стороны (Π , P), можно заметить известную закономерность отношения общих штемпелей и числа монет, которые ими чеканены. Так, для лицевых сторон в большинстве случаев один общий штемпель объ

²⁸ Крушкол, ук. соч., стр. 145 слл; Голенко о характере чекана...

²⁹ В известной мере этому противоречит сравнительно небольшое преобладание штемпелей оборотной стороны над лицевой среди штемпелей, которыми чеканены монеты клада. Но в то же время просмотр публикаций и материалов собраний не привел к обнаружению дидрахм, чеканенных штемпелями, которые не были бы представлены в монетах клада. В этой связи заслуживает быть отмеченной лишь воспроизводимая на табл. IV (между № 455 и № 462) пантикапейская дидрахма, дающая пример необычного сочетания штемпелей, каждый из которых известен для монет клада. Слепок этой интересной монеты из собрания Исторического музея в Будапеште был любезно предоставлен нам директором музея проф. Ф. Фюлепом.

³⁰ К. В. Голенко, Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н. э., НЭ, II (1960), стр. 34 слл.

 $^{^{31}}$ При всех наблюдениях общего порядка не учитывается сильно испорченная находчиком монета № 485.

¹⁰ Вестник древней истории, № 4

единяет не более 10 экземпляров, в восьми случаях — 20, в четырех — 30 и только в одном около 40. Еще нагляднее в этом отношении оборотные стороны: 30 штемпелей объединяют в каждом отдельном случае не более чем по 10 монет, 10 штемпелей — до 20 экземпляров каждый. Эти данные, по-видимому, объективно отражают интенсивность работы того или иного штемпеля. Имея в виду очевидную хронологическую компактность клада, трудно допустить, чтобы различия в количестве общих штемпелей находились в зависимости от времени выпуска монет ³².

Только в одном случае (№ 61—63) ³³ монеты клада дают пример использования оригинальной пары штемпелей, в других случаях монеты так или иначе взаимосвязаны между собой общими штемпелями. Опираясь на эту общность, все дидрахмы могут быть разбиты на 11 обособленных групп, каждая из которых представляет собой практически одновременный выпуск. Предлагаемая таблица (на стр. 153) дает наглядное представление об этих группах.

Что касается распределения монет внутри групп, то в некоторых случаях оно бесснорно в силу простой логики связей штемпелей. Однако для ряда групп этого недостаточно, и порядок отдельных серий улавливается благодаря наблюдениям над изношенностью штемпелей, особенностями трактовки деталей типа, общностью или различием соотношения штемпелей и т. д. Но распределение монет внутри групп — частный момент, который не имеет принципиального значения. Важно другое — последовательность упомянутых групп. Эта последовательность или, по крайней мере, определение ранних или поздних групп и приближает нас к относительной хронологии дидрахм.

Вполне естественно, что среди дидрахм, представляющих собой обособленную группу монет, лишенных каких-либо заметных признаков, которые позволяли бы судить о последовательности выпуска отдельных серий, нельзя указать бесспорных отправных моментов для их относительной хронологии. Но учитывая, что мы располагаем беспримерным по объему сравнительным материалом, каковым являются монеты Фанталовского клада, такого рода попытка возможна, если опираться на некоторые частные наблюдения, логическое обоснование которых не всегда возможно и едва ли целесообразно в данной связи.

Как и всем боспорским монетам времени Митридата VI, дидрахмам свойственна высокая степень стандартизации типа. Но вместе с тем дидрахмам присущи известные различия в трактовке деталей типа, из которых иные характерны только для определенных серий и могут играть роль отправных точек при классификации монет. Рассмотрим эти различия.

На монетах штемпеля $\Delta\Delta$ (№ 399—413), давно известных в литературе ³⁴, вместо ПАNTI—КАПАІ—ТΩN стоит ПАNТІ—КАNТІ—ТΩN (ср. табл. IV), т. е. второй слог повторен на месте четвертого. Начиная вырезать вторую часть надписи на штемпеле Δ (№ 22—25), мастер ошибся и поставил nu (как в первом слоге), исправленную уже в матрице на $\kappa anny$ (ср. табл. IV). Далее, для штемпеля ВВ (№ 378—379)

³² Возможность специального отбора каких-либо разновидностей монет при формировании клада по признаку метрологических особенностей едва ли может быть принята во внимание, что будет видно ниже, когда речь пойдет о весе дидрахм. К сожалению, мы не можем того же сказать о возможности подбора монет по качеству металла, очень разного для отдельных экземпляров. Этот важный вопрос может быть рассмотрен только на базе массового опробирования боспорского монетного серебра II — I вв. до н. э.

³³ Нумерация монет и обозначение штемпелей здесь и далее — по общему списку (Приложение I).

³⁴ См., например, Б. Кене, Описание музеума покойного кн. В. В. Кочубея (составлено по его рукописному каталогу) и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России, равно как царств: Понтийского и Босфора Киммерийского, т. І, СПб., 1857, стр. 373, № 125; Крушкол, ук. соч., табл. III, 26.

$\Gamma p y$	ппы монет Фанталов	ς κοε ο ΄ κ	ла∂а*
Tpynna 1	14 монет (№ 1—14	4—α 10—β	8—А (Ф. 6—В (П.
Γpynna 2	46 монет (№ 15—60)	39—γ 7—δ	7—Г (П' 4—Δ (П') 9—Е (Ф') 3—Z (Ф') 9—Н (П')
Tpynna 3	79 монет (№ 61—139)	3—ε 9—ζ 24—η 17—θ 18—ι 8—κ	14—\(\Theta\) (\(H\)) 3—I (\(H\)) 15—K (\(F\)) 19—A (\(H\)) 19—M (\(\Phi\)) 10—N (\(H\)) 6—\(\Pi\) (\(H\)) 7—O (\(H\))
Γpynna 4	294 монеты (№ 140—323)	6—λ 159—μ 19—ν	$\begin{array}{ccc} 9! - \Pi & (\Pi) \\ 7! - P & (\Phi) \\ 9 - \Sigma & (\Pi) \\ 8 - T & (\Pi) \end{array}$
Группа 5	30 монет (№ 324353)	21— 9— o	9—Υ (Φ) 1—Φ (Π) 15—Χ (Π) 5—Ψ (Π)
Tpynna 6	24 монеты (№ 354—377)	2 4—π	$15-\Omega$ (Φ) $9-AA$ (Π)
Tpynna 7	46 монет (№ 378—423)	29—ρ 11—5 6—τ	2—BB (Π) 19—ΓΓ (Π) 15—ΔΔ (Π) 7—EE (Π) 3—ZZ (Π)
Tpynna 8	9 монет (№ 424—432)	9—v	4—HH(Π) 5—ΘΘ (Π)
Tpynna 9	19 монет (№ 433—451)	11—φ 8—χ	6—II (Π) 1—KK(Π) 7—ΛΛ (Π) 5—MM (Π)
Γpynna 10	3 монеты (№ 452—454)	3—ψ	2—NN (П)
Tpynna 11	30 монет ** (№ 455—484)	2—ω 17—αα 11—ββ	$1-\Xi\Xi (II)$ $2-OO(II)$ $14-\Pi\Pi (II)$ $9-PP(II)$ $5-\Sigma\Sigma (II)$

^{*} В таблице цифры обозначают число монет; греческие буквы: строчные — штемпеля лицевой стороны, процисные — оборотный; курсивные буквы в скобках: Π — Пантикапей, Φ — Фанагорин, Γ — Горгиппия.

** О принадлежности монет № 455—456 к группе 11 — свидетельствует будапештский зкземплир (8,32 г), чеканенный штемпелями $\alpha\alpha$, ОО (см. табл. IV, между № 455 и № 462).

применен необычный разрыв надписи ПАΝТІ—КАПА—ІТΩN (ср. табл. IV). Все эти особенности не повторяются на других штемпелях и появлением своим обязаны небрежности резчика, допустившего описку в первых двух случаях и не рассчитавшего места для надписи в третьем ³⁵. Совершенно очевидно, что эти особенности случайны

³⁵ Сказать, что только этим ограничилась небрежность резчика нельзя. Вторая часть второй строки и вся третья часть надписи предельно сужены для экономии места, вся она оказывается как бы втиснутой в аккуратно вырезанный венок. Этот случай далеко не исключителен. На многих монетах интервалы между буквами и строками не выдержаны, равновесие надписи в общей композиции типа нарушено, часто кисть винограда явно «мешает» надписи. Все это, как кажется, свидетельствует, что мастер (или мастера) сначала вырезал на штемпеле венок, куда затем вписывался менее сложный элемент типа — надпись.

и в данной связи не должны быть приняты во внимание. Но иные не могут быть отброшены. Наглядным примером того, как повторяющиеся необычные моменты трактовки типа отражают одновременность выпуска монет, которым присущи эти признаки, служат дидрахмы группы 11. Как и остальные, эта группа монет объединена общими штемпелями. Оборотные стороны монет группы 11 чеканены четырьмя штемпелями (ОО, ПП, РР, $\Sigma\Sigma$, табл. IV), отличающимися неизвестным для иных групп изображением венка. Если на других монетах чередование листьев и плодов плюща строго одинаково (три листа, ягода, два листа, две ягоды) 36 , то для упомянутых штемпелей порядок иной: лист, ягода, два листа, ягода, лист, две ягоды.

Но наблюдения над особенностями штемпелей оборотной стороны не могут, по-видимому, стать основой для классификации дидрахм. Этой цели, на наш взгляд, служит анализ типа лицевой стороны, точнее различия в трактовке венка, которым увенчан Дионис. Этот венок, как и венок на оборотной стороне, построен по определенной схеме. Можно проследить и отклонения от той схемы, которую следует рассматривать как типичную. Отклонения явно не случайны, они повторяются, что заставляет остановиться на них более подробно. Если чаще всего (16 штемпелей лицевой стороны из 26) видимая часть венка на голове Диониса передана шестью листьями и одной ягодой, то в некоторых случаях листьев пять (α , γ , η) или пять полных и один неполный (β , δ , ϑ , ι, \varkappa), или, наконец, шесть листьев, но расположенных необычно (ε, ζ); для некоторых из этих штемпелей характерно изображение и двух ягод (β, ε, ζ, ι). Указанные десять штемпелей лицевой стороны (lpha-lpha) свойственны только трем группам (1-3) и практически одновременны; особенности трактовки венка на них следует рассматривать в аспекте относительной хронологии. Действительно, с одной стороны, ни один из указанных признаков не отмечен на монетах иных групп и, с другой, — среди лицевых сторон дидрахм групп 1-3 нет венка, который был бы изображен в манере, обычной для остальных монет.

На вопрос, чеканились ли монеты групп 1-3 ранее остальных, ответ должен быть положительным. Исходя из того, что на дидрахмах впервые в истории боспорского монетного дела, изображен Дионис, нужно думать, что монеты штемпелей $\alpha - \times$ дают пример еще не окончательно сложившегося в деталях нового монетного типа. Действительно, ни одной из трех упомянутых групп не свойственна строго определенная трактовка венка Диониса, для последующих же групп она едина.

Далее, во многих случаях монеты групп 1-3 обращают на себя внимание моделировкой листьев венка как на лицевой стороне, так и на оборотной. На этих монетах листья округлые и жирные в отличие от большинства других дидрахм, где они более стилизованы и схематичны; на оборотной стороне листья образуют очень плотный компактный венок, близкий изображенному на царских монетах Митридата VI 37 . Отмеченные особенности моделировки листьев и явно более тщательное оформление штемпелей монет групп 1-3 вполне закономерны для первых монетных выпусков нового типа.

Если принадлежность монет клада определенным группам, основанная на общности штемпелей, безусловна, а выделение в качестве ранних групп 1—3 имеет под собой твердую почву, то хронологическая классификация остальных дидрахм гипотетична. Мы основывались на некоторых частных наблюдениях над особенностями трактовки мелких деталей основных изображений, общности соотношений штемпелей и т. д. Сформулировать эти мелкие наблюдения затруднительно и, что главное, они не могут быть признаны безусловно надежными в каждом отдельном случае. Но независимо от сказанного, следует отметить одну, как нам представляется, важную закономер-

³⁶ Исключая штемпель EE, на монетах которого слева, вверху венка изображено не три, а четыре листа— не повторяющаяся более случайность.

³⁷ Речь может идти только о влиянии на тип, но не о прямом заимствовании; почти всегда на тетрадрахмах Митридата VI венок образуется чередованием одного листа и одной ягоды.

ность. Фанагорийский чекан 38 представлен только в шести группах, причем он присутствует во всех трех первых группах, а три других, по-видимому, хронологически непосредственно примыкают к группам I-3. Можно думать, что все фанагорийские дидрахмы принадлежат ранним выпускам. Вместе с тем, ни в одной группе фанагорийский чекан не преобладает. Из 25 штемпелей оборотной стороны, которыми чеканены монеты групп 1-6, фанагорийских только 7. Для каждой группы отмечен только 1 фанагорийский штемпель, кроме группы 2, где их 2, но при 4-х пантикапейских. Таким образом, на боспорском монетном дворе фанагорийские дидрахмы чеканились вместе с пантикапейскими монетами, но в значительно меньшем числе, затем их выпуск был прекращен.

Вес

При рассмотрении метрологических данных монет клада обращает на себя внимание резкое колебание весов отдельных экземпляров: так, самая тяжелая дидрахма (№ 414) весит 9,60 г, а самая легкая (№ 472) только 6,20 г. Но большая терпимость в весе — одна из характернейших черт боспорского позднеэллинистического серебра. Сравнение в этом аспекте дидрахм с другими серебряными монетами городов Боспора говорит в пользу первых, среди них явно меньше экземпляров с весом, значительно отклоняющимся от средних норм. Если средний арифметический вес дидрахм равен 8,31 г, то среди монет клада мы можем указать 25 экземпляров, вес которых больше среднего веса на $^{1}/_{10}$, и 36 экземпляров меньше на $^{1}/_{10}$. Иными словами, отклонение от среднего веса в указанных рамках присуще 61 дидрахме, или 12,6% от общего числа монет. У практически одновременных дидрахмам драхм Фанагории (наиболее многочисленная группа боспорского монетного серебра I в. до н. э.) этот процент более значителен — 31,1% 39 .

А. Л. Бертье-Делагард в своей работе по монетной метрологии Северного Причерноморья приводит следующие средние арифметические веса дидрахм: Пантикапей — 8,18 г, Фанагория — 8,29 г, Горгиппия — 7,68 г ⁴⁰. Разница приводимых цифр уже сама по себе говорит о том, что материал, которым располагал А. Л. Бертье-Делагард, был явно недостаточен для определения истинного среднего веса дидрахм. Этой цели, как нельзя лучше, могут служить монеты Фанталовского клада.

Работа над определением средних весов монет в пределах каждой из 11 упомянутых групп приводит к выводу о известном колебании весов входящих в них монет, но мы не можем выявить закономерности этих колебаний. Во всяком случае нельзя сказать, что более ранние дидрахмы тяжелее поздних или наоборот, независимо от того, что заключительная группа 11 в пропорциональном отношении содержит наибольшее число маловесных экземпляров.

Если пренебречь 88 монетами с явно завышенным весом и 81 — с заниженным, то средний вес дидрахм, полученный при помощи «весовой шкалы» ⁴¹, равен 8,42 г (драхма 4,21 г). Средний арифметический вес меньше, он составляет 8,31 г (драхма 4,155 г). Не приходится сомневаться в том, что дидрахмы чеканились по аттической системе. Как известно, для греческих весовых систем, существовавших длительное время, характерен постепенный отход от исходных норм в сторону понижения. Таким образом, аттическая драхма доалександровского периода (4,36 г) в момент чекана наших дидрахм была величиной чисто теоретической. Вес боспорских дидрахм можно сопоставлять только с весом практически одновременных им монет. Таким сравнительным материалом могут служить лишь тетрадрахмы Митридата VI и афинское серебро «нового стиля». Тетрадрахмы «нового стиля» выпускались в 196/195 — 87/86 гг. до н. э. и имели

³⁸ В данной связи горгиппийские монеты не должны приниматься во внимание, как мы уже говорили, они чеканились только одним штемпелем оборотной стороны.

³⁹ Бертье - Делагард. Материалы..., стр. 93, № 167.

⁴⁰ Бертье-Делагард. Материалы..., стр. 90 слл., № 155, 166, 169.

⁴¹ G. F. Hill, The Frequency-Table, NC, 1924, стр. 76 слл.

широкое распространение за пределами Аттики, в том числе и в Малой Азии 42 . Это была наиболее многочисленная категория позднеэллинистического серебра, битого по аттической системе.

Средний арифметический вес драхмы как понтийского, так и афинского серебра А. Л. Бертье-Делагард определял в 4,14 г ⁴³. М. Томпсон, автор монографического исследования об афинском серебре «нового стиля», выводит средний вес для тетрадрахм ранних и поздних (в отличие от «средних») групп, равный около 16,75 г ⁴⁴ (драхма 4,19 г). Из приведенного в ее монографии графика весов монет 120/119 — 87/86 гг. до н. э. видно преобладание экземпляров с весом около 16,80 г (драхма 4,20 г). Приведенные материалы показывают, что боспорские дидрахмы строго следовали метрологическим нормам позднеэллинистического аттического стандарта.

Если сопоставление дидрахм и, например, афинских тетрадрахм указывает на ориентацию на общие весовые нормы, то мы не сможем этого повторить применительно к дидрахмам и любому другому виду боспорского серебра, выпущенного после денежного кризиса III в. до н. э. Как мы видели, средний арифметический вес дидрахм равен 8,31 г (драхма 4,155 г). Вместе с тем, средний вес самых многочисленных, а потому и наиболее надежных для метрологических исследований драхм Пантикапея II в. до н. э. 45 равен, по А. Л. Бертье-Делагарду, 3,62 г 46; для упоминавшихся уже фанагорийских и пантикапейских драхм I в. до н. э. 47 он соответственно составляет 3,76 г и 3,83 г 48. После работ А. Л. Бертье-Делагарда принято рассматривать весовой стандарт, по которому чеканилось ольвийское и боспорское монетное серебро III — I вв. до н. э., как сильно запиженный аттический. П. О. Карышковский недавно на материале ольвийских монет показал возможность считать эту весовую систему родосской 49. По его мнению, родосская система была принята и для боспорских монет 50, кроме митридатовских эмиссий, которые придерживались аттического стандарта 51.

Оставляя в стороне вопрос о весовой системе, применявшейся при чекане основной массы боспорского позднеэллинистического серебра ⁵², следует остановиться на одном моменте. Рассмотрение весов боспорских серебряных монет II в. до н. э. и времени Митридата VI (кроме дидрахм), приведенных А. Л. Бертье-Делагардом, не обнаруживает, на наш взгляд, серьезных расхождений между ними ⁵³. Очевидно, для обеих кате-

⁴² Следует заметить, однако, что на правление Митридата VI падает прекращение поступления афинского серебра в Малую Азию. М. Томпсон подчеркивает полное отсутствие находок монет в этом районе, чеканенных позже 120 г. до н. э. (М. Т h o m ps o n, The New Style Silver Coinage of Athens, NS, 10, Text, N. Y., 1961, стр. 544).

⁴³ А. Бертье-Делагард, Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до Р. Х., НС, I (1911), стр. 25 сл.

⁴⁴ Thompson, ук. соч., стр. 645 слл.

⁴⁵ Типа: ОК, табл. XXI, 106—112; АМ, табл. XLI, 22, табл. XLII, 1—3.

⁴⁶ Бертье-Делагард, Материалы..., стр. 87, № 142.

⁴⁷ Типа: ОК, табл. XXII, 168—169, табл. XXIII, 1b; АМ, табл. XLIII, 8, 11.

⁴⁸ Бертье-Делагард, Материалы..., стр. 91 слл., № 167, 157.

⁴⁹ П. Й. Каришковський, Зісторії зовнішньополітичних зв'язків Ольвії. Ольвія та Родос, МАПП, вып. II (1959), стр. 67 слл.; онже. Ольвия и Родос по нумизматическим данным, КСИА вып. 83 (1961), стр. 9 слл.

⁵⁰ Карышковский, Ольвия..., стр. 14; он же, Заметки по нумизматике античного Причерноморья, ВДИ, 1964, № 1, стр. 134 слл.

⁵¹ Карышковский, Ольвия..., стр. 14.

⁵² На наш взгляд, определение весовых стандартов, принятых для монет одного или нескольких центров нашего Юга, возможно только на базе монографического исследования всех систем Причерноморья.

 $^{^{53}}$ Примечательно, что самые низкие средние веса дает наименее надежный материал — малочисленные группы монет.

горий монет применялась единая весовая система. Но при любом решении вопроса о стандарте разница веса дидрахм и остальных серебряных монет Боспора очевидна и столь велика, что мы должны констатировать применение двух весовых систем. Для дидрахм — аттическая, строго в рамках международных норм того времени. Для остальных серебряных монет I в. до н. э.— традиционно «боспорская», независимо от того считать ли ее родосской ⁵⁴ или сильно заниженной аттической.

Если это так, и если дидрахмы составляют заключительный выпуск серебра на Боспоре (что весьма вероятно), то мы можем констатировать важное изменение в боспорском монетном деле в конце 80 гг. до н. э.— отход от местных традиций в области чекана серебра. В переходе к весовому стандарту, принятому для тетрадрахм Митридата VI, нельзя не усмотреть нового усиления понтийского влияния 55.

Некоторые моменты техники чеканки

Такой значительный по объему материал, как монеты Фанталовского клада, дает возможность для наблюдений над чисто техническими особенностями изготовления монет. Хотя эти наблюдения и ограничены только дидрахмами, они представляют известный интерес, хотя бы потому, что боспорские автономные монеты, исключая, пожалуй, медь Пантикапея III в. до н. э., никогда не рассматривались с точки зрения техники чеканки.

На лицевых сторонах некоторых дидрахм (например, № 139, 217, 256, 296) из-за сильного сдвига штемпеля сохранилась часть монетного кружка, совершенно не затронутого штемпелем. В некоторых случаях ясно видны следы проковки кружка. Этот прием можно отметить и для одновременных дидрахмам тетрахалков, он известен и в монетном деле соседних Боспору Херсонеса и Ольвии, при раскопках которых обнаружены нечеканенные монетные кружки ⁵⁶. Но проковка едва ли была обусловлена только толщиной заготовки, по-видимому, незначительной для дидрахм ⁵⁷. Толщина кружка не играла определяющей роли при изготовлении многих медных и некоторых серебряных ⁵⁸ боспорских монет времени Митридата VI, поскольку они перечеканивались, т. е. чеканились на уже готовых монетах. По-видимому, здесь проковка была обусловлена прежде всего стремлением уничтожить изображения старого типа при перечеканке.

⁵⁴ Возможность следования различным системам не помешала перечеканке штемпелями боспорских монет 100—90 гг. до н. э. амисских драхм родосского стандарта (Голенко, Изистории..., стр. 28 слл.).

⁵⁵ В этой связи речь может идти лишь об очередном этапе унификаци монетного дела в державе Митридата VI. Единство весовой системы боспорских дидрахм и понтийских тетрадрахм, например, не ставило их в одинаковое положение на рынке, поскольку в отличие от царских монет, чеканенных из высокопробного металла, дидрахмы унаследовали от боспорских эмиссий II — I вв. до н. э. низкое качество серебра.

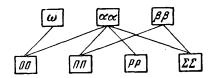
⁵⁶ Д. Н. Косцю шко-Валюжинич, Заметки о технике монетного дела в Херсонесе Таврическом, НС, т. III (1915), стр. 162 слл.; Л. П. Харко, Монеты раскопок Ольвии в 1946—1947 гг., сб. «Ольвия. Теменос и агора». М.— Л., 1964, стр. 335 слл.

⁵⁷ Монета № 465 чеканена на очень толстом кружке (раза в полтора толще, чем обычная монета), по-видимому, непрокованном или прокованном недостаточно. Но вместе с тем заготовка, которая шла под штемпелем, мало чем отличалась от уже готовой монеты, как об этом можно судить по экземплярам, имеющим следы случайной перечеканки (№ 274, 311, 375), ср., например, Brüder E g g e r, Auktions-Katalog der Sammlung... Theodor Prowe in Moskau, Wien, 1904, табл. III, 388; Голенко, Из истории..., табл. III, 3).

⁵⁸ Голенко. Из истории..., стр. 28 слл.

При изготовлении дидрахм пользовались не скрепленными между собой штемпелями лицевой и оборотной сторон. За это говорит необязательно безусловное совпадение осей у экземпляров, битых общей парой штемпелей ⁵⁹, и прямые несовпадения, впрочем весьма редкие (например, № 127—131; 140—145). Лишним подтверждением тому может служить не всегда одинаковая степень смещенности штемпеля лицевой и оборотной сторон при сдвиге штемпелей, а также нередкие (№ 122, 187, 216, 222, 252, 278, 286, 346, 387, 405, 415, 445) сдвоенные, строенные, счетверенные удары штемпеля лицевой (но не оборотной) стороны, часто совершенно искажающие изображения.

В связи с техникой чеканки уместно вернуться, в ином уже аспекте, к общим штемпелям, которыми чеканились дидрахмы. Как видно из Приложения I, в группе монет, связанных между собой общими штемпелями, нет хаотического использования последних. Исключая дидрахмы заключительной группы 11, для которых одновременно использовались два штемпеля лицевой стороны ($\alpha\alpha$, $\beta\beta$) и три оборотной ($\Pi\Pi$, PP, $\Sigma\Sigma$) (ср. приложенную схему), мы видим, что связи штемпелей с учетом будапештского

экз. укладываются в ровную «цепочку». Если не принимать во внимание маловероятное предположение об одновременности чекана монет двух или более групп, то выпуск дидрахм представлял собой спокойный, последовательный процесс, при котором в работе находилась только одна пара штемпелей и ввод в действие нового штемпеля предполагал браковку старого. Идя дальше, нужно думать, что дидрахмы бились в сравнительно небольшом количестве без заметных перерывов и на одном монетном дворе.

Дидрахмы и денежное обращение Боспора в Ів. дон. э.

Дидрахмы представляют большой интерес и с точки зрения изучения внутреннего денежного обращения и монетного дела Боспора при Митридате VI.

С переходом Боспора под власть понтийского царя местное монетное дело претерпело ряд изменений и во многом сблизилось с понтийским. Одним из новшеств следует считать предоставление права чекана собственной монеты не только Пантикапею, но и Фанагории, выпускавшей ранее свою монету эпизодически, и Горгиппии, которая при Спартокидах, по-видимому, не чеканила монету вообще 60. Как и в Понтийском царст, ве, на Боспоре была проведена унификация монетных типов, строго одинаковых-независимо от названия города, проставленного на монетах. Эти нововведения преследовали, нужно думать, две цели. Во-первых, был создан единый для всего Боспора образец монеты и, во-вторых, трем крупнейшим городам царства было предоставлено основное право автономного полиса — право чекана. Последнее, по-видимому, нужно непо-

⁵⁹ Принятая в Приложении I система обозначения соотношений штемпелей, к сожалению, не дает возможности отметить все тонкости нетождественности этих соотношений.

 $^{^{60}}$ Горгиппийская драхма типа АМ, табл. XLII, 14, которая могла бы быть отнесена ко II в. до н. э., по-видимому, поддельна. Заведомо фальшивые серебряные монеты Горгиппии — ОК, табл. XXIII, 3-4, что касается ОК, табл. XXIII, $1\ c$, то эта монета, возможно и подлинна, но не боспорского чекана.

средственно связывать с внутренней политикой Митридата VI, проводившейся им в период первой и второй «Митридатовых войн» — политикой заигрывания с греческими городами, основанной на филэллинских и антиримских лозунгах. Дидрахмы дают наглядное свидетельство того, что предоставление права чекана Фанагории и Горгиппии не преследовало экономические цели и носило характер политического жеста, юридической фикции. Как уже говорилось, дидрахмы всех трех городов чеканились на одном монетном дворе, а монограммы, проставленные на них, содержат имя одного лица. Иными словами, кем бы ни было это лицо, его должность не могла быть выборной (в противном случае монограмм было бы несколько и они менялись) и принадлежать городскому магистрату (поскольку его именем метились монеты трех городов).

Но вместе с тем вплоть до 80 г. до н. э. была сохранена одна важная особенность монетного дела Боспора. Речь идет о серебряном чекане. Если в собственно Понте города выпускали только медь, а чекан серебра (и редкого золота) являлся прерогативой царя 61, то на Боспоре был сохранен серебряный чекан, в то же время там не выпускалась царская монета 62. Другая особенность монетного дела Боспора при Митридате VI—переход к чекану только крупных номиналов меди, почти неизвестных при Спартокидах. Эта особенность и на серебряный чекан наложила определенный отпечаток, выразившийся в отмирании мелких номиналов и замене их в обращении крупной медью. При Митридате VI на Боспоре чеканятся только драхмы и очень редкие триоболы и дидрахмы. Если дидрахмы выпускались в конце 80 гг. до н. э., то введение крупного номинала серебра можно, видимо, объяснять нехваткой монетного серебра, а также крупных номиналов меди. Серия монет 90— 80 гг. до н. э.— самая многочисленная на Боспоре I в. до н. э., но в ней редки оболы — высший номинал меди, которые, как пантикапейские триоболы и фанагорийские драхмы, не были одновременны дидрахмам, они выпущены раньше их 63.

Сложившиеся особенности боспорского монетного дела были разрушены сразу же после 80 г. до н. э. С этого момента и вплоть до гибели Махара (66 г. до н. э.) или Митридата VI (63 г. до н. э.) на Боспоре чеканится только один вид монеты — лишенные каких-либо указаний на место изготовления анонимные оболы. В обращении роль более мелкого номинала выполняли привозные тетрахалки, практически только синопского чекана ⁶⁴. Это кардинальное изменение в боспорском монетном деле может быть рассмотрено в нескольких аспектах. Прежде всего, выпуск только анонимных монет подразумевает лишение права чекана городов Боспора, что, очевидно, произошло после подавления антимитридатовского восстания боспорских городов в 79 г. до н. э. (ср. Strabo, II, 1, 16; Арр., Mithr., 64, 67). Но объяснение отказа от выпуска серебра только политическими мотивами справедливо лишь отчасти ⁶⁵. По-видимому, лишение права чекана лишь ускорило оформление того процесса отмирания серебра, который в боспор-

 $^{^{61}}$ Но, по-видимому, в начале правления Митридата VI в Амисе продолжался выпуск автономного серебра, который прекратился примерно на рубеже II — I вв. до н. э. Это мнение отчасти обосновано — Γ о л е н к о, Из истории..., стр. 32 сл.

⁶² Возможность отнесения к боспорскому чекану уникального статера Митридата VI из собрания Аулока не меняет сути дела. Об этой монете см. К l e i n e r, Pontische Reichsmünzen, стр. 14, табл. I, 6; SNG, Deutschland, Sammlung von Aulock, Bd. I, H. 1, B., 1957, табл. I, 5; А. Г. Загинайло, Золотая боспорская монета Митридата Евпатора, КС ОГАМ 1961 г., Одесса, 1963, стр. 113 слл. На наш взгляд, эта монета чеканена после смерти Митридата VI. К этому вопросумы надеемся вернуться специально.

⁶³ Это положение мы попытаемся обосновать в другой работе.

⁶⁴ Голенко, Монетная медь..., стр. 64.

⁶⁵ Следует заметить, что в Понте осуществлялся анонимный чекан серебра — поздние драхмы Амиса, выпущенные, на наш взгляд, после подчинения города царям Понта, лишены названия города.

ском монетном деле намечался уже давно. Как доказывает П. О. Карышковский, в монетном деле Ольвии и Боспора к III в. до н. э. роль валютного металла от серебра переходит к золоту ⁶⁶. Это, в частности, и послужило причиной резкого ухудшения качества металла и огромной терпимости веса. С конца III в. до н. э. серебро в денежном обращении выполняет второстепенную роль, оно несет функцию разменной монеты по отношению к золоту. Как мы видели, появление крупной меди привело к прекращению чекана мелких номиналов серебра, а затем к прекращению чекана серебра вообще. Если для конца правления Митридата VI этот процесс внешне не заметен, поскольку на Боспоре золото не чеканилось (или почти не чеканилось), то в последующее время он становится очевидным. Начиная с Фарнака, преемника Митридата VI, боспорское монетное дело и денежное обращение ⁶⁷ знает лишь золото и медь ⁶⁸

В заключение следует сказать и несколько слов о Фанталовском кладе как таковом. Принцип формирования кладов — стремление подобрать монеты одного номинала, желательно высшего, здесь доведен до абсолюта. Как мы видели, Фанталовский клад представлен исключительно дидрахмами — самым крупным номиналом серебра этого времени. Но возможность специальной выборки дидрахм на денежном рынке представляется невероятной 69. Нельзя забывать о большой редкости дидрахм и непродолжительности их чекана, а также о том, что эти монеты, очевидно, составляли заключительный выпуск боспорского серебра, представленного на местном рынке главным образом драхмами. Учитывая сказанное, объем клада (не следует забывать, что нам известна лишь часть его) и явное отсутствие следов обращения на монетах (кроме № 307), Фанталовский клад нужно рассматривать как явление исключительное. Возможно, перед нами крупная сумма денег, вывезенная из столицы для покрытия каких-то особых платежей (например, для выплаты жалованья гарнизону) на азиатской стороне Боспора и зарытая вследствие экстраординарных событий. Если принять такое толкование, то зарытие клада весьма заманчиво связывать с восстанием городов Боспора против Митридата VI и датировать его, таким образом, ближайшими годами, до 79 г. до н. э. Нужно думать, что археологическое исследование Фанталовского городища внесет известную ясность в этот частный вопрос.

⁶⁶ П. О. Карышковский, Изистории денежного обращения в Северном Причерноморые в III в. до н. э., ЗОАО, т. 1 (34) (1960), стр. 122 сл.; о н ж е, Заметки..., ВДИ, 1961, № 4, стр. 114 слл.

 $^{^{67}}$ В отличие от соседнего Херсонеса и Колхиды на Боспоре римский денарий не обращался.

⁶⁸ Некоторыми статерами Ининфимея (234—239 гг.), фактически серебряными, в данной связи следует пренебречь. Серебро этих монет представляет переходную ступень в деградации боспорских статеров от золота к меди.

⁶⁹ Характерно, что нам не известны клады медных боспорских монет времени Митридата VI (несравненно более многочисленных, чем дидрахмы), которые были бы представлены только одним номиналом.

 $\Pi P \mathit{ИЛОЖЕНИЕ}_{.} \mathit{I}$ общий список монет фанталовского клада

щ	л. ст.	об. ст. эд *	L E	r. ** 1	пп	л. ст.	об. ст. эд	TI AI	ЭН. I	ш	л. ст.	шт. об. ст. город	r a	TH.
Ng 1	ET.	шт. об	Bec	COOTH.	Ne ni	mr.	шт. об	вес	COOTH.	g	ii.	Int.	вес	соотн.
1 2 3 4 5 6 7 8 9 0 1 1 2 3 4 5 6 7 8 9 0 1 1 2 3 4 5 6 7 8 9 0 1 1 2 3 2 2 2 2 2 2 2 2 2 2 2 2 3 3 3 3	は、日本のは、日本のは、日本のは、日本のは、日本のは、日本のは、日本のは、日本の	AAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA	8,25 8,17 7,95 8,33 8,33 17,50 8,33 8,33 17,50 8,33 8,33 1,48 8,98 8,41 8,98 8,41 8,50 8,50 8,33 1,10 1,10 1,10 1,10 1,10 1,10 1,10 1	12 12 12 12 12 12 12 12 12 12 12 12 12 1	56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 77 78 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 100 100 100 100 100 100 100	<u>6888888888888888888888888888888888888</u>	0	8,31 8,29 8,31 8,29 8,28 7,69 9,01 9,01 9,01 9,01 9,01 9,01 9,01 9,0	12 12 12 12 12 12 12 12 12 12 12 12 12 1	111 112 113 114 115 116 117 118 119 120 121 122 123 124 125 126 127 128 130 131 132 133 134 135 136 137 138 139 140 141 142 143 145 146 147 148 149 150 160 160 160 160 160 160 160 160 160 16	$\phi \phi \phi$ ייייייייייייייייייייייייייייייייי	М М М М М М М М М М М М М М М М М М М	7,85 7,85 7,85 9,30 8,53 8,53 8,53 8,40 8,36 8,35 8,30 8,30 8,30 8,30 8,30 8,30 8,30 8,30	12 12 12 12 12 12 12 12 12 12 12 12 12 1

^{*} П — Пантикапей, Φ — Фанагория, Γ — Горгиппия. ** Соотношения осей указаны по часовому циферблату.

Π родолжение

	-		•				· · ·			1 1				
№ ип	шт. л. ст.	шт. об. ст. город	Bec B r	соотн. осей	Ne di	шт. л. ст.	mr. of. cr. ropon	вес в г	COOTH. OCCH	Ne III	шт. л. ст.	ит. об. ст. город	BEC B L	соотн.
165 166 167 168 169 170 171 172 173 174 175 176 177 178 180 181 182 183 184 185 186 187 192 193 194 195 196 197 198 200 1202 203 204 205 207 207 207 207 207 207 207 207 207 207			8,754 8,764 8,633 8,636 8,555 5,556 8,555 8,455 8,457 8,457 8,457 8,457 8,457 8,457 8,457 8,457 8,457 8,457 8,457 8,457 8,457 8,457 8,457 8,457 8,457 8,457 8,457 8,577 8,577 8,	11 11 12 11 11 12 11 11 11 11 11 11 11 1	223 224 225 226 227 228 229 230 231 232 233 234 235 236 237 238 239 240 241 242 243 244 245 246 247 250 251 252 253 254 255 266 261 262 263 264 265 266 267 268 269 270 271 272 273 274 275 276 277 278 279 280 281			7,89 7,71 7,55 7,50 7,18 7,50 9,324 7,13 9,30 9,15 1,30 9,15 1,30 9,15 1,30 9,15 1,30 9,15 1,30 9,15 1,30 1,30 1,30 1,30 1,30 1,30 1,30 1,30	12 11 11 11 11 11 11 11 11 11 11 11 11 1	282 283 284 285 286 287 288 290 291 292 293 294 295 296 297 298 299 300 301 302 303 304 305 306 307 308 309 310 311 312 313 314 315 316 317 318 320 321 322 323 324 325 326 327 328 329 329 329 329 329 329 329 329 329 329	THE	PPPPPPPPPPPPPPPPPPPPPPPPPPPPPPPPPPPP	7,95 7,93 7,93 7,85 7,85 7,85 7,78 8,55 7,78 8,57 7,76 8,69 8,510 6,69 8,66 8,61 10,11 10,	12 12 12 12 12 12 12 12 12 12 12 12 12 1

Окончание

	**	CI.					ct.				cr.	СТ.		
лам пп	шт. л. ст.	шт. об. с	Весвг	соотн.	N III	шт. п. ст	ит. об. город	весвг	сооти.	№ пп	mr. 11. c	шт. об. город	вес в г	
340 341 342 343 344 345 346 347 348 349 351 353 355 356 357 358 360 361 362 363 364 365 367 371 377 377 377 377 377 377 377 377 37	mwwwwooooooonnnnnnnnnnnnnnnnnnnnnnnnnnn	XXXXXXXXYΨΨΨΨΨΩΩΩΩΩΩΩΩΩΩΩΩΩΩΩΩΩΩΩΩΩΩΩΩΩ	8,109 8,77,300 8,566 8,77,382 8,427 8,555 8,427 8,355 8,427 8,355 8,427 8,355 8,427 8,355 8,427 8,555 8,427 8,555 8,555 8,557		388 389 391 392 393 394 396 397 398 399 400 401 405 406 407 408 409 410 411 412 413 414 415 416 417 418 421 422 423 424 425 427 428 429 430 431 432 433 434 435 436	$\Phi \Phi \Phi \Phi \Phi \sigma \sigma$	C	8,39 8,39 8,39 8,39 8,39 8,39 8,39 8,39	1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1	437 438 439 440 441 442 443 444 445 446 447 445 451 452 453 454 455 456 457 458 460 461 462 463 464 463 464 467 471 472 473 474 477 478 479 480 481 482 483 484 485	Φ Φ Φ Φ Φ Φ Φ X X X X X X Y Φ	II	8,30 8,311 8,321 8,320 8,550 8,420 8,550 8,420 8,380 8,450 8,450 8,40 8,40 8,40 8,40 8,40 8,40 8,40 8,4	1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1

ПРИЛОЖЕНИЕ ІГ

О ПАНТИКАПЕЙСКОЙ ДРАХМЕ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДИОНИСА И ПЛЮЩЕВОГО ВЕНКА

В связи с боспорскими дидрахмами большой интерес представляет уникальная монета, очевидно драхма, Пантикапея (4,00 г), принадлежащая собранию Британского музея (W. Wroth, Greek Coins Acquired by the British Museum in the 1889, NC, 1890, стр. 315, № 6, табл. ХІХ, 4). Кроме номинала, эту монету мало что отличает от боспорских дидрахм: несколько иное расположение листьев венка на лицевой стороне при обычном чередовании листьев и ягод плюща в венке на оборотной стороне, схематическая и сухая его трактовка, неполное заполнение надписью пространства внутри венка и, что самое главное, совершенно необычное изображение головы божества. После публикации В. Роса эта монета не привлекала внимания исследователей, лишь недавно к ней вернулся А. Г. Загинайло (ук. соч., стр. 117 сл.). По мнению последнего, на лицевой стороне монеты помещен портрет молодого Митридата VI, «представленного, быть может, в виде юного Аполлона» (стр. 118); с такой атрибуцией согласиться трудно, на репродукции в статье В. Роса достаточно ясно виден плющевой венок, украшающий голову божества. Исходя из сопоставления лицевых сторон драхмы Британского музея, ранних тетрадрахм Митридата VI и монетной меди городов Понта и Пафлагонии, принадлежащей первой митридатовской группе 120—111 гг. до н. э., где в юношеской голове принято усматривать портретные черты понтийского царя, А. Г. Загинайло приходит к выводу о раннемитридатовском происхождении драхмы. Действительно, нельзя не признать, что в данном случае образец следует искать среди упомянутой понтийской меди. Сопоставления приводят А. Г. Загинайло к выводу, согласно которому драхма Британского музея — первый вид боспорского серебра, чеканенный при Митридате VI сразу же после подавления восстания Савмака, т. е. в последние годы II в. до н. э. Следуя А. Г. Загинайло, мы будем вынуждены констатировать появление боспорской монеты, чеканенной по типу дидрахм, выпускавшихся примерно двумя десятилетиями позже. Отсутствие в Фанталовском кладе драхм, аналогичных лондонской, и появление изображения Диониса на монетах Понта и Боспора только около 90 г. до н. э. все это делает невозможным положительное осмысление драхмы Британского музея. Мы близки к мысли о поддельности этой монеты. За такую возможность говорит и не свойственная боспорско-понтийскому чекану митридатовского времени мелочная и сухая моделировка деталей; неприятное впечатление производит надпись, особенно начертание отдельных букв (например, nu, may, omera). По-видимому, к подобной точке зрения был близок и А. Л. Бертье-Делагард, который не включил эту монету в свои «Материалы», котя этот исследователь располагал сведениями о монетах Британского музея, а драхма, о которой идет речь, была издана много ранее, чем труд А. Л. Бертье-Делагарда.

Но имея в виду высокий научный авторитет издателя (В. Роса) и то обстоятельство, что драхма Британского музея нам известна только по публикации, настаивать на нашем предположении преждевременно. Оно может быть принято во внимание только в качестве одного из возможных в данной связи.

К. В. Голенко

РИМСКИЕ ФУЛЛОНЫ

По условиям италийского городского быта стирка дома была делом невозможным: нет мыла, в инсулах мало воды, нет приспособлений для мойки тяжелой перстяной одежды. Грязные вещи отдают мыть фуллонам; они же валяют сукно: это сукновалы и прачки древнего мира. Так как шерстяных оческов у них всегда набиралось много, то занимались они, по всей вероятности, и набивкой тюфяков (Plin., VIII, 192).

Литературные источники (Плиний Старший, главным образом), надписи, археологические находки, изображения — фрески из Помпей и рельефы из музея в Сенсе — позволяют составить довольно ясное представление о работе фуллонов. Есть, правда, большие пробелы, ускользают важные подробности, без которых нет живой, настоящей жизни, но по сравнению с обычной скудостью наших сведений об античном ремесле, можно сказать, что о технике стирки и сукновальных работах осведомлены мы не так уж плохо.

Стиральными средствами, имевшимися в распоряжении фуллона, была моча (постоявшая одну-две недели, она образует в соединении с жиром, находящимся в тканях, жидкое аммониакальное мыло) и особая, так называемая «валяльная глина», обладающая свойством впитывать жир. Грязную одежду или материю — а шерстяная ткань, снятая с ткацкого станка, никогда не бывает чистой, — клали в довольно глубокий чан, заливали мочой, работник влезал в чан и, опираясь либо на стенки перегородок, между которыми стояли эти чаны, либо, если вместо чана был простой деревянный ящик, на стойки, прибитые к его стенкам, начинал подпрыгивать, выжимая ногами грязь и в то же время сваливая ткань. Затем жидкость сливали, засыпали материю глиной, наливали воды, и фуллон опять начинал, говоря словами Сенеки, свою «пляску». Потом вещи вынимали, раскладывали их на каменной плите, били палками или чем-то вроде наших вальков, после чего неоднократно отполаскивали в чистой воде. Выстиранные вещи развешивали на жердях для просушки, затем ворсовали с помощью щетки-дощечки, на которую были насажены головки какого-то колючего растения, родственного нашему чертополоху, или прибита шкурка ежа. И наконец ткань (если она была белого цвета) натягивали на юртообразную клетку, под которую ставили котелок с зажженной серой: серные пары придавали шерстяной материи особый блеск и мягкость (Plin., XXXV, 175). После этого окуриванья ткань «крахмалили»: натирали ее особого сорта глиной, чтобы она не так скоро пачкалась (это называлось desquamare). Затем одежду или ткань складывали и клали под пресс (превосходный образец такого пресса найден недавно в Геркулануме).

Из сказанного ясно, что для работы фуллонов нужно было специальное оборудование, оно было громоздко и требовало для себя особого места. Лишь очень богатые люди могли обзавестись собственной фуллоникой, рассчитанной на обслуживанье только своего хозяйства. Свои фуллоны были, конечно, в императорской семье (у Ливии, у Марцеллы, у детей Друза) и у таких богатых людей, как Статилии Тавры или Волузии. Рядовое население Рима и других италийских городов должно было пользоваться услугами частных или городских фуллоник.

Прежде, однако, чем перейти к ним, стоит спросить себя, где стирали свои вещи и валяли себе сукно жители деревень и сельских усадеб? Маленькому бедному поселку оборудовать настоящую фуллонику было бы не под силу, а хозяину небольшого имения и смысла не имело ее устраивать, потому что большую часть времени она стояла бы праздно. В описаниях усадьбы у Варрона и у Колумеллы (у последнего особенно подробном) ничего не сказано ни о помещении для фуллоники, ни о предметах, для нее необходимых; в усадьбах, раскопанных под Помпеями, нет и следа фуллоник. Как же решался вопрос со стиркой для сельского люда и рабовладельческого хутора?

Ответ имеется у Варрона, причем он разный в зависимости от двух условий: состоятельности хозяина и места, где находится его земля. Богатый землевладелец, если его имение далеко отстоит от города или поселка, приобретает собственных ремесленников, в том числе и фуллонов. Хозяева средней руки предпочитают не заводить своих врачей, фуллонов и плотников, а иметь их по соседству и заключать с ними из года

в год условие на обслуживание своего хозяйства (Var., r. г. I, 16, 4). Договор заключался или с богатым соседом, или с городской фуллоникой; хозяин посылал в усадьбу несколько своих рабочих, и те отправлялись в путь, захватив с собой свои щетки, серу и какое-то количество глины. У Катона в его маслиннике стояла «ступка для фуллона» (10, 5), т. е. чан, в котором фуллон «плясал», и такую же «ступку» обязан был изготовить подрядчик, строивший хозяину новую усадьбу (14, 2). Этот чан и составлял все оборудование усадебной фуллоники; воду нагревали на очаге в кухне, вымытые вещи отполаскивали в соседней реке или в любом большом корыте, куда натаскивали воды из колодца; жерди и веревки имелись под рукой, и ничего не стоило сплести из гибких ивовых ветвей клетку для окуривания. Катон считал, что для его хозяйства, в котором работало 13 человек (10, 1), достаточно одной «ступки», т. е. рассчитывал на работу только одного фуллона. Этот расчет имеет еще больше основания для усадеб более мелких, таких, как раскопанные под Помпеями. Вряд ли, однако, на такую «одиночную» работу посылали раба, который всегда мог сбежать; фуллон, который один-одинешенек работал у Катона, был свободным человеком.

Легко представить себе и артель свободных бродячих фуллонов. Вряд ли деревенские бедняки заключали договор с городской фуллоникой, в котором строго обусловлены были сроки, стоимость работ, оговорены неустойки и штрафы. Но и для самой скромной хижины требовались услуги фуллонов, и случайное их появление в поселке могло оказаться чрезвычайно кстати и положить начало дальнейшим деловым сношениям. Сама жизнь вызывала образование таких странствующих свободных рабочих.

В Кельне найдено было надгробие, поставленное «Юлию Верину, учителю искусства фуллонов» (fulloniae artis magistro, CIL, XIII, 8345). Можно было, конечно, хорошо свалять сукно и свалять его плохо, можно было выстирать ткань чисто и можно было оставить ее грязноватой, но вряд ли все-таки обучение фуллона было сложным: разбираться в разных сортах глины, запомнить, каким когда пользоваться, усвоить несложную технику равномерных прыжков, ворсованья и окуриванья — наука была невелика. Требовались, главным образом, крепкие мускулы и хорошее сердце для «пляски»; для остальных работ физическая сила была не нужна; поэтому в фуллониках работали и женщины. На фреске из дома Ветиев (Помпеи) психеи рассматривают на свету ткань и сворачивают ее, чтобы положить под пресс; на фресках с улицы Меркурия одна женщина занята приемкой или вручением заказа; другая чисткой щетки. Женщинам, вероятно, поручали и такую легкую работу, как набивка тюфяков.

В Риме не осталось и следа от тех многочисленных фуллоник, которые обслуживали население громадного города, и поэтому, чтобы получить некоторое представление об устройстве фуллоники, приходится обращаться к помпейским мастерским.

В 1826 г. была окончательно раскопана на улице Меркурия большая фуллоника, занимавшая центральное место в старом большом особняке, превратившемся к концу жизни Помпей в настоящий «Торговый Дом» с лавками, хлебопекарней и фуллоникой. В ней находилось шесть каморок с чанами, где «плясали» фуллоны, четыре вмурованных резервуара, куда все время поступала чистая вода; отдельная комната с каменным столом, на котором выбивали из тканей грязь, и двумя большими ваннами для отполаскиванья; много было и свободного места для развешиванья выстиранных вещей и производства таких работ, как ворсованье и окуриванье. Кухня, находившаяся при пекарне, связана и с фуллоникой; там нагревали и оттуда приносили горячую воду. В мастерской отпущенника Стефана на Новых Раскопках стояли три большие ванны и имплювий, который Стефан окружил бетонной загородкой; были поставлены три «сукновальные ступки». Была в Помпеях и городская фуллоника на Стабиевой улице как раз против дома, где жил известный помпейский банкир Цецилий Юкунд. Ее, вероятно, и держал он в аренде в течение четырех лет (56-60 гг. н. э.), ежегодно уплачивая за аренду 1652 сест. — сохранились квитанции об этой уплате. В последние годы перед гибелью Помпей фуллоника эта принадлежала М. Везонию Приму: в ней стоят и до сих пор три большие ванны и имеется десяток каморок для чанов.

Эти археологические данные позволяют установить — приблизительно — число людей, работавших в фуллониках: оно в какой-то мере соответствовало числу «ступок»:

10—6—3. К людям, месившим ткани в этих ступках, добавлялось человека два-три, занятых ворсованием, окуриванием, выдачей готовых вещей и приемом грязных. Случайно ли, что на фресках с улицы Меркурия, изображено девять рабочих; на фреске из дома Ветиев — восемь? У Везония Прима рабочих было, вероятно, немногим больше десяти.

Помпеи, имевшие свою, городскую, фуллонику, не были, конечно, исключением из других италийских городов. Город строил и бани, и фуллоники, стремясь удовлетворить насущные потребности своих сограждан; он не дожидался, пока частный предприниматель проявит инициативу, но снимал с себя дальнейшую заботу об этих заведениях, сдавая их, как мы видели, в аренду. Плиний упоминает «Метилиев закон», в котором определялось, какие работы должны производить фуллоны и какими сортами глины обязаны они пользоваться. «Закон этот цензоры Г. Фламиний и Л. Эмилий (220 г. до н. э.) предложили народу» (XXXV, 197): по-видимому, это выдержка из lex censoria — контракта, который цензоры заключали с лицами, бравшими в аренду государственную или городскую собственность, и который предварительно объявлялся для всеобщего сведения. В Риме, следовательно, как и в Помпеях, были городские фуллоники; были, конечно, и частные. Хозяин такой фуллоники, если она стояла на городской земле (как и все, кто построился на участке, принадлежавшем городу), обязан платить поземельное — solarium, — а кроме того, все фуллоны платят и за воду, которая требуется им в большом количестве. Фронтин писал, что в старину (apud veteres) хозяева бань и фуллоник платили за воду «по установленной цене» (statuta mercede, De aquad., 94). «Старина», как мы сейчас увидим, оказывается отнюдь не столь глубокой, а ее расчетливый обычай никак не утрачен. Освободить от налога за воду и за землю мог только император: это была милость и привилегия. В III в. н. э. коллегия фуллонов выдержала тяжбу с представителем фиска, требовавшим положенной уплаты в казну. Фуллоны отказывались, ссылаясь на постановление Августа, освобождавшее их от налога. Дело трижды рассматривалось — истец не унимался — у префекта вигилей (это обстоятельство наводит на мысль, что спор шел о налоге на воду: префект пожарников был как бы «хозяином» всей воды Рима) — между прочим, и у знаменитого Модестина, — тянулось 18 лет — с 226 по 244 г. — но окончилось победой коллегии (СІL, VI, 266).

Есть еще одна римская надпись, касающаяся фуллонов (СП, VI, 10298). Дошла она в искалеченном виде: обломан верх плиты, низ и вся левая часть; Моммзен считает, что больше половины доски. Он отнес, на основании языка, этот отрывок к концу Республики или ко времени Августа, снабдил комментарием (в СП ad loc.; см. также Bruns, Fontes iuris Romani..., стр. 394—397) и весьма убедительно дополнил обломанные строчки. Но самые убедительные дополнения остаются только дополнениями, самые блестящие конъектуры только конъектурами — это не фундамент для каких бы то ни было выводов. К счастью, и половинные строчки надписи позволяют угадать, о чем идет речь.

Моммзен считает эту надпись статутом коллегии фуллонов (они названы здесь conlegium aquae). Можно ли с ним согласиться?

Сохранившийся обломок начинается с требования, чтобы магистр коллегии по окончании своего срока (он обычно выбирался на год) принес клятву в том, что за это время он сознательно не преступил «закона» (содержание «закона» излагалось, конечно, выше) и не позволял преступать его «своим». Не выполнивший этого требования платит штраф, не может быть вновь магистром и теряет право голоса. Приводятся основания, разрешающие принести требуемую клятву не в день окончания своей должности, а позже. Магистр имеет право налагать на членов коллегии штраф — не свыше асса.

Эти положения могли стоять в уставе коллегии, в ее «законе». Мы знаем, с какой охотой коллегии брали в качестве образца для своей организации организацию городскую. Уместна ли, однако, в уставе такая строка: nive cretulentum exegisse velit nisi in duabus lacunis populi Romani ius emet («да не требует и cretulentum, если не купит права на два бассейна»). Что такое cretulentum, неизвестно, но, несомненно, слово это означает что-то стоящее в связи с глиной, а глина, как мы видели, в италийской прачеч-

¹¹ Вестник древней истории, № 4

ной и сукновальне, была необходима. Фуллон требует для себя cretulentum. У кого? У коллегии? В ответ на свое требование он получает встречное — уплатить за два бассейна. Кто мог его предъявить? Коллегия? Но мы знаем, что коллегии были совершенно равнодушны к профессиональной деятельности своих членов: техника мастерства, условия работы, весь трудовой быт мастерской коллегию вовсе не интересует; ей не было никакого дела, обзавелся ли ее член глиной и в состоянии ли он внести налог за два бассейна или нет. Это, во-первых. Во-вторых, коллегии были учреждением весьма демократическим: ее членами могли в равной мере стать и хозяин мастерской и раб-ремесленник. «Аристократические» коллегии, объединявшие одних хозяев (а человек, желавший получить право на использование двух бассейнов, конечно, хозяин фуллонов, а не фуллон-рабочий), неизвестны. И наконец, в-третьих, коллегия требовала от своих членов вступительного взноса и регулярных месячных взносов в дальнейшем. Все эти деньги шли в кассу коллегии и расходовались на ее нужды и потребы. Налог на воду поступал в казну, и государство отнюдь не уполномочивало коллегию фуллонов блюсти его интересы. Забота о них лежала на лице официальном, и требование уплатить соответственный налог могло исходить только от лица официального.

Еще неуместнее в уставе коллегии требование воспрепятствовать всякому, кто, не уплатив налога, откроет свою фуллонику, и представить его на суд магистров. Откуда у коллегии такие права? Судя по тем уставам коллегий, которые до нас дошли; судя по всему характеру их внутреннего устройства, подобный параграф в уставе есть нечто немыслимое и невозможное. Это соображение в соединении с вышеприведенными (безразличие коллегий к вопросам профессиональным, их демократизм, неуместность надзора за налогами государственными) заставляет думать, что разбираемая надпись отнюдь не устав коллегии, а документ, облекающий ее определенными правами в ответ на принятые ею на себя обязанности: это договор на аренду городской фуллоники, заключенный римским магистратом с коллегией фуллонов. По этому договору арендаторы получали право на cretulentum, а кроме того, интересы их находились под охраной официального лица. Что же такое cretulentum?

Слово это встречается один единственный раз в этой надписи, и объяснение его в «Thesaurus» — ius vestimenta creta poliendi — абсолютно неверно: натирание выстиранной вещи глиной было обязательной частью работы фуллонов и никакого особого права на эту работу не требовалось. Моммзен в своем комментарии дает такое объяснение: ius exigendae pecuniae pro creta id est, opinor, pro usu fontis ad lavanda et polienda vestimenta, но ведь речь идет об уплате денег, а не об истребовании их, это раз, а затем естественно возникает вопрос, от кого же фуллон может требовать «деньги за глину»?

Что это какое-то право, на которое можно притязать по выполнении определенных условий, это ясно. Дело в том, что местная римская глина для фуллонов не годилась; они нуждались в привозной и заморской — из Умбрии, из Сардинии, с Кимола, одного из Киклад. Для бесперебойной работы фуллоник нужен был регулярный подвоз разных сортов этой сукновальной глины. Кто мог его обеспечить, кроме государства? Заботясь о создании городских фуллоник, естественно было позаботиться о снабжении их материалом, необходимым для работы. Большая ли смелость предположить, что у государства, имевшего запасы хлеба, масла и других подуктов, были и запасы этой глины, и фуллоны, арендаторы городской фуллоники, получали cretulentum — право покупать глину у государства, может быть, в первую очередь и даже со скидкой? Выдавать на это разрешение мог, конечно, только магистрат, имевший дело с фуллонами.

В маленьком шахтерском поселке Випаске (Альжюстрель в нынешней Португалии) прокуратор рудников сдавал в аренду сапожную мастерскую, цирюльню и фуллонику (СІL, II, 5812). Никто не смел ни тачать сапог, ни стричь волос, ни стирать грязных вещей «за плату», т. е. прибытка ради, кроме арендаторов и тех, кому они это право уступят. Прокуратор ограждал интересы своих съемщиков, тем самым обеспечивая аккуратный взнос платежей: возможность жалоб на отсутствие заработка, отнимаемого конкурентами, сразу была уничтожена.

Не озабочен ли охраной своих арендаторов и римский магистрат? Тут следует уточнить, с-кем заключено условие? Со всей коллегией фуллонов? А priori можно ответить

отрицательно. В Риме наряду с городскими существовали и частные фуллоники, как наряду с городскими были и частные бани. У нас имеются эпиграфические данные, позволяющие утверждать, что коллегия фуллонов в Риме состояла из отделений, связанных с определенным местом. Ответчиками в процессе 226—244 гг. были фуллоны с Эсквилина: они получили от Августа освобождение от налога для того именно места, которое занимали, и они приглашали судебные власти осмотреть именно это место. П. Клодий Фортунат, заботами которого высечена надпись, излагавшая весь ход процесса, назван «пожизненным квинквенналом этого места». Если есть «квинквеннал этого места», то должна быть и «коллегия этого места». Действительно, в надписи от времени Каракаллы, поставленной по какому-то поводу в благодарность императору и его матери и сохранившейся только в части, содержащей перечень имен, упомянут фуллон «коллегии этого места» (СП., VI, 9428). Мы имеем, таким образом, основание считать, что арендный договор, каковым мы считаем занимающую нас надпись, заключен с каким-то местным отделением коллегии фуллонов и специально для него предназначен.

Оберегая своего арендатора в Випаске прокуратор запретил открывать другие фуллоники. В маленьком поселке это было просто и до известной степени оправдано; в Риме подобный запрет немыслим. Можно, однако, в какой-то мере оберечь арендаторов, предоставив в их исключительное пользование воду из тех бассейнов, за которые они уплатили налог. Если бы на нее посягнул фуллон со стороны, его следует привлечь к суду: пусть приобретет «право на два бассейна». Вряд ли это была большая сумма: не в духе римского городового законодательства тяжко облагать людей, занятых общественно полезным делом. Затруднение для пришельца было, вероятно, в другом: приходилось приискивать два бассейна, и по условиям места, где находилась арендованная фуллоника, это было не так легко. Поставить человека, собиравшегося открыть по соседству свою фуллонику, в необходимость «покупать право на два бассейна», значило попросту убрать с дороги возможного конкурента.

Перейдем теперь к фуллонам-людям, хозяевам и работникам. Хозяева принадлежали к разным слоям: тут и свободные люди, тут и отпущенники. В Помпеях хозяевами фуллоник были и Л. Вераний Гипсей, дуумвир 58 г. н. э., т. е. человек из муниципальной знати, и отпущенник Стефан. Упомянутый выше П. Клодий Фортунат, квинквеннал коллегии, конечно, хозяин фуллоники — свободный от рождения италиец; шестеро магистров коллегии, поставивших в 57 г. н. э. алтарь Минерве, покровительнице их ремесла, были отпущенниками (СІL, VI, 268); судя по их содпотіпа, — это греки и люди с Востока (Горгий, Лет, Карп, Фавст, Агафопод, Аман); судя по их видному положению в коллегии — хозяева. Кем были отпущенники Тимофей, Стефан и Никифор (СІL, VI, 6994, 9429, 9430), сказать невозможно; может быть, хозяева, может быть, рабочие. Прежде, однако, чем перейти к последним, стоит сказать о роли, какую играли фуллоны в промышленной и торговой жизни Помпей.

В Помпейских фуллониках шла большая работа по изготовлению сукон. Помпеи были центром сукновального производства в Кампании.

Кампанское овцеводство было овцеводством приусадебного типа. Тут не держали тысячных отар, которые приходилось бы перегонять с летних пастбищ на зимние и обратно; маленькие стада в несколько десятков голов круглый год кормились около дома: на парах, на жнивье, в масличных садах и виноградниках, где лозы вились по деревьям, а не подвязывались к шпалерам. Таких маленьких стад было множество, и производство шерстяных тканей естественно развилось в крае. Уже Катон рекомендовал покупать дорожную и рабочую одежду — плащи с капюшонами — в кампанских Калах (135,2). Помпейские фуллоны были, по-видимому, в городе самой мощной промышленной и торговой организацией. Об этом свидетельствует и неугомонное их вмешательство в городские выборы (СІL, IV, 998, 2966, 3471, 3476, 3477, 3478, 3482, 3529) и, в еще большей степени, наличие в городе «шерстяной биржи», большого красивого здания, примыкавшего к форуму. Построила его городская жрица Евмахия, и в благодарность коллегия в абсиде биржи поставила ее статую: «Евмахии, дочери Луция, городской жрице, фуллоны» — в гордом лаконизме этой надписи слышен голос людей, знавших себе цену.

Какими путями доходила шерсть от сельских кошар до помпейских фуллоник? Приобретали фуллоны шерсть на месте? Имели собственные прядильни и ткацкие? Покупали уже готовые ткани? Кто был их поставщиком? Ни на один из этих вопросов мы не можем ответить — нет материала. Для Цисальпинской Галлии он до известной степени есть.

Цисальпинская Галлия была вторым местом, которое славилось шерстяным производством. Шерсть тамошних овец уже к началу I в. н. э. оттеснила знаменитую в древности милетскую и тарентскую шерсть. В долине р. По выделывали материи самого разного качества и вели ими торг со всей Италией (Strabo, 218). О том, какими богатствами располагали иногда сукноделы тех мест, можно судить по фуллону из Мутины, устроившему для своих сограждан гладиаторские состязания (Mart, III, 59) — зрелище дорогое. Надписи сообщают нам, что в Бриксии существовала коллегия чесальщиков шерсти lanari pectinari (CIL, V, 4501); в Атесте (около Патавия) тоже были чесальщики (V, 2538), равно как и в Брикселле (Dessau, 7290). Остриженная шерсть, следовательно, попадала сначала в руки мастеров, которые ее мыли, трепали и расчесывали, а не прямо к фуллонам. Был ли связан с ними остальной ее путь, т. е. приобретали ли они расчесанную шерсть и от себя передавали ее пряхам и ткачам, действовали ли эти последние от них независимо, какие отношения существовали между всеми мастерами шерстяного дела и их коллегиями, мы, к сожалению, и тут установить не можем.

Что касается работников фуллонов, то с материалом здесь вовсе скудно. Давно было отмечено, что фуллон был любимым лицом в ателлане и в тогате; фуллонам посвящали свои пьесы и Титиний («Fullonia») и Помпоний («Decuma fullonum»; «Fullones») и Новий («Fullones», «Fullones feriati»; «Fullonicum») и Лаберий («Fullo»). Фуллоны, как мы видели, в большинстве своем были свободными людьми; это освобождало автора от стандарта, в который втискивался образ раба, и давало ему больше свободы в трактовке материала, но как он этой свободой пользовался, в какие ситуации ставил своего героя, какие черты ему придавал, этого не разглядишь сквозь жалкие отрывки, до нас дошедшие. Плиний пишет (XXXV, 143), что художник Сим изобразил фуллонов, справляющих праздник Квинкватр, и на стене фуллоники Везония Прима нарисована была потасовка, которой закончился этот цеховой праздник. Пьяницы и драчуны — для комедии это давало острые подробности, но с ними одними живого облика не воссоздашь.

И тут совершенно неожиданно приходит на помощь эпиграфика. По существу это одна единственная надпись, хотя и в десяти вариантах (CIL, IV, 4100, 4102-4104, 4106—4107, 4109, 4112, 4118, 4120); ими изукрасил колонны и стены дома, где он жил, фуллон Л. Квинтилий Кресцент. И сквозь эти надписи просвечивает его облик. Он молод и здоров, он широко улыбается миру и уверен, что мир ответит ему такой же широкой улыбкой. Он еще немного видел в этом мире: Помпеи, Суррент, Стабии, но по всем этим местам чувствовал себя превосходно и обитателям их шлет привет. Не забыт и трактирщик. Каморка, в которой он живет... да каморка ли это? Оказывается это царстжю: Fullo L. Quintilius Cresces hic regnatus est (4107). У него веселый роман с какой-то дсвушкой, может быть, работницей той же фуллоники, где он и работает, они вместе распевают песни, и он ласково поддразнивает свою милую, наделяя ее шутливым прозвищем «совули», «совушки» (ulula). Он ходил в школу, слышал о Вергилии, а может быть, и почитывал ero, и придуманное им для себя родовое имя Fulloniadus хорошо пародирует величавое Aeneades. Он ничуть не стесняется своей профессии: «фуллон» стоит в начале всех его надписей, и он не просто фуллон, он фуллониад, потомственный -представитель этой профессии, и он шлет привет собратьям по труду «здесь и везде». У этого веселого молодца есть чувство своего достоинства и есть уважение к своему ремеслу. И если он был в какой-то мере типичным представителем фуллонов, то становится понятной симпатия, которой пользовались эти люди в древней Италии.

М. Е. Сергеенко

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«Древний мир». Сборник статей. Академику В. В. Струве, М., Изд-во восточной литературы. 1962. 658 стр., тираж 2100 экз., цена 3 р. 50 к.

Сборник статей, опубликованный в ознаменование 70-летия выдающегося советского ученого Василия Васильевича Струве, является исключительно богатым и разнообразным по содержанию. Необычайная многогранность научных интересов и творческой деятельности В. В. Струве приводила к установлению самого широкого контакта между ним и многочисленными исследователями в самых различных сферах исторической научим.

Василий Васильевич Струве более сорока лет возглавлял советскую школу древневосточных исследований. Крупнейший египтолог, шумеролог и хеттолог В. В. Струве известен также исследованиями в области семитологии и иранистики. Блестящий знаток классических языков он всегда уделял максимальное внимание проблемам изучения античности, решительно возражая против отрыва истории древнего Востока от истории греко-римского мира. Поэтому в сборник, издаваемый в честь заслуженного советского ученого, поместили свои статьи исследователи самых различных стран и народов древнего мира, отчасти и средневековья.

Сборник открывается вступительной статьей H. B. Hueyneeckou «Академик В. В. Струве» (стр. 5—6), где кратко отмечаются научные заслуги выдающегося историка и его наиболее крупные достижения. Автор напоминает, что, «опираясь на марксистское учение о смене общественно-экономических формаций, В. В. Струве с успехом исследовал социальные проблемы по истории древнего общества» и доказал, что древневосточные страны были рабовладельческими (стр. 5). Далее следует список трудов В. В. Струве (начиная с 1912 г. вплоть до 1961 г.) (стр. 7—22), составленный С. Д. Милибанд.

Первый и наиболее обширный раздел сборника — «Древний Восток» включает 47 статей (стр. 25—441). Он распадается на четыре подраздела: «Египет и Африка», «Передний Восток», «Иран и Средняя Азия», «Индия и Дальний Восток». Подраздел «Египет и Африка» состоит из 19 статей. По своим задачам и масштабам охваченного материала они не являются равноценными. Некоторые авторы поставили цель детального описания и характеристики отдельных музейных экспонатов. Необходимо отметить, что две статьи этого подраздела посвящены ярким произведениям египетского искусства. Это относится в первую очередь к публикации М. Э. Матье «Эрмитажная группа Аменемхеба» (стр. 144—154). По своим художественным достоинствам этот памятник, на который в свое время обратили внимание В. С. Голенищев и В. В. Струве, является шедевром. Как отмечает автор, данная скульптура, изваянная из гранита и изображающая вельможу Аменемхеба с матерью и женой, была создана одним из лучших фиванских мастеров (XIV в. до н. э. — конец XVIII династии). Она представляет большой интерес не только для искусствоведа, но и для историка. Семь столбцов иероглифического текста, украшающих скульптуру, приводятся автором в подлиннике и переводе, Они содержат не только молитвы из «Книги мертвых», но и ценные данные об управлении Фиванского нома, удачно подмеченные автором статьи.

Оригинальным и высокохудожественным памятником является также алебастровая голова фараона IV династии Микерина (Бостонский музей), изданная Ж. Годроном (Une tête de Mycérinus du Musée de Boston, стр. 71—75). Автор доказывает (вопреки теориям Райзнера и Капара), что скульптура передавала черты именно этого царя (и притом в юном

возрасте), а не малоизвестного представителя той же династии Шепсескафа.

Три другие статьи того же раздела такпредставляют публикации, но знакомят читателя с серийными памятниками: И.Г. Лиешиц «Фрагмент саркофага с отрывком из «Текстов пирамид» (стр. 130—138); Р. И. Рубинитейн «Стелы Ментухотепа и Ини-о» (из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина) (стр. 171—179) и С. И. Ходжаш «Статуэтка везира Пасера» (из Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина) (стр. 191—195). Опубликованные в этих статьях памятники представляют интерес как всякая новая публикация, однако не дают ничего нового ни в отношении стиля, ни содержания сопро-Правда, их надписей. вождающих Р. И. Рубинштейн отмечает одну своеобразную черту на изданной ею стеле наличие паступеской палки в руке вельможи, но за отсутствием аналогий отказывается от выяснения причины этого отличия.

Ряд других статей подраздела «Египет и Африка» ставит своей задачей пересмотр тех или иных выводов, распространенных в египтологической литературе. Прежде всего следует отметить статью Т. Н. Савельевой «Данные надииси Мечена о характере частного землевладения в древнем Египте в конце III и начале IV династии» (стр. 180—190). В статье прослеживаются условия, при которых возможна была купля-продажа недвижимого имущества в обстановке восточной деспотии, когда царь являлся верховным собственником всей обрабатываемой земли. Очень интересен также факт приобретения частным лицом права на обслуживание заупокойного храма царицы, связанного, конечно, со значительными доходами. Весьма заманчиво предположение автора о том, что мелкие землевладельцы (несутиу), у которых Мечен купил пашню, сад и др., представляли коллектив. Поскольку прямых указаний на организацию сельской общины в древнеегипетских документах нет, мы должны учитывать каждый намек, помогающий нам заполнить данный пробел в первоисточниках.

Специфике древнеегипетского рабовладения посвящена статья Е. В. Черезова «К вопросу о рабах-иноземцах в древнем Египте» (стр. 196—201). Автор справедливо отмечает большое значение эксплуатации порабощенных чужеземцев в древнем Египте, где спрос на даровую рабочую силу был велик, а слабое развитие товарно-денежных отношений мешало распространению рабства-должничества.

Положение древнеегипетских ремесленников освещается в статье И. М. Лурье «О сроках выдачи зернового пайка ремесленникам фиванского некрополя во времена Нового царства» (стр. 139—143).

Автор анализирует записи Туринского папируса № 1880 и пытается оспаривать перевод, предложенный известным чехословацким египтологом З. Жабой. Если следовать конъектуре Жабы, то ремесленники, трудившиеся в некрополе, уже за 18 дней до срока новой выдачи (в шестом месяце 29 года Рамсеса III) 1 успели съесть свой паек, и поэтому начинаются волнения. По толкованию И. Лурье все это происходит на 18 день после выдачи, и ремесленникам предстояло голодать только 12 дней, что, впрочем, не меняет наших представлений о тяжелом положении трудового люда египетской столицы.

Содержательная статья О. Д. Берлева посвящена вопросам учета и статистики древнего Египта («Замечания к папирусу Булак 18», стр. 50-62). Помимо уточнения дагировки памятника, относимого автором ко времени Себекхотепа II, здесь дается сложная классификация натуральных поступлений для царского двора в середине XVIII в. до н. э. и прослеживается система кормления царской семьи, воинов, ремесленников, слуг. Проводится детальное сравнение первичных записей и общих сводок и выясняется причина несоответствий между ними. Вопросы сельскохозяйственной техники трактуются в статье Д. Г. Редера «Появление мотыги и плуга в древнем Египте и Шу-

мере» (стр. 165—170).

Отдельным моментам религиозной идеологии древнего Египта посвящены три статьи зарубежных исследователей. Американский египтолог Р. Антес в статье «Der Gebrauch des Wortes dt "Schlange", "Schlangenleib" in der Pyramidentexten» (стр. 32—49) прослеживает два значения слова «джет» (змея и тело). Второе значение он считает более поздним и восходящим к представлению о «змеином теле» богов (главным образом Осириса) и по-койных царей. Статья интересна для изучения пережитков тотемизма в египетской религии. Французский египтолог Ж. Леклан в статье «Les génies-gardiens de Montouemhat» (стр. 104—129) излагает результаты своей кропотливой работы по группировке многочисленных скульптур из гробницы четвертого пророка Амона по имени Монтуемхат (VII в. попавших в различные э.), коллекции. Наблюдения автора интересны для изучения эволюции заупокойного культа египтян. Венгерский египтолог Э. Варга в статье «Contribution au problème de la cosmogonie égyptienne de lotus» (стр. 63-70) выявляет происхождение одного из древнейших обравов египетской космогонии - бога, появляющегося из цветка лотоса. Превращение Мемфиса в столицу Древнего царства имело своим последствием перене-

 $^{^{\}mathrm{I}}$ По старой нумерации фараонов XX династии.

сение первичных мифологических представлений на местного бога Нефертума (сына Птаха). Таким образом автор плодотворно связывает эволюцию религиозной идеологии с политическими переменами.

Историко-литературный характер носит оригинальная статья Э. Дриотона «L'apologue des deux arbres» (стр. 76—80). Французский автор, резко порывая с установившейся традицией, переносит «Поучение Аменемопе» в V век до н. э. и находит в нем намеки на восстание против персидского владычества. Его предположения представляются слишком смелыми и рискованными.

В двух статьях разбираются вопросы египетской грамматики. М. А. Коростовщее в статье «Глагольная форма ім sdm, f в новоегипетском языке» (стр. 86—103) дает большой подбор примеров, позволяющий говорить о широте и разнообразии синтаксических функций рассматриваемой формы. Исследование М. А. Коростовдева является частью подготовляемой им новоегипетской грамматики (первой на русском языке).

Н. С. Петросский в статье «Количественные числительные в древнеегипетском языке как члены предложения» (стр. 160—164) доказывает, что имена существительные, превращаясь в числительные, не утрачивают при этом своей предметности.

За хронологические рамки древнего мира выходят статьи H. C. K ациельсона и Д. А. Ольдерогге. Первый из них обращается к раннему средневековью. В статье «Государственный строй древней Нубии в VII-IX вв. н. э. и законы Бокхориса» (стр. 81-75) он выявляет, что в Нубии в VIII-IX вв. н. э. существовали пережитки восточной рабовладельческой деспотии. Интересны аналогии между установлениями египетского царяреформатора VIII в. до н. э. и порядками, сохранившимися в областях на юге от Египта 15 веков спустя (право на продажу земли без нарушения интересов верховного собственника). Гораздо дальше от древности отстоит по своей тематике статья Д. А. Ольдерогге «Восстания в странах Хауса в 1804—1807 гг.» (стр. 155-159). Она безусловно заинтересует специалистов по новой истории, а также этнографов, поскольку автор устанавливает причинную связь между описываемым восстанием и образованием народности хауса.

Статья В. И. Авдиева «Экономические и культурные взаимодействия Египта и соседних стран во II—I тысячелетиях до н. э.» (стр. 25—31) носит обзорный характер. Автор подводит итог наблюдениям и высказываниям целого ряда исследователей. Заключительный тезис от превосходстве греков, которые якобы «впервые в мировой истории» противопоставили идею борьбы за независимость

древневосточной деспотии, является весьма спорным. В. В. Струве, И. М. Дьяконов, М. А. Дандамаев и др. указали на существование в государственном строе древневосточных стран черт, которые прежде считались присущими только грекам.

Подраздел «Передний Восток» включает 18 статей. Четыре из них посвящены культуре Двуречья. А. А. Вайман в статье «În alpim, tallum и pirkum в клинописных математических текстах» (стр. 214—217) удачно объясняет один шумерский и два аккадских теометрических термина.

Американский шумеролог Э. Гордон статьей «Animals as represented in the Sumerian proverbes and fables: a preliminary study» (стр. 226—249) вводит нас в мир басен древнего Двуречья. Он устанавливает в трактовке разных диких и домашних животных черты сходства и различия с позднейшей эзоповской традицией. Статья американского шумеролога С. Н. Крамера «The Sumerians and the World about them» (стр. 291—299) посвящена проблеме взаимоотношений Шумера с окружающим миром, в особенности с семитическими народами.

Статья И. А. Шишовой «Религиозные культы в Месопотамии (по материалам Дура-Европос)» (стр. 358—366) переносит нас в эллинистическо-парфянскую эпоху. На основании общирного археологического и эпиграфического материалов дается яркая картина сосуществования различных религий на стыке восточного и западного мира на последних этапах рабовладельческого общества. Заслугой автора является настойчивое стремление использовать по мере возможности каждый археологический памятник для характеристики исторической обстановки, которая часто и быстро изменялась в этом пограничном пункте.

Семь статей посвящены малоазийской и урартской тематике. Две из них содержат публикацию печатей. В. В. Паслов в статье «К вопросу о малоазиатской глиптике» (стр. 327—335) на основании анализа резных изображений звериного стиля на изданных им четырех эрмитажных геммах прослеживает четкие следы традиций ахеменидского искусства в сфрагистике раннего эллинизма и решительно возражает против переоценки греческого влияна искусство Передней К. В. Тревер в статье «Двухсторонняя стеатитовая печать в собрании Эрмитажа» (стр. 355—357) публикует образец глиптики II тыс. до н. э., попавший в Гос. Эрмитаж из Армении. К сожалению, отсутствие точных данных о месте находки этой печати мешает использовать своеобразные изображения на ней (сочетание быка, дракона и змеи) для изучения путей распространения мифического сюжета.

История религиозных верований хеттов

и урартов освещается в статьях В. В. Иванова «Культ огня у хеттов» (стр. 266—272) и И. М. Лосевой «Некоторые урартские ювелирные изделия с изображением ритуальных сцен» (стр. 300-311). В. В. Иванов положил в основу своего исследования лингвистический анализ и подверг критике теорию В. Шульца, А. Мейе и др., считавших, что для обозначения огня как активной силы могло употребляться только слово одушевленного предмета, а не среднего рода. Заслуживает внимания примененный в этой статье прием комплексного изучения данных лингвистики и истории религии. В статье И. М. Лосевой в качестве источников по истории религии используются произведения художественного ремесла. Соображения автора о местном пантеоне Мусасира, отличающемся от общегосударственного урартского пантеона, хорошо обоснованы. Связь культа богини Багмашту в Мусасире с иранскими верованиями заслуживает большого внима-

История и культура Урарту освещается также в очень интересных статьях Г. А. Меликишвили «Кулха» (стр. 319—326) и Б. Б. Пиотровского «Урартская колесница» (стр. 340—343). Автор первой из них прослеживает этапы кратковременного существования Южноколхидского царства и его взаимоотношений с Диаухи и Урарту (VIII в. до н. э.). Б. Б. Пиотровский на основании археологических материалов из Кармир-Блура и других мест устанавливает различие между двумя типами колесниц: закаввазской, связанной с малоазийской, и легкой урартской, близкой к ассирийскому типу.

Прошлому Киликии и ее роли в истории взаимоотношений хеттов и ахейцев уделяет внимание Б. В. Казанский в статье «Историческое значение хетт-СКОГО (иероглифического) и финикийнадписей ского Кара-тепе» текстов (стр. 273—280). Автор предлагает новую датировку известной билингвы (718 г. до н. э.) и полемизирует с И. Н. Винниковым, отстаивающим более раннюю датировку (конец ІХ в. до н.э.). Однако аргументы Б. В. Казанского трудно признать убедительными. пример, он считает борьбу Тиглатпалаcapa III с Дамаском «долгой и безуспешной» (стр. 277), не учитывая факт разгрома Дамасского царства в 732 г. до н. э.

Западносемитский мир освещается в статьях М. Л. Гельцера и И. Д. Амусина. М. Л. Гельцер в статье «О некоторых вопросах социальной и экономической истории Финикии IX в. до н. э.» (стр. 218—225) удачно связывает основание Карфагена (на месте небольшого финикийского селения) с социальной борьбой в Тире. И. Д. Амусин в статье «Арамейский контракт 134 г. н. э. из

окрестностей Мертвого моря» (стр. 202—213) остроумно исправляет прежние переводы текста и отмечает важность документа для изучения заключительного этапа (третьего года) восстания Бар-Кохбы.

Статья Э. А. Грантовского «Иранские имена из Приурмийского района в IX— VIII вв. до н. э.» (стр. 250—265) относится отчасти к следующему подразделу, поскольку ассирийские документы используются в ней для коренного пересмотра вопроса об этногенезе северо-западного Ирана в начале І тыс. до н. э. Автору удается доказать, что здесь в IX—VIII вв. уже обитали ираноязычные племена. Также смежной со следующим разделом является статья Ю. А. Солодухо «Персидская административно-правовая, социально-экономическая и культурно-бытовая лексика в еврейско-иракских литературных памятниках сасанидского периода» (стр. 344—354). Анализируя отдельные арамейские термины, автор прослеживает процесс разорения мелких землевладельцев, типичный для периода феодализации в Двуречье и Иране в III-V вв. н. э.

Две статьи подраздела полностью относятся к раннему средневековью. Н. В. Писулевская в статье «К вопросу "письменных" народах древности» (стр. 336-339) вскрывает в сирийских хрониках VI в. оригинальную систему этнографической классификации, в сснову которой положено наличие или отсутствие письменности. А. Л. Мацулевич в статье «Bir el-Qutt. Историко-художественное значение мозаики» (стр. 312-318) устанавливает интересные аналогии в стиле памятников Закавказья и Палестины. К сожалению, он ограничивается только формальным анализом художественных достоинств мозаик и не учитывает общую историческую обстановку.

Статья Ф. П. Короскина «Об освещении истории древнего Востока в учебниках для средней школы» (стр. 281—290) посвящена методике преподавания истории в школе.

В следующем подразделе «Иран и Средняя Азия» (стр. 367-398) помещено пять статей. Две из них относятся к древней Персии. М. Н. Боголюбов в статье «Древнеперсидские этимологии» (стр. 371—376) анализирует термин, означающий «приспешник» и, что особенно интересно, географическое название Хорезм. Последнее связывается в его толковании с хорошими оградами (возможно, загонами для скота). М. А. Дандамаев в статье «Uvāmaršiyuš amariyatā Бехистунской над-(стр. 371-376) доказывает, что Дарий I считал убийство Камбиза заслуженной карой. Таким образом, становится совершенно ясно, что политика ранних Ахеменидов неоднократно менялась и процесс образования Персидской деспотии был весьма сложным.

Три статьи, анализирующие документы

Средней Азии, хронологически выходят далеко за пределы древнего В. М. Жирмунский («Исторические источники сказания о разграблении дома Са-лор-Казана»; стр. 377—385) делает интересные исторические выводы относительно огузов, живших в IX в. еще в низовьях Сыр-Дарьи, и их борьбы с печенегами. О. И. Смирнова («О титуловании согдийских правителей»; стр. 393—398) дает детальный разбор формул обращения к князьям Согда. М. Е. Массон дает публикацию и перевод вновь найденных четырех куфических надписей X-XII вв. в статье «Новые средневековые намогильные кирпичи из Марыйского оазиса» (стр. 386-392).

Подраздел «Индия и Дальний Восток» открывается статьей Γ . M. E онгар ∂ -Левина «Паришад в системе государственного Маурьев» управления империи (стр. 399-409). Автор порывает с традиционным представлением о неограниченности власти древнеиндийских импера-

торов. Частному вопросу о заимствовании бунчука тюрко-монголами у ираноарийских племен посвящена Ю. Н. Рериха «Упоминание о бунчуке в "Ригведе" (I, 32)» (стр. 440—441). Статья Л. Н. Гумилева «Хунно-китайская война III—II вв. до н. э.» (стр. 410—417) посвящена критике традиционного взгляда на хуннов как на степных грабителей. А. П. Окладников в статье «О начале земледелия за Байкалом и в Мон-(стр. 418-431) показывает на голии» археологическом материале, что еще во II тыс. до н. э. у этих народов появилось плужное земледелие. Эволюции идеологии древнего Китая посвящена статья Л. Д. Позднеевой «Цзи-Кан "О долголетии"» (стр. 432—439).

В целом рассмотренный сборник статей представляет большой интерес и уже нашел свою оценку у специалистов по

истории древнего Востока.

 \mathcal{I} . Γ . $Pe\partial ep$

Примерно треть сборника отведена статьям по античной истории и филологии. Раздел «Античный мир и Северное Причерноморье» разнообразен по своему содержанию. В представленных статьях рассматриваются источниковедческие и историографические вопросы, отдельные проблемы из области экономики, политических отношений, культуры античного общества. Большинство статей посвящено древней Греции и эллинистическим государствам.

Связь древней Греции с Востоком, проявлявшаяся в языке, литературе, исторической традиции, прослеживается в статьях Π . B. Eрнume ∂ma («"Море" и "мореплавание" в словарных египтизмах ахейской речи», стр. 513—519), Р. В. Кинжалова («Легенда о Нектанебе в повести «Жизнь и деяния Александра Македонского», стр. 537—544), С. Я. Лурье («"Разговор тела с духом" в грече-ской литературе», стр. 587—594). Эти статьи особенно примечательны в сборнике, посвященном востоковеду, никогда не замыкавшемуся в кругу древневосточной проблематики, успешно ступавшему и в качестве исследователя античности.

Разработку одного из вопросов, заинтересовавших в свое время акад. В. В. Струве, продолжил Р. В. Кинжалов. В 1927 г. В. В. Струве опубликовал небольшую работу «У истоков романа об Александре» ¹. В ней он сопоставил папирус № 215 (оракулы времен Артак-

1 «Восточные записки», I, 1927, стр. 131 сл.

серкса Оха й первых македонских царей) и один из лейденских папирусов, содержащий перевод на греческий язык новеллы о Нектанебе, с романом об Александре (версия A). В результате исследования автор пришел к выводу, что легенда о Нектанебе является древнейшей частью романа.

Одна из задач в изучении различных версий античного романа об Александре исторической традиции от отпеление народной. Рассматривая некоторые моменты предания о Нектанебе в повести «Жизнь и деяния Александра Македонского», Р. В. Кинжалов приводит доказательства непосредственной связи этого предания с народной греко-египетской литературой, выясняет, в какой среде оно было создано, какие реальные отно-

шения в нем отразились. Проблема, которая выдвинута в статье С. Я. Лурье, - влияние древневосточной литературы на греческую - совершенно не освещена в наших общих курсах по истории древнегреческой литературы. Автора занимает вопрос о противопоставлении духа (души, сердца) телу, находящем выражение в их диалоге. Приведено множество примеров пообращения человека к добного рода своей душе, взятых из самых разнообразных произведений: философских, исторических, художественных. Автор оставляет открытым вопрос о прямом влиянии египетской литературы на греческую, но подчеркивает, что сходство не ограничивается областью религиозномифологических представлений, но распространяется и на сферу их словесного оформления. Постановка вопроса несомненно интересна, хотя и спорна. Невольное возражение вызывает метод использования материала греческой лирики, не учитывающий особенности этого жанра. Содержание «Беседы разочарованного со своим духом» позволяет говорить о тесной связи произведения с религиозными воззрениями египтян, в то время как в стихотворениях Алкея, Архилоха и других мы имеем дело прежде всего с поэтическими образами.

Важной филологической проблеме посвящена интересная статья И. М. Тронского «Слоговая структура древнегреческого языка и греческое слоговое

письмо» (стр. 620—627).

Исследование греческой исторической традиции читатель найдет в статьях: А. И. Доватура («Фрагмент "Боттией-ской политин" Аристотеля», стр. 490— 500) и Я. А. Ленимана («Достоверность античной традиции о Солоне», стр. 579-586). Внимание первого исследователя привлек отрывок из «Боттиейской политии» Аристотеля в пересказе Плутарха. Что представлял собой этот взятый Аристотелем у кого-то из предшественников рассказ о происхождении и переселениях боттиеев, называющий их потомками афинян, когда могла возникнуть эта теория вот основные моменты, которые хочет выяснить автор. Противоречивый характер сообщения, рассмотрение его в свете упоминаний о боттиеях в произведениях других античных писателей позволяет А. И. Доватуру говорить о его афинском происхождении и связывать возникновение идеи о родстве между афинянами и фракийским племенем боттиеев с политическими тенденциями Афин в период Первого Афинского морского

В статье Я. А. Ленцмана, пожалуй, впервые в нашей литературе подробно и систематически разбирается античное предание о Солоне. Выяснение степени достоверности традиции важно не только для изучения деятельности Солона, но и для нашего отношения к сообщениям античных авторов об архаическом периоде афинской истории в целом. Статья носит полемический характер. Она направлена против распространенного в современной буржуазной науке скептицизма и гиперкритицизма. Исследуя различные группы источников о Солоне, Я. А. Ленцман приходит к заключению о том, что античные писатели, в особенности классического времени, располагали вполне надежными данными об эпохе Солона.

Историография представлена в сборнике статьями И. Ирмиера (ГДР) («Stand und Aufgaben der klassischen Altertumswissenschaft in der Deutschen Demokratischen Republik», стр. 527—536) и Н. Никуса («Изучение истории эллинистического Египта в XIX в.», стр. 603—610).

Статья И. Ирмшера рассказывает о состоянии и развитии в ГДР тех традиционных для немецкой университетской науки отраслей знания, которые охватываются термином klassische Altertumswissenschaft (античная история, греческая и римская литература, искусство, классические языки, римское право, вспомогательные дисциплины). Состояние научной работы, ее организационные формы, интересы отдельных исследователей и научных групп, постановка специального образования, музейное и издательское дело — таков краткий перечень вопросов, на которых останавливается автор. Это не только интересная информация, но и отчет об итогах деятельности, в котором указаны основные задачи, стоящие перед историками и филологами-классиками ГДР, и выдвинуты предложения о координации и совместной работе соответствующих специалистов всех социалистических стран

В статье Н. Н. Пикуса последовательно излагается история изучения эллинистического Египта в XIX в., начиная с первых находок и публикаций папирусов и кончая появлением обобщающих трудов в 80-х и 90-х годах. К сожалению, замечания автора о характере историографии XIX в. сводятся главным образом к упоминаниям о модернизации, характерной для некоторых историков. Больше можно было бы сказать и о «серьезных достижениях в научном решении ряда частных проблем» (стр. 610).

А. Т. Бокщанин в статье «К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Греко-Бактрийского и Парфянского государств» (стр. 468—474) пытается относительно точно определить время возникновения Парфянского и Греко-Бактрийского государств. Он связывает это явление с событиями на западных границах царства Селевкидов, другими словами, с политическими отношениями, вылившимися в так называемую «войну Лаодики» в начале 40-х гг. III в. до н. э. 2

Цель предпринятого А. Н. Егуновым (в статье «Трагедия Еврипида "Елена"» стр. 501—512) глубокого и интересного анализа Еврипидовой «Елены» состоит в том, чтобы вернуть этому произведению утраченное им в последующее время правильное психологическое, моральное и политическое звучание.

Несколько статей посвящено Северному Причерноморью. Статья В. Д. Блаватского «Раскопки Пантикапея в 1946 г.» (стр. 451—467) содержит отчет о раскоп-

² В более сжатом виде (главным образом в примечаниях) вопрос этот изложен А. Г. Бокщаниным также в его монографии «Парфия и Рим» (М., 1960, стр. 169—183, в особенности прим. к стр. 176—179).

ках, результаты которых были в свое время опубликованы лишь частично ³.

В. Ф. Гайдукевич в статье «Из истории Боспора во II в. н. э.» (стр. 485—489), отвергая принятую Э. Холем конъектуру, восстанавливает правильный перевод, относящейся к истории Боспора фразы из биографии Антонина Пия (SHA, Vita Ant. Pii, IX, 8), восстанавливая тем самым правильное понимание смысла события, имевшего место в 40-х годах II в. 4

Истории культуры Северного Причерноморья, местной и эллинской, посвящены статьи В. И. Абаева и М. М. Куб-

ланова.

Религия скифов, рассказ Геродота о скифских богах привлекали внимание многих историков и филологов. Имена скифских богов пытались объяснить из урало-алтайских 5 и фракийского языков; выясняли, правильно ли сопоставление этих божеств с греческими, приводили археологические и нумизматические данные о религиозных представлениях скифов 6 . B. M. A баев в статье «Культ семи богов у скифов» (стр. 445—450) интересуется почитанием именно семи богов. Собранные им факты говорят о том, что здесь мы имеем дело с об-

³ В. Д. Блаватский. Пантикапейские раскопки 1945—1946 гг. «Бюллетень ГМИИ», 1947, № 2; М. М. Кобылина, Памятники искусства Боспора из раскопок ГМИИ, там же.

4 Странно выглядит в тексте статьи

В. Ф. Гайдукевича (и вообще в столь авторитетном издании) неправомерное сокращение Ю. Капитолин (вместо Юлий

. (Капитолин

⁵ E. H. Minns, Scythians and Greeks,

щеиранской традицией, существовавшей не только в древности. Вместе с тем она не имеет ничего общего с зороастризмом. С помощью иранских языков объяснены имена Ταβιτί, Παπαῖος, 'Απί, а боги, названные Геродотом 'Αρτίμπασα и *Οιγόσυрос, сопоставлены с богами иранского пантеона. Исследование В. И. Абаева расширяет наши представления о скифской религии.

М. М. Кубланов в статье «Из истории Северного Причерноморья» культуры (стр. 562-571) пишет о развитии агонистики в Северном Причерноморье 7.

В статье A. A. Hейхар ∂m «К вопросу о политике Евмела на Понте Евксинском (По материалам керамической эпиграфики)» (стр. 595—602) приведены данные керамической эпиграфии из раскопок Мирмекия и Тиритаки, указывающие на оживленные торговые связи Боспора и Гераклеи Понтийской. Эти свидетельства подтверждают сообщение Диодора о политике Евмела на Черном море.

Материалом для статьи Ю. С. Крушкол «О значении вторых имен родосских амфорных клейм» (стр. 555—561) также послужила клейменая керамика (отчасти найденная в Северном Причерноморье). Сопоставление надписей на клеймах с данными о торговле вином позволило Ю. С. Крушкол высказать предпочто вторые имена — имена крупных экспортеров, заказывавших в мастерской партию амфор. По этим именам покупатель судил о качестве вина. Первое имя указывало на год приготовления, название месяца — на сорт вина (время розлива). Таким образом, «формула родосского клейма служила прежде всего целям товарного производства...» (стр. 559).

Н. Б. Бреговская

Статьи сборника, связанные прямо или косвенно с «римской» тематикой, Некоторые из немногочисленны. уже упоминались при обзоре статей по истории Северного Причерноморья. Из оставшихся две посвящены вопросам истории международных отношений.

Н. Н. Залесский в статье «Этруски и Карфаген» (стр. 520—526) пишет, что уже для VII в. можно говорить о непо-

средственных торговых сношениях и постоянных культурных связях этрусков и карфагенян. Перейдя к истории этрусско-карфагенского союза, автор исследует характер договорных отношений между сторонами и прослеживает по фрагментарным данным источников эводюцию этого союза вплоть до его распада (вследствие политической деградации этрусков) в конце IV в. до н. э. Статья составляет часть большого исследо-

Cambr., 1913, crp. 85-86.

6 M. Rostovtzeff, Iranians and Greeks in the South of Russia, Oxf., 1922, стр. 107; Д. Б. Шелов. К вопросу о греческих и местных взаимодействии культов в Северном Причерноморье, ксиимк, XXXÎV (1950). Приводим полностью названия работ, не упомянутых В. И. Абаевым. В остальных случаях отсылаем к статье.

⁷ С. А. Семенов-Зусер в известной автору работе «Физическая культура и зрелища в древнегреческих колониях (Харьков, Северного Причерноморья» 1940) привлекает археологический материал более полно.

вания и тесно примыкает к вышедшей позднее книге автора 1.

Полемическая направленность придает особый интерес статье К. М. Колобовой «Аттал III и его завещание» (стр. 545-554). Основываясь на сопоставлении данных документальных и литературных источников, а также на результатах новых исследований, автор отвергает закрепившуюся в исторической традиции (и удерживающуюся еще в нашей учебной литературе) характеристику последнего пергамского царя и его политики. Образ затворника-изверга, не похожего на своих предшественников, автор считает созданием тенденциозной римской историографии (к аргументам автора, возможно, могло бы что-нибудь прибавить источниковедческое исследование традиции). Надписи показывают Аттала III продолжателем традиционной политики Атталидов. Из ссылок древних ученых на его сочинения видно, что научные интересы Аттала отнюдь не ограничивались разведением ядовитых растений. Страх перед римской экспансией (а также перед назревавшим взрывом недовольства внутри страны) заставил Аттала поспешить с составлением завещания, которым он отказывал римлянам (согласно наиболее правильной, по мнению автора, версии) «только свои (царские) владения» (стр. 553). Но завещание, составленное так, чтобы обеспечить городу Пергаму возможно большую независимость от Рима, не отвечало интересам римлян и не спасло царя. Он, полагает автор, был устранен (отравлен), а римляне, занявшись после подавления восстания (в 129 г.) переустройством царства, опирались лишь на самый факт существования завещания, но не считались с его содержанием.

Полемической заостренностью отличается также статья $C.\overline{J}. У mченко$ «Социальное и политическое значение термина "optimates" у Цицерона» (стр. 627—635). Автор стремится показать несостоятельность унаследованных от науки прошлого века (и тоже не сошедших еще со страниц учебников) представлений, сводящих политическую борьбу в Риме II—I веков до н. э. к борьбе двух партий: правящей — оптиматов и оппозиционной популяров. Автор подвергает эту двучленную схему убедительной в целом критике, хотя в его аргументации не все представляется бесспорным. В частности, контекст (смысловой и исторический) известного «определения» оптиматов

в речи за Сестия, по нашему мнению, должен внести известные коррективы в выводы автора. Но общую направленность статьи - стремление освободиться от исторических фикций, созданных старой наукой и воспринимающихся подчас как аксиомы, — следует приветствовать. Нельзя не согласиться с тем, что «истинная картина гораздо сложнее и специфичнее, чем привычная для нас схема, и потому речь должна идти не о "двухпартийной системе", но о дробном, мозаичном переплетении различных групп и интересов: родов, клиентских групп, категорий, сословно-классовых группировок» (стр. 634—635). В дополненном и исправленном виде статья вошла в состав одной из глав последней монографии автора 2 .

Краткая заметка *М. Е. Сергеенко* «Катон, "Земледелие" 5, 4» (стр. 618—619) изменяет и уточняет предложенное ею прежде 3 понимание одного из темных мест источника. По мысли автора, Катон здесь говорит о свободных работниках, нанимаемых виликом. Запрещение нанимать свободного более чем на один день (оно не покажется странным, если мы вспомним, что Катон вообще стремится ограничить сношения вилика с внешним миром) должно было воспрепятствовать близкому знакомству между рабомвиликом и свободным работником, так как вилик мог использовать такое знакомство в своих интересах в ущерб хозяину. Как всегда, предложенное М. Е. Сергеенко понимание текста основано на глубоком знании источника, стремлении проникнуть в мысль изучаемого автора и подкупает остроумием.

Четыре статьи посвящены различным вопросам идейной жизни римского (и

ранневизантийского) общества.

Яркая статья Н. М. Боровского «Вопросы общественного развития в поэме-Лукреция» (стр. 475—484) посвящена вопросу о творческой индивидуальности Лукреция и месте его в развитии той линии античной мысли, которая связана с именами Демокрита и Эпикура. Автор не только показывает связь поэмы как с эпикурейской, так и с более древней демокритовской традицией, но и выявляет в поэме «две противоположные и не находящие окончательного согласования тенденции в характеристике резульразвития культуры» (стр. 479). С одной стороны, это эпикурейское осуждение прогресса, мысль о моральном упадке, сопровождающем материальный прогресс, с другой, — «воодушевленная хвала неутомимому человеческому духу,

¹ Н. Н. Залесский, К истории этрусской колонизации Италии в VII-V вв. до н. э. (Этруски в Кампании. Этруски, греки и Карфаген в V и IV вв. до н. э.), Л., 1965 (на стр. 4 перечислены и другие работы автора по смежной тематике).

² С. Л. Утченко, Кризис и падение Римской республики, М., 1965, гл. V, Оптиматы и популяры, стр. 156—173. ³ Марк Порций Катон, Зем-

леделие, пер. и комм. М. Е. Сергеенко, М.—Л., 1950, стр. 12 и 136.

овладевающему вершинами знаний и искусств» (стр. 484). Поэтическое постижение мира оказывается более глубоким, нежели «служащая для него лишь частичным и недостаточным выражением эпикурейская доктрина» (там же). Противопоставляя друг другу «священный трепет» поэта Лукреция и блаженную невозмутимость философа-практика кура, автор статьи помогает читателю (без поисков политических намеков или автобиографических реминисценций тексте поэмы) увидеть Лукреция живым человеком своего бурного времени, а не неким составителем стихотворного учебника эпикурейской философии (каковым непрочь был изобразить себя сам поэт) 4.

Е. М. Штаерман в статье «Из истории идеологии римских рабовладельцев» (стр. 636-645) сопоставляет высказывания Цицерона (для которого общество делилось в первую очередь на сторонников и противников существующего порядка вещей, а вопрос о рабах имел подчиненное значение) и писателей первого века Империи, прежде всего Сенеки, чье внимание к «рабскому вопросу» общеизвестно и чью гуманность автор объясняет страхом перед рабами. Е. М. Штаерман приходит к выводу, что в І в. до н. э. проблема рабов и рабовладельцев еще не выдвинулась на первый план, тогда как в І в. н.э. она оказалась уже в центре внимания. Причины тому автор видит в повышении удельного веса рабского труда, в интенсификации эксплуатации рабов, обострившей классовые противоречия. Не оспаривая этот вывод автора, хотелось бы поставить вопрос о возможном влиянии общеполитической (и общеидеологической) эволюции римского общества на трактовку «рабского вопроса» во времена Империи (ведь слова Сенеки «все люди рабы» невозможно представить себе в устах гражданина римской рес-публики). Заключительный вывод о том, что II-I века до н. э. «нельзя считать периодом наибольшего развития рабоспособа владельческого производства» (стр. 645) опирается не только на материал одной статьи, но на всю большую работу Е. М. Штаерман, занятой в последние годы капитальным исследованием истории римского рабства 5.

Г. Л. Курбатов в своей статье «К вопросу о "хулящих бога" (βλασφημοῦντες) и восстании 387 г. в Антиохии» (стр. 572-576) останавливается на вопросе о идеологии восставших. Считая, что борьба между христианами и язычниками к этому времени всерьез затрагивала лишь сравнительно узкие круги господствующего класса, автор обращается к рассмотрению настроений рядовых христи-ан. Проповеди Иоанна Златоуста, который накануне восстания уговаривал свою паству не роптать на бога и «укрощать богохульников», а после жестокого подавления восстания грозил еще более тяжкими карами, если «богохульство» не прекратится, позволяют проследить распространение «еретических» настроений в народе, враждебных официальному христианскому учению разговоров «в мастерских и на площади». «Богохульники» сомневались в справедливости бога и грядущем воздаянии, открыто говорили о желании променять вечное блаженство на сносную жизнь в настоящем. «Ухудшение положения и рост недовольства народных масс, - заключает автор, наложил определенный отпечаток на их религиозные настроения» (стр. 578), усилив критическое отношение к официальным догмам.

H. H. Розенталь в статье «Религиознополитическая идеология Зосима» (стр. 611-617) приходит к заключению, что хотя симпатии растворявшихся между крупными собственниками и беднотой «свободных средних слоев общества» (чьим идеологом автор и считает этого отставного сановника начала V в. н. э.) принадлежали прошлому, тем не менее «деятельность подобных Зосиму утопистов безусловно имела положительное значение, заключавшееся в мужественной и справедливой критике современных им форм эксплуататорского общественного строя» (стр. 617). Основанием для этого (пожалуй, чересчур энергично сформули-рованного) вывода служат исторические оценки Зосима, которые показывают его приверженцем древней языческой религии, «убежденным сторонником аристократической республики» (а для императорского времени — сената) и «противником неограниченной бюрократической монархии» (стр. 612). Много места уделено разбору резко осудительного рассказа Зосима о возвеличенном христианской традицией Константине.

Закрывающая сборник интересная статья Д. С. Лихачева «Понятие "конвоя" в текстологических исследованиях памятников древнерусской литературы» (стр. 646—656) выходит за рамки древнеисторической тематики.

В заключение нельзя не пожалеть об отсутствии в сборнике списка сокращений и об удручающем обилии опечаток (греческий набор порой просто пестрит ими). Оставляет желать лучшего и художественное оформление книги.

В. М. Смирин

⁴ Основными мыслями статья Я. М. Боровского тесно связана с его ранее опубликованными работами «Образ Эпикура у Лукреция» и «Поэтика доказательства у Лукреция» (обе в кн. Л у креция (обе в ин. Л у креция фагменты Эпикура и Эмпедокла. Сост. Ф. А. Петровский, [М.— Л.], 1947, стр. 181—219).

⁵ Е. М. Штаерман, Расцвет ра-

⁵ Е. М. III таерман, Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, М., 1964 (ср. рец. В. И. Кузищина в ВДИ, 1965, № 3); о на же, «Рабский вопрос» в Римской империи, ВДИ, 1965, № 1, стр. 62—81.

 ϕ . М. НЕЧАЙ, Pим и италики, Минск, 1963, тираж 1500 экз., цена 1 р.

Отношения между гражданами и союзниками, полноправными и неполноправными, - одно из ведущих противоречий античного мира. В Риме союзнический вопрос тесно связан с развитием рабовладения и аграрных отношений, с завоевательной политикой римлян в Италии, с процессом перехода от Республики к Империи. Сложность этих связей, их взаимовлияние обусловливают множественность аспектов в изучении союзнической проблемы. Неудивительно, что в научной литературе разрабатывались и разрабатываются обычно отдельные стороны римско-италийских взаимоотношений. Наиболее часто внимание исследопривлекали государственнователей правовые отношения италиков и Рима. Значительно меньшее внимание обращалось на социально-экономический аспект проблемы. К сожалению, в советской историографии все еще нет монографии, специально посвященной союзническому вопросу в Риме. Последнее, естественно, повышает интерес к книге Ф. М. Нечая.

В центре внимания автора находится эпоха Гракхов и время борьбы Суллы с марианцами. Часть из поставленных М. Ф. Нечаем вопросов получила оригинальное решение. Среди них возможно отметить его попытку дать новую периодизацию процесса римской колонизации Италии, отраженную также в таблице; установление нормального, выражается автор, надела для колониста; исследование причин постановки и планов разрешения союзнического вопроса в движении Гракхов; оценка М. Ф. Нечаем реальных результатов их деятельности для италиков; определение значения гражданской войны 88-82 гг. для окончательного решения союзнического вопроса; заключение автора о том, что победа Суллы над марианцами была обусловлена поддержкой малоземельных италиков; наконец, его вывод, что уравнение италиков в правах с римлянами сыграло главную в переходе от Республики к Империи.

Вместе с тем от внимания автора ускользнули другие важные вопросы, в частности вопрос о дискриминации прав союзников в области политической и религиозной. Римско-италийский конфликт не исчерпывается, на наш взгляд, только аграрными противоречиями, хотя несомненно в основе союзнической проблемы лежала аграрная. В монографии остались не исследованными позиции разных слоев италийского населения в отношении к Риму до Гракхов, не учтено влияние различных категорий союз-

ников на их отношение к Риму до Союзнической войны.

К сожалению, автор совершенно опускает вопрос о достоверности традиции. Он исходит из полного и почти безоговорочного доверия к сохранившимся памятникам античной историографии, в частности к свидетельствам Ливия. Мы далеки от мысли считать античную традицию даже о древнейшем периоде римской истории сплошным вымыслом. Теперь в связи с находками оксиринхских папирусов и археологическими раскопками на территории Италии это сталовчерашним днем для источниковедческой науки. Но обосновать свое отношение к источникам и степень надежности их свидетельств было необходимо.

Нам не кажется правильным судить о качестве книги по незамеченным автором опечаткам или неточным ссылкам. Но считать автора не ответственным за них тоже было бы неверным. Опечаток и разночтений в рассматриваемой монографии множество. Прежде всего это касается сносок,— например, примечания 14, 24, 185 и др. Неправильные ссылки имеются и в таблице, отражающей хронологию выведения колоний. Встречаются невыправленные ошибки в латинском и греческом текстах, а также в словах на новых иностранных языках. К недостаткам книги приходится отнести и ее рыхлую структуру, тяжелый и неясный стиль, отсутствие тщательной редакторской правки 1. Книга значительно выиграла бы, будь к ней приложены библиография и указатели.

Рассматриваемая монография состоит из предисловия, двух глав, каждая из которых содержит по два раздела, и заключения.

Первая глава монографии — «Римскоиталийская федерация (римский полис и завоеванные им италики)»; ее первый

¹ В данной связи следует указать на непродуманное помещение примечания к предисловию, которым открывается монография. Оно никак не увязывается с темой предисловия и содержит перечень работ советских историков по вопросу о восстаниях рабов в Риме в эпоху Республики (см. стр. 8). Этот перечень имел бы смысл, если бы автор сделал оговорку о том, что рассмотрение вопроса об основном противоречии рабовладельческого общества — между рабами и рабовладельцами — в круг его специальных штудий не входит, а потому он и отсылает читателя к соответствующим трудам.

раздел посвящен положению союзников Рима в Италии (стр. 9-44). Эта часть работы не имела для автора значения самостоятельного исследования и не содержит систематического рассмотрения вопросов. И хотя она органически входит в состав монографии, Ф. М. Нечай ограничивается лишь отдельными конкретно-историческими фактами. дается общее определение равных и неравных союзнических договоров, военных обязанностей союзников, их права военную добычу; характеризуется внутреннее самоуправление у союзников. Следовало бы добавить, что военные обязанности союзников состояли не только в поставке контингентов сухопутной армии, но с III в. до н. э. предусматривалось сооружение судов (Polyb., I, 20, 14; Liv., 26, 39, 5; 35, 1,6), что делало вклад союзников, в первую очередь греческих городов Южной Италии, в укрепление военной мощи Рима особенно значительным. Возможно было также отметить такой важный факт, как постепенно увеличивавшийся нажим римлян на союзников всех категорий и их дискриминацию в социально-политическом и религиозном отношениях, что засвидетельствовано многими источниками.

Вполне правомерен в монографии и является необходимым к ней введением тот краткий географический, экономический и политический обзор отдельных областей Апеннинского полуострова, который дает автор. Но относительно этого обзора хотелось бы высказать некоторые пожелания. В описании этрусков (§ 6, стр. 15—17) следовало подробнее остановиться на их социально-политической истории. В настоящее время наука располагает большим, главным образом археологическим, а также и эпиграфическим материалом по истории этрусков; этот материал собран и введен в научный оборот не только за рубежом, но и в работах наших ученых 2 . Ф. М. Нечай мог и должен был в своей работе учесть соответствующие исследования. Характеризуя умбров, Ф. М. Нечай удачно использует Игувинскую таблицу для изучения их куриальной организации. Он справедливо замечает, что Рим, ваключая договоры с каждой умбрской общиной в отдельности, старался разрушить общеумбрскую организацию. Умбрия была бы охарактеризована более полно, если бы было отмечено, что под умбрами следует понимать и племена претуттиев и пиценов, которые на стр. 29 отнесены к сабеллам.

* Некоторые замечания относительно этнической принадлежности италийских племен. Как известно, вопрос этот очень сложен и полностью до сих пор не решен. Поэтому хотелось бы видеть в книге менее категоричные на этот счет утверждения. В частности, вряд ли правомерно считать опиков и аврунков близсамнитам. Под названием авзонов, которые в силу ротацизма превратились в аврунков, известны обитатели древней Италии, близко родственные латинам и фалискам. Переданное греками название опиков перешло на завладевших их областью италиков и было трансформировано в осков 3. Автор книги справедливо утверждает, вольски не родственны латинам и вместе с тем не являются ветвью сабелльских племен. Ссылаясь на Моммзена, он отмечает родство вольсков с умбрами 4 (стр. 24). Однако несогласие с этим мнением высказано не только Модестовым и И. Цветаевым, о чем упоминает Ф. М. Нечай. И в современной литературе существует мнение о том, что вольски — оскского происхождения 5. Ф. М. Нечай безусловно видит и в сабинах, и в эквах, и в герниках — сабеллов. Между тем следует сказать, что в настоящее время сабины, герники и эквы рассматриваются в научной литературе принадлежащими по своему происхождению к оскской ветви италиков, хотя в более позднее время сабины и герники были, если можно так выразиться, умбризированы. Сабеллов же считают происшедшими от смешения умбров и осков и относят к ним марсов, марруцинов, вестинов, пелигнов.

Думается, что нуждаются в дополнении параграфы о луканах, венетах и япигах. Как и в других случаях, надобыло бы сказать об их происхождении и языке. Установлено, что Апулия и современная область Венеция были населены в древности не италиками, а иллирийскими племенами с примесью критских элементов; луканов же считают племенем италийского корня 6.

² Н. Н. Залесский, Этруски в Северной Италии, Л., 1959, стр. 80— 114; А. И. Немировский, История раннего Рима и Италии, Воронеж, 1962, стр. 167—184.

³ G. Giannelli e S. Mazzarino, Trattato di Storia Romana, t. I, Roma, 1953, crp. 87, 97; M. Pallotino, Le origini storiche dei popoli italici, «Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze storiche», t. II, 1955,

⁴ О родстве вольсков с умбрами см. Devoto, Gli antichi italici, Firenze, 1931, стр. 431, 193; R. Paribeni Storia di Roma, t. I, Bologna, 1954, стр. 33, 159.

⁵ Giannelli, Mazzarino, ук. соч., стр. 101.

⁶ Giannelli, Mazzarino, ук. соч., стр. 93; В. И. Модестов, Введение в римскую историю, СПб.,

Желательно было бы уточнить, какого характера был союз герников с римлянами. Ливий (II, 41, 1; 6) и Дионисий (VIII, 69) указывают, что, хоть герникам и пришлось поступиться третью своей территории в пользу Рима, однако военная добыча стала теперь делиться не только между римлянами и латинами, но и между герниками, чем первые были недовольны.

Среди федеративных муниципиев Ф. М. Нечай называет Тускул, указывая на появление в фастах тускуланского имени Антистиев. Однако вряд ли civitas, полученная тускуланцами в 381 г. до н. э., означала полное римское гражданство. Ливий (VIII, 37, 12) рассказывает, что тускуланцы инспирировали войну Велитр и Приверна против Рима. Это обстоятельство говорит скорее в пользу мнения Моммзена и Ниссена о том, что Тускул получил civitas sine suffragio при наличии ius migrationis. Право переселения в Рим, широко распространенное в ту эпоху, объясняет и Антистиев тускуланского упоминание происхождения в фастах.

Показывая угнетенное положение италиков в системе Италийского союза; Ф. М. Нечай, учитывая данные Ю. Белоха, приводит цифры роста римского ager publicus (стр. 43). Здесь можно было также учесть подсчеты площади, принадлежащей римским союзникам в Италии в разное время, а также численность населения в союзнических облас-

тях 7.

Второй раздел монографии Ф. М. Нечая называется «Колонии Рима в Италии до выступления Гракхов» (стр. 45—76). Этот раздел является исследованием самого автора и в нем содержится ряд ин-

тересных наблюдений.

Предлагая свою схему периодизации основания колоний Римом, Ф. М. Нечай исходит из того, что надо учитывать и этапы развития самого Римского государства (стр. 46—47). Против такого принципа возражать не приходится. На основе следующие намечаются 1) царский период, когда колонисты состояли из числа малоземельных крестьян; 2) время римско-латинского договора (493-340), когда колонисты рекрутировались из числа римлян и союзных латинян; 3) период складывания римскоиталийского союза с преобладанием колоний латинского права; 4) время от Второй Пунической войны до Гракхов с преобладанием гражданских колоний; 5) период от Тиберия Гракха, идея которого о наделении землей всех беззе-

1904, ч. II, стр. 101; Немировский, ук. соч., стр. 73.

7 A. Afzelius, Die römische Eroberung Italiens (340—264), «Acta Jutlandica», т. XIV, København, 1942.

мельных жителей Италии была осуществлена полностью лишь Суллой.

Предложенная Ф. М. Нечаем схема кажется небезосновательной. Однако, на наш взгляд, при том же исходном положении она не исключает и вполне обоснованных вариантов и детализации. При выделении первых четырех этапов автор учитывает прежде всего внешнеполитическое положение Римского государства в зависимости от успехов его завоевательной политики в Италии. Между тем в соответствии с его же принципом можно было и даже следовало увяинтенсивность колонизации с внутренней борьбой в самом Риме, т. е. с борьбой плебеев и патрициев 8.

Ф. М. Нечай останавливается на вопросе о наделе колониста. Ссылаясь на Варрона и Колумеллу, он говорит, что первоначальный земельный надел воина-колониста в плодородной местности был в размере одного югера. Позднее, в случае если земли были непервосортные, норма земли повышалась до 2 югеров, до 2,5; 3; 4 и даже 7 югеров на поселенца в качестве приусадебного участка (стр. 53). Далее Ф. М. Нечай утверждает, что этого количества земли было не достаточно для пропитания семьи. Здесь не указывается, как распоряжался колонист своим участком. Только последующее изложение позволяет думать, что надел в 2-7 югеров, как недостаточный для пропитания семьи, давался колонисту в качестве частной собственности; а необходимое количество земли, т. е. участок не менее чем в 32 югера, образовывался путем присоединения к наделу земли, оккупируемой ко-

⁸ Об этом мы уже имели случай более подробно говорить в нашей статье «Характер и роль colonia Romana в распространении римской власти и на Апеннинском полуострове» (ВДИ, 1956, № 2). Здесь мы ограничимся одним замечанием: если в период между Первой и Второй сецессиями плебеев, согласно традиции, были основаны лишь три колонии, то после 450 г. и до законов Липиния и Сенстия число их возросло до восьми, а с 367 г. до н. э. до конца IV в. до н. э., в период завершения борьбы патрициев и плебеев, до 11. Кстати заметим, что в таблице Ф. М. Нечая содержится неточность: не в царский период, а скорее до 437 г. — более определенно сказать нельзя — была основана колония в Фиденах, отпавшая в начале 30-х гг. V в. до н. э. на сторону Ларта Толумния, как повествует (Liv., IV, 17, 1). Есть в таблице и пропуск: надо было упомянуть, что в 338 г. до н. э. вторично выведены колонисты в Анций (Liv., VIII, 14, 8), а между 180 и 177 гг. до н. э., согласно Веллею (І, 15), - в Луку.

лонистом из фонда ager publicus (стр. 57— 58). Это — важный и интересный вывод. Жаль только, что доказательство того, что участок в 32 югера и был по сути дела нормальным, т. е достаточным наделом, остается за пределами книги и не аргументируется даже ссылкой на собственные работы Ф. М. Нечая.

В рассматриваемой монографии уделено внимание различию в статуте латинских и гражданских колоний Рима. Заслуживает упоминан**и**я наблюдение Ф. М. Нечая о том, что основанные до II в. до н. э. приморские колонии вовсе не всегда носили характер колоний граждан (стр. 61), как это зачастую утверж-

дают.

Автор правильно отмечает, что после Второй Пунической войны значительно увеличилось число колонистов, посылаемых в латинские колонии, что наделы колонистов северных колоний были больдостаточными для пропитания семьи (стр. 61-62). Это последнее наблюдение объясняется в книге тем, что получившие такие наделы колонисты лишались возможности в дальнейшем оккупировать землю из ager publicus, образованного вокруг новой колонии, который резервировался для римских нобилей (стр. 62). Как подмечает Ф. М. Нечай, Римское государство исходило из существовавшего, по-видимому, принципа, согласно которому за каждый год службы в армии солдат получал в награду два югера земли. Таким образом, за надел в 32 югера колонист должен был прослужить 16 лет (стр. 62—63). В связи с этим интересным соображением хотелось бы добавить следующее. Прежде всего, большие участки получали II в. до н. э. колонисты не только северных областей. Известно, например, что в фурийской области для пеших воинов было дано по 20, а для всадников — по 40 югеров (Liv., XXXV, 9); в Вибо-Валенции, как отмечено и в монографии, соответственно по 15 и 30 югеров, в Копии — по 30 и 60 югеров. Вместе с северных колониях — Мутине, Парме, Пизавре — участки для колонистов оставались небольшими (5-8 югеров). Все это приводит к мысли о другой закономерности: большие участки во II в. до н. э. всегда предназначались для поселенцев колоний латинского права, маленькие, как правило, для колонистов гражданских колоний ⁹.

Существенной частью второго раздела первой главы книги Ф. М. Нечая являются еще две таблицы - гражданских и латинских колоний. В общем это — полезный и нужный материал. Таблицам предпослано замечание о том, что под рубрикой гражданских колоний автор монографии помещает те, которые не упомянуты Ливием в качестве латинских (стр. 66). Думается, что колонии, выве-денные до конца IV в. до н. э., если оставить в стороне вопрос о датировке наиболее ранних, можно считать гражданскими с большой оговоркой, поскольку их поселенцами из числа римлян были в основном плебеи, не обладавшие еще всей полнотой гражданских прав даже в самом Риме. как мы попытались до-казать это в уже упомянутой статье. О Путеолах, например, Вольтурне, Литерне и др. можно вполне определенно говорить как о колониях римского права. Что же касается Синуэссы, то она ошибочно упомянута в списке латинских (cm. Liv., X, 21, 8).

Важнейшую часть исследования Ф. М. Нечая представляет собой вторая глава: «Союзнический вопрос в движении Гракхов и в гражданской войне 88-82 гг. до н. э.». Раздел первый, озаглавленный «Союзнический вопрос в движении Гракхов» (стр. 92—143), открывается замечаниями по историографии о движении Гракхов. Здесь Ф. М. Ĥечай дает подробный обзор историографии гракханского движения в дореволюционной России и в советское время.

Однако с некоторыми утверждениями, данными в книге, согласиться нельзя. Анализируя работу Э. Д. Гримма «Гракхи, их жизнь и общественная деятельность», Ф. М. Нечай наряду с верными наблюдениями и характеристиками напрасно упрекает ученого в неправильной оценке позиции римского плебса по союзническому вопросу. Сам Ф. М. Нечай дает далекую от историзма характеристику плебса и пролетариев, приписывая не свойственное им, как правило отношение к рабам. Конечно, экономический и политический гнет верхушки рабовладельческого класса роднил иногда беднейшие слои мелких производителей города и деревни с рабами и в известные моменты заставлял их объединяться в совместной борьбе Но, как правило, римские граждане, в число которых вхо-

⁹ Этот вопрос мы предполагаем осветить в специальной работе, здесь же заметим лишь, что такой порядок вещей, видимо, создался под влиянием возросшего после Второй Пунической войны значения римского гражданства, которое теряли колонисты, переселяясь в колонию латинского права. Этим же в первую очередь можно объяснить и преобладание

римских колоний во II в. до н. э. над латинскими. Дело, по всей вероятности, было не только в стремлении римского правительства иметь прочную опору в лице своих граждан по всей Италии. но и в меньшей привлекательности для римлянина положения латинянина по сравнению с привилегиями римского гражданина, распространявшимися широко за пределы аграрных отношений.

дили и плебеи, всегда подчеркивали разницу в своем положении по сравнению со свободными — латинами и италиками, не говоря уж о рабах. Каждый римлянин прочно держался за формулу сі-Romanus sum. Принадлежность к римской civitas осознавалась им как щит, составляла предмет его гордости даже тогда, когда он опускался на низшую ступень общественной лестницы, превратившись в нищего люмпен-пролетария. Преувеличенное представление о величии civium Romanorum было характерней чертой, присущей римскому обществу. В эпоху Республики часто случалось, что римский плебс выступал в полном единодушии с сенатской верхушкой и притом весьма агрессивно, например в вопросе о Первой Пунической войне. К тому же говорить о близости к рабам плебса в целом вряд ли возможно. Ведь плебс был далеко не однороден, и интересы различных его групп бывали зачастую противоречивыми или по крайней мере не совпадали. Подобное явление имело место и в других античных полисах. Так, например, во время Пелопоннесской войны аттическое крестьянство поддерживало позицию крупных рабои землевладельцев, выступая против городской бедноты, наиболее революционной части афинского демоса. Различные прослойки римского плебса объединялись с представителями разных прослоек рабовладельцев. Достаточно вспомнить, например, что именно городские низы, а не сельские жители поддерживали в свое время мероприятия Аппия Клавдия (Diod., XX, 36,1; Liv., IX, 46,1) и закон Гая Клавдия (Liv., XXI, 63, 3), и именно развращенный городской плебс, в первую очередь его деклассированная часть. - пролетарии, провалил в народном собрании аграрный законопроект Сервилия Рулла. Если Цицерон сумел воздействовать на эту часть народа, играя на его нежелании отказаться от благ города, то во времена Гракхов те же городские низы не хотели ими делиться с

В монографии Ф. М. Нечая содержится также краткий очерк советской и современной зарубежной историографии о Гракхах. Было бы неправномерно требовать от автора анализа всех имеющихся работ относительно Гракхов, но хотелось бы видеть сам принцип их отбора, почему именно те, а не другие труды подверглись его критическому разбору. Вне его внимания остались даже специально посвященные Гракхам книги.

Прежде чем перейти к союзническому вопросу во времена Гранхов, Ф. М. Нечай предлагает вниманию читателя очерк социально-экономического развития Италии в первые две трети П в. до н. э. Он правильно отмечает рост рабовладения и его влияние на экономику и аграрные отношения в Риме и Италии, а

также значение воинской повинности, разрушительных войн и наследственного дробления земли для процесса обезземеливания италийского крестьянства.

В связи с этим параграфом хотелось бы высказать некоторые соображения. Приводя на стр. 118 таблицу, показывающую число рабов, добытых в интересующий нас период на войне, следовало бы оговорить, что приведенные данные не могут дать нам точного представления о количестве рабов. Ведь в ней учтены лишь сведения, сообщенные Ливием, в то время как данные Полибия не принимаются во внимание, поскольку они не содержат цифрового материала, наличие которого уточнило бы картину.

Желательно было бы обратить внимание на терминологию. Думается, что говорить о развитии латифундий во II в. до н. э. — значит выражаться неточно Крупное землевладение и латифундиальное землевладение — не одно и то же, и во II в. до н. э. латифундий в Италии практически не было 10.

Ф. М. Нечай высказывает интересную мысль о том, что в италийских городах не произошло оформления внутри рабовладельческой верхушки — всаднического и сенаторского сословий, подобно тому, как это было в Риме (стр. 123). Но при этом необходимо было сделать оговорку о том, что экономические интересы верхнего слоя италийцев не были одинаковыми, что привело, в частности, к тому, что часть италийцев, именно крупные землевладельцы, не сочувствовали аграрному законопроекту Тиберия Гракха.

Останавливаясь на деятельности итадийских ростовщиков (стр. 24) автор отмечает исчезновение рабства-должничества в Риме после закона Петелия 326 г. до н. э. Существует, однако, и другое мнение — Е. М. Штаерман, — которая показала, что кабальное рабство продолжало сохраняться в Риме на всем протяжении эпохи Республики ¹¹.

Заслуживает внимания исследование Ф. М. Нечаем вопроса об условиях увеличения числа римских граждан по цензу 125 г. до н. э. по сравнению со 131 г.

¹⁰ В. И. Кузищин, Хозяйство италийской латифундии в Ів. до н. э., «Вестник МГУ. Ист. филол. серия», 1958, № 4; он же, Земельные владения Цицерона, «Научи. докл. высшей школы», сер. «Историч. науки», 1958, № 2; он же, Хозяйство Плиния Младшего, ВДИ, 1962, № 2.

¹¹ Е. М. Штаерман, О некоторых проблемах истории рабства в период подъема Римской республики, «Проблемы социально-экономической истории древнего мира», М.— Л., 1963, стр. 333—346.

до н. э. Сравнивая данные Полибия о римском войске, Плутарха и Диодора о военном законе Гая Гракха и данные Цицерона в трактате «О государстве», Ф. М. Нечай приходит к заключению, что вторая редукция минимального ценза для пятого имущественного разряда римских граждан была проведена, вероятнее всего, в 129 г. до н. э. Этот акт был, по мнению автора, уже ранее испытанной мерой и ответом сената на деятельность аграрной комиссии, преследовавшей увеличение числа военнообязанных вследствие наделения землей обедневших граждан (стр. 130—134).

Занимаясь рассмотрением реформ Гая Гракха, Ф. М. Нечай правильно отмечает, что фактически его деятельность лишь усугубила разницу в экономическом положении беднейших слоев своюдного римского и италийского населения и обострила союзнический вопрос (стр. 135). В то же время, следуя Габба, он признает, что господствующие слои италиков предночитали положение

федератов.

Второй раздел второй главы носит название «Союзнический вопрос и гражданская война в Риме 88—82 гг. до н. э.». Здесь дана хронология основных событий Союзнической войны 91—88 гг. до н. э. (стр. 144—147), установленная уже ранее в других работах Ф. М. Нечая. К сожалению, остались не отмеченными автором ни lex Julia 90 г. до н. э., ни lex Plautia—Papiria 89 г. до н. э., ни закон 89 г. о предоставлении прав латинского гражданства жителям Цизальнинской Галлии, т. е. не выделены этапы решения Союзнической проблемы.

решения Союзнической проблемы.
В центре внимания Ф. М. Нечая в этом разделе находится определение характера голосования в трибутных и центуриатных комициях после закона Юлия 90 г. до н. э. и выступлений Сульпиция Руфа, Мария и Цинны, а также влияние позиции популяров в аграрном вопросе на исход их борьбы с

Суллой.

Нужно отметить, что вопрос о составе и деятельности центуриатных и трибутных комиций в нашей литературе так подробно еще не рассматривался. Опираясь на догадку Арнальдо Бискарди о

том, что Аппиан намекает на деление триб в центурии, М. Ф. Нечай говорит о реформе центуриатных комиций после победы Суллы над Марием, которые приобрели, по его мнению, явно выраженый тимократический характер. Распределение же италиков всего в тесть или восемь триб сводило на нет их победу в Союзнической войне. Отсюда Ф. М. Нечай делает обоснованный вывод об олигархическом и антииталийском характере римских комиций с конца Союзнической войны вплоть до консульства Цинны 87 г. или, вернее, 86 г. до н. э.

Прослеживая деятельность популяров до сулланского переворота, Ф. М. Нечай справедливо указывает на их позиции в борьбе за дальнейшую демократизацию римско-италийского государства: самый острый вопрос — о наделении землей безземельных и малоземельных граждан в том числе и новых — не был решен. Это обстоятельство учел в 83 г. до н. э. Сулла и пообещал землю тем, кто пойдет к нему на службу. Так Сулла нашел резервы для своей армии среди италийского плебса (стр. 154—157). Думается, что приведенное рассуждение правильно и можно согласиться с тем, что не только боевые качества армии Суллы и имевшиеся в его распоряжении материальные средства, но и социальные противоречия и условия социальной борьбы в италийском рабовладельческом обществе предопределили победу Суллы над сторонниками Мария и Цинны.

На основе анализа данных Аппиана и Циперона Ф. М. Нечай доказывает, что награды и наделение землей своих солдат Сулла производил за счет богатых италиков. Отсюда он делает вывод, что именно малоземельное население италийских городов и привело Суллу к победе, но автор не доказал, как нам кажется, другое важное положение о том, что «популяры ориентировались на союз с тем социальным кругом италиков, в руках которого были сосредоточены как денежные, так и земельные богатства» (стр. 157—158), хотя сама по себе мысль кажется интересной.

И. Л. Маяк

К. В. ГОЛЕНКО, Денежное обращение в Колхиде в римское время, Л., Изд-во Гов. Эрмитажа, 1964

За последние два десятилетия в развитии советской нумизматической науки об античности произошли заметные сдвиги: значительно возрос интерес к проблеме денежного обращения греческих колоний Северного побережья Черного моря (усиленно разрабатываются вопросы денежного хозяйства Ольвии, Херсонеса, городов Боспора), Закавказья, впервые стали публиковаться работы по топографии монетных находок на территории СССР, появился интерес к характеру и особенностям денежного обращения в среде варварских племен 1. Углубленная разработка частных вопросов, связанных с денежным обращением в древности, накопление и обработка огромного нумизматического материала, полученного за эти годы, поставили перед нумизматами-античниками важную задачу — создание обобщающих монографий, посвященных истории монетного дела и денежного обращения в различных центрах античного мира. Такая работа требует полного знания нумизматических памятников, еще не опубликованных и малодоступных. Поэтому еще раз следует поставить вопрос о необходимости скорейшей публикации наших музейных нумизматических собраний и монет, найденных при раскопках. Отсутствие каталогов монет даже крупнейших наших музеев затрудняет работу над созданием корпусов монет отдельных городов и над монографиями широкого плана. Таких монографий у нас еще очень мало. А. Н. Зографом в 1939 г. была подготовлена рукопись корпуса монет г. Тиры, оставшаяся единственной работой этого типа ². В 1956 г. была напечатана обзорная работа Д. Б. Шелова, посвященная монетному делу Боспора ³, монографическому исследованию ольвийских монет посвящен ряд статей П. О. Карышковского 4; на-

конец, в 1963 г. появилось исследование

В. А. Анохина, рисующее картину раз-

ного своими статьями по истории денежного обращения Боспора, Херсонеса и Закавказья. В истории денежного обращения Закавказья К. В. Голенко обратил внимание на две интересные проблемы, которые разработал на большом нумизматическом материале, - обращение «колхидок», тема, выходящая за рамки рецензируемой книги 8, и вопрос о монетах, прини-Савмаку ⁹. Рецензируемая сываемых работа посвящена отдельному хронологическому периоду в истории денежного обращения Закавказья и рассматривает лишь территорию Колхиды. Обилие монетных находок позволяет восстановить достаточно полную картину обмена в это важное для истории Колхиды время.

Перед автором редензируемой книги стояла сложная задача — нарисовать полную картину денежного обращения античной Колхиды, имевшей в римское время большое стратегическое и торговое значение и вместе с тем представлявшей собой в достаточной мере единое экономическое целое, что позволяет рассматривать эту область изолированно. Автор показывает также, что территория Западной и Восточной Колхиды дает различную картину состава денежного хозяйства, причину чего видит в особенностях исторического развития этих областей. Западная часть Колхиды, эко-

вития монетного чекана Херсонеса римского времени ⁵. Обобщающее значение имеют и корпус находок римских монет на территории СССР В. В. Кропоткина ⁶ и близкая по тематике работа М. Ю. Брайчевского ⁷.

В этот круг исследований нужно поставить и книгу К. В. Голенко, известного своими статьями по истории денежного обращения Боспора, Херсонеса и Закавказья. В истории денежного обращения Закавказья К. В. Голенко обратил внимание на две интересные проблемы, которые

¹ Ср. И. Г. Спасский и В. Л. Я нин, Советская нумизматика, Библио-графический указатель. 1917—1958 гг.,

НЭ, II, 1960; III, 1962.

² А. Н. Зограф, Монеты Тиры, М., 1957.

³ Д. Б. Шелов, Монетное дело Боснора в VI—II вв. дон. э., М., 1956 (Северное Причерноморье, вып. 9).

⁴ П. О. Карышковский, О классификации серебряных монет Ольвии IV в. до н. э., КСИИМК, 61, 1956; он же, Стоимость монетных металлов в Ольвии и в Боспорском государстве в IV в. до н. э., ВДИ, 1958, № 3; он же, О монетах с надписью ЕМІNАКО, СА, 1960, № 1.

⁵ В.А. Анохин. Монетное дело Херсонеса в І—II вв. н э., НЭ, VI, М., 1963.

 $^{^6}$ В. В. К ропоткин, Клады римских монет на территории СССР, САИ, Г—44, М., 1961.

м. Ю. Брайчевський, Римська монета на території України, Київ, 1959.
⁸ Д. Г. Капанадзе и К. В. Голенко, К вопросу о происхождении колхидок, ВДИ, 1957, № 4; К. В. Голенко. Клад синопских и колхидских монет из Кобулети, ВДИ, 1951, № 1.

⁹ К. В. Голенко, Омонетах, приписываемых Савмаку, ВДИ, 1951, № 4; он же, Новый тип монет царя Сав(лака), «Сообщ. АН ГрузССР», XXV, 1960, № 1; он же, Еще о монетах, приписываемых Савмаку, ВДИ, 1963, № 3.

номически тесно связанная с Малой Азией, отражала «состав денежного обращения римской провинции Каппадокии, точнее территории бывшего Понтийского царства, вошедшего в указанную провинцию» (стр. 59). В Восточную Колхиду монета поступала через Иберию и состав денежного обращения здесь был иной. Большое значение имеет вывод автора итэонгитвтэ отонженед обращения Колхиды, выражавшейся в очень продолжительном обращении не-

которых групп монет.

Как всякая монография, построенная на глубоком анализе источников и хорошем знании литературы, книга К. В. Голенко вносит значительный вклад в наше знание истории, экономики и денежного обращения в древности. Однако, как и всякая обобщающая работа, эта книга вызывает ответные соображения, которыми хочется поделиться. Следует сказать, что наши замечания либо имеют частный характер, либо сводятся к некоторым дополнениям, которые отнюдь не ставят под сомнение основные положения книги, представляющиеся нам вполне аргументированными, и вызваны известной лаконичностью изложения и, пожалуй, чрезмерной осторожностью автора в некоторых выводах.

В первой вводной главе К. В. Голенко дает краткий очерк денежного обращения Колхиды в V-II вв. до н. э. Этот очерк представляется нам слишком кратким — некоторые детали темы остаются неясными. Например, интересно было бы попытаться поставить вопрос о последовательном изменении стиля изображений на колхидках, что можно было бы связать с хронологией их выпуска. Малоубедительным представляется вывод о прекращении выпуска колхидок, игравших роль лишь на узком внутреннем рынке, в связи с распространением в Западной Грузии статеров александровского типа (стр. 11). Ведь экономическая функция золота крупного номинала была в древности совсем иной, чем мелких номиналов (триоболы) серебра, да еще плохого качества, какими были колхидки. Говоря о статерах Аки, автору следовало бы указать на статью Л. П. Харко, высказавшему иную точку зрения на их происхождение 10

В конце первой главы говорится о монетах, приписывавшихся Савмаку. Выводы автора убедительны, но следовало бы сказать несколько слов и об имеющих уже свою историю спорах вокруг восста-

ния Савмака 11.

10 Л. П. Харко, Существовал ли царь ''Ахης? ВДИ, 1948, № 2. 11 В. Ф. Гайдукевич, Еще о

восстании Савмака, ВДИ, 1962, № 1; Э. Л. Казакевич, К полемике о восстании Савмака, ВДИ, 1963, № 1.

Во второй главе автор дает логичную схему обращения понтийской монеты и римского провинциального серебра в Колхиде. Методически важное ние имеет вывод о том, что «местное население Колхиды и в римское время не достигло еще той степени общественноэкономического развития, когда возникает потребность в медной разменной монете, металлическая ценность которой ничтожна» (стр. 25). Этим объясняется как то, что на местном рынке принималась лишь полноценная золотая или серебряная монета, так и длительность обращения некоторых групп золота и полноценного серебра, вызвавших дальнейшем появление местных подражаний (Александровские и лисимаховские статеры, денарии Августа и др.).

В третьей главе речь идет об обращении римской местной монеты и о составе денежного обращения в приморских городах Колхиды. Автор правильно указывает на особую роль приморских центров в римское время как «опорных крепостей с постоянными римскими гарнизонами», что в значительной мере объясняет различный состав денежного обращения центров побережья и внутренних районов страны. Важным представляется вывод К. В. Голенко о том, что «в силу слабого развития товарно-денежных отношений во внутренних районах страны, туда поступала лишь полноценная с точки зрения металлического содержания монета, после прекращения выпуска которой местный рынок не принимал низантонинианы, копробные формально являвшиеся монетой серебряного номинала — основного платежного ства внутри империи» (стр. 34-35). Эту особенность денежного обращения следует иметь в виду всем нумизматам, занимающимся вопросами экономики местных племен. Сомнительным кажется предположение о возможности замены обесцененного римского серебра, представлявшего собой уже фактически медную монету, золотыми боспорскими статерами. В этом вопросе также необходимо учитывать относительную стоимость различных монетных металлов и их различную экономическую роль на внутреннем и внешнем рынках.

IV глава рецензируемой работы посвящена проблеме распространения общеимперской серебряной монеты и ее роли в денежном обращении Восточной Колхиды. Большой интерес представляет материал, приводимый автором в связи с обращением кесарийского серебра, денариев Августа, аршакидского се-ребра и подражаний статерам Александра Македонского. Однако, говоря о подражании статерам Александра Македонского в Колхиде, нужно было бы сначала отметить роль самих статеров Александра в денежном обращении в этом районе, иначе трудно понять причины столь

широкого распространения подражаний. Стоило указать как на то, что подражания статерам Александра подобного типа встречаются в собраниях Западной Евроны, так и на большое количество сходных інтемпелей, которыми чеканились эти подражения (об этом говорится лишь в описаниях таблиц). Нуждается в объяснении резкое колебание веса отдельных экземпляров подражаний статерам Александра, доходившее до 3-5 г величины, не свойственной золоту. Вес этих подражаний колеблется в пределах от 4,69 до 1,73 г или от 5,60 до 0,675 г. Что это, — различные номиналы того же типа или небрежность, противоречащая выводу автора об употреблении местными племенами только полноценной монеты? Автор должен был бы сделать попытку объяснить причину более позднего возникновения подражаний статерам Александра, чем подражаний статерам Лисимаха и вообще столь позднего их распространения (в римское время).

Интересным представляется раздел книги К. В. Голенко об обращении и роли подражаний денариям Августа с изображением Гая и Луция Цезарей. Автор высказывает ряд интересных наблюдений, и в своих выводах гораздо более осторожен, чем другой исследователь этого вопроса — Д. Г. Капанадзе. По этому поводу позволю себе высказать несколько соображений. В статьях Д. Г. Капанадзе неоднократно говорилось (правда, в качестве гипотезы) о том, что все подражания денариям Августа этого типа, даже и некоторые денарии Августа с Гаем и Луцием на лицевой стороне, найденные в Закавказье, имеют местное происхождение, т. е. чеканились в одном из центров Закавказья 12. Такая точка зрения кажется нам неприемлемой. Уже А. Н. Зограф обратил внимание на большое распространение этих монет в Закавназье, однако он не дал их классификации, указав лишь на то, что Эрмитажная коллекция этих монет представляет собой различные стадии извращения первоначального типа 13. Однако монеты этой группы Эрмитажного собрания состоят из двух резко отличающихся друг от друга вариантов.

Первый вариант состоит из монет очень грубого стиля, с изображением на лицевой стороне характерного лица, с большим носом и въющимися волосами. Сос-

13 А. Н. Зограф, Распространение находок античных монет на Кавказе, ТОНГЭ, I, Л., 1945, стр. 44.

тав серебра в этих монетах очень низок, имеются общие штемпеля. Оборотная сторона тоже очень груба. Особенно характерно для этой части монет, представляющей собой сильную степень деградации, отсутствие попытки воспроизвести круговую легенду, которая, как правило, заменяется толстым точечным ободком. Второй вариант этих подражаний Эрмитажной коллекции составляют образцы, более близкие к прототипу. Надпись на них обычно легко читается, иногда искажена лишь незначительно. На более деградированных экземплярах надпись заменяется черточками и неразборчивыми значками, по всегда делается попытка ее воспроизвести ¹⁴. Д. Г. Капанадзе в своих исследованиях, касающихся денежного обращения Закавказья, неоднократно обращался к варварским подражаниям, находимым на территории Грузинской ССР. Однако он все находки подражаний римским монетам на Кавказе склонен рассматривать как местные чеканившиеся в Закавказье. монеты. Он даже связывает с местным чеканом многие «оригинальные» денарии Августа, считая их ранней стадией деградации местных подражаний 15. Такой подход к решению сложного вопроса о месте изготовления ряда монет, которые можно считать «варварским» чеканом, возникает при изолированном рассмотрении монет, находимых в каком-либо одном центре (в данном случае в Закавказье). Следует обратить внимание на большое количество подражаний римским денариям с типом Гая и Луция, имеющихся в составе коллекций европейских музеев, а также отмеченных в литературе. Изучение варварских подражаний, их локализации и места производства невозможно без учета подобных монет, найденных в современных Румынии, Венгрии и ГДР, т. е. на территории римских провинций Дакии, Мёзии, Паннонии.

Особенно богаты подражаниями денариям Августа рассматриваемого типа музеи ГДР, комплектовавшиеся из числа находок, происходящих из Рейнско-Дунайской области. Так, подражания этой группы, хранящиеся в Берлине, представляют собой серию, состоящую из 39 монет, различной степени деградации, но все они находят близкие аналогии во второй группе эрмитажных монет этого типа. Более ранние образцы тщательно воспроизводят изображения и надписи лицевой и оборотной стороны денариев Августа (лиц. ст.: CAESAR AVGVSTVS DIVI F PATER PATRIAE, об. ст.:

¹² Д. Г. Капанадзе, Монетные находки Михетской экспедиции, ВДИ, 1955, № 1; он же, Ауреусы Армазского некрополя, СА, 1957, № 3; он же, О продолжительности обращения денариев Августа и драхм Готарза в древней Иберии, СА, 1962, № 4.

 $^{^{14}}$ Ср. образцы, имеющиеся в Британском музее, H. M a t t i n g l y, CBM, I, стр. 88.

¹⁵ Монетные находки Михетской экспедиции, ВДИ, 1955, № 1, стр. 160—172.

AVGVSTI F COS DESIG PRINC IVVENT CAESARES). Последние образцы стилистически грубы, очень далеки от прототипа, надпись воспроизводится в виде непонятных значков и черточек, но в этих коллекциях нет ни одного экземилира, который был бы близок первой группе эрмитажного собрания. Такую же картину представляет собой коллекция Дрезденского и Готского музеев.

Если в европейских собраниях имеется только тот вариант этих подражаний, который более близок к прототипу, то Государственный музей Грузии обладает совершенно уникальным собранием подражаний денариям Августа с типом Гая и Луция. Эта коллекция находит аналогии лишь в музейных собраниях СССР. Естественно счесть эти грубые подражания с плохим качеством металла местным выпуском. Об этом свидетельтвует узкая географическая локализация нахолок этой категории «подражаний» и специфический «местный» стиль. Вместе с тем, следует различать эти две группы подражаний денариям Августа. За второй (более близкой к прототипу) следует признать местом чекана Рейнско-Дунайскую область, чему соответствует и состав коллекций европейских музеев. Тот факт, что эти европейские подражания встречаются в составе эрмитажной коллекции и в единичных экземплярах в других музеях СССР (ГМИИ -3, ГИМ -1, Γ М Γ — 1) объясняется, очевидно, их проникновением на нашу территорию вместе с подлинными денариями Августа из Рима или с подражаниями из Дакии, Паннонии и Мёзии 16.

В рецензируемой работе можно было бы ожидать объяснения причины появления подражаний денариям Августа только указанного типа. Дело в том, что обилие золотых и серебряных монет с изображением Гая и Луция Цезарей, встречающихся в кладовых находках в Индии, навело ученых на мысль о том, что эти ауреусы и денарии чеканились в Риме специально для торговли с Востоком. С этим следует связывать и появление различных подражаний денариям Августа этого типа. Подобные подражания встречаются повсеместно в ареале распространения их прототипа.

В заключение следует сказать, что большое значение имеет приложенная к книге К. В. Голенко сводка находок монет І в. до н. э. — IV в. н. э. в Западной Грузии (Приложение 1), которая дает материал для дальнейших исследований.

Хочется сделать несколько замечаний, не имеющих отношения к автору. Нумизматический материал, поднятый в книге, иллюстрирован очень неравномерно. Следовало бы показать в иллюстративных таблицах монеты, на основании которых автором делаются важные выводы, такие как подражания монетам Асандра или статерам Лисимаха. Для этого необходима возможно более быстрая монографическая публикация всех новейших нумизматических материалов, полученных в результате археологических раскопок. Качество воспроизведений в книге весьма низкое. Следует отказаться от практики ретуширования фотографий монет, которое искажает изображения и особенно надписи на монетах и затрудняет работу по сличению монетных штемпелей.

Л. Н. Казаманова

Addenda bibliographica praecipue ad CIL e periodico L'Année épigraphique nominato excerpta, ed. Rolandus Gruendel, Berolini apud W. de Gruyteu et socios, 1965, стр. II+71 (автореферат издателя)

После первой мировой войны приостановилась непрерывная публикация патинских надписей Римской империи в международном образцовом издании — Согриз Insciptionum Latinarum. После второй мировой войны благодаря усилиям Германской Академии наук в Берлине и настоятельным предложениям ведущих специалистов на международных эпиграфических конгрессах создались условия для возобновления в ближайшем будущем издания Корпуса.

Но до тех пор, пока цель эта будет достигнута совместными усилиями многих

ученых, остаются в силе существующие ныне методы работы с латинскими надписями. Значение исследования надписей тем более возрастает, чем более эта неоценимая группа источников используется в изучении истории с позиций ее материалистического понимания.

По мере того как к надписям обращаются новые разделы древней истории и по мере того как все большее и большее число неэпиграфистов черпает свидетельства из материалов надписей, тем более актуальными становятся вопросы высокого уровня их издания и библиографии. Кто может гарантиро-

¹⁶ К вопросу о подражаниях денариям Августа мы предполагаем вернуться в отдельной статье.

вать неспециалисту, что он работает не с устаревшей публикацией и что за это время не появилось новое исправленное издание надписи, что он не основывается в своих выводах на таких толкованиях надписей, которые теперь интерпретируются иначе? Было бы нецелесообразным требовать от неэпиграфистов знакомства с многочисленными частными и местными собраниями латинских надписей. Для них должно быть достаточно того, что имеется в Corpus Inscriptionum Latinarum, что публикуется выборочно из новых надписей в L'Année épigraphique и относительно легко доступно по сводным указателям за десятилетия.

Но L'Année épigraphique публикует не только новые, по мнению издателя, важиме надписи, но сообщает также о новых чтениях, исправлениях и толкованиях и тех надписей, которые уже были опубликованы в Корпусе. Чтобы можно было легко пользоваться этими Addenda et corrigenda, в журнале до 1960 г. не доставало соответствующего указателя. Только с 1961 г. журналу придан Index, который содержит конкорданс для тех надписей, которые были опубликованы в Корпусе.

В редакции Corpus Inscriptionum Latinarum при Германской Академии наук в Берлине был использован в качестве рабочего пособия L'Année épigraphique с 1888 по 1960 г. с тем, чтобы можно было учесть существенные дополнения к Корпусу. Полезность проделанной

работы так часто подчеркивалась иностранными специалистами, которые пользовались составленной картотекой, что было решено опубликовать ее в форме сравнительных таблиц и таким образом сделать доступной для общего пользования.

Предлагаемые таблицы рассчитаны прежде всего на широкий круг историков древнего мира, не являющихся эпиграфистами, в руки которых тем самым тем самым предоставляется важное справочное пособие. С его помощью можно быстро найти для любого тома Корпуса латинских надписей, где именно в самом томе находятся Addenda et Corrigenda и какие дополнения появились в L'Année épigraphique с момента выхода того или ино-го тома Корпуса. В нем также можно найти указание на то, какие издания этих надписей, кроме Корпуса, следует иметь в виду, прежде всего такие собрания надписей, как H. Dessau, Inscriptiones Latinae Selectae; E. Diehl, Inscrip-Latinae Christianae veteres; F. Buecheler et E. Lommatzsch, Carmina Latina Epigraphica; R. Cagnat, Inscrip-tiones Graecae ad Res Romanas perti-

Каждый, кто занимается латинскими надписями, кто постоянно пользуется Corpus Inscriptionum Latinarum, не может пройти мимо столь важного пособия, как Addenda bibliographica.

Роланд Грюндель

О КОНЦЕПЦИИ «ГИДРАВЛИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА» К. ВИТФОГЕЛЯ

Вопрос об азиатском способе производства, а если брать эту проблему шире вопрос о закономерностях исторического развития народов Азии и Африки — приобрел сейчас особую остроту. И это естественно: проблемы будущего молодых, недавно освободившихся от колониального господства азиатских и африканских государств, волнующие сейчас все человечество, невольно привлекают внимание к их прошлому, заставляют искать в их истории ключ к осмыслению их социальной структуры, к осмыслению закономерностей, определяющих их coвременное развитие. История стран Африки и Азии служит ареной ожесточенной идеологической борьбы между прогрессивными силами и доживающим свой век империализмом.

Дискуссия «об азиатском способе производства» — один из эпизодов этой борьбы, а само понятие «азиатский способ производства» и тесно связанные с ним вопросы о прогрессе и застойности в развитии азиатских и африканских народов, о наличии или отсутствии в истории этих народов тех же стадий развития, что и в истории европейских народов, — это те узловые пункты, на которых скрещиваются взгляды идеологических противников.

Современная дискуссия об азиатском способе производства 1— это не только дискуссия между историками и социологами-марксистами о правильном понимании и применении этой социологической категории, это одновременно и теоретическая борьба с теми, кто, используя марксистскую терминологию, извращает марксизм и пытается опорочить его в ми-

¹ См. ВДИ, 1965, № 3, стр. 75—96.

ровом общественном мнении. Одной из таких, может быть, самой откровенной попыткой опорочить марксистскую концепцию развития народов Азии и Африки является книга К. Витфогеля «Восточный деспотам. Сравнительное изучение тотальной власти» г. В свое время эта книга получила надлежащую оценку в марксистской печати 3, но сейчас в связи с дискуссией об азиатском способе производства имя Витфогеля вновь появилось на страницах зарубежных журналов.

На неискушенного читателя, знакомого с марксизмом лишь понаслышке, книга Витфогеля может произвести некоторое впечатление: автор ее, бывший марксист, принимавший участие в дискуссии об азиатском способе производства в конце 20-х — начале 30-х гг., претендует не только на полное и беспристрастное изложение взглядов Маркса, Энгельса, Ленина и участников дискуссии, но и на «объективную» критику их концепций, на создание новой, «более отвечающей современному уровню науки» концепции исторического развития народов Азии, Африки и доколумбовой Америки. Поэтому разоблачение этой насквозь фальшивой работы, использующей иногда марксистскую фразеологию для прикрытия глубоко враждебной марксизму реакционнейшей теории о неспособности азиатских и других неевропейских народов к самостоятельному прогрессивному развитию, является одной из непреложных задач современной дискуссии.

Это хорошо поняли наши французские коллеги. Расценивая работу Витфогеля как фальсификацию взглядов Маркса и Энгельса на процесс развития азиатских обществ, они поставили перед собой задачу воссоздать подлинную марксистскую концепцию азиатского способа производства 4. Так, например, Ж. Шено пишет, что необходимость полемики с ренегатами и фальсификаторами марксизма, такими, как Витфогель с его магической формулой гидравлического общества, требует того, чтобы марксисты отбили у ренегатов богатую концепцию об азиатском способе производства и развили ее подлинно научным образом 5 .

² Karl A. Wittfogel, Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power, New Haven, Jale University press, 1957.

³ См. напр., рецензию Ю. А. Левады в журнале «Советское китаеведение», 1958,

⁴ Я не буду сейчас касаться вопроса о том, насколько удачно им удалось это сделать, об этом см. М. А. В и т к и н, Н. Б. Т е р-А к о п я н, По страницам журнала «La Pensée», «Вопросы философии», 1965, № 3, стр. 172—176, а также ВДИ, 1965, № 3, стр. 75—96.

⁵ J. Chesneaux, Le mode de pro-

Но отдавая должное инициативе наших зарубежных коллег, следует, по моему мнению, сказать, что критика концепции Витфогеля в работах участников дискуссии об азиатском способе производства несколько одностороння. Все единодушно (и совершенно правильно!) отмечают политическую - антикоммунистическую — направленность цепции Витфогеля и опровергают его попытки путем извращения марксистских понятий обвинить социалистические государства в возрождении принципов восточного деспотизма. Но в чем состоит извращение Витфогелем понятия «азиатский способ производства» и в каком отношении к этому понятию стоит витфогелевская концепция гидравлического общества, участники дискуссии, как мне кажется, раскрывают недостаточно. Так, Годелье, помимо такой же, как указанная выше, общей оценки Витфогеля, ограничивается лишь замечанием, что неверно большие ирригационные работы, бюрократию и централизованную власть всюду механически связывать с азиатским способом производства, как это делает Витфогель⁶. Несколько больше останавливается на критике концепции Витфогеля Ж. Шено. Очень верно он указывает на то, что понятие «азматский способ производства» в трактовке Витфогеля лишено основного содержания, которое вкладывал в него Маркс, а именно: учения общественного о способе производства как экономической категории, определяющей социальструктуру данного обшества. Ж. Шено отмечает примитивный географический детерминизм Витфогеля, применение им социолого-исторических категорий и, в частности, его магической формулы «гидравлическое общество» безотносительно к историческим эпохам 7.

Дж. Нидэм в статье «Наука и общество на Востоке и Западе», опровергая витфогелевскую концепцию восточного деспотизма как не соответствующую исторической действительности и подчеркивая антинаучность самого метода исследования Витфогеля (он пишет, что синологи всего мира возмущены тенденциозным подбором фактов 8), в то же время заявляет, что он «не рассматривает его

duction asiatique: quelques perspectives de recherche, «La Pensée», 1964, № 114,

crp. 35.

⁶ M. Godelier, La notion de «mode de production asiatique» et les schémas marxistes d'évolution des société, «Les Cahiers du CERM», P., s. a., crp. 30.

⁷ Chesneaux, ук. соч., стр 34—35.

⁸ J. Needham, Science and Society in East and West, «Science and Society», 1964, XXVIII, № 4, стр. 397.

теорию гидравлического общества по

существу ошибочной» 9.

Я. Печирка на страницах «Еirene», найдя уместным процитировать один из выводов Витфогеля, касающихся оценки им итогов дискуссии об азиатском способе производства 20-х — 30-х гг., также ограничился лишь указанием на его общую политическую тенденциозность 10. Между тем следовало бы показать, поскольку Я. Печирка специально знакомился с материалами дискуссий, хранящимися в библиотеках Москвы и Лениграда, что тенденциозность оденок Витфогеля сопровождается умышленным искажением материалов дискуссий.

В рецензии Ю. А. Левады на книгу Витфогеля, опубликованной в 1958 г. (см. выше, прим. 3), убедительно разоблачается реакционность и антимарксистская направленность методологии Витфогеля, но вопрос об извращении им понятия «азпатский способ производства» автор рецензии затрагивает очень бегло. Все это приводит к заключению, что следует еще раз вернуться к разбору книги Витфогеля, чтобы показать резкое отличие его концепции «гидравлического общества» от марксистского понятия «азпатский способ производства».

Прежде всего напомним, что, как подчеркнул Ю. А. Левада в своей рецензии, основой витфогелевской методологии является исторический волюнтаризм, эклектически соединяющийся с географическим детерминизмом 11.

По существу Витфогель выступает против основного положения историчематериализма — о первичности **«СКОГО** материального производства, т. е. экономических отношений, и вторичности политических, правовых, идеологических и прочих надстроечных явлений. Это отчетливо выступает и в трактовке им понятия «собственность» как чисто правового явления, не связанного с определенными экономическими отношениями и, в первую очередь, с отношением к средствам производства, и в его определении классов - не по положению, занимаемому тем или иным классом в процессе производства, а по отношению к государству, к политической власти.

Еще более откровенно Витфогель выступает против одного из основных принципов марксистской диалектики — рассматривать все явления в природе и обществе в их развитии. Он прямо заявилет, что развитие свойственно не всем обществам. Подменяя развитие понятиями «трансформация» и «изменения», он

⁹ Там же, стр. 395.

№ 3, стр. 189—190.

пытается доказать, что вообще прогресс—понятие относительное. Так как, по Витфогелю, лишь немногим обществам свойственны внутреннеобусловленные изменения ¹², т. е. развитие (или трансформация, по его терминологии), то важнейшим (может быть даже решающим) фактором в истории является «влияние» (главным образом политическое) и «свободный выбор», т. е. чисто волюнтаристские категории.

Но отказавшись от марксизма и ведя яростную атаку против современного коммунизма, Витфогель использует марксистскую фразеологию и имитирует некоторые приемы марксистского исследования, а иногда в подтверждение своих положений он даже ссылается на труды Маркса и Энгельса, односторонне или в обратном смысле истолковывая их высказывания и самым извращая заложенную в них мысль. Такими приемами он и создает концепцию «гидравлического общества». Вкратце она сводится к следующему. В районах с засушливым климатом, где земледелие было возможно лишь на основе гидротехнических работ, предпринимаемых силами всего общества, в определенных исторических условиях из функции руководства ирригационными работами возникает деспотическая государственная власть. Но возникновение такой власти не является неизбежным, а зависит от свободного выбора самого общества. Возникнув, деспотическая государственная власть становится непреодолимой силой: она регулирует земледелие и пользование водой, предпринимает крупные строительные работы, контролирует в большей или меньшей степени ремесло и торговлю. Так, по Витфогелю, протекает генезис «гидравлического общества». Далее, используя выборочно материал из истории всех времен и народов, Витфогель конструирует следующую социальную структуру таких гидравлических или, — что по его терминологии равнозначно, -- «агроуправленческих» обществ. Общество делится лишь на два правящий и управляемый. К правящему классу принадлежат деспот и бюрократия, в том числе и низшая, не отличающаяся по своему материальному положению от простого Управляемый класс — это земледельцы, тороговцы (независимо ремесленники, от их материального положения), рабы. Государственная власть носит абсолютистский, автократический характер, это тотальная власть, всех и всё подчиняющая себе. Она выполняет две функции: организационную (в эту функцию Витфогель включает организацию хозяйства и организацию вооруженных сил) и функцию присвоения доходов. Хотя социальных

¹⁰ J. Pečirka, Die sowjetischen Diskussionen über die asiatische Produktionsweise und über die Sklavenhalterformation, «Еігепе», III, 1964, стр. 153.

11 «Советское китаеведение», 1958,

¹² Чем обусловливаются эти изменения, остается неясным.

антагонизмов в этом обществе много, но жлассовая борьба (что в понимании Витфогеля равнозначно политической борьбе ¹³) практически отсутствует, так как нет организованного собственнического жласса.

Наряду с основными, «сердцевинными» тидравлическими обществами существуют промежуточные и окраинные гидравлические общества, где гидротехнические работы имеют небольшое или совсем не ммеют значения, но деспотический режим утвердился в результате временного подчинения основным гидравлическим обществам или же путем их косвенного влияния (например, в России «гидравлические порядки» были восприняты русскими царями от татар, которые в свою . очередь заимствовали их на Востоке).

В гидравлических обществах наряду с тосударственной собственностью существует и частная собственность как движимая, так и недвижимая, но частная собственность здесь слабая, ограниченная. Поэтому они в корне противоположны «многоцентровым» обществам Запада, для которых характерно преобладание сильной частной собственности. «Гидравлическое общество»— это образец застоя. Оно не способно стоятельно трансформироваться во «многоцентровое» общество. Только под сильным влиянием Запада возможно развитие внутри этих обществ частнособственнических элементов, достаточно сильных, чтобы вступить в борьбу с агроуправленческим азиатским деспотизмом. Современные тотальные индустриальные государства, уничтожившие частнособственнические элементы, представляют собой новый вариант азиатского деспотизма.

Как видно из вышеизложенного, конценция «гидравлического общества» малооригинальна, эклектична и, разумеется, далека от марксистского понятия «азиатского способа производства». И тем не менее Витфогель пытается во чтобы то ни стало увязать ее с высказываниями об азиатском обществе классиков марксизма, представить свою концепцию как исправленную и развитую дальше концепцию Дж. Ст. Милля и К. Маркса. Для чего ему это нужно, укажем позднее, а сейчас проследим, что он берет у Маркса и Энгельса и как использует их высказывания.

Формально следуя марксистскому методу начинать исследование истории того или иного общества с исследования его экономики, Витфогель начинает свое изложение с характеристики географических и экономических условий возникновения восточной деспотии. Но вместо того, чтобы исследовать, какие производ-

ственные отношения складываются в обществе в процессе освоения речных долин, т. е. какие формы собственности и формы эксплуатации при этом возникают, Витфогель все сводит к вопросу о роли государственной власти в организации общественных работ. При анализе причин возникновения государства в его специфической форме восточной деспотии Витфогель прибегает к ссылке на известное место из «Анти-Дюринга» Ф. Энгельса, где говорится о двояком пути возникновения отношений госполства и порабощения и как следствии этого возникновения государства 14. При этом он берет только первую часть рассуждений Энгельса, где говорится о превращении функций руководства обществом в господство над обществом, о формировании господствующего класса из числа должностных лиц родо-илеменной организации, и совершенно умалчивает о второй части этого рассуждения, начинающейся со слов: «Но наряду с этим процессом образования классов совершался еще и другой» 15, — и далее говорится о появлении рабства. Тесная смысловая связь этих двух частей и общеисторическая значимость всего рассуждения с полной очевидностью вытекает из того, что в обеих частях упоминается Греция 16 и общины как исходные общественные организмы, в недрах которых складывались классы. Витфогель обо всем этом умалчивает, а затем обвиняет Энгельса в непоследовательности, поскольку в дальнейших разделах «Анти-Дюринга», Энгельс проводит мысль об экономических основах возникновения классов и о государстве как продукте классовых противоречий.

О трактовке Витфогелем понятия «класс» выше уже говорилось (подробнее см. в рецензии Ю. А. Левады). Используя то обстоятельство, что у Маркса нет детального анализа классового состава азиатского общества и, в частности, характеристики господствующего класса¹⁷ и намеренно подменяя понятие «господ-

¹⁵ Там же, стр. 168.

¹³ Здесь, как и в ряде других случаев, Витфогель применяет свой обычный прием: вкладывает в марксистские понятия антимарксистское содержание.

¹⁴ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, изд. 1948 г., стр. 168—169.

¹⁶ См., например, в первой части рассуждения: «...господин этот выступал, смотря по обстоятельствам, то как восточный деспот или сатрап, то как греческий родовой вождь, то как кельтский глава клана и т. д.» (там же).

¹⁷ Отсутствие у Маркса определения классовой принадлежности господствующих слоев азиатского общества, как кажется, не случайно. Маркс, по-видимому, не находил в современной ему литературе и источниках материала, достаточного для того, чтобы сделать какието выводы об экономической и социальной природе этих слоев см. Н. Б. Тер-Акопян, Развитие взглядов

ствующий класс» понятием «правящий класс», Витфогель обвиняет Маркса в умышленном замалчивании того факта, что в условиях азиатского деспотизма бюрократия является правящим классом (это он, де, мог вычитать у Дж. Ст. Милля), так как якобы признание этого факта и вообще детальная разработка концепции восточного деспотизма противоречит идее тотального управленческого и диктаторского государства (т. е. диктатуры пролетариата), выдвинутой Мар-ксом и Энгельсом ¹⁸. Далее Витфогель настойчиво подчеркивает высказывания Маркса и Энгельса о функциях азиатских государств в организации общественных работ по орошению земель. Все это направлено на то, чтобы приписать Марксу свою собственную концепцию возникновения агроуправленческого деспотизма (или вернее: подкрепить эту «идею» авторитетом Маркса).

В то же время Витфогель лишь мимоходом упоминает о самом существенном элементе Марксовой концепции азиатского способа производства — об азиатской общине. Указание на существование общины в «гидравлическом обществе», хотя и встречается у Витфогеля, но в основном в негативном плане: регулируемая земля не равнозначна земле общин (стр. 272), деревня не обладала подлинным самоуправлением, а лишь некоторыми его элементами (стр. 117) и т. д. Такое пренебрежение к общине не случайно.

Изучение азиатской общины для Маркса имело большое значение с разных точек зрения. Прежде всего на этом материале Маркс проследил историческое развитие форм собственности на землю как основное средство производства, установив, что первоначальной формой собственности была коллективная — общиная или племенная — собственность как результат естественного единства производителя и условий производства 19. Иными словами, Маркс прослеживает

К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину, НАА, 1965, № 3, стр. 79).

Следует заметить, что и сейчас вопрос о материальной основе власти придворной и местной знати и чиновничества в ранних государствах древнего Востока изучен недостаточно. Определение названных социальных групп как рабовладельческих без обстоятельного фактического обоснования этой классификации так же неубедительно, как и обоснование права на господство одним только фактом принадлежности к знати по происхождению.

¹⁸ Wittfogel, ук. соч., стр. 388. ¹⁹ См. К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., Политиздат, 1940, стр. 16—17; 22—23; 24—25.

возникновение понятия собственности из процесса производства, что для Витфогеля совершенно неприемлемо (см. выше об его трактовке собственности, а также в рецензии Ю.А.Левады, стр. 190) 20.

Далее, исходя из тех же отношений в процессе производства, Маркс указывает, что восточная деспотия представляет собой воплощение единства или высшее единство деревенских общин, составляющих данное общество, и лишь в силу этого она является верховным собственником земли 21 . Из этого следует, что не ирригационные или строительные работы, а сельская община является деспотизма ²². базой восточного опять-таки идет вразрез с концепцией Витфогеля. Но по свойственному ему эклектизму он готов признать правильность этого положения в отношении России, где признаки «гидравлического общества» ему удается найти лишь с большими натяжками.

Маркс видел в общине причину застойности азиатских обществ, так как в результате соединения ремесла и земледелия общины представляли собой замкнутые экономические организмы, способные существовать самостоятельно и содержащие в себе самих «все условия воспроизводства и расширенного производства» 23. «Простота производственного механизма этих самодовлеющих общин, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме, и, будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем, объясняет тайну неизменности азиатских обществ, находящейся в таком резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий. Структура основных

также стр. 18.

²⁰ Идея коллективной собственности также неприемлема для Витфогеля. Он утверждает, что крестьянам и ремесленникам свойственно природное побуждение к индивидуальному владению и собственности.

²¹ Маркс, Формы..., стр. 6. ²² Маркс, Формы..., стр. К. Маркс и Ф. Энгельс, Британское владычество в Индии, соч., т. ІХ, стр. 135; Письмо К. Маркса Ф. Энгельсу 14.VI.1853 (Соч., т. 28, стр. 229); Письмо Ф. Энгельса К. Каутскому 6.11.1884 (Соч., т. 36, стр. 97). В прим. 6 к XIV главе I т. «Капитала» (Соч., т. 23, стр. 523) Маркс говорит, что регулирование водоснабжения было «одной из материальных основ государственной власти над не связанными между собой мелкими производственными организмами Индии». Хочется подчеркнуть, что речь идет об одной из основ, а не о единственной или важнейшей основе, и что при этом характер государственной власти не определяется. ²³ Маркс, Формы..., стр. 7;

экономических элементов этого общества не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики», — писал Маркс в первом томе «Капитала» (Соч., т. 23, стр. 71). Позднее в письме к В. Засулич, анализируя судьбы сельской общины, Маркс отмечает свойственный этим общинам дуализм — общинное владение землей и парцеллярное хозяйство как источник частного присвоения продуктов труда. - который в зависимости от исторических условий или обеспечивает устойчивость общины, или приводит к ее разложению. «Не говоря уже о всяких разрушительных влияниях, привходящих извне, община носит в своих собственных недрах подтачивающие ее элементы. Частная поземельная собственность уже вторглась в нее в виде дома с его сельским двором, который может превратиться в крепость, откуда подготовляется наступление на общую землю. Это случалось. Но самое существенное — это парцеллярный труд как источник частного присвоения. Он дает почву для сосредоточения движимого имущества, например, скота, денег, а иногда даже рабов или крепостных. Это движимое имущество, не поддающееся контролю общины, объект индивидуальных обменов, в которых хитрость и случай играют такую большую роль, будет все сильнее и сильнее давить на всю сельскую экономику. Вот момент, разлагающий первобытное экономическое и социальное равенство» 24. Одной из важнейших внешних причин, способствовавших разлодревних общин, является, по мнению Маркса, обмен между общинами (Капитал, т. I, Соч., т. 23, стр. 364). Таким образом, прослеживая причины разложения общины, Маркс тем самым выявляет внутренние стимулы развития обществ, основанных на общинном землевладении. А это означает, что Маркс понимал застойность азиатских обществ не как имманентно свойственное им состояние, а только лишь как чисто историческое явление, обусловленное определенными обстоятельствами. Маркс никогда не отрицал, да и не мог отрицать способности азитских народов к с а м о с т о я т е л ьному развитию, так как это противоречит самому духу Марксовой теории исторического процесса. Витфогель переносит понятие самовоспроизводства с общины на восточную деспотию и на основании этого утверждает вечность этой формы государственного устройства, а отсюда следует полное отрицание им способности азиатских народов к самосоциально-экономическостоятельному му и политическому развитию. Усердно подбирая высказывания Мар-

Усердно подбирая высказывания Маркса о специфике исторического развития народов Азии, Витфогель пытается до-

казать, что Маркс (в отличие от Энгельса) не был стеронником концепции однолинейного развития, всегда придавал большое значение западному миру, а в отношении Востока следовал Р. Джонсу и Дж. Ст. Миллю.

Однако Маркс не считал азиатскую обспецифически азиатской формой, он видел в ней лишь одну из наиболее ранних форм общины, исторически засвидетельствованную в Азии, характеризующуюся соединением ремесла и земледелия и потому наиболее устойчивую ²⁵. Но как и всякий другой социальный организм, и эта форма общины при определенных исторических условиях способна эволюционировать. Рассматривая общинное устройство как первичную формацию, Маркс утверждает, что в результате разложения общины (т. е. развития внутри нее имущественного неравенства) общество эволюционирует во вторичную формацию, т. е. в общество, основанное на рабстве или крепостничестве ²⁶. Таким образом, Маркс допускал образование на Востоке тех же форм социального устройства, что и на Западе, иными словами, он не проводил непроходимой грани между историей народов Востока и Запада или, говоря языком Витфогеля, признавал однолинейность развития.

Ставя себе в заслугу разработку теории «сердцевинных», «промежуточных» и «окраинных гидравлических обществ», Витфогель опять-таки пытается подкрепить ее ссылкой на Маркса и Энгельса, которые, уверяет он, хоть и не смог-

²⁴ Письмо к В. Засулич, 3-й черновик, пункт 3 (Соч., 1-еизд., т. XXVII, стр. 695).

²⁵ См. Капитал, т. I, гл. XI, прим. 24, Соч., т. 23, стр. 346; письмо К. Маркса Ф. Энгельсу от 14. ПП. 1868 (Соч., т. 32, стр. 36) и письмо Кугельману 17. П. 1870 (там же, стр. 541). См. также замечание Маркса об общинной собственности: «В последнее время распространился смехотворный предрассудок, будто форма первобытной общинной собственности есть специфически славянская или даже исключительно русская форма. Она — первобытная форма, которую мы можем проследить у римлян, германцев, кельтов; целый ряд ее разнообразных образцов, хотя отчасти уже в разрушенном виде, до сих пор еще встречается у индийцев. Более тщательное изучение азиатских, особенно индийских, форм общинной собственности показало бы, как из различных форм первобытной общинной собственности вытекают различные формы ее разложения. Так, например, различные оригинальные типы римской и германской частной собственности могут быть выведены из различных форм индийской общинной собственности» (К критике политической экономии, Соч., т. ХІІІ, стр. 20, прим.).

²³ Письмо Маркса В. Засулич, 3-й черновик, пункт 3 (Соч., 1-е изд., т. XXVII, стр. 695).

ли определить понятие «окраинных» обществ, но относили Россию к полуазиатским обществам. Он выискивает в трудах Маркса, Энгельса и Ленина все случаи применения к реакционным или пережиточным порядкам в царской России эпитета «азиатский» или «полуазиатский» и оставляет в стороне их анализ экономических отношений того времени, лишь бы доказать принадлежность России к «гидравлическим обществам».

Вообще методы использования Витфогелем трудов классиков марксизма отличаются недобросовестностью. жем некоторые примеры. Приведя на стр. 328 слова Маркса «всякая классовая борьба есть борьба политическая», Витфогель перевертывает это положение и использует его в качестве «подтверждения» своего антимарксистского положения об отсутствии классовой борьбы в азиатском обществе (так как там не удается обнаружить политической борьбы современном буржуазном смысле слова, следовательно, по мнению Витфогеля. там не было и классовой борьбы).

беззастенчиво он обращается с текстами В. И. Ленина. Выхватив кусок фразы Ленина и присоединив к нему собственные слова, Витфогель, например, приписывает Ленину такое утверждение: «диктатура пролетариата "это власть, не связанная никакими законами"» (стр. 141). В действительности же в цитированном Витфогелем месте Ленин разъясняет содержание понятия «диктатура» вообще, а затем, переходя к понятию «диктатура пролетариата», главное логическое ударение Ленин делает на первой части определения: «власть, завоеванная и поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией»27. Эту основную мысль Ленина Витфогель намеренно опускает, тем самым искажая все определение.

При изложении итогов дискуссии 20—30-х гг. Витфогель применяет те же методы, что и при использовании работ классиков марксизма. Так, один из выводов Ленинградской конференции онформулирует следующим образом: критики азиатской концепции отбросили как немарксистскую идею, что функционирующая бюрократия может быть правящим классом (стр. 402). Здесь Витфогель опять подменяет понятие «господст-

вующий класс» понятием «правящий класс» и, лишая это понятие социальноэкономического содержания (т. е. понимания господствующего класса класса, владеющего в той или иной форме средствами производства и эксплуатирующего определенным образом класс производителей материальных благ), превращает искаженный им самим вывод в абсурдный. Весьма показательно и его оценка первого положения итогов дискуссии. Он утверждает, что теория азиатского общества (а не азиатского способа произподрывала «коммунистическое водства) влияние в Азии», так как она изображала капиталистический Запад способным не только к подавлению, но и к конструктивным действиям. И здесь передержка: вместо концепции азиатского способа производства, более или менее правильно толкуемой участниками дискуссии, но отнюдь не направленной на оправдание колониализма, Витфогель подсовывает свою концепцию «гидравлического общества», протаскивающую идеологию современного американского империализма, кое-как прикрытую марксистской фразеологией.

Для чего нужно было Витфогелю вновь выносить на свет свою старую теорию «гидравлического общества», рядить ее в обрывки марксистской концепции азиатского способа производства и поливать грязью и создателей этой концепции, и марксистов, не использующих это понятие?

О своих целях Витфогель с полной откровенностью говорит в последнем параграфе своей книги, носящем достаточно выразительное название «Азия, ты куда?». С крушением колониализма на Востоке рухнуло и влияние буржуазных концепций исторического процесса. Освобождающиеся и освободившиеся народы Азии, Африки и Америки тянутся к марксизму, дающему светлую перспективу их исторического развития 28. Опорочить подлинную марксистскую концепцию истории человеческого общества и подсунуть свою «более совершенную» концепцию «многолинейного», т. е. увековечивающего империалистические порядки исторического процесса, - такова цель Витфогеля.

А. И. Павловская

²⁷ См. В. И. Ленин, Собр. соч., 4-е изд., т. 28, стр. 216.

²⁸ См. Э. Ф. Баталов, Основные направления развития философской мысли в странах Азии и Африки, «Вопросы философии», 1964, № 12, стр. 14—24.

РАСКОПКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ГРЕЦИИ В 1964 ГОДУ¹

$Ammu\kappa a$

В Элевсине 2 под руководством И. Травлоса велись раскопки на территории к западу от Больших Пропилей, которая была занята административными зда-ниями и домами жредов. Продолжалось вскрытие построек римского времени. Установлено, что этот комплекс состоит из двух отдельных зданий ³. Каждый дом имеет большой двор, вокруг которого Обнаружены расположены комнаты. фрагменты керамики и монеты III в. н. э., определяющие время разрушения этих построек.

Фессалия

В Фивах Фтиотийских (Неа Анхилаос) 4 П. Лазаридис продолжал раскопки общественного здания у подножья акрополя Пирасос 5.

Выявлены четыре строительных периода: два нижних напластования содержат остатки стен эллинистического времени; к четвертому строительному горизонту относится атрий с колоннадой.

Среди находок следует упомянуть о маленькой стеклянной головке мужчины восточного антропологического типа, может быть, негра ⁶.

Македония

В местности Балтането, около г. Наусы 7, продолжались раскопки (руководитель Ф. Печас) виллы с мозаичными полами II в. до н. э. в. Из находок отметим мраморную капитель и шесть баз от колонн перистила.

В Амфиполе 9 Д. Лазаридис продолжил раскопки на разных участках города, на холме № 133 и на территории некрополя. В результате двадцати разведочных шурфовок на территории города обнаружены стены построек римского времени, водопровод из глиняных труб, мраморные колонны, рельефы и статуи (в том числе фрагмент статуэтки Афродиты).

К западу от совр. Амфинолиса, вблизи

городской стены, открыта крупная постройка IV в. до н. э. В местности Безестени раскопана раннехристианская базилика 10, четвертая по счету в этом районе. В 3 км к северу от Амфинолиса, неподалеку от реки Стримон, на огромном холме № 133 ¹¹, где раньше были зафиксированы находки керамики позднего неолита и ранней бронзы, эпохи геометрического стиля, архаического и классического времени, на западной стороне холма были заложены двенадцать разведочных турфов.

Следует отметить, что методика работ Д. Лазаридиса — путем траншей в разных частях памятников, особенно на холме № 133 — представляется неправильной. Так, находки каменного топора, керамических прясел, грузил и керамики, сходной с керамикой Дикили-Таш (Восточная Македония) 12, оказались лишенными точной стратиграфии, а остатки домов не были обнаружены, хотя характер находок позволяет предполагать их существование. На основании многочисленной керамики (в основном фасосского производства второй половины VII-VI вв. до н. э.) Лазаридис высказывает предположение, что на месте этого неолипоселения позднее возник й город Έννέα όδοί — «Детического фракийский город вять путей», о котором упоминают Геродот и Фукидид ¹³.

В Амфиполисе во время рытья котлована для фундамента строящегося дома обнаружен дромос с высеченной в скале лестницей, ведущей в подземную сводчатую камеру. Установлено, что это катакомбная гробница так называемого македонского типа. В ней были найдены светильники ¹⁴ эллинистического времени, четыре головки глиняных статуэток, три медные монеты и фрагмент мраморной трапезы 15.

На некрополе Амфиполя 16 открыта еще одна «македонская» катакомбная гробница, высеченная в скале. Пока обследован только дромос с лестницей из шести ступеней.

¹ Α. Κ. 'Ορλάνδος, Τὸ "Εργον τῆς 'Αρχαιολογικής Έταιρείας κατά το 1964, Αθήναι, 1965.
2 Τὸ "Εργον 1964, стр. 5—8.

⁷⁵ То "Ерүоч 1964, рис. 4.

4 То "Ерүоч 1964, стр. 8—14.

5 То "Ерүоч 1964, рис. 5.

⁶ То "Ерүсь 1964, рис. 9.

⁷ Τὸ "Εργον 1964, стр. 14—18.

⁸ К. Качурис, Раскопки Археологического общества Греции в 1962— 1963 гг., ВДИ, 1965, № 1, стр. 192. ⁹ То "Ерүоν 1964, стр. 19—30.

¹⁰ Τὸ "Εργον 1961. Αθ ήναι. 1962,

стр. 72. 11 То "Ерүоч 1964, стр. 26—27, рис. 25,

¹² Tò "Ерүоч 1961, стр. 90, рис. 87,

<sup>88.

13</sup> Herod., VII, 114; Thuc., I,

^{100, 3;} IV, 102, 3.

14 Τὸ 'Έργον 1964, puc. 27.

¹⁵ Τὸ "Εργον 1964, рис. 28. ¹⁶ Τὸ "Εργον 1964, стр. 30.

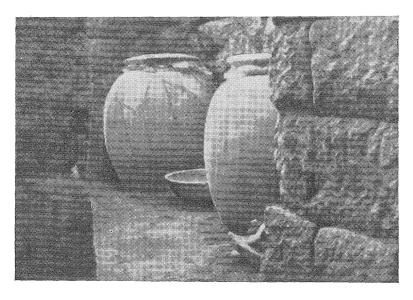

Рис. 1.

Вблизи античного Амфиполя 17 Е. Стикас завершил раскопки раннехристианской базилки Γ с мозаичными полами и мраморными колоннами ионейского ордера. Мозаика этой базилики прекрасной сохранности и представляет интерес с точки зрения развития мозаичного искусства в раннехристианское время.

В Филиппах 18 С. Пелеканидис развернул широкие раскопки восьмигранной базилики и примыкающих к ней помещений раннехристианского времени.

∂nup

Интересный материал дали в 1964 г. раскопки оракула мертвых 19 второй половины III в. до н. э., расположенного Месопотамон, вблизи около деревни реки Ахерон.

Руководитель работ С. Дакарис обслеповал в основном центральный комплекс помещений и большой квадратный (10 🗙 × 10 м) подземный зал (пол его на 2 м ниже уровня пола коридора) ²⁰. Среди находок — грузила (одно с изображением богини Афины со щитом и копьем), глиняные гипостаты (подпоры), фрагменты сосудов. Разнообразные находки были сделаны при раскопках помещений центрального комплекса. В одном из них (помещение M) восстановлены на месте

чурис, ук. соч., стр. 192. ²⁰ То "Ерүоч 1964, рис. 1964, рис. 55 — план некромантия.

два крупных пифоса (высотой 160 см) 21 хранения приносимых плодов (рис. 1). Расчистка другого помещения (M_1) , раскопанного в основном в 1960 г.²², дала обуглившиеся зерна пшеницы, кусок серы, четыре терракотовые головки Персефоны 23 V и IV вв. до н. э. и бронзовую головку быка 24 . В помещении Kобнаружены 13 пифосов с обуглившейся пшеницей, бобами и викой и более 60 сосудов (амфоры, гидрии и др.). Среди них — большой сферический с тремя рельефными прилепленными бюстами Диониса-Аида 25. В этом же помещении открыты многочисленные железные инструменты и другие предметы (ключи, замки). Среди них — 22 железных бруска размером $7.5 \times 10 \times 16$ см и более, весом в 6-10.5 кг. Предполагают, что они служили сырьем для изготовления монет.

Повсюду видны следы пожара, в результате которого в 169 г. до н. э. оракул погиб. Особенно пострадало помещение, в котором, по-видимому, хранилась сера. Как и в помещении К, здесь также найдены железные орудия и инструменты и много глиняных крышек амфор с клеймами $\Sigma\Omega\Sigma$ или $M\Omega M$ в виде крестика.

Исключительно интересные таты дало вскрытие центрального зала

¹⁷ То "Ерүоч 1964, стр. 30—35; план базилики — рис. 30, мозаики — рис. 33, 39 - 44.

¹⁸ То "Ерүсч 1964, стр. 45-51.

¹⁹ То "Ерүоч 1964, стр. 51—64; К а-

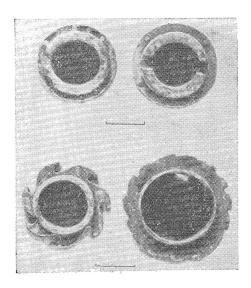
 $^{^{21}}$ Tò ''Ерүо
ν 1964, рис. 56. 22 Tò ''Ерүо
ν 1960, ''Аθ $\tilde{\eta}$ 'Αθῆναι, 1961,

crp. 108, puc. 123.

23 Τὸ "Εργον 1964, puc. 54.

24 Τὸ "Εργον 1964, puc. 58.

25 Τὸ "Εργον 1964, puc. 60, 61.

Pис. 2

оракула, пол которого был покрыт каменными глыбами (толщиной в 35 см), опирающимися на 15 арок подземного помещения. На полу найдены жернова прямоугольного типа, четыре донца свинцовых сосудов ²⁶, ручки сосудов с клеймами (розетка и надпись ДАМОКРАТНУ) и бронзовое кольцо с именем ЛҮКΩТА 27. В северо-западном углу этого центрального зала обнаружена каменная лестница с тремя ступеньками, вероятно, ведшая на второй этаж. Перед лестницей лежала куча железных пластинок больших колес со спицами. остатки собраны также маленькие кружки — бронзовые колеса ²⁸ диаметром от 10 до 21 см. На них начертаны точками буквы Е или М или Л, обозначающие место колеса в механизме. Колеса двух типов: более крупные, составляющие часть рабочего цилиндра, и зубчатые — тормоза вращения (рис. 2). Такие же колесики были найдены при предыдущих раскопках. Все они являлись деталями большого механизма, вероятно, для подъема тяжестей. Находки этих деталей в центральном зале, где показывали идолов умерших, позволяют предположить, что здесь стоял специальный механизм для спуска и поднятия их, сходный с машинами, которые греки использовали в театрах.

Таким образом, процессия лиц, вопрошающих оракул, пройдя многочисленные мрачные комнаты и коридоры, оказы-

Ионийские острова

На о-ве Корфу (античная Керкира) 29 Г. Донтас произвел небольшие раскопки бань, построенных в начале І в. до н. э. на месте разрушенных пожаром домов. Согласно керамическому материалу и монетам Юстина II и Софии, бани просуществовали до конца VI в. Из находок отметим три надписи на свинцовых пластинках 30 позднеархаического времени (рис. 3). Это долговые документы, дающие интересный материал для изучения хозяйственной жизни того времени. Были найдены также пять терракотовых статуэток Афродиты эллинистического времени и ручка амфоры с клеймом — Неraclida 31.

Пелопоннес

В Микенах Г. Милонас продолжал раскопки в двух секторах. В местечке Горчулия (в 2 км к северо-востоку от акрополя) раскопаны четыре фолосообразные гробиицы 32 III Г позднеэлладского периода со скелетами и погребальным инвентарем (терракотовые женские ста-

туэтки, бусы, бронзовое зеркало). Работы на северо-западной ст холма акрополя показали, что это место было заселено уже в среднеэлладское время; в III Г позднеэлладский период вся эта территория была густо застроена домами поселения. В центре обнаружена выложенная камнями площадь, от которой начинались улицы, частично со ступеньками. Раскопана одна из этих улиц ³³.

Завершено раскрытие здания M, на протяжении 28 м 34 раскопан коридор, выложенный камнями. На полу этого коридора найдена керамика III Γ позднеэлладского периода, два куска слоновой кости и многочисленные женские глиняные статуэтки ³⁵. Отметим также крайне

²⁶ Τὸ "Εργον 1964, puc. 64.

²⁷ Tò "Ерүсч 1964, рис. 65.

²⁸ Tò "Εργον 1964, puc. 67.

валась наконец в центральном зале, где во мраке, среди испарений и голубого огня горящей серы, перед греками появлялись с помощью механизма идолы. Впечатление от этого зрелища было тем более сильным, что сами вопрошающие находились в состоянии сильного нервного возбуждения, чему немало способствовала специально даваемая пища, например бобы с большим содержанием латирина, который вызывает чувство страха, судороги и онемение ног.

²⁹ Τὸ "Εργον 1964, стр. 64—67.

³⁰ Tò 'Έργον 1964, рис. 70, 71, 72.

³¹ Τὸ 'Έργον 1964, puc. 76.

³² Tò 'Έργον 1964, cτp. 68-77.

³³ Τὸ "Εργον 1964, рис. 78.

 ³⁴ Τὸ "Εργον 1964, рис. 79.
 35 Τὸ "Εργον 1964, рис. 81.

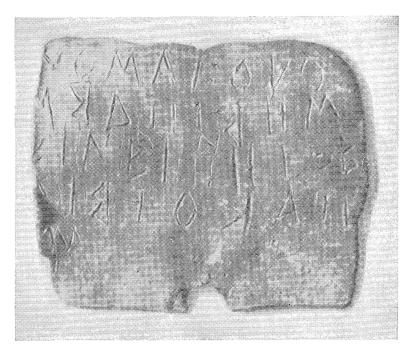

Рис. 3

редкую для Микен находку фрагмента (550 - 525)архаической надписи до н. э.) ³⁶.

К юго-востоку от Львиных ворот была обследована площадь траншей Шлимана и водохранилище III в. до н. э. К северовостоку от водохранилища открыто небольшое подвальное помещение с пифосами и другими сосудами, а к северу от водохранилища целиком раскрыта маленькая постройка III B — III I' позднеэлладского периода 37 . Из] сделанных в ней находок представляет интерес обломок пластинки из слоновой кости с изображением восьми щитов 38.

Мессения

В Пилосе под руководством С. Маринатоса в 1964 г. велись работы на трех участках — Волимидия, Влахопулон и Перистерия 39. На общирном некрополе Волимидии открыты три фолосообразные гробницы с керамикой и терракотами позднеэлладского времени и одна гробница среднеэлладского периода (№ 1) 40. Она была, по-видимому, покрыта бревнами, на которые клались каменные плиты (наподобие так называемых шахтовых

могил Микен). Вокруг скорченного скелета лежали 24 сосуда оригинальной формы, четыре ножа, точило и 42 каменные стрелы.

Гробница № 1 является уникальным памятником среднеэлладского периопа. Среди более чем пятисот среднеэлладских погребальных сооружений Пелопоннеса ⁴¹ разных типов, обнаруженных во многих поселениях этого периода, гробница № 1 выделяется своей монументальностью (350 \times 250 м) и богатством и, вероятно, принадлежит вождю племени. Кроме того, по своей конструкции она представляет связывающее звено с «шахтовыми» гробницами ладского периода.

У деревни Влахопулон открыта фолосообразная гробница (диаметр 4 м) с керамикой III А позднеэлладского периода_(рис. 4) ⁴².

В Перистерии начаты работы по систематическому обследованию холма укреиленного акрополя. На южной стороне холма раскрыто 30 м оборонительной стены толщиной в 2,8 м с воротами на западной стороне. С внутренней стороны к стене примыкают постройки. От ворот идет улица к центральной площади ак-

³⁶ Tò "Ерүоч 1964, рис. 82.

³⁷ Tò 'Έργον 1964, рис. 86. 38 Τὸ "Εργον 1964, puc. 89.

³⁹ Tò 'Έργον 1964, cτp. 77—90. ⁴⁰ Tò 'Έργον 1964, pπc. 102.

⁴¹ Κ. Συριόπουλος, 'Η προιστορία τῆς Πελοποννήσου, 'Αθῆναι, 1964, стр. 330— 353.

⁴² Τὸ "Εργον 1964, рис. 105.

Рис. 4

рополя, выложенная камнями. Продолжалось также обследование фолоса № 2, где ранее были обнаружены керамика так называемого дворцового стиля и сотни золотых листков.

Продолжая раскопки агоры Мессены ⁴³, А. Орландос вскрыл еще одно помещение (15 × 5,8 м) в западном ее секторе. Найдены фрагменты надписи и статуй.

Лакония

На акрополе древней Спарты 44 работы X. Христу и Е. Димитракопулу были направлены на изучение так называемого «круглого здания», частично раскрытого еще в конце XIX в. американскими архео-

логами 45. Новые раскопки показали, что это не здание, а полукруглая подпорная стена с террасой. На ней обнаружена эсхара V в. до н. э. с ямой для жертв. Эсхару можно связать с хтоническим культом — согласно Павсанию (III, 12, 8), у лакедемонян было «святилище Геи — Земли, которое они называют Гасептом». К северу от полукруглой стены начато раскрытие крупной постройки (длиной до 21 м) конца IV в. до н. э. В ней найдена женская бронзовая статуя ⁴⁶ в натуральную величину со следами ударов молотка на лице (рис. 5). Несмотря на эти повреждения. ясно, что это статуя Мамен — матери и соправительницы Александра Севера, убитой вместе с ним в 235 г.

⁴³ Τὸ 'Έργον 1964, стр. 90—101; К ач у р и с, ук. соч., стр. 194. ⁴⁴ Τὸ "Έργον 1946, стр. 102—112.

⁴⁵ AJA, VIII (1893), cτp. 422. ⁴⁶ Tò 'Έργον 1964, puc. 133.

Рис. 5

В Мани, у мыса Тигани, раскопана раннехристианская базилика ⁴⁷.

В Элиде 48 продолжалось раскрытие рядов для зрителей и орхестры театра эллинистическо-римского времени ⁴⁹. Раскопана небольшая часть южной стои, территория которой после ее гибели была занята некрополем: обнаружено восемь могил позднеримского времени. Кроме того, в эпоху раннего христианства здесь была построена базилика. В 1964 г. целиком открыт мозаичный пол этой базилики $(22^{\bar{}} \times 8 \text{ м}).$

Парос, Крит

На Паросе 50 А. Орландос вел раскопки раннехристианской базилики.

На Крите вблизи Гераклиона, в местечке Качабас, С. Алексиу завершил обследование богатой фолосной гробницы XV в. до н. э.⁵¹. Около поселения Агиос Иоаннис открыта другая фолосная гробница с дромосом. Умерший был похоронен в каменном ящике с крышкой пирамидальной формы ⁵². Около него обнаружены еще два скелета— один скорченный, второй вытянутый. Единственная находка в этой гробнице - кубок III В позднеминойского периода.

Неподалеку от г. Сития, в местности Като-Закрон, Н. Платон продолжал раскопки минойского дворца 53. В 1964 г. было завершено вскрытие западного сектора дворца, раскрыта большая часть центрального двора, раскапывались помещения в северном, восточном и южном секторах дворца. В результате этих работ (общая площадь раскопа 3600 кв. м) частично выявлена планировка дворца ⁵⁴, сходная с планами минойских дворцов Кноса, Феста и Малии.

На территории дворца и поселения Като-Закрон обнаружены многочисленные куски вулканической породы, смешанной с серой. Находки эти связывают с извержением вулкана на о. Фера (Санторин), якобы в результате которого около 1450 г. до н. э. погиб дворец в Като-Закрон и вообще приморские города Крита ⁵⁵, хотя о. Фера находится не менее чем в 120 км к северу от Крита.

Под полами западного двора и помещений XI, XVII, XXXII обнаружены остатки более древних построек I A, II и III среднеминойского и III раннеминойского периодов. Целиком раскрыто помещение XXVIII — так называемый царский мегарон (12 imes 10,50 м) 56 с колоннадой и оригинально устроенным полом. Пол был разделен на квадраты; материал, заполнявший эти квадраты, не сохранился, прослеживают только остатки свинца, вероятно, скреплявшего кусочки дерева дорогих пород. Найдено большое количество столярных инструментов из бронзы, в основном пилки (около десяти штук). Одна из них, самая большая из всех известных минойских пил, — длиной 1,76 м. Не исключена возможность, что дворец погиб именно в то время, когда его ремонтировали. Проход с тремя дверьми соединял мегарон с залом для пиров (так называемым залом симпозиев), судя по найденным здесь десяти амфорам и восьми ойнохоям. На полу этого зала обнаружены фрагменты прекрасной росписи (вдоль стены на

⁴⁷ Τὸ "Εργον 1964, стр. 112—116. ⁴⁸ Τὸ "Εργον 1964, стр. 116—126.

⁴⁹ Κачурис, ук. соч., стр. 192. ⁵⁰ Τὸ "Εργον 1964, стр. 126—131; Качурис, ук. соч., стр. 192, рис. 152.

⁵¹ Τὸ "Εργον 1964, ctp. 130—131;

Качурис, ук. соч., стр. 197.
⁵² Τὸ "Εργον 1964, рис. 159.
⁵³ Τὸ "Εργον 1964, стр. 134—146; Ка-

ч у р и с, ук. соч., стр. 196 сл.

⁵⁴ Τὸ 'Έργον 1964, стр. 146, табл. А.

⁵⁵ Σ. Μαρινᾶτος, Κρήτη καὶ Μυκηναϊκή Έλλάς, 'Αθηναι 1959, стр. 38.

⁵⁶ Τὸ "Εργον 1964, рис. 161.

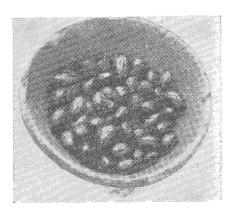

Рис. 6

протяжении 26 м), упавшей со стены (видны следы ее прикрепления в виде выемок в стене).

Открытие обширного двора (12 × 30 м) с эсхарой намного уточнило планировку дворца. Большое помещение XXXII определяется как кухня — тут обнаружены очаг с котлом іп situ, приступка вдоль стены для посуды и многочисленные кости животных.

Примыкающее к восточной части двора обширное помещение XXXVII с тремя входами, возможно, было тронным залом. Расчистка пола этого зала только началась, но уже ясно, что он состоял из квадратов, обрамленных рамками из штукатурки, как в двух царских залах западного сектора дворца. К залу XXXVII примыкает коридор, ведущий к главному двору. К юго-западу от этого коридора

обнаружен своеобразный комплекс, состоящий из колодца ⁵⁷ и лестницы из восьми каменных ступеней. Колодец действует и в настоящее время. В последние дни существования дворца колодец использовали как хранилище многочисленных конических мисок с пищей. Одна из этих мисок наполнена прекрасно сохранившимися маслинами ⁵⁸ (рис. 6).

Начаты раскопки в помещении к югу от большого дворца. Вдоль стен одного из них найдены пифосообразные сосуды и бронзовый треножный котел с двумя горизонтальными ручками ⁵⁹. В одном из коридоров открыты фрагменты стенной росписи (большие розетки в четыре цвета), упавшие с верхнего этажа дворца. Все эти находки относятся к последнему периоду жизни дворца, т. е. ко вре-

мени около 1450 г. до н. э.

На территории Эпано — Закрон, в местечке Куку Кефали, Я. и Э. Сакеллараки раскопали сельский дом минойского периода, построенный на трех искусственных террасах. На нижней террасе открыто большое подвальное помещение (8 × 4 м) с винодельней; обнаружены давильня и глиняные сосуды для переработки винограда. Найдены также многочисленные фрагменты стенной росписи, значительные куски которой сохранились іп situ. На второй террасе частично раскрыты пять маленьких помещений. Во дворце в этом сезоне начаты реставрационные работы.

K Kauypuc

⁵⁷ Τὸ "Εργον 1964, рис. 165.

⁵⁸ Tò "Εργεν 1964, puc. 166. ⁵⁹ Tò "Εργεν 1964, puc. 167.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РИМСКИХ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Марксистско-ленинская наука о вози развитии человеческого никновении общества оказывает все большее влияние на развитие исторической науки буржуазных стран. Можно согласиться с Ш. Пареном, который несколько лет назад говорил, что «в западных странах можно установить определенный поворот исслепователей в области истории древности и социальной истории, что в большей или меньшей степени обусловлено в значительной части влиянием марксизма» ¹. В этом отношении особого внимания заслуживает итальянская историография.

В 1955 г. вышла книга историкакоммуниста Э. Серени «Сельские общины в древней Италии», в которой автор дает марксистское освещение вопроса об истории и эволюции сельской общины древнего Рима ². Он исследует положение сельских общин Лигурии до римского завоевания и показывает, что с установлением римского господства над лигурийскими племенами здесь были разрушены прежние формы землевладения. Часть территории этих общин была превращена в ager publicus populi Romani. Работа Э. Серени важна для изучения территориальной общины не только Ли-

гурии, но и всей Италии. Вопрос о переходе от родовой к территориальной общине с ее частной собственностью Э. Серени рассматривает и в другой книге: «История аграрного пейзажа Италии» ³. Он говорит о ликвидации пережитков первобытно-общинного строя и переходе от прежней примитивной аграрной системы к плантационному хозяйству. «Римское завоевание ликвидирует среди покоренных народов остатки родовой конституции и общинной экономики», — пишет автор (стр. В этой же работе дана общая характеристика возникновения и развития плантационного хозяйства древней Италии, которое, с точки зрения автора, под влиянием римских завоеваний возникает очень рано. По мнению автора, уже после Самнитских войн и в течение Пунических войн плантационное хозяйство получает растущее значение (стр. 32).

За последние десятилетия итальянские

историки посвятили ряд исследований проблеме ager publicus.

Так, Кассандро в работе «История общественной земли» ⁴ исследует вопрос о состоянии ager publicus в конце Республики и в начале Империи. Он показывает, что к этому времени фонд общественных земель резко сократился; изменился и ager publicus. Входившие в него земли теряли общественный характер и мало-помалу становились достоянием частных лиц. Однако значение ager publicus далеко не было утрачено. Автор и для этого времени обнаруживает пережитки общинных отношений и называет несколько категорий общественных земель.

Одну из категорий ager publicus coставляли земли, ассигнованные колонистам, которые либо сами обрабатывали предоставленные им участки, либо сдавали их в аренду. Частью наделы эти, очевидно, были отчуждаемы, и колонисты могли располагать ими по своему усмотрению, но были и такие земли, отчуждение которых или сдача в аренду длительный запрещались срок (стр. 17-18). К другой категории относились общественные пастбища и леса (pascua et silva), которыми владели италийские городские общины (там же). Такие земли находились в постоянном владении муниципиев, но принадлежали государству и были неотчуждаемы (стр. 14). К третьей категории автор неотчуждаемы относит пастбища и леса, предоставленные во владение целым группам землевладельцев, жившим по соседству с этиземлями и пользовавшимся ими сообща, по принципу неразделимости (in communi, pro indiviso) (там же). Это была самая многочисленная категория владельцев, очевидно, италийские кpeстьяне, жившие деревнями (vicus), названия которых упомиваются в надписях I в. до н. э., селения объединялись в округа (pagus) (стр. 48). Значительная часть земли этих селений и округов находилась в совместном пользовании крестьян. К их нахотным землям, находившимся в индивидуальном владении, примыкали общественные пастбища, которые обозначались как compascua publica (стр. 19). Такая форма землепользования явно напоминает о пережитках и остатках территориальной общины, сохранившихся в Риме вплоть до конца Республики.

А. Бурдезе в своей книге ⁵ прослежи-

Parain. Das Problem der ¹ Ch. tatsächlichen Verbreitung der technischen Fortschritte in der römischen Landwirtshaft. Vortrag geh am 12. Okt. 1958 auf der I. wissenchaftlichen Konferenz der Section Alte Geschichte der Deutsch. Hist. Ges. im Altenburg bei Lepzig, «Zeitschrift f. Geschichtswiss.», VIII (1960), H. 2. ² E. Sereni, Communitirurali nell'

Italia antica, Roma, 1955.

³ E. Sereni, Storia del paesagio agrario Italiano, Bari, 1961.

⁴ G. I. Cassandro, Storia terre commune e degli usi civici nell Italia meridionale, Bari, 1943.

⁵ A. Burdese, Studi sull'ager publicus, Torino, 1952.

вает эволюцию ager publicus от ранней Республики до эпохи Принципата. Основные изменения в характере ager publicus сводились к тому, что с течением времени роль общинного начала постепенно утрачивалась. Ager publicus все более становился достоянием частных владельцев, к которым переходил либо в результате длительного пользования оккупированной землей, либо вследствие продажи и дарения римским государством. ходившиеся в общем пользовании отдельные участки ager publicus нередко передавались в исключительное пользование частным лицам (стр. 114) или ветеранам, которые могли также передавать их мелким субарендаторам (стр. 107) или даже продавать.

Главную причину этих изменений автор усматривает (на наш взгляд, безосновав особенностях аграрного заобщинного и конодательства. Упадок развитие частного землевладения он связывает с усилением роли государства. «Раньше, в эпоху более древнюю, пишет он, - гражданские общины сохраняли в пределах Рима характер независимых общин» (стр. 114). Это относится и к городским общинам, и к выселяемым колониям. Их земля была собственностью государства, но находилась в более свободном и самостоятельном владении коллективов. В дальнейшем над гражданской общиной все более возвышается власть государства. В результате с течением времени муниципии и колонии принимают однообразный вид простых административных округов. Автор подчеркивает также, что «по римским законам (например, по закону 111 г. до н. э.) за частными лицами признавалось прямое право на ager publicus, которое покоилось на уважении принадлежности прав непосредственно частным лицам» (там же).

Рассматривая разные формы эксплуатации ager publicus, Бурдезе отмечает, что каждая из категорий общественной земли имела свою юридическую природу: ager occupatorius — земля, захваченная у побежденных врагов и переданиая под опеку римских граждан (стр. 13), ager censorius — государственная земля, сдаваемая через цензоров в арендное польвование (стр. 42), ager quaestorius — seмля, условно проданная через квесторов частным лицам, но юридически принадлежавшая государству (там же), ager compascuus — пастбищная земля общественного значения, находившаяся в пользовании колоний, общин или отдельных лиц (стр. 36), ager scriptorius пастбищная земля, сдававшаяся для налога на условии уплаты, собиравшего публиканами (там же). Однако характеристика названных форм ager pûblicus, данная автором, оказывается односторонней. Возникновение ager quaestorius и ager censorius автор объясняет

финансовыми трудностями государства (стр. 13). При выяснении характера патрицианского землевладения Бурдезе интересует прежде всего юридическая сторона дела о законности владения захваченной общественной землей, об юридических и политических преимуществах патрициев перед плебеями и о правовой защите этой земли, находящейся под опекой частных лиц государством (стр. 13—26). В вопрос о классовой сущности законодательства автор не вдается.

Значительное внимание вопросу о характере и особенностях общественной собственности на землю в эпоху Поздней Республики и Ранней Империи уделяет Спраго ⁶. Автор называет четыре категории общественной собственности на землю: 1) собственность римского народа; 2) земля, принадлежавшая лично императору, 3) собственность государства (la proprietà delle res publicae), к которой относятся муниципии и колонии Италии; 4) собственность храмов.

С точки зрения автора, первая категория земельной собственности создавалась в ходе завоевания и подразделяется на три группы. К первой относится земля, завоеванная у соседних племен; ко второй — земля, завоеванная в более отдаленных областях. Эта земля облагалась налогом, который гарантировал законность владения; к третьей группе автор относит земли, которые, по его мнению, занявшие их не могли заселить. Поэтому государство прибегало к системе аренды и продажи таких земель с назначением налога с их владельцев за пользование землей (стр. 60).

Таким образом, в ходе завоеваний фонд общественных земель возрастал. Однако вряд ли можно объяснить характер использования завоеванных земель расстоянием их от Рима. Как известно, римские завоеватели по-разному обходились с завоеванными ими народами и с их собственностью, руководствуясь при этом принципом «разделяй и властвуй». Они одну часть этой земли продавали, другую — сдавали в аренду, третью оставляли прежним владельцам.

К числу земель, возникших за счет общественной земли, Сираго относит собственность императора (patrimonium principis), которая начинает складываться в конце эпохи Августа и вскоре разрастается чрезмерно (стр. 65). Последующие принцепсы, отмечает автор, следуя по этому пути, чрезвычайно увеличили в эпоху Ранней Империи свои рактітопіа за счет адег publicus, конфискаций владений лиц, осужденных во время гражданских войн и подарков частных лиц (там же). Немало таких земель переходило к императорам не только в провинциях: автор приводит примеры перехода

⁶ V. A. Sirago. L'Italia agraria sotto Trajano, Louvain, 1958.

земель в собственность императора в Кампании, Лации, в Южной, Северной и Центральной Италии. Он отмечает, что фонд императорских владений с течением времени возрастал. Эти земли служили императорам для выведения колоний, сдавались в аренду, а больше всего использовались для императорского хозяйства, для пастьбы многочисленных стад скота и разведения садов. По мнению автора, за счет увеличения площади императорских земель всемерно сокращались общественные земли и владения частных лиц. Он отмечает, что еще во ІІ в. до н. э. в Италии было много общественных земель, но в эпоху триумвиров и императобольшая их часть переходит в императорский фонд. Так, например, «Реатинские горы» еще во знаменитые времена Варрона (см. De re rust, II, 2, 9) использовались для пастьбы скота частных лиц, а в I—II вв. н. э.— для императорских стад скота. Из этого Сираго делает вывод, что «стада крупных владельцев были поглощены patrimonium principis» (стр. 72). Такое положение, говорит он, сложилось в Лации, где император также имел огромные пространства, лишь оставив частным лицам (там же). Исходя из этого, автор приходит к выводу об уничтожении императорами крупного землевладения. Он говорит: «В силу необходимости сосредовласти, императоры I века ликвидировали крупных собственников Центральной Италии, конфисковав их владения, в результате чего подлинным крупным владельцем Центральной и Южной Италии стал император» (стр. 304).

С таким заключением автора полностью согласиться нельзя. Императорское землевладение, на наш взгляд, не приостановило дальнейшего развития крупсобственности. Об этом ной земельной достаточно убедительно свидетельствуют источники I в. н. э. Сенека (Epist., 89, 19) говорил, что владения некоторых римских богачей его времени напоминали по своим размерам провинции, в таких владениях целые реки протекают по полям одного хозяина. Крупным землевладельцем был Плиний Младший 7. Петроний в своем романе выводит Трималхиона, желавшего включить в свои владения всю Сицилию. Марциал называет, например, Акви-Регула, владевшего обширными имениями в Этрурии, Умбрии, окрестностях Рима, в Тибуртине, Тускуле (VII, 31, 9), а также других крупных землевладельцев Италии. О крупном землевладении Италии I в. н. э. свидетельствует и Ювенал (IX, 54; XIV, 159) и другие авторы.

Сираго противопоставляет политику императорской власти интересам круп-

ного частного землевладения, изображая ее как направленную против магнатов. Мелкие же и средние землевладельцы, по его мнению, не испытывали такого гонения, как крупные (стр. 304).

Исходя из ошибочных представлений о классовой сущности политики Римского государства и римских императоров, автор рассматривает и вопрос об упадке сельского хозяйства Италии в I—II вв. н. э. Упадок этот он объясняет не начавшимся кризисом рабовладельческой системы, а политикой императоров, которая, ограничивая инициативу крупных землевладельцев, задерживала развнутреннего рынка и торговли. Причины упадка италийского сельского хозяйства автор ищет не в том, что рабство перестало приносить доход, а в отсутствии рабочей силы и в подавлении частной инициативы. Он говорит, что расцвет итальянского садоводства был в свое время достигнут инициативой частных собственников и потребностями рынка, но во второй половине І в. н. э. инициатива этих владельцев чрезвычайно сократилась, а инициатива императора возросла до максимума (стр. 305). «Император как самый крупный владелец в Италии оставляет на произвол свои италийнасаждения и переносит эксплуатационную деятельность в Испанию, Галлию, Африку»; «запущенность императорских земель в Италии знаменует гибель садоводства в древней Италии»; «Италия становится страной лесов и пастбищ, с редким населением, не имеющей никакого веса в экономической и политической жизни» (там же). Отрицательно влияет императорская политика и на внутреннюю торговлю древнего Рима: в Риме развивается рынок местных продуктов, но императорской властью он не поддерживается (там же).

По мнению автора, политика императорской власти была направлена также на сохранение рабства, причем это будто бы делалось тоже вопреки интересам рабовладельцев. Он говорит, что владельцы стремились отпустить рабов на волю, но и эта их частная инициатива тормозилась императором, который останавливал освобождение рабов (там же).

Говоря о противоположности устремлений богатых владельцев и императорской власти, автор подчеркивает «абсоотсутствие единого понимания лютное аграрной проблемы» (стр. 306); «Император занимает крупные владения, уничтожая частную инициативу» (стр. 307). Такая политика императора способствовала тому, чтобы «задержать развитие аграрной экономики и разрушить самые источники производства» (crp. 306). В заключение Сираго делает вывод, что в итоге подлинным тормозом общества и римской экономики был император (стр. 306).

Утверждение автора о том, что полити-

⁷ См. В. И. Кузищин, Хозяйство Плиния Младшего, ВДИ, 1962, № 2, **стр. 27.**

ка императоров шла вразрез с интересами крупного частного землевладения, не затрагивая мелких и средних владельцев, на наш взгляд, не соответствует исторической действительности.

Серьезного внимания заслуживает работа прогрессивного итальянского историка Дж. Луццатто, переведенная на русский язык 8. Луццатто не всегда последователен в своих выводах. Отдавая дань модернизаторским воззрениям, он говорит о капиталистическом характере некоторых отраслей хозяйства (в том числе и сельского хозяйства) в Риме. Тем не менее, мы находим у автора немало высказываний, свидетельствующих о приближении к марксистскому пониманию истории. Автор показывает процесс развития земельной собственности в древнем Риме. Он отмечает, что в царскую эпоху Рим был страной исключительно мелкого землевладения. Однако уже в ранний период римской истории обнаруживается тенденция к концентрации земельной собственности, главным образом за счет присвоения общественных земель. Говоря об использовании ager publicus, автор отмечает, что из этих земель только «небольшая часть предоставлялась всем гражданам в полную собственность, с правом передачи по наследству, чрезвычайно мелкими участками — по 2 югера», но часть, «значительно превосходившая по своим размерам первую, ... попадала в руки патрициев» (стр. 52), которые в дальнейшем стали пользоваться этими землями как своей собственностью, «уже законы XII таблиц признают за ними право свободно распоряжаться этими землями» (стр. 54). В дальнейшем тенденция к росту крупной земельной собственности усиливается.

Отвергая мнение исследователей, счптавших «основной причиной процесса концентрации собственности и расширения имений... конкуренцию, которая будто бы началась после Пунических войн между странами, вывозившими зерно» (стр. 98), автор полагает, что эти причины «следует искать прежде всего в быстром обогащении некоторых социальных слоев населения и главным образом в появившейся у них возможности распоряжаться большим числом рабов и использовать их отныне не только для домашних услуг и в ремесленном производстве, но и для сельскохозяйственных работ» (стр. 100). Луццатто отмечает, что, начиная с III в. до н. э. в крупных и средних имениях «почти весь постоянный · контингент рабочей силы состоял из рабов» (там же).

Под этим углом зрения автор рассматривает и вопрос о причинах упадка экономики Рима. «Едва ли можно согласить-

ся с Ростовцевым, — пишет Луццатто, — когда он рассматривает... возрастающую конкуренцию провинций в качестве первопричины (causa causarum) упадка Рима» (стр. 112). Связывая состояние римской экономики с состоянием рабства, Луццатто говорит, что подъем экономики Италии был связан с притоком рабов, а упадок ее в эпоху Траяна — с упадком рабства (стр. 115).

Дж. Лупцатто, впрочем, подчеркивает, что «даже во времена наибольшего распространения рабства свободный труд в Италии не исчез полностью ни в сельском хозяйстве, ни в ремесле» (стр. 106), что «Варрон весьма определенно подтверждает факт сосуществования на одних и тех же землях двух форм труда — свободного и рабского» (там же).

Дж. Луццатто не преувеличивает значения политики римского государства для аграрной проблемы. Он отмечает, что проблема восстановления мелкого землевладения в древнем Риме практически оказалась неразрешимой. По закону Лициния и Секстия, доступ к ager publicus юридически был предоставлен всему плебейскому населению, фактически же пользоваться этой землей могли только богатые, так как «для эксплуатации этих территорий и уплаты подати государству необходимо было затратить определенный капитал в виде скота, рабочих рук, живого и мертвого сельскохозяйственного инвентаря, которого, разумеется, совершенно не было у плебеев» (стр. 63). На удовлетворение острой потребности в земле была направлена попытка выведения колоний, но п «распределение между колонистами нового фонда государственных земель... не могло разрешить возникшей проблемы, не могло помешать тому, что волнения в среде плебеев возобновлялись через более или менее короткие промежутки времени» (стр. 63, 64), так же, как не переставали угрожать и мятежи местного населения, земля которого передавалась колонистам. Борьба между патрициями и плебеями «была» главным образом борьбой за землю»,говорит автор (стр. 53).

Трудно согласиться с взглядами Тибилетти, который в своей работе «Владение ager publicus и нормы наделения землей до Гракхов» в объясняет возникновение крупного землевладения в Риме наличием больших запасов общественных земель. В результате, считает он, сельская Италия превратилась в комплекс громадных владений со специализированной агрикультурой («Athenaeum», XXVII, стр. 36).

⁸ Дж. Луппатто, Экономическая история Италии, М., 1954.

⁹ G. Tibiletti, Possesso dell'ager publicus e le norma de modo arorum sino ai Gracchi, «Athenaeum. Studi periodici di letterature e storia dell'antichita», XXVI, 1948, f. II —IV; XXVII, 1949. f. I—II.

При этом автор считает, что патриции захватывали только те общественные земли, которые были менее выгодными и за обладание которыми не могло быть никакой борьбы (там же, стр. 38).

- В опубликованной в 1955 г. работе «Развитие латифундий в Италии в гракханскую эпоху до начала империи» 10 Тибилетти, рассматривая историю образования крупного землевладения, отводит главную роль государству и праву. Он говорит, что имея огромные запасы ager publicus, государство будто бы весьма свободно предоставляло частным лицам доступ к общественной земле и уступало ее им (стр. 242). Переход ager publicus в частную собственность автор объясняет исконной близостью общественного и частного права, которые у римлян были настолько близки, что их трудно разграничить, тем более для времени, когда по мере увеличения запасов ager publicus государство «имело затруднения в контроле над этими землями» (там же). «Когда пожалованные земли стали таким образом обширными, должен был появиться тот тип сельского хозяйства, который мы называем латифундиальным» (там же).

Развитие латифундиального хозяйства, по мнению автора, прошло два основных этапа. Первые латифундии возникли в Италии во времена Катона. Автор говорит, что хотя Катон в своей книге и не указывает на имения в 500 югеров, однако «500 и более югеров могли образоваться из суммы разных имений, расположенных в разных областях» (стр. 245—246). Но в то время латифундии не были еще громадными имениями со специализированной обработкой (стр. 247). Время, когда такие имения стали создаваться, автор считает вторым этапом развития латифундиального хозяйства. Эти новые крупные имения уже предполагали обширные рынки для

конкуренции (стр. 247). Автор, подобно Ростовцеву, называет специализированное латифундиальное хозяйство капиталистическим (там же) и в связи с этим неверно объясняет разорение мелкого землевладения, сводя его причину к конкуренции между мелким и крупным хозяйством. По мнению автора, мелкие земледельцы, так же как и владельцы латифундий, перешли к продаже излишков, но вследствие отсталости своего хозяйства они стали жертвами конкуренции (там же). Выдвигая конкуренцию на первый план, автор ничего не говорит о развитии рабовладельческого способа производства,

о ростовщичестве и изнурительных войнах, об экспроприации крестьянских земель диктаторами и триумвирами, об аграрной политике рабовладельческого государства, направленной на защиту интересов крупного землевладения.

Нельзя согласиться и с тем, как характеризуется римское аграрное законодательство. Автор сомневается в достоверности наших сведений о законе Лициния и Секстия de modo agrorum. Основываясь лишь на предположениях, Тибилетти оспаривает сообщения источников и считает, что аграрное законодательство Лициния и Секстия преследовало цель только регламентации захвата никем не занятых территорий ager publicus.

Вместе с тем, Тибилетти отрицает борьбу плебеев за ager publicus. С его точки зрения, в древнем Риме в IV в. до н. э. не было почвы для борьбы мелкого землевладения с крупным («Athenaeum», XXVII, стр. 38). Рассказы Ливия о десятилетней острой политической и классовой борьбе в Риме с 377 по 366 гг. до н. э., по мнению автора, несостоятельны и фантастичны. Следуя Эд. Мейеру, называющему рассказ о событиях, связанных с 367 г. до н. э. «анналистической фальсификацией», Тибилетти отвергает эти сообщения Ливия (стр. 232).

Однако есть основания полагать, что в IV в. до н. э. в Италии была уже масса плебейского населения, страдавшая от безземелья или малоземелья, и что закон de modo agrorum преследовал цель не только регулирования захвата общественной земли, но и предоставления возможности пользования этой землей плебейскому населению, а также увеличения земельных наделов бедноты за счет ager publicus. Об этом свидетельствует Аппиан (В. с., І, 7), отмечающий, что члены комиссии, которым был поручен контроль за исполнением закона Лициния и Секстия, имели в виду остальную землю распродать между бедняками небольшими участками. Плебеи требовали увеличения размеров земельных наделов. И, очевидно, многие нуждавшиеся в земле получили такие земельные участки. Как отмечает Колумелла (De re rust.. I, 3, 10), с этого времени плебеи стали получать земельные наделы по 7 югеров.

Неверно, с нашей точки зрения, характеризует Тибилетти и аграрное законодательство Гракхов. Он признает, что во времена Гракхов Рим и Италия переживали аграрный кризис («Athenaeum», XXVII, стр. 38), что свободное крестьянское население разорялось. Однако, с его точки зрения, аграрный кризис II в. до н. э. был вызван не развитием рабовладельческих отношений и крупной частной земельной собственности, а тем, что в результате завоевательных войн изменились состав населения и общие условия. В связи с изменением характера

¹⁰ G. Tibiletti, Lo sviluppo del latifondo in Italia dall'epoca gracchana al principio dell'Impero, «Storia dell'antichita, Relazioni del X Congr. Intern. di Scienze Storiche», II, crp. 235—292.

деятельности римской власти во всем Средиземноморье, изменилась и жизнь нобилей, на которых оказали влияние новые идеи эллинистического Востока. Изменялись старые обычаи, устанавливались новые. Стремившееся в город население покидает землю и таким образом скатывается на положение черни (стр. 93). Поэтому, с точки зрения автора, Тиберий Гракх, выдвигая аграрный закон, преследовал не цель ограничения крупного и восстановления мелкого землевладения, а главным образом цель насаждения нового способного к развитию населения (там же, XXVI, стр. 199).

В заключение следует сказать, что критикуя выводы итальянских историков, с которыми мы не можем согласиться,

мы должны отметить, что за последние десятилетия в итальянской историографии произошли значительные изменения. В результате разгрома фашизма и роста влияния марксистско-ленинской науки, часть итальянских историков становится на путь прогрессивного понимания истории. Итальянский историк-коммунист Э. Серени пишет: «Мы рады констатировать, какую серьезную работу в этой области уже проделала итальянская наука и как ее выводы подтвердили результаты марксистской критики» 11.

В. В. Виноградов

¹¹ E. Seren i. Communitatio Rurali nell'Italia Antica, Roma, 1955, crp. XV.

PHOTIUS, Bibliothèque, texte établi et traduit par R. Henry, I—III, P., 1959—1962

Хорошо известно, какое значение имеют для исследования античности труды византийских филологов, переписывавших и комментировавших греческих классиков. Достаточно назвать в этой связи Евстафия Солунского комментарии к «Илиаде» и «Одиссее», толкования Иоанна Цеца к Аристофану, хронику Иоанна Зонары, где сохранились обширные фрагменты Диона Кассия, словарь, носящий название «Су́да» 1. Среди произведений этого рода особое место принадлежит обширной книге константинопольпатриарха Фотия (умер в конце IX в.), носящей условное название «Библиотека».

«Библиотека» представляет собой сборник из 280 «аннотаций» (так называемых «кодексов») тех книг, которые были прочитаны Фотием (точнее говоря, из 279, так как кодексы 88 и 89, в действитель-

ности, одна аннотация). Аннотации эти различны по своим размерам — от кратких справок до подробнейшего анализа с обширными выписками; иногда они содержат собственное суждение Фотия о содержании или о стиле книги. Помимо того, что «Библиотека» является, можно сказать, первым памятником европейской литературной критики, значение ее чрезвычайно возрастает еще и потому, что многие из книг, известных Фотию, ныне утеряны. Так, Фотий читал Ктесия 2 и Феопомпа Хиосского, из эллинистических историков — Агатархида; он сохранил экспериты из десяти последних книг Диодора Сицилийского, подробное изложение Τά μετά 'Αλέξανδρον Арриапересказ книги Мемнона о Гераклее Понтийской и книги Олимпиодора; он дает аннотации утерянных исторических сочинений Юста Тивериадского, Кефалиона, Флегонта, Аминтиана, Дексиппа, Юлия Африкана, Евнапия, Праксагора, Малха, Филиппа из Сиды и др.; он читал полностью «Римскую историю» Аппиана и книгу Диона Кассия. Фотий рассматривает утерянное ныне сочинение Дамаския о его учителе Исидоре Александрийском, Βαβυλωνιακά Ямвлиха и ряд других (см. RE, Hb. 39, 1941, стб. 684—727).

Аннотированные Фотием книги весьма разнообразны: тут сочинения историков, философов, риторов, медиков, книги по богословию, романы. Константинопольский патриарх включил в сборник аннотации книг от Геродота до византий-

¹ Раньше считали, что автором этого словаря был некто Свида, однако оказалось, что это не имя составителя, а название, читаемое к тому же различными исследователями по-разному (см. обзор литературы: В. Lavagnini, Suida, Suda o Guida, «Rivista di filologia e d'istruzione classica», 40, 1962). К сожалению, среди наших исследователей до сих пор сохраняется традиционное представление, примеры чему можно видеть в блестящей статье М. Л. Гаспарова (в кн. Гай Светоний Транквилл, Жизнь двенадцати цезарей, М., 1964, стр. 264) или в книге Н. В. Пигулевской («Арабы» у границ Византии и Ирана в IV— VI вв.», М.— Л., 1964, стр. 50). О «Свиде» (Suidas) говорит и издатель рецензируемой книги (например, т. 111, стр. 106, прим. 1).

² См. последнюю работу: R. Renehan, Photius on Ctesias, AJP, 84, 1963, стр. 71.

ских авторов IX столетия 3. Конечно, «Библиотека» — не история греческой литературы и Фотий отнюдь не стремился быть всеобъемлющим: он не затронул Гомера, трагиков, Платона, Фукидида, Ксенофонта и многих других. Возможно, что его интересовали именно те сочинения, которые в его время уже были редкими.

Первое издание «Библиотеки» вышло в Аугсбурге в 1601 г. — издатель Д. Гешель использовал лишь поздние (XVI в.) списки. Только в 1824—1825 г. в Берлине И. Беккер выпустил второе (первое критическое) издание: он основывался на венецианской рукописи Marcianus 450, X в. (извод А), которая является древнейшим и лучшим из уцелевших списков; правда, конец ее не сохранился, но потеря в какой-то степени может быть возмещена наличием копии XIII в. — Parisinus 1266.

Почти через сто лет после издания Беккера Э. Мартини 4 проделал скрупулезанализ рукописей «Библиотеки», показав, что помимо извода A имеется второй извод M, представленный другим венецианским манускриптом — Marcianus 451, XII в. Исследование Мартини было продолжено А. Северином 5, ученик которого Ренэ Анри, бельгийский филолог, подготовил ныне новое — третье издание «Библиотеки». В основу издания положен извод A, в который внесены поправки согласно изводу M. В тех случаях, когда оба извода давали бессмысленное чтение, издатель обращался к аннотируемому Фотием тексту, стараясь с его помощью восстановить смысл. Вместе с тем он избегал произвольных конъектур, не пытаясь «исправлять» Фотия на основании аннотируемых текстов. В целом издание Анри дает читателю надежный текст «Библиотеки».

Вместе с тем использование книги Фотия облегчается наличием французского перевода. Первый перевод «Библиотеки» на латинский язык был выполнен еще в начале XVII в.; имеются также

³ Издатель «Библиотеки» (т. I, стр. XX) считает, что наиболее поздним автором, аннотированным у Фотия, был византийский историк патриарх Никифор, умерший в ссылке в 829 г. Однако в 67 кодексе описано сочинение Сергия Исповедника, доведенное до восьмого года царствования Михаила II (820—829),— по-видимому, Сергий жил позднее Никифора, О Сергии см. Ф. Баришић, Две верзије у изворима о устанику Томи, «Зборник радова. Византолошки институт», књ. 6, 1960, стр. 150 сл.

тут», књ. 6, 1960, стр. 150 сл.

4 E. Martini, Textgeschichte der Bibliotheke des Patriarchen Photios von

Konstantinopel, Lpz., 1911.

английский и итальянские переводы. Анри предлагает первый полный французский перевод.

снабжен примечаниями, издатель указывает прежде всего, сохранилось или нет аннотируемое сочинение, а также сообщает некоторые данные об авторе, снабжая их библиографией. Примечания кратки и рассчитаны скорее на неспециалиста. Это вполне естественно, ибо один человек, как пишет сам издатель (т. І, стр. ІХ), не в состоянии быть знатоком всех вопросов, затронутых Фотием. Так, говоря об истории византиноэфиопских отношений в VI в. (т. I, стр. 4, прим. 2), Анри отсылает к старой работе Диля, не указывая специальных исследований, - например, монографии. Н. В. Пигулевской «Византия на путях в Индию» (М.— Л., 1951), где на стр. 223 дается специальная характеристика кодекса 3-«Истории» Нонноса. (О посольстве Нонноса см. новую статью Н.В. Пигулевской «Политика Византии на Эритрейском море» (ПС, 11, 1964); отмечу полутно, что Н. В. Пигулевская пишет «Нони» — но греческое написание Nоνчосос, т. е. Ноннос).

До настоящего времени вышли три тома, охватывающие 222 кодекса, однако, поскольку последние аннотации особенно пространны, нужно предполагать, что перед нами лишь половина всего издания. Несмотря на ряд погрешностей, относящихся преимущественно к области византийской и раннехристианской истории 6, новое издание «Библиотеки», бесспорно, будет полезным для многих специалистов по античности и для византинистов.

Позволю себе сделать лишь несколько замечаний, касающихся преимущественно введения, указав при этом и на работы, появившиеся после выхода в свет рецензируемого издания.

Автор начинает с краткой биографии Фотия 7. Время его жизни Анри оценивает как эпоху «больших политических успехов и обновления интеллектуальной жизни» (т. I, стр. XI) — оценка эта, восходящая к суждению А. Грегуара, довольно односторонна: Византия в IX в. знала немало поражений, потеряла Крити Сицилию, пережила наступление павли-

⁶ См. замечания В. Грюмеля к первым двум томам: V. Grumel, Une nouvelle édition de la Bibliothèque de Photios, «Revue des études byzantines», 18, 1960, стр. 214—224

⁵ A. Severyns, Recherches sur la Chrestomathie de Proclos. Le «codex» 239 de Photios, P.— Liège, 1938.

стр. 214—224.

⁷ Работы на русском языке не используются — даже Ф. М. Россейкин, Первое правление Фотия патриарха константинопольского, Сергиев посад, 1915 (любопытно при этом, что Анри на стр. IX повторяет почти буквально фразу, с которой начинает Россейкин — о том, что Фотию «не суждено было найти биографасреди своих современников»).

киан, столкнулась с русской угрозой. Вряд ли можно говорить и о принципиальной ломке в области духовной культуры — с IX в. действительно начинается культурный подъем, но он был еще

крайне медленным.

На стр. XV и слл. Анри перечисляет сочинения Фотия: «Лексикон», письма, «Амфилохии», «Библиотека» — но этот список не полон: нет в нем речей 8 , нет и богословских сочинений, в том числе опровержения павликиан; последнее сочинение, кстати сказать, следовало бы вспомнить хотя бы потому, что оно имеет определенные точки соприкосновения с «Библиотекой»: сам Анри ниже (т. II, стр. 9, прим. 1) указывает, что Ираклиан Халкидонский, упомянутый в кодексе 85, назван, помимо того, в трактате павликиан. К этому следует прибавить, что манихей Агапий в кодексе 179, по-видимому, тождествен манихею Агапию из антипавликианского трактата (это обстоятельство стоило бы отметить в прим. 2 на стр. 184 II тома). Наличие контактов между «Библиотекой» и опровержением павликиан весьма существенно, кстати сказать, и для выяснения спорного вопроса об авторстве антипавликанского трактата; сомнения в принадлежности его Фотию были высказаны Грегуаром, но отвергнуты рядом ученых ⁹.

Анри на стр. XXIII и слл. дает характеристику стиля «Библиотеки», показывая, в частности, как варьирует манера Фотия в зависимости от стиля аннотируемой книги. Не менее существенно было бы поставить здесь вопрос о том, как отразилось в «Библиотеке» мировоззрение Фотия: чрезвычайно любопытен, например, кодекс 60, где Фотий воспринимает «Историю» Геродота как книгу о персидских царях — столь сильна была в его время привычка к монархическому режиму (ср. прим. 1 на стр. 22 1 тома —

к кодексу 37).

Время составления «Библиотеки» изда-

8 Новейшее издание: Φωτίου Όμιλίαι, έχδι υπό Β Ασουρδά Θεσσαλονίχη 1959 тель безоговорочно относит к 855—858 гг. (стр. XX, стр. также стр. LI, где Анри присоединяется к выводам Б. Эммерденжэ 10), однако эта дата не может считаться безусловной, и Ф. Алкэн, например, склоняется к тому, чтобы датировать написание книги более поздним временем — около 877—886 гг. 11

Необходимо было также остановиться на названии книги Фотия: как известно, греки не называли ее «Библиотекой» — это условное наименование, данное ей западными эрудитами XVI в. Не было ее названием и широко распространенное в литературе Мэрιоβιβλον, «Десять тысяч книг», — этот титул появляется лишь с XIV в. В рукописи сочинение Фотия названо просто «Список и перечисление прочитанных нами книг» ('Απογραφή καί συναρίθμησις τῶν ἀνεγνωσμένων ἡμῖν βιβλίων). В этой связи, кстати сказать, встает вопрос о том, насколько правомерно было выносить условное название

«Библиотека» на титул.

Интересная проблема литературной судьбы «Библиотеки», почти не затронутая Анри, стала сравнительно недавно предметом специальной статьи А. Диллера: уже в рукописи IX в. (схолии к Платоновской «Республике» в Parisinus 1807) имеются выписки из 239 кодекса «Библиотеки», дающие, между прочим, верное чтение там, где рукописи обоих изводов содержат ошибку. Выписки из «Библиотеки» содержатся и в некоторых схолиях ученика Фотия Арефы Кесарийского; они соответствуют редакции M^{12} ,— как Диллер, так и Анри M^{12} , — как Диллер, так и Анри (стр. XLIV) предполагают, что вся эта редакция возникла в результате правки Арефы. Однако не менее вероятна и другая возможность, а именно, что извод Mвосходит к той рукописи, которой пользовался Арефа.

В целом же следует пожелать бельгийскому ученому успешно завершить свое предприятие.

A. Π . Каждан

екб. ото В. Лаоорба. Оессалоо(ку, 1959. См. Р. М. Бартикян, Источники для изучения истории навликианского движения, Ереван, 1961, стр. 15, 70—85. О совпадениях между «Библиотекой» и антинавликианским трактатом — см. А. П. Каждан, Социальные и политические взгляды Фотия, «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», II, 1958, стр. 115, прим. 45.

¹⁰ B. Hemmerdinger, Les «notices et extraits» des bibliothèques grecques de Bagdad par Photius, REG, 69, 1956, crp. 101-103.

^{11 &#}x27;F. Halkin, La date de composition de la «Bibliothèque» de Photius remise en question, «Analecta Bollandiana», 84, 4063

<sup>81, 1963.

12</sup> A. Diller, Photius' Bibliotheca in Byzantine Literature, «Dumbarton Oaks Papers», 16, 1962, crp. 390 cm.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ДВА ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ЮБИЛЕЯ ЭПИГРАФИКИ

Для древней истории надписи имеют такое же значение, как для новой истории документы. Их свидетельства в известной мере носят объективный характер, и в большинстве своем они свободны от субъективизма, который неизбежно присущ ав-

торам.

На протяжении многих столетий наше представление об античности основывалось именно на основании свидетельств авторов. Наши знания древней истории покоплись на знании античной историографии. Эпоха великих географических открытий принесла не только новое представление о земле и вселенной, но она дала нам также в творениях Возрождения новую картину античности. Эта новая картина была получена в результате двух направлений в изучении древности: одими путем, традиционным, когда античность воссоздавалась на основании литературных свидетельств, и другим путем, когда античность раскрывалась в ее подлинности, в ее материальной сущности. Прославленные и поразительные свидетельства древности возникали из пыли столетий и даже тысячелетий. Были ли это остатки великоленного храма или простая терракота — это была подлинная древность. Создали эти ценности, пользовались и восхищались ими сами древние, а не монахи средневековья.

Затем подошли к безмольным археологическим свидетельствам, которые должны были заговорить вследствие их толкования и рассмотрения, к покрытым письменами камням, из которых выступала сама античность: бесчисленные надписи, монеты с их легендами и начиная с XIX в. папирусы. Среди всех письменных свидетельств античности они могут рассматриваться как первостепенный материал источников, который дошел до нас непосредственно от древних и который резко отличается от остальных

источников, прошедших долгий путь традиции.

Этому интересу Возрождения к подлинным свидетельствам античности мы обязаны первыми собраниями эпиграфических памятников. В зависимости от того, кем были осуществлены такие собрания, они имеют большую или меньшую научную ценность. В каждом отдельном случае этим собраниям присущи свои особые недостатки, касающиеся частностей, которые компенсируются изобилием находящегося в них материала, представленного выборочно в современных изданиях.

Идейные устремления классицизма, романтизма и историзма привели к XIX в. к другим и более широким формам материального производства, к новому подъему исторической науки, особенно в области древней истории. Как промышленность пе-

реключалась на крупное производство, так и наука искала и находила на рубеже XVIII—XIX вв. новые исследовательские и организационные формы работы 1. Научные общества, прежде всего Академии наук, взяли на себя разработку таких филологическо-исторических тем, которые выходили далеко за пределы жизни и физических возможностей отдельных ученых и могли быть осуществлены только совместными усилиями ряда поколений. Одной из таких всеобъемлющих тем было собирание всех тех сокровищ, которые нам оставила древность в виде надписей и произведений античных писателей 2.

То, что собирание всех этих памятников было запланировано именно как всеобъемлющее, но вследствие причин методического, материального и не в последнюю оче-

¹ Cp J. Irmscher, Die Idee des umfassenden Inschriftencorpus, «Akte des 4. Internat. Kongresses für griech. u. lat. Epigraphik (1962)», Wien, 1964, стр. 159 сл. ² Cp. A. Harnack, Geschichte der Königlich. Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, т. 2, В., 1900, стр. 379.

редь личного характера осуществлялось в виде нескольких отдельных предприятий, об этом свидетельствует двойственный результат, который имела эта работа.

1) Собирание всех античных источников на камне, папирусах и монетах привело к многообразной специализации внутри самих дисциплин. А эта специализация дала возможность опубликовать собрания материалов, без которых не могли бы быть изданы большие обобщающие труды прошлого столетия 3.

2) Расчленение большого фонда источников на эпиграфические, нумизматические и археологические выделило то, что было до того соединено как самой природой вещей, так и интенсивностью исследовательской работы в XIX в., а именно — подлинное ядро античной традиции. В результате этого настоятельной потребностью современной науки стало объединение того, что было разъединено в пределах определенных

географических единиц4.

Нам кажется, что эта потребность науки может и будет удовлетворяться все более широко, поскольку в сфере материального производства созданы такие технические условия, как например, обработка громадных собраний сведений с помощью электронной аппаратуры. Программирование таких машин предполагает совместную работу, коллектив исследователей, который не объединял бы больше только латинских или греческих эпиграфистов, папирологов или нумизматов, но исследователей всех специальностей.

Что касается результатов этой совместной работы, то мы должны быть убеждены, что познание древней истории дает нам возможность гораздо ближе подойти к изучению производительных сил в древности, которые, согласно марксистской концепции, являются носителями исторического прогресса. Они либо не находят себе места в историографии и преданиях древности, либо их картина представлена тенденциозно. Но их можно увидеть по надписям и папирусам и сделать их историческое существование зримым. Можно показать многие политические связи и отношения, которые едва видны из античных авторов, но которые значительно лучше могут быть познаны на основании указанных источников.

Однако до сих пор мы занимались прошлым, в то время как речь идет о двух юбилеях, которые недавно отмечала Германская Академия наук в Берлине при большом участии иностранных ученых: 100-летие издания Corpus Inscriptionum Latinarum в ноябре 1963 г. и 150-летие издания греческих надписей — Corpus Inscriptionum Graecarum и Inscriptiones Graecae в апреле 1965 г. Оба академических торжества собрали в Берлине немалое число ведущих специалистов, содержательные доклады которых вызвали большой интерес и проходили при большом числе слушателей. С неменьшим вниманием были заслушаны доклады молодых ученых из стран народной демократии по темам греческой и латинской эпиграфики и римской просопографии.

Чтобы дать представление о том, сколь широкую тематику охватывали доклады,

позволим себе вкратце перечислить некоторые из них.

Иоганн Сундбалл (Хельсинки) говорил о знаках минойского письма — линейного А и доложил результаты многолетнего исследования в этой области. Некоторым проблемам микенской эпиграфики было посвящено сообщение П. Х. Илиевского (Белград) и Гейнца Гейса (Берлин), который на примере предполагаемых сокращений в линейном В показал, почему, по его мнению, дешифровка Вентриса во многих отношениях вызывает сомнения.

Вернер Пэк (Галле) на примере некоторых надписей из Асклепиейона в Эпидавре показал, сколь необходимо и обязательно для эпиграфиста знакомство с подлинником надписи. Иоахим Эберт (Галле) предложил для некоторых агонистических эпиграмм новые восстановления текста, которые отличались убедительностью филологи-

ческих доказательств.

Интерпретации вговь найденных или по-новому толкуемых надшисей были посвящены следующие доклады. Исследование о т д е л ь н ы х надписей явилось предметом сообщения: Гега Альфёльди (Будапешт): Строительная дорожная надпись из
Далмации; Артур Бетц (Вена): Эпиграфические заметки из Австрии; Татьяна Блаватская (Москва), Новый рескрипт Аспурга; Пио Чипротти (Рим): Некоторые еще
неизданные латинские надписи; Альберт Деман (Брюссель): Мильный столб из
Макквенуаз; Эберхард Эркслебен (Берлин): Монетный закон Делосско-Аттического
морского союза; Борис Геров (Болгария): Новая надпись из Филиппополя и ее значение для истории времени Галлиена; Янош Харматта (Будапешт): Греческие надписи Ашоки; Радислав Гошек (Брно): Об одной надписи из Чехословакии; Рейнгард
Кёрнер (Берлин): Новая посвятительная надпись времени Птолемея V; Милко Мирчев (Варна): Новая греческая надпись из Варны (Одессоса); Тибор Надь (Будапешт):
Элиан, командир легиона при Галлиене; Герхард Перль (Берлин): Дополнение к СІІ,
IV, 8767; Дионис М. Пиппиди (Бухарест): Неизвестный фрагмент хоротесии Лаберия

³ В качестве примера здесь могла бы быть названа «Римская История» Моммзена.
⁴ Ср. соответствующую попытку J. et. L. R o b e r t, La Carie, Histoire et géographie historique avec le recueil des inscriptions antiques, t. 2, P., 1954.

Максима; Он же, О депрете фиаситов из Каллатиса; И. А. Ричмонд (Оксфорд): Две надписи, относящиеся к военным сооружениям из Римской Британии; Рут Штиль (Западный Берлин): Надпись времени Селевкидов из Файлаки; Тадеуш Завадский (Познань): Подготовительные работы к новому изданию латинских надписей Египта.

Весьма поучительными для латинской эпиграфики явились три следующих доклада: Гюнтер Дунст (Мюнхен): Латинские надписи острова Самоса; Йено Фиту (Секетфехервар): Titulum memoriae posuit; Андраш Мочи (Будапешт): Способ оценки

указанных в римских надписях данных о продолжительности жизни.

Надписи легли в основу также некоторых исторических исследований. Ласло Боркоци (Буданешт): История населения Паннонии в III в.; Стефан Якобельский (Варшава): Некоторые новые свидетельства по истории христианской Нубии по данным надписей из Фараса; Дуже Рендич-Миочевич (Загреб): Надписи как источники для истории Иллирии и ее древностей; Шандор Шопрони (Будапешт): Castellum Car-porum; Матэ Суич (Задар): Межевание полей и проблема римской колонизации на восточном берегу Адриатики; Велизар Велков (София): К истории провинции Фракии

На надписях основывались также следующие сообщения просоп ографического характера или из области управления и права. Лейва Петерсен (Берлин): Юний Силан Младший; Ганс Георг Пфлаум (Париж): Марк Эмилий Пап, не известный ранее друг императора Адриана; Эмилиан Попеску (Буха-рест): К вопросу о городском устройстве Tropaeum Traiani; Клаус Вахтель (Берлин): Финансовые прокураторы Азии и Ликии; Фолкер Вебер (Берлин): О наименовании эдилов в Помпеях.

На надписях были построены некоторые доклады из области о но мас τ и к и: Hu Буриан (Прага): К ономастике населения Лептиса; Ииро Каянто (Хельсинки): Особенности латинской терминологии в надписях из Северной Африки; \mathcal{J} адислав \mathcal{B} идман (Прага): Реальные и нереальные имена в культе Изиды времени Империи.

Насколько археология может помочь эпиграфисту при датировке надписей, по-казало весьма поучительное сообщение *Алисы Бургер* (Будапешт): К вопросу о пан-нонских надгробных памятниках с изображениями венков.

С точки зрения археологическо-эпиграфических данных рассматривал вопрос о

производстве черепицы в Верхней Мезии Иван Венедиков (София).

Следующие сообщения были папирологического и нумизматического характера. Вольфганг Мюллер (Берлин): Замечания к неопубликованному эдикту префекта Марка Петрония Мамертина. Эберхард Эркслебен (Берлин): Неизданная монета Павталии и наместники Фракии при Антонине Пие. Эдит Шёнерт (Берлин): Гавань Перинфа в период Римской империи.

Позднеантичная тематика была затронута в следующих докладах. Эмилиан Попеску (Бухарест): Поздане греческие надписи Малой Скифии; Джон Моррис (Лондон): О проблеме просопографии для поздней античности.

Некоторые доклады были посвящены исследованию рукописей. Ганс Либ (Шаффхаузен): Эпиграфика Amerbachiana; Томас Марин (Севилья):

Эпиграфические рукописи Родриго Каро.

История эпиграфики рассматривалась в докладах: Веселин Бешев-(София): Болгария и СІL, III; А. И. Болтунова (Москва): Эпиграфические исследования в СССР; Иогани Ирмшер (Берлин): Вильгельм Мюллер и СІС; он же, Олаф Келлерман и Корпус латинских надписей; Тибор Надь (Будапешт): К истории греческой эпиграфики в Венгрии; Анна Садурска (Варшава): Латинская эпиграфика в Польше; И. Руссу (Бухарест): Греческие надписи римской Дакии.

В трех докладах были изложены общирные планы работ по изданию и

исследованию надписей.

Ганс Круммрей (Берлин): О плане нового собрания Carmina Latina epigraphica; Зигфрид Лауфер (Мюнхен): Античные цены и данные о финансах; Герольд Вальсер

(Берн): Corpus Miliariorum.

В отчетном сообщении академика Гюнтера Клаффенбаха, руководителя работ по изданию Inscriptiones Graecae, и Роланда Грюнделя, ответственного за издание Corpus Inscriptionum Latinarum, было отмечено, что после первой мировой войны в результате политических событий приостановилась непрерывная публикация обоих этих корпусов. После второй мировой войны вследствие усилий многих ученых удалось добиться возобновления этих изданий, когда они стали вновь фиксировать современное состояние эпиграфики и предоставлять собранный материал надписей для дальнейших исследований. В этой связи следует отметить, что информационные сообщения, сделанные на юбилейных заседаниях представителями отдельных стран, показали, каких успехов им удалось достигнуть. В этой работе не может быть недооценено то участие, которое в ней принимают советские историки древнего мира и эпиграфисты. Наука обязана им новым изданием Inscriptiones regni Bosporani, однако остается еще пожелать, чтобы были обработаны латинские надписи юга СССР для совместного международного издания — Corpus Inscriptionum Latinarum III2.

Послав на конгресс своих представителей Т. Блаватскую и А. И. Болтунову,

советская наука показала, какое значение она придает эпиграфике.

Успехи марксистского исследования древней истории должны опираться не только на интерпретацию давно известных литературных свидетельств, но в большей мере на включение в круг исследования вновь поступающих источников—надписей, монет и папирусов. Неисчерпаемое богатство одних только 200 тысяч латинских надписей, раскрываемых и могущих быть раскрытыми с помощью специализированных предметных указателей, представляется еще далеко неисчерпанным 5.

Для обоих юбилеев Германской Академии наук в Берлине могло бы считаться итогом сосредоточение усилий эпиграфистов на том, чтобы пополнять большие корпусы надписей и поддерживать их на уровне современных публикаций. Все силы науки о древности должны быть направлены на то, чтобы использовать сокровища над-

писей еще больше, чем прежде.

Роланд Грюндель

⁵ Cp. R. Gründel, Das Corpus Inscriptionum Latinarum und der Nutzen seiner Indizes, Das Altertum 9, 1964, crp. 175—181.

ФРАНТИШЕК НОВОТНЫЙ

20 сентября 1964 г. в городе Брно скончался старейший филолог-классик Чехословакии, многолетний профессор университета в Брно, действительный член Чешской Академии наук Франтишек Новотный.

Ф. Новотный родился 22 августа 1881 г. В 1906 г. он окончил Пражский университет, где его основным учителем был известный чешский филолог И. Краль, интересы которого в области грамматики и метрики он унаследовал, не ограничивая себя, однако, одной лишь «формальной филологией». С 1918 г. он стал доцентом Пражского университета, а в 1920 г. был избран ординарным профессором классической филологии в новооснованном университете в Брно.

Исследовательская деятельность Φ . Новотного сосредоточена была главным образом вокруг трех тем — Платон, ритмика античной прозы, вопросы ла-

тинского синтаксиса.

Интерес к Платону сопровождал всю жизнь ученого от его первой самостоятельной научной работы 1906 г. до последних предсмертных статей, напечатанных в 1964 г. Уже в самом начале своей деятельности чешский исследователь пришел к убеждению, что античное собрание писем Платона, подлинность которого оспаривалась ведущими учеными XIX в., почти целиком является автентичным. Отсюда вытекали далеко идущие выводы относительно биографии и самого учения Платона, изложение которого в седьмом письме становится важнейшим автентичным источником, свободным от литературной фикции диалогов. Обширный комментарий Ф. Новотного к «Письмам» (Platonis epistulae commentariis illustratae, Brno, 1930) доныне остается основным трудом, посвяшенным истолкованию этого памятника. Столь же высокими качествами отличается вышедший через тридцать лет после этого труда комментарий к «Послезаконию» (Platonis epinomis commentariis illustrata, Praha, 1960). Исследователь выступал также как переводчик и в течение ряда лет, с 1915 по 1961 г., опубликовал все произведения Платона на чешском языке.

Изучение писем Платона явилось импульсом для нового цикла работ. Тезис о подлинности эпистолярного наследия нуждался в стилистическом, особенно в стилометрическом обосновании. Ф. Новотный стал одним из немногих в мире специалистов по сложному вопросу о ритмической структуре античной прозы. Основным трудом его в этой области является «Eurhythmie řecké a latinské prósy» I—II (Praha, 1918, 1921), где в первой части подробно излагаются античные теории прозаического ритма, а во второй обосновывается собственный оригинальный метод его исследования. К этому вопросу автор неоднократно возвращался впоследствии (см., например, Etat actuel des études sur le rythme de la prose latine, Lwów, 1929). Интересно отметить, что Ф. Новотный проанализировал с помощью своего метода спорные произведения Саллюстия и пришел к выводу о подлинности «Посланий к Цезарю» и вместе с тем о подложности «Инвективы».

Большое количество статей Ф. Новотного посвящено вопросам лексикологии и грамматики античных языков. Многие из них обобщены в «Исторической грамматике латинского языка». Первая часть этого труда печаталась во время немецкой оккупации под мистифицированным заглавием «Латинская грамматика для средней школы»; вторая вышла в 1955 г. под своим подлинным заглавием: она содержит синтаксис, стилистику и краткий очерк истории латинского языка и является подлинным кладезем самостоятельных наблюдений и сопоставлений с чешским языком, в которых отражена и переводческая деятельность автора.

Еще в молодые годы Ф. Новотный составил в соавторстве с двумя другими филологами латинско-чешский словарь, впоследствии много раз переиздававшийся (1910—1951 гг.) и заново перерабо-

танный им в 1955 г. Последние годы жизни он работал над полным паучным латинско-чешским словарем, которого не успел закончить.

Научные интересы Ф. Новотного были однако гораздо шире тех основных областей, в которых протекала его исследовательская работа. Его многочисленные рецензии в чешских филологических журналах касаются всех сторон античной культуры и свидетельствуют о стремлении автора к ее синтетическому осмыслению. В этом образдом для него был Ф. Ф. Зелинский, столетие со дня рождения которого он отметил тепло написанной статьей («Listy Filologické», 1960). Откликался он также на новинки советской филологической литературы.

Список трудов Ф. Новотного, напечатанный в «Listy Filologické» за 1941 г., уже тогда содержал 362 номера. Продол-

жение его за годы 1941—1961 (в сб. «Charisteria Francisco Novotný octogenario oblata», Praha, 1962) добавило еще 53 названия. Ученый продолжал неутомимо работать до последних дней жизни.

Ф. Новотный не был марксистом, и некоторые его синтетические работы, например трехтомный труд «О Platonovi» (Ргаћа, 1948—1949), вызывали методологическую критику; однако его многочисленные открытия несомненно войдут в золотой фонд науки о древнем мире 1.

И. М. Тронский

¹ Выражаю глубокую благодарность вдове покойного ученого г-же Вере Новотной и профессору Радиславу Гошеку за сообщение мне сведений о жизни и научной деятельности Ф. Новотного.

К 60-ЛЕТИЮ ДМИТРИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА РЕДЕРА

Дмитрию Григорьевичу Редеру — старшему научному сотруднику Института народов Азии АН СССР — 19 сентября 1965 г. исполнилось 60 лет. Имя Дмитрия Григорьевича как исследователя в области древней истории и ее преподавателя известно в вузах и университетах страны. На протяжении почти трех десятилетий за время преподавания в Московском и Киевском университетах, а также в Московском областном педагогическом институте Д. Г. Редер подготовил немало историков, из которых многие стали кандидатами и докторами наук. Один из старейших учеников академика В. В. Струве, Д. Г. Редер перенял от своего учителя чрезвычайно широкий диапазон научных интересов. Дмитрию Григорьевичу доступны в подлинике источники на египетском, шумерском, ассирийском, урартском и древнееврейском языках, не говоря уже о греческом и латинском. Обширная эрудиция сочетается у Д. Г. Редера с глубиной познаний и превосходной теоретической подготовкой, что при свойственной ему поразительной памяти приводит к чрезвычайно плодотворным результатам. Доказательством служат его исследования по социально-экономической истории Египта и Двуречья, многочисленные статьи в БСЭ и СИЭ, где Д. Г. Редер долгие годы состоит консультантом редакции «Всеобщей истории», а также только что завершенная монография «Экономическая география Ассирийской державы».

Все, кому когда-либо приходилось встречаться с Дмитрием Григорьевичем, знают его необычайную скромность, простоту обращения и отзывчивость. Однако там, где дело касается научной истины, он остается непримиримым и не идет ни на какие

уступки.

Сейчас Дмитрий Григорьевич находится в расцвете творческих сил. Поздравляя нобиляра, желаем ему долгих лет на пользу отечественной науке.

Отдел дрезнего Востока Института народов Азии АН СССР Сектор древней истории Института истории АН СССР Редколлегия «Вестника» древней истории»

ПРИЛОЖЕНИЕ

 $\infty \infty$

ISOCRATIS

ORATIONES

ИСОКРАТ

РЕЧИ

*

ПЕРЕВОД
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
К. М. КОЛОБОВОЙ

IV. ПАНЕГИРИК *

«Панегирик» Исократа, один из шедевров аттического красноречия, подготовлялся в течение долгого времени (согласно традиции, в течение десяти и даже пятнадцати лет). Время опубликования речи остается спорным, хотя большинство исследователей склонны относить ее к 380 г. до н. э.

Речь четко подразделяется на две основные части: первая из них эпитафий (т. е. похвальная речь, цель которой — прославление Афин и афинских граждан, противопоставленных остальным эллинам), вторая торжественная панэллинская речь (т. е. постановка вопросов общеэллинского значения). Первая часть (эпидектическая) изложена в § 20—128. Основной темой ее является прославление Афин и доказывается право афинян на гегемонию в Греции. Вторая часть (§ 133-186) — симбулевтическая — заключается в отказе от узко полисной политики. Ответственность перед эллинами в равной степени несут Афины и Спарта. В целях совместного похода всех эллинов для завоевания Азии гегемония в Элладе должна быть поделена между этими двумя государствами. Общей связью двух частей служат $\S 16-20$ и 129-132; из них ясно следует, что первая часть речи подчинена основной идее всего произведения оратора убедить эллинов в необходимости объединить свои силы, прекратив смуту и вражду между собой, для борьбы с Персией и установления нового порядка в Элладе.

Оригинальность «Панегирика» ярко подчеркивается объединением в единое целое речей, ранее строго отделявшихся друг от друга. Речь открывается вступлением (§ 1—14) и заканчивается эпилогом (§ 187—189).

Изучение событий, социально-экономической и политической жизни греков IV в. до н. э. невозможно без внимательного изучения речей Исократа вообще и «Панегирика» в частности.

Название речи «Панегирик» объясняется по-разному. Если бы эта речь предназначалась для произнесения на Олимпийских праздниках, она называлась бы, так же как речи Горгия и Лисия, «Олимпийской», для Дельф — «Пифийской», для праздников в честь Посейдона на Истме— «Истмийской», а для праздника в честь Афины в Афинах — «Панафинейской». Большая часть ученых высказывается за то, что она была предназначена для Олимпии; нам кажется, однако, более верным мнение других ученых, считающих, что речь эта с самого начала предназначалась для опубликования в Афинах. Цель Исократа — убедить афинян в необходимости взять на себя инициативу в примирении всех греков и в подготовке их к общему походу против персов. Спартанцев, по собственному утверждению Исократа, «убедить еще трудно» (§ 17), тогда как афинян

^{*} Перевод К. М. Колобовой.

можно легко склонить к этому. Следовательно, Исократ имел в виду прежде всего афинскую аудиторию. Афины в это время продолжали оставаться центром общеэллинской культуры; речь, опубликованная в Афинах, должна была несомненно привлечь внимание и представителей многих других городов, ознакомившихся с речью оратора. К тому же Афины обладали и еще одним преимуществом, на которое указывает Эдм. Бухнер, - на других празднествах общегреческого характера речи произносились только в определенном месте и через большие промежутки, тогда как в Афинах она могла быть опубликованной в любой момент, так как Афины, по словам самого Исократа, «это — вечный торжественный праздник» (πανήγυρις) § 1.

При переводе речи мною были учтены переводы Н. И. Новосадского (§ 1—128) и С. И. Соболевского (§ 19—50, 160—186).

(1) Я часто удивлялся тому, что учредители торжественных всенародных празднеств и гимнических 1 состязаний признали физические преимущества достойными столь великих наград; тем же, кто ради общего блага трудился в уединении и достиг такой высоты духовного развития, что и другим может принести пользу, эти люди не уделили никаких почестей. (2) Между тем о них-то и следовало более позаботиться; ибо атлеты, даже удвоив свою силу, не могут принести людям больше пользы, тогда как один единственный человек, достигший мудрости, может быть полезен всем, желающим общаться с его умом. (3) При таких обстоятельствах я все же не пал духом, не бросил работы. Признавая достаточной наградой для себя ту славу, которую принесет мне эта речь, я пришел сюда дать совет относительно войны с варварами и нашего взаимного согласия. Я хорошо знаю, что многие, выдававшие себя за софистов 2, обращались к этой теме; (4) однако я надеюсь настолько превзойти их, что даже им самим покажется совершенно новой тема моей речи. В то же время самыми лучшими из речей ³ я признаю те, которые посвящены наиболее важным вопросам, наиболее ярко характеризуют ораторов и приносят наибольшую пользу слушателям. И одна из таких речей — эта. (5) Время для действий еще не упущено, поэтому и напоминание о них небесполезно. Только тогда оратор должен прекратить речь, когда события полностью завершились и совещаться о них нет надобности, или, когда речь настолько совершенна, что всем ясна невозможность ее превзойти. (6) Но если события развиваются своим чередом, а объяснения их не соответствовали действительности, разве не наш долг рассмотреть и исследовать этот вопрос, правильное решение которого освободит нас от междоусобной войны, от переживаемых нами смут и величайших бедствий?⁴. (7) Далее, если бы оказалось возможным истолковать одно и то же событие только в одном единственном смысле, то у нас были бы основания считать лишним вновь надоедать нашим слушателям, повторяя то же самое, что уже говорили предшествующие ораторы. (8) Однако природа слова такова, что одно и то же можно изложить разными способами: великое представить незначительным, а малое возвеличить 5, ста-

¹ Гимнические агоны состояли из состязаний в беге, борьбе, прыжках, метании диска и копья.

² О софистах см. прим. 6.

³ Ср. Lys., Olymp., 3. ⁴ Ср. прим. 6 («К Демонику», I, 3).

⁵ Ср. Р s. - Р l u t., X Отаt. vitae, 838 F, где Исократу приписывается определение риторики как средства «возвеличивать малое, умалить большое». Ср. также Р l аt o, Phaedr., 267. A B. Платон почти дословно повторяет эти слова Исократа, считая, что это — приемы Тисия и Горгия. Ср. также Busir., 4; Panath., 36.

рое представить новым, о недавних событиях рассказать так, что они покажутся древними. Поэтому следует не избегать тем, о которых другие уже говорили до вас, но попытаться сказать лучше их. (9) Ведь события прошлого становятся наследством, общим для всех нас; способность же воспользоваться ими в нужный момент, правильно оценить каждое из них, суметь изложить их в совершенной литературной форме — это особый дар людей рассудительных. (10) Как и другие искусства, искусство красноречия ⁶ достигло бы, по моему мнению, высокого расцвета, если бы люди прославляли и ценили не тех, кто гонится за оригинальностью своих произведений ⁷, но тех, кто достиг наибольшего мастерства в каждом из них; не тех, кто стремится говорить о том, о чем никто прежде не говорил, но тех, кто умеет сказать так, как не смог этого сделать никто другой.

(11) Некоторые порицают тщательно обработанные речи, стоящие выше уровня простых людей. Они зашли в своем заблуждении так далеко, что судят о речах, достигших совершенства, по судебным «залоговым» речам, трактующим о частных сделках, как если бы те и другие должны были быть одинаковы, а не отличаться друг от друга, одни — простотой, другие — изысканностью стиля. Эти люди думают, что только они одни знают надлежащую меру, и поэтому тот, кто пускается в тонкие рассуждения, не способен ничего сказать просто. (12) Совершенно ясно, что они хвалят тех, кто сходен с ними по уровню развития. Не для них я предназначаю свои речи, а для тех, которые не потерпят любой небрежно сказанной фразы, но будут ею возмущены; для тех, кто найдет в моих речах качества, которых не сможет обнаружить у других. Обращаясь к ним, я дерзну сказать еще несколько слов о себе самом, а затем уже прямо перейду к делу. (13) Я вижу, что другие ораторы в своем вступлении пытаются расположить к себе слушателей, представляя различные доводы в защиту речи, которую они собираются произнести 8. Одни говорят, что только что подготовились к выступлению, другие, что трудно найти слова, равные по своему значению величию дел 9. (14) Я же проту вас, если моя речь окажется недостойной избранной темы, моего доброго имени и не только времени, потраченного мною на ее составление, но и всей моей жизни, не относиться ко мне снисходительно 10, но подвергнуть меня насмешкам и презрению; в этом случае я, по справедливости, должен претерпеть все упреки подобного рода, если, в самом деле, ни в чем не превзойдя других, я беру на себя такие большие обязательства ¹¹.

О делах, которые касаются меня лично, я сказал достаточно (15) и перехожу к делам общественным. Есть ораторы, которые, поднявшись на кафедру, сразу же поучают нас. Они говорят, что следует, прекратив взаимную вражду, обратиться против варвара ¹². Они подробно перечисляют несчастья, постигшие нас вследствие междоусобной войны, и выгоды, которые принесет поход против персов. Эти ораторы говорят правду, но они начинают не с того, что могло бы помочь лучше понять эти события. (16) Одни из эллинов находятся под нашим влиянием, другие — под

 $^{^6}$ Буквально: «Философия, имеющая дело с ораторским искусством» ($\dot{\eta}$ περί τοὺς λόγους φιλοσοφία). Исократ требует от красноречия, как науки, глубокой теоретической основы, предварительного научного исследования и точного определения кажного термина

дого термина.

⁷ Следую в переводе этой фразы: Е. Міккоla, Isokrates, Helsinki, 1954, стр 6, прим. 1.

Cp. Ps.-Lys., Epitaph., 1; Hyper., Epitaph., 2; Isocr., Paneg., 36—38.
 Cp. C. Soph., 4.

Принимаем чтение: παρακελεύομαι μηδεμίαν μοὶ συγγνώμην.
 Ср. § 187.

¹² Артаксеркса II (404—359).

влиянием лакедемонян. Политический строй городов распределен среди большинства из них точно таким же образом. Как наивен и далек от правильного понимания событий тот, кто думает, что остальные эллины совершат совместно что-нибудь хорошее до примирения между собой тех, кто их возглавляет. (17) Тот же, кто хочет не только блеснуть своим красноречием, но и добиться каких-нибудь результатов, должен найти такие слова, которые убедят оба эти государства предоставить друг другу равные права, поделить гегемонию и получить от варваров те преимущества, которые они желают теперь получить от эллинов 13. (18) Наш город склонить к этому легко; убедить лакедемонян еще трудно, ибо они унаследовали ложную идею, будто гегемония принадлежит им по законам отцов. Но если доказать, что эта честь скорее принадлежит нам, чем им, они, без сомнения, прекратят споры по этому вопросу и обратятся к тому, что полезно.

(19) Именно с этого и следовало бы начинать ораторам, советуя то, с чем мы все согласны, только после разъяснения спорных вопросов. Мне же необходимо обратить на это внимание по двум причинам: чтобы добиться практического результата, прекратить наше соперничество и общими силами начать войну с варварами 14, (20) а если это невозможно, то показать, кто стоит на пути к счастью эллинов, чтобы всем стало ясно, что и наш город по праву господствовал на море прежде и справедливо претендует на гегемонию теперь. (21) Если в каждом деле заслуживают уважения люди наиболее опытные и способные, то бесспорно нам принадлежит право вернуть гегемонию, которой мы обладали раньше: ведь никто не может указать го́рода, настолько превосходящего другие в сухопутной войне, насколько наше — в морских сражениях. (22) Некоторые не согласны с этим, поскольку происходит много перемен и власть никогда не остается в одних и тех же руках; по их мнению, гегемония, как и всякая награда, должна принадлежать первым, кто добился этой чести, или тем, кто оказал эллинам больше услуг. Я думаю, что и эти люди — на нашей стороне. (23) Чем дальше отойдем мы в глубь нашего прошлого для рассмотрения этих двух вопросов, тем раньше мы опередим наших соперников. Наш город признается всеми самым древним 15, самым великим 16 и самым прославленным в мире. Прекрасно было его начало, но еще более мы вправе гордиться тем, что последовало за этим. (24) Когда мы поселились в нашей стране, она не была пустынной 17, но мы никого не изгнали из ее пределов ¹⁸. Мы не смешаны с другими, не собраны из разных племен. Наше происхождение так чисто и благородно, потому что землю, от которой мы родились, мы заселяем испокон веков. Мы — автохтоны ¹⁹ и можем обращаться к нащему городу с теми же именами, какими мы называем самых близких своих родственников. (25) Из всех эллинов только мы одни имеем право называть нашу землю кормилицей, родиной, матерью. Таким и должно быть начало истории у тех, кто хочет испытывать чувство законной гордости за свою страну, по праву оспаривать гегемонию и никогда не забывать заветы предков.

(26) Столь велики преимущества, принадлежавшие нам с самого нача-

¹³ Cp. Phil. 9, где эта мысль высказывается почти в тех же выражениях. 14 Точная заключительная формулировка основной цели этой речи. С § 20 пере-

ход к эпидектической части. ¹⁵ Ср. Него d., VII, 161; I so c r., Panath., 1924. ¹⁶ То же ср. Helena, 35; A n t i d., 299.

 ¹⁷ Афиняне полагали, что сама земля породила их.
 18 Ср. Lys., II, 17 (близкая параллель). Намек на спартанцев, которые заняли земли в Пелопоннесе, изгнав оттуда аборигенов.

¹⁹ Представление об автохтонности широко представлено в искусстве и литературе Афин.

ла и дарованные нам судьбой. Благодеяния же, оказанные нами другим, мы можем проследить всего лучше, рассматривая последовательно историю и подвиги нашего города со времени его возникновения. Тогда мы увидим, что не только в военных подвигах наш город служил примером, но и создал почти полностью тот порядок ²⁰, (27) который мы сохраняем в своей частной и государственной жизни и благодаря которому можем существовать. Предпочтение же необходимо отдавать не благодеяниям, столь незначительным, что они остались незамеченными, но тем, о которых все люди, как прежде, так и теперь, повсюду вспоминают и говорят вследствие их важного значения.

(28) Прежде всего, благодаря нашему городу люди получили то, что составляет главную потребность человеческой природы. Предание об этом легендарно, но тем не менее заслуживает напоминания. Скитаясь после похищения Коры, Деметра пришла в эту страну и милостиво отнеслась к нашим предкам, оказавшим ей услуги, о которых никому не дозволено слышать, кроме посвященных. Она дала им два величайших дара: полевые злаки, благодаря которым мы не живем как звери, и мистерии, внушающие причастным к ним более светлые надежды о конце жизни и всей вечности 21. (29) Наш город был не только любимцем богов, но и другом людей: обладая столь великими благами, он никому не отказывал в них и поделился со всеми тем, что получил ²². Мистерии и теперь мы свершаем ежегодно; что же касается полевых злаков, то наш город сразу научил и других, как их сеять, обрабатывать и как пользоваться ими. (30) Чтобы ни у кого не было в этом никаких сомнений, добавлю еще несколько слов. Во-первых, если кто-либо отвергнет наши слова как старинное предание, он тем самым прямо признал бы, что эти события действительно происходили: многие говорят о них, и все о них знают; именно поэтому и нужно считать рассказ о них заслуживающим доверия, хотя и не новым. Кроме того, мы можем сослаться не только на древность этого рассказа и этого предания, но привести и более веские доказательства. (31) Большинство городов в память об этом благодеянии ежегодно посылает нам начатки урожая; тем же, кто не выполнил этого, Пифия неоднократно приказывала вносить свою долю жатвы ²³ и впредь по отношению к нам соблюдать обычай отцов. Почти все эллины признают веления божества, древние предания подтверждаются обычаями нашего времени, а рассказы старинных времен согласуются с тем, что происходит теперь, - так неужели нужно искать доказательств еще более ясных? (32) Независимо от этих соображений, обратив наши взгляды к древнейшим временам, мы увидим, что первые люди, появившиеся на земле, не сразу нашли пропитание такое, как в наше время, но лишь мало-помалу, совместными усилиями добились этого для себя. Что же это за люди, которые получили такой дар от богов или открыли его сами своими силами?24 Не те ли, кто первыми, по всеобщему признанию, пришли в страну, кто по природе были ода-

 $^{^{20}}$ В подлиннике: τ η̃ς хатасхευη̃ς. Смысл слова определяется дальнейшим содержанием: $\dot{\eta}$ хатасхеυ $\dot{\eta}$ обозначает сумму постановлений, относящихся к частной и общественной жизни граждан.

²¹ Вся обрядная сторона мистерий, гимны, изречения и театрализованные представления внушали посвященным представления об ожидающем их после смерти бессмертии и блаженстве.

²² Ср. также Plato, Menex., 238 A; ср. Сіс., Flaccus, 62: adsunt Athenienses unde humanitas, doctrina, religio, fruges, iura, leges ortae atque in omnes terras distributae putantur.

 $^{^{23}}$ Этот обычай засвидетельствован эпиграфическими источниками. О дельфийском оракуле и $\alpha\pi\alpha\rho\chi\alpha$ городов см. R. Preller, Griech. Mythologie, I, 1894, стр. 773, 3.

²⁴ Взгляд на постепенное развитие цивилизации часто встречается у греков: ср. A e s c h., Prometh., 447 сл.; E u r., Suppl., 201 сл.: ср. X e n., fr. 18 (Diels) и др.

рены способностью к искусствам и наибольшим благочестием к богам? Виновники этих благодеяний заслуживают самой большой награды, и невозможно придумать такую, которая равнялась бы их заслугам ²⁵.

- (34) Мы сказали все, что могли, о благодеянии, величайшем из всех, самом первом и относящемся ко всему человечеству. Примерно в то же время варвары занимали большую часть земли, а эллины были заперты на небольшом пространстве. Недостаток земли вынуждал их враждовать и воевать друг с другом. Наш город не остался равнодушным, видя, что одни погибают от отсутствия пропитания, другие — на полях сражений. (35) Он послал по городам полководцев, которые объединили и возглавили наиболее нуждающихся эллинов, одержали победу над варварами, основали много городов на обоих материках и заселили все острова. Так спасли они сразу и оставшихся дома и тех, кто последовал за ними 26. (36) Одним они оставили достаточно земли на родине, для других же завоевали больше, чем у них было: созданные ими колонии опоясали всю землю, которую мы теперь занимаем. Это облегчило путь и тем городам, которые позже, подражая нашему городу, захотели вывести колонистов; им уже не было надобности подвергать себя опасности при захвате земель: они заселяли территорию, уже завоеванную нами. (37) Кто бы мог указать гегемонию, более исконную, чем эта? Ведь она существовала еще до возникновения большинства городов. Можно ли найти более полезную, чем она? Ведь с ее помощью были изгнаны варвары, а эллины достигли такого благосостояния.
- (38) Оказав помощь в самом главном, наш город не пренебрегал и другим. Стремление обеспечить пропитание нуждающимся ²⁷ повлекло за собой новые благодеяния; так и должны поступать те, кто стремится хорошо руководить хорошими начинаниями ²⁸. Понимая, что жизнь, ограниченная только насущными потребностями, не вызывает желания ее продолжить, наш город позаботился и обо всем остальном. Из прочих доступных нам благ, которые мы получаем не от богов, но добываем собственными усилиями, ничто не возникло без участия нашего города, но большей частью приобретено с его помощью. (39) Наш город застал эллинов живущими разобщенно и без законов, одних — под гнетом тирании, других — во власти анархии. Он избавил их от этих бедствий, приняв под свою власть одних и став примером для других. Ибо наш город первый составил законы и установил правильный государственный строй 29. (40) И вот доказательство: первые из эллинов, судившиеся по делам об убийствах, обращались к суду наших законов, если хотели решить тяжбу на основе разума, а не насилия ³⁰. То же касается искусств, как полезных для изготовления предметов, необходимых в жизни, так и созданных для наслаждения ею. Наш город изобрел одни, оценил значение других и предоставил их для общего употребления. (41) Организация общественной жизни основывалась на гостеприимстве и благожелательности ко всем — как к беднякам, нуждающимся в деньгах, так и к тем, кто хотел

²⁵ Основная мысль, брошенная в § 25, развивается и в § 30—33: честь (τιμή), которую афиняне заслужили своими благодеяниями (ἀγαθά), это — гегемония (ἡγε-

μονία).

26 «Ионийская миграция» под руководством Афин, согласно традиции, осуществлялась на малоазийских островах (Самос, Хиос), а также на побережье Малой Азии и берегах Черного моря; ср. Т h u c., 1, 2, 6. I s о с г., Panath., 43—44, 166, 190.

27 Ср. почти в тех же словах: I s о с г., Busir., 15.

 $^{^{28}}$ Принимаем дополнение (у Budé) вместо τῶν ἄλλων καλῶς διοικήσειν — τῶν άλλων καλῶν καλῶς διοικήσειν.

²⁹ Объединение Аттики в единое государство приписывалось царю Тесею («Тесеевский синойкизм»).

³⁰ Имеется в виду суд Ареопага, к которому, по преданию, первым обратился Арей, бог войны:

пользоваться своим богатством; наш город привлекал и тех, кто преуспевал в жизни, и тех, кто был несчастлив у себя на родине. Все они находят у нас то, в чем нуждаются — и самые приятные развлечения и самое безопасное убежище. (42) Ни один из народов не владеет землей, полностью удовлетворяющей его потребности: одного она приносит мало, другого — больше, чем нужно; создается безвыходное положение — куда продать одно и откуда достать другое. И в этом случае наш город разрешил и эти трудности: в центре Эллады был создан торговый порт — Пирей; в нем такое изобилие всего, что товары, которые можно найти лишь с трудом и порознь в различных местах, здесь легко получить все и сразу.

(43) Справедливо хвалят основателей всенародных празднеств за переданный нам обычай — заключать перемирие 31 и, прекратив возникшие раздоры, собираться в одном и том же месте; после совместных обетов и жертвоприношений, мы вспоминаем о родстве, существующем между нами, и сохраняем на будущее более дружественные чувства, укрепляя старые и создавая новые связи взаимного гостеприимства. (44) Пребывание здесь полезно и простым людям и атлетам; когда собираются эллины, одни показывают свои дарования, другие наслаждаются этим зрелищем. Равнодушным не остается никто. Каждый может удовлетворить свое честолюбие: арители, глядя на атлетов, не жалеющих для них труда, атлеты же, радуясь массе зрителей, пришедших только ради них. Много хорошего влекут за собой такие собрания, и наш город не уступает в них другим. . (45) В городе — много прекрасного, на что стоит посмотреть: одно поражает затраченными суммами, другое славится своими художественными достоинствами, третье соединяет и то, и другое. А число прибывающих к нам так велико, что если существует какая-нибудь польза во взаимном сближении людей, то и это преимущество принадлежит городу. У нас более, чем где бы то ни было, можно найти самую верную дружбу и встретить самое разнообразное общество; можно присутствовать на состязаниях не только в быстроте и силе, но и в красноречии, уме и во всех других видах деятельности — и за это установлены высщие награды. (46) Наш город не только сам устанавливает награды, но склоняет к этому и другие города: решения, принятые нами, пользуются такой славой, что все люди дорожат ими. Более того, — другие всенародные празднества созываются через большие промежутки и быстро заканчиваются, а наш город для всех приезжающих — вечный всенародный праздник.

(47) Все это помогла открыть и провести в жизнь философия; она воспитала нас для общественной жизни и смягчила наши нравы; она научила нас отличать несчастья, вызванные невежеством, от вызванных необходимостью, одних — остерегаться, другие — мужественно переносить. Эта философия была открыта нашим городом. Наш город окружил почетом красноречие, к которому все стремятся, завидуя тем, кто им обладает. (48) Наш город хорошо понимал, что дар слова — единственное преимущество, дарованное нам природой и выделяющее нас из мира животных: 32 благодаря этому дару мы превзошли их и во всем остальном. Город знал о превратностях судьбы. Ведь и в других видах нашей деятельности рассудительные люди часто терпят неудачу, а глупцы преуспевают, тогда как художественно обработанные речи недоступны невеждам, но по силам лишь людям рассудительным. (49) Именно в этом и состоит резкое различие между людьми учеными и невеждами. Наш город понимал, что человека узнают не по мужеству, богатству или другим таким

IV, 3.

³¹ Термин σπεισάμενοι обычно относится к заключению общегреческих священных перемирий во время панегирий.
32 О силе и значении λογοι ср. Nicocl., 5—9; Antid., 273; Xen., Mem.,

же преимуществам. Людей, получивших с детства воспитание, достойное свободного человека, можно узнать главным образом по их речи. Это и составляет самый верный признак такого воспитания, полученного каждым из нас. Люди, хорошо владеющие словом, не только пользуются влиянием в своем государстве, но и за его пределами окружены почетом. (50) Наш город настолько опередил других людей в искусстве мыслить и выражать свои мысли, что его ученики ³³ стали учителями других, а самое имя эллина становится уже обозначением не происхождения, нокультуры. Эллинами чаце называют получивших одинаковое с нами образование, чем людей одного и того же происхождения. (51) Может быть, я слишком задерживаюсь на частных вопросах и превозношу за них наш город, хотя и обещал говорить относительно общего положения дел. Это не потому, что я не в состоянии похвалить его за военные подвиги; я ограничусь сказанным для тех, кто похваляется такими же заслугами, тем более, что наши предки заслужили не меньшую славу своим мужеством: на войне, чем и другими благодеяниями. (52) Не в малых, редких или бесславных битвах выстояли они, но во многих, страшных и великих, сражаясь и за свою страну, и за свободу других. Во все времена наш город оставался общим убежищем ³⁴ и всегда вставал на защиту притесняемых эллинов. (53) Именно поэтому некоторые и осуждают нас, считая неправильным наше решение всегда поддерживать более слабых ³⁵: как будто такие упреки не служат для нас лучшей похвалой. Не потому мы принимаем эти решения, что недооцениваем значение союза с могущественным государством для нашей собственной безопасности: наоборот, зная гораздо лучше, чем кто-либо, о возможных последствиях нашего поведения, мы все же принимаем твердое решение помогать слабым даже вопреки собственным интересам вместо того, чтобы, объединившись с сильными, ради выгоды расправляться со слабыми.

(54) О характере и силе нашего государства можно судить по тем просьбам о защите, с которыми некоторые уже обращались к нам. Я не буду упоминать ни о просьбах, бывших недавно, ни о тех, которые касались мелочей. Задолго до Троянской войны — вот еще где следует искать доказательства тем, кто спорит о праве на наследие предков, - пришли сыновья Геракла 36, а немного раньше их Адраст, сын Талая, царь Аргоса 37. (55) Последний, потерпев поражение в походе против Фив, не мог сам предать погребению тела павших под Кадмеей. Он обратился к нашему городу с просьбой оказать ему помощь в этой общей беде, не допустить, чтобы тела павших остались без погребения в нарушение древнего обычая и закона отцов. (56) И сыновья Геракла, спасаясь бегством от преследований Еврисфея, минуя другие государства, как неспособные помочь им в беде, признали только наш город достойным отблагодарить их

³³ Ср. Antid., 296; Тhuc., II, 41, 1.
³⁴ Ср. Thuc., II, 39, 1. Гостеприимство афинян противопоставляется здесь ксенеласии спартанцев. Ср. также речь Прокла из Флиунта у Ксенофонта: X е п., Hell.,

VI, 45, ср. I s o c r., De pace, 138.

35 Ср. A n d o c., De pace, 28; P l a t o, Menex., 244 E; D e m o s t h., Lept., 3.

36 По преданию Геракл был всю жизнь рабом своего брата Еврисфея, царя Микен. После смерти Геракла сыновья последнего были изганы Еврисфеем из Пелопоннеса. Обратившись с просьбой об убежище к Афинам, они встретили гостеприимный прием у царя Тесея. Разгневанный Еврисфей выступает в поход против Афин, но тернит поражение и погибает, убитый старшим сыном Геракла Гиллом.

³⁷ В борьбе аргивян с фиванцами у стен Фив погибли шесть предводителей аргивян. Фиванцы отказываются выдать их тела для погребения. Адраст, оставшийся в живых один из семи, находит убежище в Афинах. По требованию Афин Фивы должны были выдать тела погибших их родственникам для погребения. Оба эти предания постоянно упоминаются и у Исократа, и у других ораторов. Возможно, что Исократ следовал еврипидовской версии этих мифов.

за подвиги отца, оказанные всем людям. (57) Из этого легко понять, что уже с тех времен наш город обладал гегемонией. Кому пришло бы в голову, сставляя в стороне сильных, особенно когда это касается общественных, а не личных интересов, обращаться с просьбой к более слабым или к тем, кто сам находится под властью других. Только тот, кто по достоинству стоит во главе эллинов, мог позаботиться о таких делах. (58) Обратясь к нашим предкам, Гераклиды не обманулись в своих надеждах. Афиняне вступили в войну и с фиванцами за тела павших ³⁸, и с Еврисфеем — в защиту детей Геракла. Фиванцев они заставили выдать родственникам для погребения тела павших, что же касается пелопоннесцев, ворвавшихся с Еврисфеем в нашу страну, афиняне выступили им навстречу и одержали победу, усмирив заносчивость царя. (59) И хотя наши предки уже вызывали восхищение другими подвигами, после этих побед слава их еще больше возросла. Ничего не делая наполовину, они настолько изменили судьбу того и другого, что Адраст, считавший возможным лишь умолять нас о помощи, вернулся на родину, вопреки своим врагам, добившись всего, о чем просил; Еврисфей же, рассчитывая подавить нас силой, сам попал в плен и вынужден был просить пощады. (60) И это после того, как он провед всю свою жизнь повелевая, мучая того, кто по своему происхождению стоял выше человеческой природы, сына Зевса; кто, еще будучи смертным, отличался силой бессмертного; когда же Еврисфей оскорбил нас, судьба его настолько изменилась. что. оказавшись во власти детей Геракла, он позорно окончил свою жизнь.

(61) Несмотря на то, что мы оказали много благодеяний городу лакедемонян, я ограничусь только сказанным выше. Благодаря оказанной нами помощи, предки правящих ныне царей Лакедемона ³⁹, потомки Геракла, смогли вернуться в Пелопоннес; они овладели Аргосом, Лакедемоном и Мессеной, основали Спарту и стали для ее населения создателями всех благ, которыми они теперь пользуются. (62) Помня об этом, они не должны были допускать ни одного вторжения 40 в ту страну, выйдя из которой они достигли такого процветания, ни тем более подвергать опасности наш город, который первым поставил себя под угрозу из-за детей Геракла; предоставляя царскую власть его же потомкам, нельзя стремиться к порабощению того самого города 41, которому они обязаны спасением всех поколений своего рода. (63) Если даже, оставляя в стороне благодарность и справедливость, вернуться к основному вопросу и привести самые неопровержимые доказательства, то станет очевидным, что несовместимо с отечественными обычаями прищельцам господствовать над автохтонами, облагодетельствованным над благодетелями, умоляющим о защите над предоставившими им убежище. (64) Я могу пояснить это еще короче. Из эллинских городов, кроме нашего, Аргос, Фивы и Лакедемон были и остаются самыми значительными ⁴². Ясно, что наши предки превзошли всех эллинов, если, в защиту потерпевших поражение аргивян, они диктовали условия фиванцам, когда те особенно возгордились. (65) Для защиты детей Геракла они силой оружия победили аргивян и остальных пелопоннесцев, освободив основателей и вождей Лакедемона от опасности борьбы с Еврисфеем. Я не думаю, чтобы кто-нибудь другой смог привести более ясные доказательства относительно права на власть в Элладе.

 ³⁸ Здесь Исократ придерживается версии, наиболее распространенной.
 ³⁹ Имеются в виду оба царских рода — Еврипонтиды и Агиады.

⁴⁰ Намек на Пелопоннесскую (Архидамову) войну, во время которой спартанцы неоднократно вторгались в Аттику.

⁴¹ Во время тирании тридцати в Афинах. ⁴² Ср. ту же мысль: Phil., 30—34, 47—56.

- (66) Мне следует, кажется, сказать также об отношениях нашего города с варварами, особенно в связи с тем, что содержанием моей речи является вопрос о гегемонии над ними. Перечисление всех военных столкновений слишком удлинит мою речь. Поэтому, задерживаясь лишь на главном, так же как и несколько раньше, я постараюсь проследить и эти наши заслуги. (67) Наиболее властолюбивые из племен и самые могущественные — скифы, фракийцы и персы. Все они злоумышляли против нас, и наш город постоянно подвергался опасности в борьбе против всех них. Кто же из наших противников мог бы спорить с такими очевидными фактами: ведь эллины, которым не удалось добиться справедливости, обращались к нам с просьбами о защите, а варвары, стремясь поработить эллинов, прежде сего выступали против нас?
- (68) Самой знаменитой из войн была война с персами. Однако для тех, кто оспаривает права отцов, конечно, еще большее значение имеют свидетельства о древних подвигах. В то время, когда Эллада была еще слаба, пришли в нашу страну фракийцы с Евмолиом, сыном Посейдона 43, и скифы с амазонками, дочерьми Арея 44,— не в одно и то же время, но когда каждый из них пытался распространить свою власть над Европой. И хотя они ненавидели весь род эллинов, но обратились с притязаниями именно против нас 45, полагая, что, одержав победу над одним городом, они овладеют сразу всеми. (69) Тем не менее они не достигли успеха: сразившись с одними только нашими предками, они потерпели такое поражение, как если бы они воевали с целым миром. Насколько велики были постигшие их беды ясно из следующего: если бы эти события не были из ряда вон выходящими, предание о них не сохранилось бы в течение столь длительного времени. (70) Относительно амазонок рассказывают, что из пришедших сюда ни одна не вернулась обратно, а оставшиеся на родине были лишены власти из-за постигшей их здесь неудачи. Фракийцы, бывшие раньше нашими соседями 46, настолько далеко отошли от границ после похода, что на этой свободной земле, отделившей нас от них, поселилось много племен и различных народов и были основаны большие города.
- (71) Как прекрасны эти дела и как достойны они тех, кто оспаривает право на гегемонию. Подвиги, близкие к упомянутым и достойные потомков таких предков, совершили те, кто боролся против Дария и Ксеркса. Это произошло, когда разразилась величайшая война; множество несчастий обрушилось на нас одновременно. Враги считали себя непобедимыми, благодаря своей многочисленности, а наши союзники полагали, что никто не может превзойти их в доблести. (72) Но афиняне одержали верх и над теми и над другими, как и подобало превзойти каждого из них 47. Отличившись во всех опасностях, они сразу же были признаны достой-

⁴³ Евмоли, сын Посейдона, был царем Элевсина и жрецом Деметры; жрецы Элевсина возводили к нему свою родословную. Исократ, как и Еврипид (ср. фрагмент из трагедии «Эрехтей» у Ликурга: Leocr., 98—100), принимает другую версию о фракийском происхождении Евмолпа. Эта легенда тесно связана и с преданием о борьбе Афин и Посейдона за обладание землей Аттики.

⁴⁴ Амазонки, мстя за похищение своей царицы Антиопы (или Ипполиты, ср. Рапаth., 193) Тесеем, вторглись в Афины. Сцены борьбы амазонок с афинянами изображены Фидием на щите Афины в Парфеноне, где Тесею художник придал черты Перикла. Ср. также Archid., 42; Areop., 75: Ps.-Lys., Epitaph., 4 сл. и др.

45 Эти притязания изложены в Panath., 193.

⁴⁶ Группы населения, жившие на восточных склонах Парнаса и Геликона, по мнению древних, имели фракийское происхождение.

⁴⁷ Т. е. врагов афиняне превзошли победами, а спартанцев — доблестью и мужеством. Ср. Lyc., 70 (о битве при Саламине).

ными награды за доблесть 48 и позднее достигли господства на море 49, предложенного им эллинами, не встречая никаких возражений со сто-

роны тех, которые теперь пытаются отнять его у нас.

(73) Не думайте, что я не знаю о важных услугах, оказанных в то время эллинам лакедемонянами. Поэтому-то я и считаю нужным воздать еще большую хвалу нашему городу, что он смог настолько превзойти таких соперников. Я хочу несколько подробнее и не торопясь рассказать об этих двух государствах, чтобы вспомнить сразу и о доблести наших предков и о вражде их к варварам. (74) Я хорошо понимаю, как трудно выступать последним по вопросам, давно обсужденным и о которых часто говорили самые красноречивые граждане на общественных похоронах ⁵⁰. Естественно, что важнейшие из этих событий уже всесторонне обсуждены и остаются лишь маловажные. Однако, поскольку это полезно для дела, я должен без колебаний вспомнить и о том, что не было сказано другими.

(75) Те люди, которые рисковали своею жизнью за Элладу, виновники многочисленных благодеяний, заслуживают, по моему мнению, и величайшей похвалы ⁵¹. Однако несправедливо было бы забывать и о тех, кто жил и стоял у власти в каждом из двух городов до этой войны ⁵². Ведь именно они подготовили к этому следующие поколения, побудив народ обратиться к добродетели и создав грозных противников варварам. (76) К общественному достоянию они не относились беспечно, пользуясь им как своим, пренебрегая как чужим, но заботились о нем, как о собственном имуществе; они воздерживались от посягательств на него, как если бы оно ничуть им не принадлежало⁵³, и о счастье судили они не по деньгам. Только тот, кто совершает дела, достойные наибольшей похвалы ему самому, а его детям приносят величайшую славу, казался им обладателем самого прочного и лучшего богатства. (77) Они соревновались друг с другом не в наглости и не безрассудством кичились друг перед другом. Дурная слава среди граждан была для них гораздо страшнее славной смерти за свой город. Они больше стыдились общих ошибок, чем теперь стыдятся своих собственных. (78) Объясняется это тем, что они наблюдали за точностью и справедливостью законов; при этом не столько касавшихся частных сделок, сколько тех, которые определяли повседневное поведение людей. Они знали, что лучшим людям нет надобности во многих предписаниях ⁵⁴, но при помощи немногих соглашений можно без труда добиться единомыслия и в частных, и в общественных делах.

⁴⁸ О всеобщем признании афинских заслуг Исократ говорит не раз; ср. выше § 99; Агеор., 75; De Расе, 76; с этим интересно сопоставить свидетельства Геродота: Нег., VIII, 97; IX, 71.

49 Имеется в виду возникновение Афинского морского союза в 478/7 г. Ср. Аге-

ор., 17; Panath., 67.

10 Имеются в виду эпитафии, цель которых прославление Афин и афинских полжностными лицами в конце каждого граждан. Они, как правило, произносились должностными лицами в конце каждого года войны при погребении павших на поле битвы. Подробнее об этом см. Творения Платона, т. IX, Л., Academia, 1924; Платон. Менексен, пер. и комм. А. Болдырева, стр. 101—102. В эпитафиях афинский полис представлялся как единственное государство, имеющее справедливые обычаи и законы. Наиболее ранняя речь этого рода, насколько мы знаем, была произнесена Периклом в конце первого года Пелопоннесской войны. От эпитафия Горгия сохранились лишь фрагменты (произнесен вскоре ской войны. От эпитафия Горгия сохранились лишь фрагменты (произнесен вскоре после 347 г. до н. э.); известен эпитафий, приписываемый Лисию, в честь афинян, навших в Коринфской войне (394 г.); эпитафий, приписываемый Демосфену, в честь павших в битве при Херонее (D е m., X); эпитафий Гиперида в честь павших в Ламийской войне (323 г. до н. э.). Ср. у Платона эпитафий Сократа: Мепех., 236 D сл.

51 Это говорится обычно о воинах, сражавшихся при Марафоне.

52 К этой теме Исократ возвращается в речах: «Ареопагатик» и «О мире».

53 Ср. об этом же: Агеор., 24; N i с о с 1., 21. Также ср. De mut., 24; X е п., Мет.. III. 5.

Mem., III, 5.
54 Cp. Areop., 41.

(79) Их патриотизм был так велик, что они боролись друг с другом не для того, чтобы властвовать над остальными после гибели соперников, но чтобы первыми оказать услугу городу; не для личной выгоды, но для блага народа создавали они политические союзы ⁵⁵. (80) В таком же духе руководили они и внешними сношениями: не оскорбляли эллинов, но оказывали им услуги; считали своим долгом быть полководцами, а не тиранами и стремились к тому, чтобы их называли вождями, а не деспотами, считали спасителями, а не разрушителями. Не насилиями они привлекали к себе государства, но благодеяниями. (81) Их слова были достойны большего доверия, чем теперь у людей клятвы ⁵⁶; они считали необходимым твердо следовать заключенным соглашениям как законам природы. Они гордились не столько властью, сколько умеренностью образа жизни; они относились к более слабым так, как хотели бы, чтобы более сильные относились к ним самим; свои государства они считали отдельными городами, а общей отчизной — лишь Элладу. (82) Руководствуясь такими убеждениями и младших воспитывая в тех же правах, они представили нам в лице сражавшихся против полчищ азиатов примеры такой доблести, что никто из поэтов или ораторов еще ни разу не смог сказать о них ничего достойного их подвигов. И это понятно: хвалить тех, кто превзошел других своей доблестью, так же трудно, как и не ϕ овершивших ничего хорошего; ибо у одних нет заслуг, а для других не найти достойных слов. (83) Разве можно найти слова, соразмерные величию этих людей, настолько превзошедших воинов, участвовавших в походе протиь Трои?⁵⁷. Те потратили десять лет на один единственный город, а эти в короткий срок одолели войска всей Азии и не только спасли свою собственную родину, но и освободили всю Элладу. Перед какими же подвигами, трудами и опасностями отступили бы они ради славы при жизни, если с такой готовностью принимали смерть, приносившую им лишь посмертную славу? (84) Мне даже кажется, что кто-то из богов, восхищенный их доблестью, породил эту войну. Он не хотел позволить людям, столь богато одаренным, прожить свою жизнь незаметно и умереть в неизвестности. Он желал для них той же славы, какой достигли дети богов, называемые полубогами. Хотя тела своих сыновей боги подчинили неизменным законам природы, но память об их доблести сделали бессмертной.

(85) Наши предки всегда соперничали с лакедемонянами. Но в те времена они боролись за самое высокое в жизни. Они считали друг друга не врагами, а соперниками. Они не заискивали перед варварами 58 в целях порабощения Эллады, но, единодушные в мыслях об общем спасении, они спорили лишь о том, кто из них первым добьется этой чести. Свою доблесть 59 они показали прежде всего в борьбе с войсками, посланными Ларием 60. (86) Когда персы высадились в Аттике, афиняне не дожидались своих союзников. Превратив общую войну в свое личное дело, они выступили только с собственным немногочисленным войском против десятков тысяч тех, которые с презрением отнеслись ко всей Элладе, как

особенно после 394 г.

⁵⁵ Cp. Paneg., 168. О роли гетерий в борьбе партий как центров олигархических заговоров ср. T h u c., VIII, 54; A r i s t., Pol. Ath., 34.

56 Cp. N i c o c l., 22, 24.

⁵⁷ Широко распространенное сравнение, особенно в ораторском искусстве. Впервые оно встречается в речи Перикла по поводу взятия Самоса (Plut., Per., 28). У Исократа встречается также: ниже § 186; Phil., 111—112 (О Геракле); Evag., 65; ср. Нурег., Еріt., 20 (о Леосфене).

58 Намек на отношение эллинов к персам в Декелейской войне и в IV в. до н. э.,

⁵⁹ Принимаем чтение τὰς ἀρετάς (Budé) вместо τὰς ἐμψνχίας. 60 Главы 85—87 представляют близкую параллель к Эпитафию Тисевдо-Лисия; cp. Epit., 23-26.

если бы им предстояло рисковать не своей, а чужой жизнью 61. Лакедемоняне же, узнав о войне в Аттике, пренебрегли всем остальным и пришли к нам на помощь с такой поспешностью, как будто их собственная страна подверглась опустошению. И вот доказательство их быстроты и рвения: (87) рассказывают, что в один и тот же день наши предки узнали о высадке варваров, выступили на помощь к границам страны, одержали победу в сражении и поставили трофей над врагами. Лакедемоняне же в течение трех дней и трех ночей прошли в боевом строю 1200 стадий 62. Одни спешили разделить опасность, другие — вступить в бой до прихода союзников. (88) После этого был и второй поход, который возглавил сам Ксеркс 63. Покинув дворец, он дерзко принял на себя верховное командование войском, собранным им из всей Азии. И разве не оказались бы любые преувеличения ораторов слабее того, что было в действительности? (89) Заносчивость Ксеркса дошла до таких пределов, что он, считая пустяком покорение Эллады, надеялся оставить по себе памятник, превышающий возможности человеческой природы. Он остановился лишь после того, как придумал и заставил выполнить то, о чем все не устают говорить. Соединив берега Геллеспонта и прорыв канал через Афон, он вынудил свое войско плыть по суше и пройти пешком по морю 64. (90) Против этого честолюбца, совершившего столь великие дела, против повелителя многочисленных народов выступили навстречу, разделяя опасность, лакедемоняне в Фермопилах против пехоты, отобрав 10 тысяч из своих и присоединив немного союзников 65, чтобы в узком проходе помешать им продвинуться дальше; а наши отцы, снарядив 60 триер, встали у Артемисия против всего неприятельского флота 66. (91) Причиной такой решимости было не столько презрение к врагам, сколько взаимное соперничество. Лакедемоняне, завидуя победе нашего города при Марафоне, стремились сравняться с нами, боясь, как бы наш город не оказался дважды виновником спасения эллинов. А наши предки 67 желали сохранить приобретенную славу и доказать всем, что прежней победой они обязаны не счастливому случаю, но лишь своей доблести. Им нужно было также побудить эллинов к морскому сражению, показав, что на море, как и на суше, доблесть берет верх чад многочисленностью 68. (92) Хотя отвага тех и других была равной, счастье их было неодинаковым. Лакедемоняне, победив духом, изнемогли телом и погибли; однако было бы кощунством считать их побежденными, ибо никто из них не счел достой-

⁶¹ Качественное отличие § 85—87, посвященных победе при Марафоне и еди-нодушию эллинов во время войн с персами, от обычных надгробных речей, состоит в том, что, помимо обычного восхваления «наших предков», Исократ присоединяет сюда и лакедемонян. Искажение действительного хода событий и тезис о единодушии афинян и спартанцев нужен в качестве основы для дальнейшей аргументации основного содержания его речи — о необходимости установления единодушия среди всех эллинов для борьбы с персами (т. е. прежде всего о единодушии афинян и спартанцев).

⁶² Ср. Нег., VI, 103—120.
63 Походу Ксеркса посвящены VII—IX книги Геродота.
64 Ср. Нег., VII, 22—24; Аевсh., Pers., 745 сл. Ср. Рв. - Lув., Ерітарh., 29.
65 Исократ сильно преувеличивает силы лакедемонян: согласно Геродоту (VII, 202), всех целопоннесцев было 3100 чел. (включая сюда 300 спартанцев); из Беотии-700 феспиян и 400 фиванцев; были призваны все войска фокидян (позже прибыло 1000) и локров опунтских (число неизвестно). После отхода войск для защиты прохода осталось 300 спартанцев, 700 феспиян (и 400 фиванцев — в качестве заложников).

⁶⁶ Исократ умалчивает об остальном флоте. Геродот (VIII, 2) говорит о 281 греческом корабле, из которых 127 было афинских. Ж. Матье предполагает, что Исократ мог исключить из числа афинского флота корабли с командами платейцев и 33 корабля, о которых говорит Геродот (ср. VIII, 14).

67 Принимаем чтение: οἱ δ' ἡμέτεροι [πρόγονοι].
68 Ср. близкие параллели: Plato, Menex., 240 D; Ps.-Lys., Epitaph., 23;

Lyc., Leocr., 108.

ным спасаться бегством 69. Афиняне же одержали победу над передовым отрядом кораблей; услышав затем, что враги овладели проходом, они вернулись домой ⁷⁰, приняли некоторые решения относительно будущего, благодаря чему в последующих сражениях превзошли все многочисленные и прекрасные подвиги, совершенные ими раньше. (93) В то время все союзники пали духом. Пелопоннесцы перегораживали стеной Истм 71 в поисках только личного спасения. Другие города подчинились варварам и сражались на стороне персов, за исключением, может быть, тех, которыми пренебрегали из-за их незначительности 72. Приближалось 1200 триер 73, и бесчисленное сухопутное войско 74 намеревалось вторгнуться в Аттику. Казалось, афинянам не остается уже никакой надежды на спасение: покинутые союзниками, они обманулись во всех своих надеждах. (94) Правда, они могли не только избежать грозивших им опасностей, но даже добиться особых почестей, предложенных им царем; Ксеркс полагал, что, присоединив к своему флоту афинский, он сразу овладеет и Пелопоннесом. Но наши предки не польстились на царские дары 75 и, несмотря на предательство остальных эллинов, не пошли на сговор с варварами; (95) они приготовились сражаться за свободу сами и снисходительно отнеслись к тем, кто предпочел рабство. По их мнению, возглавляющим Элладу нельзя избегать опасностей войны, слабым же городам нужно искать спасения любой пеной. Подобно тому как лучшие мужи предпочтут славную смерть позорной жизни, так и могущественным городам лучше исчезнуть с лица земли, чем на виду у всех стать рабами. (96) Именно так они и думали. Вступать в борьбу с двумя враждебными им силами одновременно они не могли; чтобы бороться с каждой из них поочередно 76, они покинули город и отплыли на соседний остров, взяв с собою весь народ. Можно ли найти людей более мужественных или более преданных Элладе? Не желая стать виновниками порабощения других, они предпочли видеть запустение своего города, разорение страны, разграбление святилищ, сожжение храмов 77 и всю войну перенесенной на землю их отечества. (97) Но и это еще не все. Они приготовились сражаться одни против 1200 триер. Но до этого не допустили: пелопоннесцы, пристыженные их доблестью и считая, что, в случае поражения наших, и сами они не спасутся, а в случае победы опозорят свой город, были вынуждены принять участие в борьбе. Я не буду тратить время на рассказ о шуме, возникшем во время битвы, о криках и призывах команды, как это бывает во всех морских сражениях. (98) Но выделить то особенное, что достойно гегемонии и подтверждает мои прежние почожения, — я обязан. Ведь наш город и до вторжения врагов настолько превосходил другие, что даже после опустошения выставил больше триер

⁶⁹ Ср. близкие параллели: Р s. - L y s., Epitaph., 31; Н у р е г., Epitaph., 27;

Lyc., C. Leocr., 48.

70 Ж. Матье вставляет после этих слов фразу из речи «Об обмене»: «и навели порядок в государственных делах». Он полагает, что ее Исократ мог прибавить в 353 г. до н. э. (см. Budé).

71 Ср. Нег., VIII, 40.

72 По Геродоту — Платеи, Феспии и несколько островов: Нег., VIII, 66.

⁷³ Традиционным для флота Ксеркса является число, приведенное оратором; ср. § 97, 118; по Геродоту и Эсхилу — 1207; ср. Нег. VII, 89; Аевс h., Pers., 339; ср. Исократ: Panath., 49: 1300.

74 Нег., VII, 185: 2640 тыс.; VII, 186: 1700 тыс. сражающихся, 5 миллионов — мобилизованных. I восг., Panath., 49: 700 тыс. и 5 миллионов.

⁷⁵ По Геродоту, попытка подкупа имела место после Саламинского сражения

⁽Her., VIII, 136).

76 Почти дословно заимствовано у Лисия, ср. Еріtaph., 34. 77 Ср. ниже, § 155; Нег., VIII, 53; Аеsch., Pers., 809 сл.

для борьбы за Элладу, чем все участники морской битвы 78. И никто не настроен против нас так враждебно, чтобы не признать, что эта морская победа помогла выиграть войну, а инициатором этого сражения был наш город. (99) Кому же следует быть гегемоном в будущей войне против варваров, если не тем, кто более всего прославился в прежней войне, кто много раз принимал на себя главный удар, а в общих битвах был удостоен отличиями за доблесть? Не тем ли, кто покинул свою родину для спасения других, кто в древние времена стал основателем большинства эллинских городов, а позже избавил их от величайших несчастий? И было бы вопиющей несправедливостью, если бы мы, претерпев в войне наибольшие беды, удостоились бы наименьших почестей и, ведя борьбу в первых рядах, были бы вынуждены теперь идти позади других.

(100) До сих пор, я уверен, никто не возразил бы, что наш город стал причиной наибольших благ и справедливо заслужил право на гегемонию. Но начиная с этого момента, некоторые упрекают нас в том, что, получив власть на море, мы причинили эллинам много зла. В своих речах эти люди обвиняют нас в порабощении мелосцев и гибели скионян 79. (101) Я лично думаю так: прежде всего нельзя считать признаком плохого управления, если некоторые из воевавших с нами бывали сурово наказаны. Напротив, тот факт, что ни один из подвластных нам городов не испытал полобной участи, служит наиболее веским показательством мулрости нашего управления делами союзников. (102) Если какой-либо другой город поступал бы при таких условиях с большей мягкостью, он с полным правом мог бы порицать нас. Но если дело обстоит не так и если невозможно управлять таким большим числом городов, не наказывая виновных, то разве не заслужили мы права на похвалу за то, что, поступив сурово с очень немногими, мы смогли в течение долгого времени удерживать за собою власть? (103) Я думаю, все согласятся, что самые лучшие руководители эллинов те, подданные которых чуествуют себя счастливыми. Как можно легко убедиться, под нашей гегемонией не только отдельные семьи достигли высшего процветания, но и возросло благосостояние городов. (104) Мы не завидовали тем из них, которые усиливались, мы не вызывали в них смут; мы не вводили новых противоположных государственных форм, побуждая одних враждовать с другими и добиваться каждому в свою очередь нашего покровительства 80. Напротив, признавая согласие среди союзников полезным для всех, мы, управляя государствами, применяли везде одинаковые законы. Мы заботились о городах как союзники, а не как тираны. Мы наблюдали только за общим ходом управления, предоставляя каждому свободу в личных делах. (105) Ведя борьбу с деспотизмом, мы оказывали помощь народу; мы считали вопиющей несправедливостью, чтобы большинство было в подчинении у меньшинства, а людей, менее состоятельных, но во всем остальном ничуть не хуже других, отстраняли от власти; и чтобы, кроме того, в общем для всех отечестве одни становились тиранами, другие метеками, а граждане по природе лишались бы гражданских прав на основании закона 81.

⁷⁸ То же утверждение: Panath., 50; Ps.-Lys., Epitaph., 42; по Геродоту (III, 44—48); у афинян 180 триер, у остальных — 278; Thuc., I, 74 и Dem., Cor., 70: у афинян 200, остальных — 300.

⁷⁹ За отказ от подчинения Мелос был осажден и захвачен Афинами; мужское население было умерщвлено, женщины и дети порабощены (416 г. до н. э.). Та же участь постигла Скиону, подчиненную в 421 г. до н. э., после отказа от союза с Афинами и перехода на сторону Спарты. Ср. Т h u с., V, 84—116 (Мелос); IV, 120—130 (Скиона). ⁸⁰ Намек на политику Павсания в отношении Афин в 403 г. до н. э. Ср. Panath.,

 $^{^{81}}$ Контраст между естественным правом (ϕ осьс) и общественным (ν о́ ν ос) впервые поставлен софистами и с тех пор стал одной из любимых тем как в философии, так и в литературе V-IV вв. до н. э.

(103) Имея право упрекать олигархию в таких и еще более серьезных недостатках, мы устанавливали у других тот же политический строй, как и у себя 82. Я не думаю, чтобы нужно было превозносить его в долгой речи, тем более, что его значение можно разъяснить вкратце. Семьдесят лет 83 мы прожили при этом строе 84, не зная тирании, оберегая свободу перед лицом варваров, без междоусобной борьбы и сохраняя мир со всеми народами. (107) За все это люди рассудительные должны скорее всего испытывать великую благодарность, а не порицать нас за клерухии, которые мы посылаем в разоренные города для охраны их территорий, а не в целях собственной выгоды. И вот доказательство: владея наименьшей землей по отношению ко множеству гражданского населения, мы в то же время обладаем величайшей властью; и триер у нас в два раза больше, чем у всех остальных вместе взятых. (108) И наш флот способен сражаться с противником, вдвое более многочисленным; вблизи Аттики находится Евбея, положение которой очень удобно для морской державы. И расположением и другими преимуществами она превосходит остальные острова; мы имели возможность установить там власть более сильную, чем даже в нашей стране. Кроме того, мы знали, что и у эллинов, и у варваров особенно славятся те, кто, изгнав своих соседей, создал у себя жизнь, полную изобилия и покоя 85. Тем не менее ни одно из этих соображений не заставило нас применить насилие к жителям острова 86. (109) Мы, единственный из народов, достигших большого могущества, не обращали внимания на то, что сами живем беднее, чем наши так называемые рабы; если бы мы захотели добиваться личных выгод, то уж во всяком случае не домогались бы земли скионцев, которую, как всем известно, мы передали платейским изгнанникам 87, и не упустили бы такой страны. которая обогатила бы всех нас.

(110) Всем своим поведением мы проявили себя и предоставили убедительные доказательства, что не желаем чужого. Несмотря на это, нас осмеливаются обвинять люди, участвовавшие в установлении декархий ⁸⁸ и осквернившие свое отечество. Они добились того, что преступления, совершенные их предшественниками, кажутся незначительными; они не оставили никакой возможности превзойти их тем, кто в будущем захотелбы, в свою очередь, обратиться к злодеяниям. Будучи на словах сторонниками лакедемонян, они вели себя совершенно иначе. Оплакивая несчастья мелосцев, они посмели навлечь непоправимые беды на своих собст-

82 Т. е. демократию. Ср. Panath., 54 сл.

85 Намек на захват спартанцами Мессении и порабощение ее жителей.

87 После взятия и разрушения Платей в 427 г. до н. э. платейские изгнанники получили в Афинах на определенных условиях гражданские права и землю на территории, отобранной у Скионы. В конце Пелопоннесской войны с этой земли они

были вновь изгнаны. Ср. Платейскую речь Исократа: Plat., 13 сл.

⁸³ Исократ дает округленную цифру. Ср. Р s. - L y s., Epitaph., 55. Демосфен определяет этот период в 73 года (477—404). В Панафинейской речи Исократ насчитывает 65 лет от создания Делосской симмахии до гибели Сицилийской экспедиции.

84 Принимаем чтение διετελέσαμεν вместо διετέλεσαν.

⁸⁶ Исократ сознательно искажает события, так как города Евбеи начиная с V в. до н. э. были подчинены очень суровому режиму. По свидетельству Геродота, еще при Клисфене туда было выслано 4000 клерухов; при Перикле захват северо-западного побережья острова сопровождался изгнанием жителей и выселением на их земли двух тысяч клерухов.

⁸⁸ Олигархические комиссии из десяти человек устанавливались Лисандром после 404 г. в каждом городе в качестве верховной власти, осуществлявшей свои функции под общим наблюдением спартанского гармоста. Во главе Афин при поддержке и давлении спартанцев была создана Коллегия Тридцати (так называемые тридцать тиранов) для выработки конституции «отцов», т. е. олигархической конституции. Власть тридцати, превратившись в произвол и насилие, была свергнута в 403 г. Ср. также Phil., 95; Panath., 54—68; X e n., Hell., III, 5, 16.

венных сограждан. (111) Действительно, отказались ли они от какойнибудь несправедливости? Каких только и позорных и ужасных злодеяний не испробовали они? Отъявленных врагов законности они считали самыми верными; предателям прислуживали как благодетелям; предпочитали рабствовать у одного из илотов 89, чтобы глумиться над своей родиной. Они чтили злодеев и убийц больше, чем своих родителей.(112) Они довели всех нас до крайнего ожесточения: раньше вследствие нашего благосостояния, каждый из нас находил много людей, сочувствующих ему даже при небольших неудачах; а во время правления этих людей мы перестали испытывать жалость друг к другу из-за множества наших личных несчастий, ибо ни у кого не оставалось времени пожалеть другого. (113) До кого только они не добрались? И кто был настолько далек от общественных дел, чтобы его непосредственно не коснулись несчастья, в которые ввергли нас эти твари? Они не постыдились даже творить беззакония в своих городах и обвинять наш город в отсутствии правосудия; они смеют напоминать нам о частных и общественных процессах, когда-то бывших у нас, тогда как сами в течение трех месяцев убили без суда больше людей 90, чем наш город осудил за все время своей власти. (114) Изгнания, гражданская борьба, ниспровержение законов, государственные перевороты, насилия над детьми и бесчестие женщин, расхищение состояний, — кто мог бы все это перечислить? Об этом я могу сказать лишь одно: суровости нашего управления можно было бы прекратить одним постановлением 91, а убийства и беззакония, совершенные при них, не смог бы уврачевать никто на свете.

(115) Нельзя предпочесть нашей гегемонии ни теперешнего мира 92, ни автономии, записанной в договорах, а на самом деле не существующей. Кто захотел бы жить при таких порядках: пираты хозяйничают на море, наемники захватывают города; (116) вместо того, чтобы бороться с чужими за свою страну, граждане ведут междоусобную войну, сражаясь друг с другом внутри городских стен; города становятся военной добычей чаще, чем это было до заключения мира; в результате постоянных политических переворотов население городов живет в большем страхе, чем люди, подвергшиеся изгнанию: одни боятся будущего, тогда как другие постоянно рассчитывают на свое возвращение 93. (117) Все это очень далеко от свободы и самоуправления: одни города — в руках тиранов, другими владеют гармосты, некоторые — опустошены, иные — под властью варваров, тех самых варваров, которые некогда осмелились перейти в Европу, возомнив о себе больше, чем следовало; (118) мы с ними так расправились, что они отказались не только от походов против нас, но даже и собственную страну не смогли уберечь от опустошения 94. А когда они появились на 1200 кораблях, мы их так усмирили, что больше ни один военный корабль не заходил далее Фаселиды 95; тогда они оставались в бездействии и выжидали удобного случая, не полагаясь более на

⁸⁹ Мать Лисандра по происхождению была илоткой, сам Лисандр — мофаком;

воспитываясь с детьми отпа, он за военные подвиги получил права гражданина.

90 Ср. Агеор., 67 (1500 человек).

91 Возможно, Иссоррат имеет в виду постановление о создании II Афинского морского союза (378/377 г.), по которому отменялся форос (правда, вводился синтаксис), запрещалось введение афинских гарнизонов на территорию союзников и право владе-

запрещалось введение афинских гариизонов на территорию соознаков и право владения землей в союзных государствах. Ср. также Panath., 63.

92 Анталкидов или Царский мир 387 г. до н. э. был продиктован грекам персидским парем Артаксерксом. Ср. ниже § 120 сл. Ср. Х е п., Hell., V, 1, 31.

93 О борьбе партий в Мантинее, Флиунте и других городах см. Х е п., Hell., V, 2.

94 В начале 60-х гг. V в. до н. э. произошла победа Кимона при Евримедонте; на афинский рынок было выброшено 20 тысяч пленников персидского флота. Малоазийское побережье с греческими городами было освобождено от власти персов.

95 В результате соглашения по «Каллиеву» миру 449 г. до н. э.

свои силы. (119) Все это произошло исключительно благодаря доблести наших предков. Это ясно показали несчастья нашего города. С того самого момента, когда мы лишились власти, резко ухудшилось и положение других городов. После поражения нашего флота на Геллеспонте и перехода гегемонии к другим, варвары, одержав победу в морском сражении, захватили власть над морем, овладели большей частью островов, высадились в Лаконике, штурмом взяли Киферу и, огибая Пелопоннес, предавали его опустошению 96. (120) Можно ясно представить себе значение происшедшей перемены, сравнивая один за другим договоры, заключенные в период нашей власти и написанные теперь. Тогда мы ограничили власть царя, на некоторых наложили дань и запретили ему пользоваться морем. Теперь же он руководит делами эллинов 97, указывая каждому, что тот должен делать и чуть ли не ставит по городам своих правителей. (121) Что же ему еще остается сделать? Он распоряжается исходом войны, управляет сроками мира, руководит всеми текущими делами. Мы отправляемся к нему, как к владыке, с жалобами друг на друга. И разве мы не называли его великим царем как его пленники? Разве во время наших междоусобных войн мы не ждем спасения от того, кто охотно погубил бы нас обоих? 98.

(122) Размышляя об этом, следует с негодованием отнестись к существующим ныне порядкам, сожалеть о времени нашей гегемонии и осудить лакедемонян ⁹⁹; ведь они сначала вступили в войну под предлогом освобождения эллинов, а в конце ее передали в рабство 100 столь многих из них; они убедили ионян отложиться от нашего города, от своей метрополии, спасавшей их не один раз. Они выдали их тем самым варварам, против воли которых ионяне населяют эту страну, никогда не прекращая борьбы с персами. (123) Лакедемоняне тогда негодовали, когда мы законно стремились к власти над кем-либо из них. А теперь, когда ионяне сведены на положение рабов, они более не заботятся о них; а ведь несчастья этих людей не ограничиваются уплатой подати и необходимостью видеть свои акрополи в руках врагов. Кроме этих общих бед, они еще и сами подвергаются оскорблениям, более мучительным, чем у нас покупные рабы: ведь никто из нас не истязает так своих рабов, как варвары при наказаниях свободных людей. (124) Но вот самое большое из бедствий: ионян принуждают совершать походы для укрепления их собственного рабства, для борьбы с теми, кто добивается их освобождения, и подвергаться таким опасностям, в которых они погибнут на месте в случае поражения и попадут еще в более суровое рабство в будущем, если окажутся победителями. (125) Кого же, как не лакедемонян следует считать ответственными за это? Обладая таким могуществом, они пренебрегают страданиями своих союзников, а варвары упрочивают свое господство, пользуясь силами эллинов. Раньше лакедемоняне изгоняли тиранов ¹⁰¹ и помогали народу, но теперь они так изменились, что ведут войну против демократии и содействуют установлению монархии. (126) Уже после заключения мира они разрушили Мантинею 102, захватили фиванскую Кадмею 103, а теперь

⁹⁶ Если сведения о господстве Персидского флота в Эгейском море верны (в 394/3 г. до н. э.), то операции, о которых рассказывает Ксенофонт (X е п., Hell., IV, 8, 6—8), можно рассматривать как результат битвы при Книде, положившей конец 15-летней гегемонии спартанцев на море.

⁹⁷ Ср. ниже § 175; ср. X е п., Hell., VI, 3, 9.

⁹⁸ Т. е. Афины и Спарту. 99 Принимаем чтение: μέμψασθαι δὲ Λακεδαιμονίους (вместо μονίοις).

¹⁰⁰ По условиям Анталкидова мира, ср. X e n., Hell., V, 1, 131. 101 Намек на роль Спарты в изгнании Писистратидов (Ж. Матье). 102 О Мантинее ср. Хеп., Hell., V, 2, 7 сл. 103 Кадмея, акрополь Фив, была захвачена спартанцами в 382 г. до н. э.

осаждают Олинф и Флиунт 104 и помогают Аминте, царю македонян, Дионисию, тирану Сицилии и варвару, правителю Азии, достичь наибольшей власти ¹⁰⁵. (127) И разве не является нелепостью, что вожди эллинов делают одного человека властелином такого множества людей, что не легко даже установить их численность, а величайшим из городов не только не позволяют быть хозяевами своей собственной судьбы, но принуждают их пребывать в рабстве или навлечь на себя величайщие беды. (128) Но всего ужаснее то, что люди, претендующие на гегемонию, ежелневно совершают походы против эллинов, а с варварами вступили в союз на вечные времена!

(129) Пусть никто не подумает, что я настроен к ним недоброжелательно, если с такой резкостью вспомнил об этих событиях, хотя в начале речи обещал говорить о примирении. Я говорил так не из желания очернить город лакедемонян перед другими. Нет, я хочу, чтобы сила моего убеждения заставича их самих отказаться от своего прежнего образа мыслей. (130) Убедить кого-либо в его ошибках, или возбудить в нем желание поступать совсем по-другому — невозможно, если сначала решительно не осудить его поведение в настоящее время. Обвинителем считается тот, кто говорит с целью нанести вред, а советником — тот, кто порицает, желая принести пользу 106. Одни и те же слова нельзя принимать одинаково, если они произносятся с разными намерениями ¹⁰⁷. (131) Поэтому мы имеем основания упрекнуть лакедомонян и за то, что, вынуждая соседей жить на положении илотов только в интересах своего города, они, однако, не предпринимают ничего для общей пользы своих союзников; а ведь они могли бы, примирившись с нами, превратить варваров в периеков всей Эллады 108. (132) Гордые по природе, а не по счастливой случайности, должны браться за дела, гораздо более значительные, чем облагать данью островитян 109; ведь они, вынужденные из-за недостатка земли распахивать горы, как раз и заслуживают нашего сострадания. И это в то время, когда жители материка 110 оставляют невозделанной большую часть страны, ввиду исключительного плодородия земли. Ибо и с тех полей, которые обрабатываются, извлекаются огромные богатства.

(132) Я думаю, если кто-нибудь, придя со стороны, стал бы зрителем современных нам событий, он признал бы, что оба наши народа охвачены крайним безумием; ведь мы подвергаем себя опасности из-за пустяков вместо того, чтобы спокойно владеть многими землями. Мы опустошаем нашу страну, пренебрегая возможностью получать доходы с Азии. (134) А для царя нет ничего выгоднее, как только следить за тем, чтобы наши взаимные войны никогда не прекращались. Мы же, напротив, вместо того чтобы внести смуту в его дела или вызвать беспорядки, стремимся помочь успокоить волнения, если они у него случайно возникнут. Даже теперь,

¹⁰⁷ Cp. De Pace, 72.

109 О пани, собираемой спартанцами с населения Киклад ср. X e n., Hell., VI,

 ¹⁰⁴ Осада Олинфа длилась с осени 382 г. до лета 379 г. до н. э., а Флиунта — с лета 381 до весны 379 г. до н. э.
 105 Аминта помогал спартанцам в войне с Олинфом. Дионисий старший был

союзником Спарты. Дружественные отношения с Перспей у спартанцев возникли в 392 г. до н. э., особенно укрепившись после Анталкидова мира.

106 Принимаем чтение: τοὺς ἐπὶ βλάβη τοιαῦτα λέγοντας (вместо λοιδοροῦντας), νουθετεῖν δὲ τοὺς ἐπὶ ἀφελεία λοιδοροῦντας (вместо λέγοντας).).

¹⁰⁸ Исократ говорит об илотах, периеках и лакедемонских союзниках, как о совершенно одинаковых категориях. Ср. письмо к Филиппу (III, 5), где оратор убеждает царя превратить варваров в илотов всей Эллады, кроме тех из них, кто будет бороться вместе с ним.

¹¹⁰ Речь идет о персидских владениях в Малой Азии.

когда на Кипре сражаются две армии, мы разрешаем ему пользоваться одной и осаждать другую, хотя обе они состоят из эллинов 111. (135) А восставшие против него киприоты не только дружны с нами ¹¹², но ищут также и покровительства лакедемонян. Лучшая часть пехоты, выступившая в поход с Тирибазом, набрана в наших местах, а большинство кораблей прибыло из Ионии. Все они с большей охотой вместе опустошали бы Азию вместо того, чтобы сражаться друг с другом из-за пустяков. (136) Об этом мы совершенно не беспокоимся, а спорим из-за Кикладских островов 113, передавая в то же время варвару множество городов и столь значительные войска. Вот почему, по праву презирая всех нас, одними он уже владеет, другими намерен овладеть, против третьих злоумышляет. (137) Он добился того, чего не смог сделать ни один из его предков. Азия принадлежит царю 114 с согласия и нашего, и лакедемонян; в эллинских городах он пользуется такой неограниченной властью, что одни — разрушает, в других укрепляет акрополи стенами. И все это результат не его могущества, а только нашего безрассудства.

(138) Между тем некоторые восхищаются величием дел царя, утверждают, что он — опасный враг 115, и подробно рассказывают, какие большие перемены внес он в жизнь эллинов. Я же думаю, что говорящие это не отвращают, но ускоряют войну. Ведь если даже сейчас, когда мы можем покончить с нашими разногласиями, а он все еще будет испытывать затруднения, с ним трудно воевать, то разве не следует поэтому еще более опасаться того момента, когда государство варваров окрепнет, и они добыются согласия между собой, а мы, как и теперь, будем продолжать нашу взаимную вражду. (139) Но если эти люди даже соглашаются с моими доводами, то и в этом случае они еще не имеют правильного представления о могуществе царя. Вот если бы они могли доказать, что когда-либо он восторжествовал сразу над обоими нашими городами; только тогда они имели бы достаточно веские основания для своих попыток запугать нас. Если же этого не было, если только, пользуясь нашей враждой с лакедемонянами, он, присоединяясь к одной из сторон, содействовал превосходству другой, то и это отнюдь не является признаком его силы. В таких обстоятельствах часто и незначительные силы создавали большой перевес 116; я мог бы сказать то же самое и о Хиосе 117 — именно та сторона, к которой хиосцы желали присоединиться, и достигала перевеса на море. (140) Было бы несправедливо судить о могуществе царя, основываясь на том, к кому из нас двоих он присоединялся; сила проявляется только в тех войнах, которые он вел сам и для себя. Что предпринял он против восставших после отпадения Египта? Разве не отправил он на эту войну знатнейших из персов, Абракома, Титравста и Фарнабаза? Эти полководцы, проведя там три года 118 и претерпев больше вреда, чем при-

Спартанцы, втортшись на киклады и собирая с них дань, одновременно ввели гарнизоны на острова Наксос, Скиатос и Пепарефос.

114 Ср. условия Анталкидова мира: Х е п., Hell., V, 1, 31.

115 Ср. D е m., Olynth., II, 22.

116 Ср. D е m., Olynth., II, 14.

117 Хиос, отпав от Афин, присоединился к Спарте в 412 г. после разгрома Сицилийской экспедиции. Ср. Т h и с., VIII, 7; после поражения спартанцев при Книде он вновь присоединился к Афинам (D i o d., XIV, 84, 94).

118 В 389/8 г. был заключен тройственный союз между Афинами, Евагором и царем Егинта Аконисом Борьба Акориса с Перекой, вкогу протудительной са захратить Егинта

рем Египта Акорисом. Борьба Акориса с Персией, вновь пытавшейся захватить Египет, длилась три года (ок. 389—387); ср. Агіз t ор h., Plutos, v. 1766; Just., VI, 6, 1—15; ср. Огоз., III, 1, 25. Может быть, в это время Акорис оказывал под-

¹¹¹ Как раз в это время Артаксеркс вел борьбу с Евагором, царем гор. Саламина на Кипре; об этой войне ср. ниже § 141; Euag., 64 сл.

112 Ср. Еиаg., 53—54; X е п., Hell., IV, 8, 24.

113 Спартанцы, вторгшись на Киклады и собирая с них дань, одновременно вве-

чинив, в конце концов разве не отступили с таким позором, что восставшие больше не довольствовались своей независимостью, но стремились добиться власти и над своими соседями? (141) После этого состоялся поход против Евагора 119; последний правил одним единственным городом 120, который, впрочем, по договору был передан персидскому царю. Живя на острове, Евагор сначала терпел неудачи на море, а для защиты страны у него было только 3000 пелтастов; и все же в войне с ним царь до сих пор не может одержать победы над столь ничтожными сичами, потратив на это уже шесть лет. И если возможно судить о будущем по прошлому, то всего скорее можно ждать, что еще кто-либо другой отпадет от него 121 прежде чем царь принудит Евагора к сдаче. Такая вялость военных действий вообще характерна для царя. (142) В Родосской войне 122 царя поддерживали союзники лакедемонян вследствие суровости установленного у них политического режима. На службе у него были наши гребцы, а флот возглавлял Конон, самый предусмотрительный из стратегов, пользовавшийся наибольшим доверием у эллинов и опытнейший в опасностях войны. Все же, несмотря на такого помощника, царь допустил, чтобы в течение трех лет флот, боровшийся за Азию, был блокирован всего только сотней триер 123; в течение пятнадцати месяцев он отказывал воинам в уплате денег, и если бы это зависело только от царя, они бы не раз убежали от него; только благодаря их полководцу 124 и союзу, основанному в Коринфе 125, они с трудом добились победы в морском сражении. (143) И это вот — самое царственное и величественное из всех его предприятий, и об этом-то не устают твердить желающие превознести подвиги варваров. Однако никто не может сказать, что я односторонне подбираю примеры или, обращая внимание на мелочи, опускаю наиболее важное. (144) Чтобы избегнуть подобного упрека, я изложил славнейшие из его походов; но я не забыл и того, что Деркилид 126 только с тысячей гоплитов распространил свою власть на Эолиду; Дракон 127, овладев Атарнеем и собрав войско в 3000 пелтастов, опустошил равнины Мисии; Фиброн 128, переправившись в Азию с несколько большими силами, довел Лидию до полного разорения и, наконец, Агесилай 129 с войском Кира покорил почти всю

держку и Евагору. Афинский полководец Хабрий оказывал помощь Египту уже с

386 г. При его помощи египтяне ок. 382 г. вытеснили персов из Египта.

119 Датировка войны персов против Евагора до сих пор является камнем преткновения для всех историков. Единственными источниками являются Исократ и Диодор (XV, 9, 2), сведения которых очень противоречивы. Подробный анализ см. в статье Euagoras (H. Swoboda), RE, XI Hb., 1907, стб. 823 сл. Возможно, что эти события имели место в 381-380 гг. до н. э.

¹²⁰ Имеется в виду город Саламин.

121 Может быть, имеется в виду Киликия.

122 Война, происходившая против Спарты на море вблизи о. Родоса и закончив-шаяся победой Конона при Книде, иногда называется «Родосской»; ср. Schol. ad Dem.

XX, р. 70 (Wolf).

123 В распоряжении Конона было только 40 триер, блокированных в Кавне 120 блокала продолжалась менее двух триерами лакедемонян (Diod., XIV, 79, 4—6). Блокада продолжалась менее лвух лет. Ж. Матье предполагает, со ссылкой на Фукара (ср. I s o c r., II, стр. 51, 4), что в исчислении срока Исократ мог допустить ошибку, считая по архонтам, так как в период блокады в Афинах сменились три архонта.

124 Принимаем чтение τὸν ἐςεστῶτα (вместо τὸν ἐφεστῶτα [κίνδυνον]).

125 О Коринфском союзе, куда вошли Аргос, Фивы, Афины, города Евбеи, Коринф, против Спарты ср. Х е п., Hell., IV, 4, 1.
126 Наварх спартанского флота, сменивший Фиброна: вел войну в Азии в 399— 397 гг. По Ксенофонту, ему удалось захватить в восемь дней девять городов, ср. Х е п., Hell., III, 2, 11.

127 Гармост Атарнея, поставленный Деркилидом в 398 г. X е п., Hell., там же.

128 Наварх спартанского флота в кампании 400-399 гг., ср. X e n., Hell., III,

1, 4. ¹²⁹ Военный поход Агесилая в Малую Азию имел место в 395 г. Ср. X е п., Hell., III, 4, 20.

страну по эту сторону реки Галиса. (145) Нет оснований бояться ни войска, повсюду сопровождающего царя, ни доблести самих персов. Поход Кира в глубь материка 130 ясно показал, что воины Кира ничуть не храбрее воинов царя, живущих на побережье. Я оставляю в стороне все битвы 131, в которых они терпели поражения; я даже согласен с тем, что они враждовали между собой и отнюдь не были воодушевлены желанием рисковать собою в борьбе против брата царя. (146) Но когда Кир был убит, все народы Азии объединили свои силы. Однако даже при таких благоприятных обстоятельствах они воевали так постыдно, что не предоставили никакой возможности что-либо сказать в их пользу людям, постоянно восхваляющим мужество персов. Они имели дело с шестью тысячами эллинов 132, отобранных вовсе не по доблести; это войско состояло из тех, кто вследствие своей бедности не мог прокормиться на родине ¹³³. Это были люди, незнакомые со страной, лишенные союзников, преданные теми, кто шел вместе с ними в поход 134, потерявшие полководца, за которым следовали. (147) И все же персы были настолько слабее этих людей, что царь, оказавшись тогда в затруднительном положении и не полагаясь на свое войско, решился вопреки договору схватить вождей наемников ¹³⁵, чтобы таким коварным поступком внести смятение в эллинское войско. Он счел за лучшее совершить преступление против богов, чем встретиться с эллинами в честном бою. (148) Потерпев неудачу в своем замысле, ибо воины объединились и мужественно перенесли несчастье, он послал вслед за ними, при их отступлении, Тиссаферна 136 и всадников, которые всячески злоумышляли против них. Но они проделали этот поход так, как будто бы шли в сопровождении почетной охраны, больше всего страшась незаселенной части страны и считая величайшим из благ, если сталкивались с возможно большим числом врагов. (149) И вот главное из всего сказанного: эти люди, вторгшись не в целях грабежа и не ради захвата поселения, но выступив в поход против самого царя, прошли обратный путь безопаснее послов, совершающих путешествие к царю для переговоров о дружбе. Я полагаю поэтому, что во всех основных случаях ясно доказана слабость персов, ибо они потерпели множество поражений на побережье Азии, понесли суровое наказание за вторжение в Европу, либо бесславно погибнув, либо позорно уцелев, и, наконец, подверглись осмеянию у самых стен царского дворца 137.

(150) И все это произошло не случайно, но совершенно естественно. Ибо невозможно для народа при такой системе воспитания и управления быть причастным к какому-либо виду доблести или водрузить победный трофей после битвы с врагами 138. Разве мог бы появиться среди них опытный стратег или хороший воин при таком образе жизни, когда большинство их представляет неорганизованную толцу, не сведущую в опасностях, лишенную выносливости на войне, но воспитанную для рабства лучше, чем наши домашние рабы. (151) И даже те из них, которые поль-

131 Фактически речь идет лишь о битве при Кунаксе, где негреческая часть вой-

ска Кира потерпела поражение.

¹³⁰ Несмотря на неудачу похода, он рассматривался как свидетельство победы греков и их превосходства над персами. Ср. Phil., 90-93.

¹³² При Кунаксе войско греков достигало 12 900 (X е п., Anab., I, 7,10); пифра в 6000 указана Ксенофонтом для вернувшихся в Лампсак (Anab., VII, 77, 33).

133 Ср. § 168; Phil., 96, 120, 121; Epist., IX, 9.

134 Имеется в виду начальник персидского войска Кира Арией, перешедший

после гибели Кира на сторону Артаксеркса (Anab., II, 4). . ³³⁵: Из восьми вождей наемников было захвачено пять, но среди них был и Клеарх;

cp. X e n., Anab., II, 5, 31; cp. Phil., 91.

136 Cp. X e n., Anab., III, 1, 5 n II, 4, 9.

137 Cp. X e n. Anab., II, 4, 4; Evag., 58.

138 Cp. Phil., 124.

зуются наибольшим почетом, все без исключения, жили, не соприкасаясь ни с общественными, ни с государственными интересами. Все свое время проводят они перед одними — кичась, перед другими — раболепствуя, как люди до конца развращенные по натуре; вследствие богатства их тела изнежены роскошью; вследствие власти одного человека, в душе они низки и полны раболепного страха. Выстраиваясь, как на параде, у дворца, падая ниц при царских выходах, стремясь унизить себя любым способом, они преклоняются перед смертным человеком, провозглашая его божеством, а богами пренебрегают больше, чем людьми. (152) Поэтому те из них, которых называют сатрапами, отправляясь из внутренней части страны к морскому побережью, не позорят полученного дома воспитания, но придерживаются тех же самых привычек; они вероломны по отношению к друзьям, трусливы перед врагами и в жизни своей то пресмыкаются, то преисполнены высокомерия, презирая союзников и заискивая у противников. (153) Они содержали на свой счет в течение восьми месяцев войско Агесилая 139, а сражающихся за них лишили оплаты в срок, вдвое больший. Людям, захватившим Кисфену 140, они выплатили сто талантов, а с теми, кто вместе с ними участвовали в походе на Кипр, обращались высокомернее, чем с пленными. (154) Короче говоря, не задерживаясь на каждом отдельном случае, но характеризуя все в целом, — кто из воевавших с ними не вернулся разбогатевшим? И, наоборот, кто из подвластных им не погиб от жестокого обращения? Разве не посмели они схватить для предания казни Конона, сокрушившего в борьбе за Азию власть лакедемонян? И разве не почтили они величайшими дарами Фемистокла ¹⁴¹, победившего их на море в борьбе за Элладу? (155) Как следует ценить дружбу тех, кто карает благодетелей, а перед причиняющими зло так явно заискивает? Кого из нас они только не оскорбили? И было ли такое время, когда бы они не злоумышляли против эллинов? И что в нашей стране не вызывает у них ненависти? Разве не посмели они в прежней войне разграбить и предать огню жилища и храмы богов? (156) Поэтому и следует похвалить ионийцев, наложивших проклятие на тех, кто посмел бы коспуться сожженных храмов или захотел бы восстановить их в прежнем виде; и это не от недостатка средств на восстановление, но чтобы сохранить для потомков память о нечестии варваров, чтобы никто и никогда больше не поверил людям, дерзнувшим на такое святотатство; чтобы все остерегались и опасались их, видя, что эти люди вели войну не только против нас самих, но и против наших святынь.

(157) И о наших гражданах я могу привести сходные примеры. О враждебных чувствах к другим народам, с которыми они воевали, они забывают сразу же после заключения мира, а к жителям материка не чувствуют благодарности даже тогда, когда получают от них какую-нибудь услугу. Так глубоко и навсегда укоренился в них гнев на этих людей. Отцы наши многих осудили на смерть за сочувствие персам, а в собраниях еще и теперь, до обсуждения дел, провозглащают проклятие против любого из граждан, вступившего в переговоры с персами 142. Во время посвящений в мистерии, вследствие ненависти к персам, Евмолпиды и Керики во всеуслышание отлучают от святынь и других варваров, так же как человекоубийц. (158) Мы по природе настроены к ним так враждебно, что из

¹³⁹ Cp. X e n., Hell., III, 4, 26; Plut., Ages., 10. В 395 г. после заключенного перемирия войско Агесилая получило в качестве возмещения 30 талантов (X e n.,

Аристида (Arist., 10).

древних преданий охотнее всего уделяем внимание сказаниям о Троянских и Персидских войнах, из которых можно узнать о неудачах персов. Всякий заметит, что война с варварами порождает торжественные песнопения, а война с эллинами — погребальные песни; первые исполняются во время празднеств, вторые — при воспоминании о наших несчастьях 143. (159) Я думаю даже, что и поэмы Гомера получили большую славу, потому что он так прекрасно воспел тех, кто вел борьбу с варварами; поэтому-то наши предки и решили отвести его искусству почетное место и в мусических состязаниях, и в воспитании юношества, чтобы, часто слушая его песни, мы узнавали бы о наших извечных врагах и, соревнуя доблести воевавших с ними, стремились к таким же подвигам. (160) Мне кажется, что существует чрезвычайно много причин, призывающих нас к войне с персами, особенно те возможности, которые мы можем лучше всего использовать в настоящий момент. Ими не следует пренебрегать. Было бы стыдно не воспользоваться сразу благоприятным случаем, а вспоминать о нем, когда он пройдет. В самом деле, чего нам желать сверх того, что у нас уже есть, если мы намереваемся воевать с царем? (161) Разве не отпали от него Египет и Кипр? 144. Не опустошены войной Финикия и Сирия? И разве Тир, которым он так гордился, не захвачен его врагами? 145. Из городов Киликии большая часть в руках наших союзников, а другие нетрудно приобрести. (162) Гекатомн, наместник Карии, фактически давно уже отпал и открыто заявит об этом, как только мы этого пожелаем. На побережье Азии от Книда до Синопа живут эллины, которых нужно не уговаривать, а лишь не мешать им воевать. При наличии у нас таких опорных пунктов, в то время, когда разрастающаяся война грозит Азии со всех сторон, нужно ли так детально обсуждать возможный исход событий? Поскольку персы не могут устоять против небольших отрядов эллинов, нетрудно предвидеть, что произойдет с ними, если им придется вести войну со всеми нами. (163) Таково положение в действительности. Если варвар крепче утвердится в приморских городах, увеличив их гарнизоны, то, может быть, некоторые из близлежащих к материку островов, как, например, Родос, Самос и Хиос, могут склониться на его сторону. Но если мы первые овладеем ими, то население Лидии, Фригии и внутренней части страны окажется во власти тех, кто начнет оттуда военные действия. (164) Поэтому надо спешить и не терять времени, чтобы с нами не случилось того же, что и с нашими отцами. Ибо они, придя позже варваров и бросив на произвол судьбы некоторых 146 союзников, были вынуждены бороться в небольшом числе со множеством врагов. Если бы они первыми переправились на материк, они могли бы, объединив силы эллинов, покорить поочередно каждый из народов. (165) Как показывает опыт, когда приходится воевать с воинами, собранными из многих мест, не следует ждать, пока они подготовятся к бою. Нужно напасть на них, пока они еще не успели соединиться. Наши отцы, допустив сначала ошибку, исправили ее, выстояв в величайшей борьбе. Мы же, если проявить благоразумие, будем настороже с самого начала и попытаемся первыми выставить войско в Лидии и Ионии. (166) Мы знаем, что царь управляет народами Азии без их согласия, но потому, что он располагает большими силами, чем каждый из них в отдельности. Если мы переправим туда более сильное, чем у него, войско, которое при жела-

145 На короткое время Евагор захватил Тир.

¹⁴³ Заимствовано у Горгия, ср. Philostr., Vitae soph., 493. 144 Ср. Phil., 101; Paneg., 140—141.

¹⁴⁶ Когда ионийцы, после сожжения Сард, вместе со вспомогательным отрядом из Афин потерпели поражение, они тщетно просили помощи у Афин. Ср. Н е г., V, 103. Спартанцы же вообще отказались от вмешательства в дела Малой Азии.

нии мы легко соберем, мы сможем безопасно извлекать доходы из всей Азии. Гораздо лучше воевать с царем за царство, чем спорить о гегемонии между собой.

(167) Необходимо предпринять этот поход еще при жизни нынешнего поколения, чтобы люди, вместе переносившие бедствия, могли бы воспользоваться и преимуществами, а не провели бы всю остальную жизнь, терпя неудачи. Достаточно уже и того времени, в течение которого каких только ужасов они не изведали? Кроме множества бедствий, существующих на свете в силу человеческой природы, мы сами, помимо неизбежных, (168) изобретаем еще и новые, затевая смуты и междоусобные войны. При этом одни противозаконно погибают у себя на родине, другие блуждают с женами и детьми на чужбине, многие, не имея куска хлеба, вынуждены служить наемниками ¹⁴⁷ и умирают, сражаясь против друзей за интересы врагов. Никто еще ни разу не выражал своего негодования по поводу этих бед. Люди готовы проливать слезы из-за несчастий, выдуманных поэтами, а при виде множества подлинных и безмерных страданий, вызванных войной, не только не испытывают жалости, но, напротив, радуются больше несчастью других, чем своему собственному счастью. (169) Быть может, многим покажется смешным мое простодущие, что я горюю о несчастии отдельных людей в такие времена, когда Италия разорена 148, Сицилия порабощена, множество городов выдано варварам 149, а остальные части Эллады находятся в страшной опасности. (170) Я удивляюсь тому, что люди, стоящие во главе государств, считают себя вправе гордиться, хотя никогда не могли сказать или придумать ничего дельного для решения таких важных вопросов. Если бы они были достойны своего доброго имени, они должны были, отложив все остальное, высказаться и дать совет относительно войны с варварами. (171) Возможно, они добились бы успеха; но если, бы даже они не смогли достигнуть своей цели, они во всяком случае оставили бы нам свои слова как оракулы 150 на будущее время. Однако, занимая высокое положение, они заботятся о мелочах, а нам, стоящим в стороне от государственных дел 151, предоставляют подавать советы в самых важных делах. (172) Но чем малодушнее наши руководители, тем решительнее мы должны обдумывать, как нам избавиться от теперешней нашей вражды. Напрасно теперь мы заключаем соглашение о мире: мы не прекращаем войн, а лишь откладываем их и дожидаемся удобного момента, когда сможем нанести друг другу непоправимый вред. (173) Надо отбросить эти коварные помыслы и приступить к тем делам, которые предоставляют нам возможность безопасно жить в своих городах и с большим доверием относиться друг к другу. Сказать об этом можно легко и просто: невозможно сохранить прочный мир, пока мы не начнем общими силами войну с варварами и не будет согласия среди эллинов, пока они не научатся извлекать выгоду из одного и того же источника и рисковать своей жизнью в борьбе с одним и тем же врагом ¹⁵². (174) Когда это осуществится, мы избавимся от нужды в куске хлеба, которая разрушает дружбу, обращает родство во вражду, вовлекает всех людей в войны и смуты. Тогда, несомненно, между нами

¹⁴⁷ Ср. Phil., 96, 120, 121; Epist., IX, 9.
148 В 392 г. Дионисий I подчиняет себе значительную часть Сицилии; с 390 г.
он начинает захват южной Италии, выступая против союза южноиталийских городов.
После захвата Кавлонии и Гиппония (389—388) города разрушены, а жители их переселены в Сиракузы; в 387 г. взятие Регия сопровождалось также жестокими репрессиями. Позже Исократ изменяет свое мнение о Дионисии (ср. Epist., Т).

¹⁴⁹ По условиям Анталкидова мира. 150 Ср. L у с., С. Leocr., 92 (в применении к стихам древних поэтов). 151 Ср. Phil., 81; Panath., 9—19; Epist., I, 9; VIII, 7. 152 Ср. Phil., 9.

утвердится согласие и истинное расположение. Ради этого мы должны приложить все усилия, чтобы как можно скорее перенести войну отсюда на материк: тогда, по крайней мере, из нашей междоусобной борьбы мы смогли бы извлечь одну пользу: употребить против варваров опыт, приобретенный нами в этой борьбе.

(175) Но, может быть, из-за соглашений, заключенных с царем, следует помедлить, а не торопиться и не предпринимать похода слишком поспешно? Между тем, в результате этих соглашений, освобожденные города благодарны царю, принисывая ему свою автономию. А регрода, выданные варварам, стали считать виновниками своего порабощения, во-первых лакедемонян, а затем и всех других, участвовавших в заключении мира. Так не лучше ли уничтожить эти соглашения, а вместе с ними и укоренившееся мнение, будто варвар заботится об Элладе и стоит на страже мира, а некоторые из нас губят его и наносят ему вред? (176) Смешнее всего то, что из статей, записанных в этом соглашении, мы соблюдаем самые худшие; постановления, предоставляющие автономию островам и городам Европы, давно уничтожены и напрасно значатся на стелах; а статьи, позорящие нас, предавшие варварам многих наших союзников, остаются бесспорными и сохраняют для всех нас силу закона. А как раз их-то и следовало бы уничтожить, не оставляя ни на один день, рассматривая их не как соглашения, а как приказ. Кто не знает, что соглашением является лишь то, что заключает в себе равные и общие для обеих сторон условия, а приказ всегда ставит в невыгодное положение, вопреки справедливости, одну из сторон? (177) Вот почему мы имеем право обвинять послов, заключивших этот мир 153, в том, что они, будучи посланными эллинами, заключили договор в пользу варваров. А им следовало определить что-нибудь одно: или чтобы каждый владел своим, или чтобы можно было присоединить завоеванное, или сохранить то, чем мы обладали к моменту заключения мира и, найдя какую-то общую для всех справедливую основу, составить текст договора на этих условиях. (178) Но они не оказали никакого предпочтения нашему городу и городу лакедемонян, а варвара сделали господином всей Азии, как будто мы вели войну в его интересах, как будто власть персов издревле существует, а мы только что поселились в наших городах; на самом же деле они пользуются этим почетным положением лишь недавно, мы же стоим во главе Эллады испокон веков. (179) Я думаю, что смогу еще яснее показать пренебрежение к нам и корыстолюбие царя в следующем: вся земля под небом делится на две части, из которых одна называется Азией, другая — Европой. Половину царь получил по этому договору, как будто он делил землю с Зевсом, а не заключал договор с людьми 154. (180) Он заставил нас записать этот договор на каменных стелах и поставить их в общеэллинских храмах 155. Это — трофей, далеко превосходящий славой трофеи, воздвигаемые на поле битвы; ведь они напоминают о маловажных делах и об одном счастливом событии, а эти стелы поставлены в память всей войны и унижения всей Эллады. (181) Все это должно вызывать в нас справедливый гнев; нам следует рассмотреть способы отмщения за прошлое и переустройства будущего. Какой позор — в частной жизни мы считаем за правило использовать варваров в качестве рабов, а в общественной — оставляем без внимания порабощение персами столь многих союзников. Герои Троянской войны, разгоревшейся из-за похищения одной женщины, сочувствовали негодованию обиженных ¹⁵⁶ до такой сте-

¹⁵³ В первую очередь — Анталкида от Спарты и Тирибаза, сатрапа Персии.

 ¹⁵⁴ Ср. о высокомерии Ксеркса: Нег., VII. 8.
 155 Ср. Panath., 107.

¹⁵⁶ Ср. Helena, 49 сл.

пени, что прекратили войну лишь после разрушения города дерзкогообидчика. (182) Мы же, хотя оскорблена вся Эллада, ничего не сделали для общего отмщения за нее, хотя имели полную возможность совершить подвиги, достойные обетов богам. Такая война лучше мира, она скорее похожа на священное посольство, чем на поход; она полезна и для тех, кто стремится к мирной жизни и кто мечтает о войне. Одни могли бы спокойно извлекать пользу из своего добра, другие — приобрести большие богатства за чужой счет. (183) Если поразмыслить, то окажется. что эти предприятия нам в высшей степени полезны во многих отношениях. Скажите, с кем воевать тем, кто нисколько не стремится к выгоде, а имеет в виду только справедливость? Не с теми ли, которые прежде причиняли зло Элладе и теперь питают против нее коварные замыслы и вообще всегда так к нам относились? (184) На кого должен быть направлен гнев тех, кто не вовсе лишен мужества, но обладает им в достаточной степени? Не на тех ли кто облечен властью большею, чем это подобает людям, а на деле заслуживают даже меньшего, чем то, что есть у каждого нашего бедняка. Против кого предпринять поход тем, кто стремится почитать своих богов, не забывая и о своих интересах? Не против ли тех, которые в одно и то же время являются и нашими естественными, и унаследованными врагами, накопившими богатства, и менее всего способными защитить их? Разве не персы оказываются именно в таком положении? (185) Мы даже не доставим неприятностей городам, производя у них набор воинов, что теперь, при нашей войне друг с другом, для них в высшей степени тягостно: ведь гораздо меньше будет желающих остаться на родине, чем таких, которые предпочтут принять участие в походе. Какой юноша, какой старец настолько равнодушен к славе, что не захочет вступить в это войско, возглавляемое афинянами и лакедемонянами, в войско, которое собирается ради свободы союзников и отправится в поход по воле всей Эллады для отмщения варварам? (186) А какая молва, память, слава должна стать уделом людей, отличившихся в великих делах, и при жизни, и после смерти! Если воевавшие с Александром 157 за взятие одного города удостоились таких похвал, то какая слава выпадет на долю победителей всей Азии? Кто, одаренный талантом поэта или искусством оратора, не захочет посвятить свой труд п размышления тому, чтобы оставить на вечные времена памятник своего гения и их героизма?

(187) В настоящий момент я не придерживаюсь того же самого мнения, как в начале речи. Тогда мне казалось, что я смогу найти слова, достойные этой темы. Однако я не смог выразить все ее величие, и многое, о чем я думал, ускользнуло от меня. Вы должны сами определить, -- какого благополучия достигли бы мы, если бы перенесли на материк ту войну, которую мы ведем сейчас друг против друга, а в Европу вернули бы процветание Азии? (188) Вы не должны уйти отсюда, ограничившись только ролью слушателя; те, кто имеет возможность действовать, обязаны, побуждая друг друга, попытаться примирить города — наш и лакедемонян; соревнующиеся в ораторском искусстве должны с этого дня не составлять более речей о залогах и других бесполезных вещах, но соперничать с этой речью, обдумывая средства, как сказать лучше меня о тех же самых делах; (189) они должны подумать о том, что тот, кто обещает 158 многое, не должен заниматься пустяками и говорить не о том, от чегожизнь людей, которых они убеждают, ни в чем не станет лучше, но о делах, свершение которых освободит и их самих от затруднений, и для других окажется причиной великих благ.

157 Имеется в виду Александр Парис.

¹⁵⁸ Выпад против софистов — преподавателей красноречия. Ср. I s о с г ., XIII, 1, 10. сл.

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения ЗВАХ — Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства, ВДИ, 1952, № 3-4 ЗНОРАО — Записки Нумизматического Отдела Русского Археологического общества ЗОАО — Записки Одесского археологического общества ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей ИАК — Известия Археологической комиссии ИАН Оон — Известия Академии наук СССР, Отделение общественных наук КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР МАПП — Матеріали з археології північного Причерномор'я МИА — Материалы и исследования по археологии СССР НАА — Народы Азии и Африки НС — Нумизматический сборник НСфр — Нумизматика и сфрагистика НЭ - Нумизматика и эпиграфика ОАК — Отчет Археологической комиссии ОГАМ — Одесский Государственный Археологический музей ПАС — Переднеазиатский сборник, М., 1961 ПС — Палестинский сборник ПТКЛА — Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии РЗОА — И. М. Дьяконов, Развитие земельных отношений в Ассирии, Л., 1949 СА — Советская археология САНГ — Сообщения АН Грузинской ССР СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа СЭ — Советская этнография ТАЭ — Туркестанская археологическая экспедиция ТБГУ — Труды Белорусского государственного университета ЭВ — Эпиграфика Востока

ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

АЈА — American Journal of Archaeology

АЈР — American Journal of Philology AJSLL — The American Journal of Semitic Languages and Literatures AnSt — Anatolian Studies AO — Der Alte Orient APAW - Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften ArOr — Archiv Orientální BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research BCH — Bulletin de correspondance hellénique Bell. — Türk Tarih Kurumu, Belleten BiOr — Bibliotheca Orientalis Bo - Unveröffentliche Texte aus Bogazköy BoTU — E. Forrer, Die Boghazköy-Texte in Umschrift, II, Lpz, 1922 BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies BZAW - Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft, Beihefte ·CVA — Corpus Vasorum Antiquorum FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum, ed. C. Müller HAB — F. Sommer, A. Falkenstein, Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattusili I. (Labarna II.), Münch., 1938

HUCA — Hebrew Union College Annual

HW - J. Friedrich, Hethitisches Wörterbuch, Heidelberg, 1952

IEJ - Israel Exploration Journal

JCS — Journal of Cuneiform Studies

JDAI - Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts

JEA — Journal of Egyptian Archaeology JHS — Journal of Hellenic Studies

JNES - Journal of Near Eastern Studies

JQR - Jewish Quarterly Review

KBo - Keilschrifttexte aus Boghazköy

KUB — Keilschrifturkunden aus Boghazköy MDOG — Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft in Berlin

NS - Nuova Seria

NZ — Numismatische Zeitschrift

OLZ — Orientalistische Literaturzeitung

Or. — Orientalia

PEQ — Palestine Exploration Quarterly PRU, II — Ch. Virolleaud, Le palais royal d'Ugarit, II, P., 1957 PRU, III — J. Nougayrol, Le palais royal d'Ugarit, III, P., 1955

REG — Revue des Etudes Grecques RHA — Revue hittite et asianique RSO — Rivista degli Studi Orientali SNG — Sylloge Nummorum Graecorum

TCL — Textes Cuneiformes du Musée du Louvre

UH - C. H. Cordon, Ugaritic Handbook, Roma, 1947

VAT - Texte der Vorderasiatischen Abteilung der Staatlichen Museen in Berlin nach Museumsnummern

VT - Vetus Testamentum

ZAss - Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete, Neue Folge

ZDPV - Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ПОМЕЩЕННЫХ В «ВЕСТНИКЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» за 1965 год

СТАТЬИ		
С. С. Аверинцев (Москва) — Подбор героев в «Параллельных жизнеопи-	N₂	Стр.
саниях» Плутарха и античная биографическая традиция	2 4	51 57
М. Л. Гельцер (Вильнюс) — Еще раз об общинном самоуправлении в Угарите	2	3
рите	1	51
M. A. Дандамаес (Ленинград) — Храмовая десятина в поздней Вавилонии	$\tilde{2}$	14
К. К. Зельин (Москва) — Дельфийские манумиссии как источник по истории рабства в Греции в эллинистическую эпоху	3	35
рии рабства в Греции в эллинистическую эпоху	4	3. 54
А. Р. Корсунский (Москва) — О социальном строе вестготов в IV в Г. Кошеленко (Москва), О. Оразов (Ашхабад) — О погребальном культе в	3	
Маргиане в парфянское время	4	42
ских взглядах Исократа	3	22
блема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии	1	3
И. В. Пъянков (Душанбе) — «История Персии» Ктесия и среднеазиатские сатрании Ахеменидов в конце V в. до н. э.	2	35
В. В. Шеворошкин (Москва) — Опыт дешифровки карийских надписей .	1	31
И. Ш. Шифман (Ленинград) — Земельные отношения в Палестине в первой половине I тыс. до н. э	4	26
В. Н. Ярхо (Москва) — Религиозно-нравственная проблематика в поэмах Гесиода	3	3
теолода	J	J
материалы и исследования по исто р ии рабства		
Е. М. Штаерман (Москва) — «Рабский вопрос» в Римской Империи	1	62
доклады и сообщения		
А. И. Болтунова (Москва) — Неизданные надгробия из Керчи и окрестно-	9 .	95
стей	2	ลอั
(Предварительное сообщение)	1	154
стях правления боспорских Спартокидов	1	118
И. Н. Винников (Ленинград) — Еще о пальмирских надписях в Советском	1	139
Союзе	_	
из Пирги на финикийском и этрусском языках	3	108
истории хеттов	4	87
Л. А. Ельницкий (Москва) — К истории антицерковных и антихристиан-	4	141
ских тенденций в Армении в IV в. н. э	2	122
историческое значение	3	142
<i>Ноганн Ирмшер</i> (Берлин) — Десятилетие Института греко-римских древностей Германской Академии наук в Берлине	4	66
А. Г. Кифишин (Москва) — К вопросу о датировке правления энси Гудеа		
(2162—2137 гг. до н. э.)	1	82
лесновке (Сумская область)	1	136
и другие тексты Государственного Эрмитажа	2	103

Г. Л. Курбатов (Ленинград) — К вопросу о корпорации хлебопеков в	№	Стр.
Антиохии IV в	1	141
Е. И. Леви (Ленинград) — Ольвийская надпись с посвящением Аполлону	2	86
Врачу	$\frac{1}{3}$	75
Т. Ф. Новикова (Уфа) — Раннегреческая тирания на Коринфском перешейке	4	112
E. H. Hoguwaa (Mockba) — Defensor civitatis	$\dot{\overline{2}}$	113
К. И. Новицкая (Москва) — Defensor civitatis	_	110
производства на страницах журналов «La Pensée» и «Eirene»	3	89
Н. В. Пигулевская (Ленинград) — К вопросу об азиатском способе произ-	-	•
водства	3	83
.Т. Пресс (Варшава) — Места культа в элладское время	$\overline{2}$	68
Г. А. Пугаченкова (Ташкент) — К иконографии Герая (О некоторых воп-		
росах раннекушанской истории)	1	127
росах раннекушанской истории)	2	79
А. И. Салов (Анапа) — Клад боспорских монет, найденный в стан. Фанта-		
ловской	2	101
М. Е. Сергеенко (Ленинград) — Римские фуллоны	4	159
Г. Ф. Турчаниное (Ленпиград) — Древнейший письменный памятник Кав-		
каза	3	97
И. Ф. Фихман (Ленпиград) — Некоторые вопросы хозяйственной деятель-		
ности ремесленных корпораций позднеримского Египта	3	146
В. В. Шеворошкин (Москва) — К происхождению малоазийских и некото		
рых других буквенных писменностей	3	132
И. Г. Шургая (Ленинград) — Импорт Александрии в Северном Причерно-		
морье	4	126
Р. Д. Шуринова (Москва) — Контская ткань из собрания Гос. музея изо-	0	400
бразительных пскусств им. А. С. Пушкина (Инв. № 1, 1а, 5195)	3	139
А. Н. Щеглое (Севастополь) — Заметки по древней географии и топогра-	9	407
фии Сарматии и Тавриды	2	107
В. А. Якобсон (Ленпиград) — Социальная структура Новоассирийского	4	100
царства	1	100
пифачтоицана и анитичн		
RPHINKA M BHBJINOI PAWNA		
H. H. Белова (Свердловск) — A. Piganiol, Les documents cadastraux		
de la colonie romaine d'Orange, XVI-e supplément à «Callia», P., 1962	0	
	2	168
С. Я. Берзина (Москва) — Древние культуры Мали и Гвинеи (Обзор архео-	2	168
логических исследований последних лет).	2 .1	168 213
логических исследований последних лет).	. 1	213
логических исследований последних лет)		
логических исследований последних лет)	1 2	213 137
логических исследований последних лет)	1 2 4	213 137 198
логических исследований последних лет)	1 2	213 137
логических исследований последних лет)	1 2 4 1	213 137 198 198
логических исследований последних лет)	1 2 4	213 137 198
логических исследований последних лет)	1 2 4 1	213 137 198 198 183
логических исследований последних лет)	1 2 4 1	213 137 198 198
логических исследований последних лет)	1 2 4 1 4 3	213 137 198 198 183 192
логических исследований последних лет)	1 2 4 1	213 137 198 198 183
логических исследований последних лет)	1 2 4 1 4 3	213 137 198 198 183 192 147
логических исследований последних лет)	1 2 4 1 4 3	213 137 198 198 183 192
логических исследований последних лет)	1 2 4 1 4 3 2	213 137 198 198 183 192 147 182
логических исследований последних лет)	1 2 4 1 4 3	213 137 198 198 183 192 147
логических исследований последних лет)	1 2 4 1 4 3 2 1 3	213 137 198 198 183 192 147 182 154
логических исследований последних лет)	1 2 4 1 4 3 2	213 137 198 198 183 192 147 182
логических исследований последних лет)	1 2 4 1 4 3 2 1 3	213 137 198 198 183 192 147 182 154
логических исследований последних лет). А. Г. Вожщании (Москва), Г. М. Лившиц (Минск) — А. С. Ш о ф м а н, История античной Македонии, Казань, ч. І, 1960; ч. ІІ, 1963 В. Виноградов (Горький) — Некоторые вопросы римских аграрных отношений в современной итальянской историографии	1 2 4 1 4 3 2 1 3 2	213 137 198 198 183 192 147 182 154
логических исследований последних лет). А. Г. Вожщании (Москва), Г. М. Лившиц (Минск) — А. С. Ш о ф м а н, История античной Македонии, Казань, ч. І, 1960; ч. ІІ, 1963 В. Виноградов (Горький) — Некоторые вопросы римских аграрных отношений в современной итальянской историографии	1 2 4 1 4 3 2 1 3 2	213 137 198 198 183 192 147 182 154
логических исследований последних лет)	1 2 4 1 4 3 2 1 3 2 4	213 137 198 198 183 192 147 182 154 175 203 180
логических исследований последних лет)	1 2 4 1 4 3 2 1 3 2 4	213 137 198 198 183 192 147 182 154 175 203
Погических исследований последних лет)	1 2 4 1 3 2 1 3 2 4 4 4	213 137 198 198 183 192 147 182 154 175 203 180 190
Погических исследований последних лет)	1 2 4 1 3 2 1 3 2 4 4 4	213 137 198 198 183 192 147 182 154 175 203 180
А. Г. Вокщании (Москва), Г. М. Лившиц (Минск) — А. С. Ш о ф м а н, История античной Македонии, Казань, ч. І, 1960; ч. ІІ, 1963 В. Виноградов (Горький) — Некоторые вопросы римских аграрных отношений в современной итальянской историографии	1 2 4 1 4 3 2 1 3 2 4 4 4 4 4 4 1	213 137 198 198 183 192 147 182 154 175 203 180 190
А. Г. Вокщании (Москва), Г. М. Лившиц (Минск) — А. С. Ш о ф м а н, История античной Македонии, Казань, ч. І, 1960; ч. ІІ, 1963 В. Виноградов (Горький) — Некоторые вопросы римских аграрных отношений в современной итальянской историографии	1 2 4 1 3 2 1 3 2 4 4 4 1 4 3	213 137 198 198 183 192 147 182 154 175 203 180 190 191 173
А. Г. Вокщании (Москва), Г. М. Лиешиц (Минск) — А. С. Ш о ф м а н, История античной Македонии, Казань, ч. I, 1960; ч. II, 1963	1 2 4 1 4 3 2 1 3 2 4 4 4 4 1 4 1 4 4 1 4 4 1 4 4 1 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4	213 137 198 198 183 192 147 182 154 175 203 180 190
А. Г. Вокщании (Москва), Г. М. Лившиц (Минск) — А. С. Ш о ф м а н, История античной Македонии, Казань, ч. І, 1960; ч. ІІ, 1963 В. Виноградов (Горький) — Некоторые вопросы римских аграрных отношений в современной итальянской историографии	1 2 4 1 3 2 1 3 2 4 4 4 1 4 3	213 137 198 198 183 192 147 182 154 175 203 180 190 191 173

	N_{9}	Стр.
Я. А. Лениман (Москва) — С. И. Ковалев, Основные вопросы проис-		4.05
хождения христианства, М.—Л., 1964	1	167
ba et du-Raydān, Istanbul, 1964	3	203
ba et du-Raydān, Istanbul, 1964	4	174
$\overline{ H.\ A.\ Mey }$, $H.\ A.\ \Phi$ ролова (Москва) — $\Gamma.\ A.\ \Phi$ е д о р о в - Д а в ы д о в,		
Монеты рассказывают. Нумизматика, М., 1963	1	172
И. М. Оранский (Ленинград) — W. Brandenstein und M. Mayr-		
h of er, Handbuch des Altpersischen, Wiesbaden, 1964	1	207
А. И. Павловская (Москва) — О концепции «гидравлического общества» К. Витфогеня	4	184
К. Витфогеля		10-1
Открытие затонувшего мира, М., 1963	1	171
H. H. Пикус (Москва) — Я. А. Ленцман, Рабство в микенской и го-	4:	400
меровской Гренци, М., 1963	1	163
дах XVIII—XIX веков, М., 1964	3	156
Т. В. Пришакевич. Э. Л. Фролов, И. Ш. Шифман (Ленинград) — А. С. Щ о ф-	_	
ман, История античной Македонии, Казань, ч. I, 1960; ч. II, 1963	2	131
C. H. Padyuz (Mockba) — R. Weil, Aristote et l'histoire. Essai sur la	.1	179
«Politique», Р., 1960	-	1.0
ва)—«Древний мир». Сборник статей. Академику В. В. Струве, М., 1962	4	165
H. E. Cemnep (Москва) — Новая иностранная литература по египтологии	0	4.77
(Краткие аннотации)	2	177
Spoleczenstwo wczesnoptolemejskie w swietle Archiwim Zenona, Wars-		
zawa, 1959	3	167
Л. А. Фрейберг (Москва) — Ф. А. Петровский, Латинские эпигра-	0	415
фические стихотворения, М., 1962	2	145
Каниша (По поводу книги Р. Garelli «Les Assyriens en Cappado-		
ce», P., 1963)	3	180
		477
te, B., 1963	1	$\begin{array}{c} 174 \\ 223 \end{array}$
Аннотации		220
наччная жизнь		
М. Л. Гельцер (Вильнюс), Н. Е. Семпер (Москва) — Конференция по семитским языкам	2	213
Роланд Грюндель (Берлин)— Два знаменательных юбилея эпиграфики .	$\frac{7}{4}$	206
Н. Г. Доконт (Одесса) — Древнеегипетские памятники в Одесском государ-		
ственном археологическом музее	2	208
К 75-летию Федора Александровича Петровского	3 4	210 212
и оо-легию диигрии григорьевича гедера	-	414
A TOMOGRAPH MONOTHE POPULATION	9	244
Александр Иванович Воронков	2	
Соломон Яковлевич Лурье	1	227
$\overline{\textit{И. Д. Амусин, H. M. Ботвинник, Л. М. Глускина}}$ (Ленинград) — Памя-	1	220
ти учителя	$\frac{1}{2}$	228 231
И. М. Тронский (Ленинград) — Франтишек Новотный	4	210
и. и. гропский (лепинград) — франтишек повотный	-1 .	410
приложения		
Эней Тактик, «О перенесении осады». Перевод и вступительная статья	4	0.05
В. Ф. Беляева (Москва)	$\frac{1}{2}$	$\frac{237}{215}$
То же (окончание)	$\frac{2}{3}$	211
То же (продолжение)		213

СОДЕРЖАНИЕ

Н. И. Конрад (Москва) — Полибий и Сыма Цянь	3°
половине I тыс. до н. э	26
гване в парфянское время	42. 57
[ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ	
Иоганн Ирмшер (Берлин) — Десятилетие Института греко-римских древностей Германской Академии наук в Берлине	66
тории хеттов. Т. Ф. Носикоса (Уфа) — Раннегречо кая тирания на Коринфском перешейке И. Г. Шургая (Ленинград) — Импорт Александрии в Северном Причерноморье К. В. Голенко (Москва) — Фанталовский клад боспорских дидрахм I в. до н. э. М. Е. Сергеенко (Ленинград) — Римские фуллоны	87 112 126 141 159
критика и библиография	
П. Г. Редер (Москва), Н. Б. Бреговская (Кишинев), В. М. Смирии (Москва) — «Древний мир». Сборник статей. Академику В. В. Струве, М., 1962 И. Л. Маяк (Москва) — Ф. М. Нечай, Рим и италики, Минск, 1963 Л. Н. Казаманова (Москва) — К. В. Голенко, Денежное обращение в Колхиде в римское время, Л., 1964	165 174 180 183 184 191 198
A. П. Каждан (Mockba) — Photius, Bibliotheque, Texte établiet traduit par R. Henry, I—III, P., 1959—1962	203
анеиж канруан	
Роланд Грюндель (Берлин) — Два знаменательных юбилея эпиграфики	206
$\it H.~M.~$ Тронский (Ленинград) — $ \overline{\Phi}$ рантишек Новотный	210- 212-
приложение	
Исократ. Речи. Перевод под редакцией $K.~M.~K$ олобовой (Ленинград) ($npo\partial on-$ жение)	213.

CONTENTS

N. I. Konrad (Moscow) — Polybius and Ssu-ma Sh'ien I. Sh. Shifman (Leningrad) — Agrarian Relations in Palestine in the First Half of the First Millennium B. C. G. Koshelenko (Moscow), O. Orazov (Ashkhabad) — Burial Rites in Margiane of the Parthian Period	3 26 42 57
REPORTS AND COMMUNICATIONS	•
J. Irmscher (Berlin) — The Tenth Anniversary of the Institute of Greek and Roman Antiquity (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin)	66 87 112 126 141 159
REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS	
D. G. Reder (Moscow), N. B. Bregovskaya (Kishinev), V. M. Smirin (Moscow) — «Drevnii mir». Sbornik statei. Akademiku V. V. Struve. M., 1962 I. L. Mayak (Moscow) — F. M. Nechai, Rim i italiki, Minsk, 1963 L. N. Kazamanova (Moscow) — K. V. Golenko, Denezhnoye obrashcheniye v Kolkhide v rimskoye vremya, L., 1964	165 174 180 183 184 191 198 203
SCIENTIFIC INFORMATION AND EVENIS	
R. Gründel (Berlin) — Two Notable Milestones in Epigraphy	206 210 212
SUPPLEMENT	
The Speeches of Isocrates. Translation edited by R. M. Kolobova (Leningrad) (continued).	213

Технический редактор Н. А. Колгурина